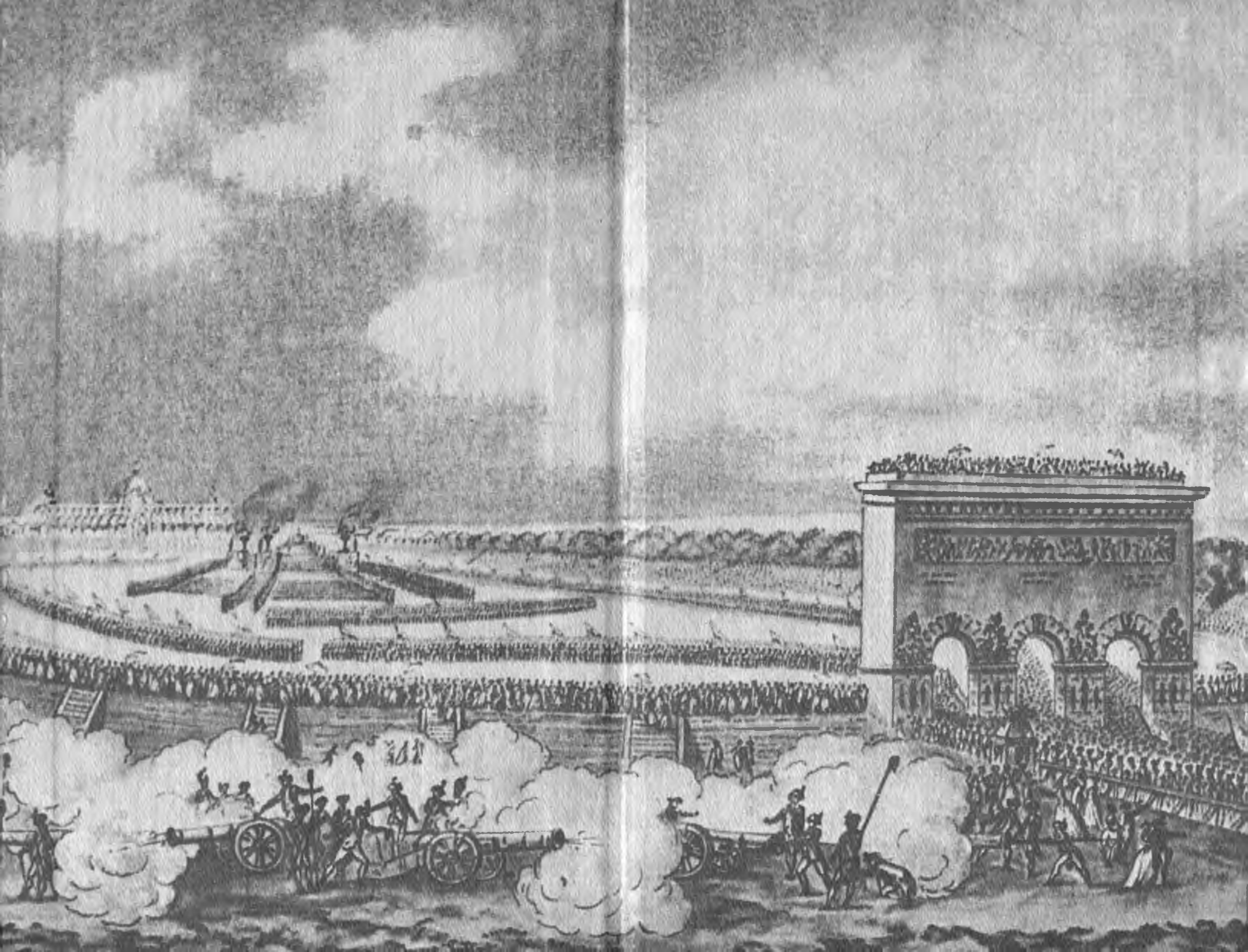

Ю. В. БОРИСОВ

Шарль-Морис
ТАЛЕЙРАН

Шарль-Морис
ТАЛЕЙРАН

БИБЛИОТЕКА
«ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА.
ДИПЛОМАТИЯ»

**На первом форзаде: праздник федерации в Париже
14 июля 1790 года**

На втором форзаде: замок Талейрана в Валансе

Ю. В. БОРИСОВ

Шарль-Морис ТАЛЕЙРАН

МОСКВА
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
1986

Б 82

Борисов Ю. В.

Шарль-Морис Талейран. — М.: Междунар. отношения, 1986. — 320 с. — (Б-ка «Внешняя политика. Дипломатия»)

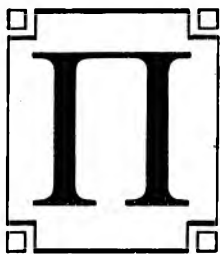
Автор — профессор, доктор исторических наук, Заслуженный деятель науки РСФСР, Чрезвычайный и Полномочный посланник СССР. Заведует кафедрой в Дипломатической академии МИД СССР. Его перу принадлежит ряд крупных работ, в том числе вышедшая в свет в 1984 году монография «СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений».

Настоящая книга посвящена государственному деятелю и дипломату Франции Талейрану. Автор рассказывает о дипломатической борьбе далекой от нас эпохи Французской революции 1789 года, Консульства и Империи Наполеона I, уроки которой представляют интерес и в наши дни. Книга написана живым, публицистическим языком и рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей международных отношений и дипломатической службы.

Б $\frac{0503000000-043}{003(01)-86}$ 60-86

ББК 63.3(0)

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: ПО ДОРОГЕ В ВАЛАНСЕ

о пути в Валансе — бывшее поместье князя Шарля-Мориса Талейрана-Перигора — из Парижа по юго-западной автострате мы проехали в Тур и остановились в Сомюре. Здесь была назначена встреча автора книги, в то время советника посольства СССР во Франции, с Максом Эльбронном, одним из крупнейших французских коммерсантов, совладельцем торговых объединений «Галери Лафайет» и «Монопри», и его супру-

гой Полетт. Они уже ждали нас в гостинице.

В тихом отеле «Бюдан» на набережной Карно многочисленные гравюры на стенах напоминали о событиях прошлого. Сорок пять лет назад, в июне 1940 года, в этом небольшом городке на Луаре офицеры и кадеты знаменитой кавалерийской школы в течение трех дней сдерживали натиск германских войск.

В годы второй мировой войны Макс, убежденный антифашист, занимался диверсиями на железных дорогах. Он закончил войну полковником, кавалером ордена Почетного легиона и других знаков воинской доблести. Эльбронн неизменно с искренним интересом и сердечностью относится к Советскому Союзу. Он хорошо знает и любит русскую культуру, перевел ряд книг советских авторов на французский язык.

Увлеченность историей сблизила нас. Макса особенно интересуют декабристы. С пылкостью юноши этот седовласый человек готов был выехать куда угодно, даже в грозную для теплолюбивого француза Сибирь, лишь бы узнать что-нибудь новое о Марии Волконской или Екатерине Трубецкой. Меня волновали события периода французской революции, Директории, Консульства и Империи. Мы часто говорили о людях той поры и в их числе — о Талейране. В этих беседах родилась идея совместной поездки в Валансе.

Ранним мартовским утром мы покинули Сомюр. До Валансе недалеко — около 160 километров. Машина бежит по гладкому

асфальтовому шоссе, ведущему через тихие, ухоженные городки и поселки. Остался позади средневековый Лош, город «дамы красоты» Анес Сорель, фаворитки короля Карла VII, захороненной в башне замка, и родина писателя-поэта Альфреда де Виньи. Еще через четверть часа мы в селении Нуан-ле-Фонтен, где в небольшой церквушке находится одно из известнейших произведений французской живописи конца XV века — необычная для той эпохи по своим размерам (более двух с половиной метров в высоту и более полутора — в ширину) картина «Снятие с креста», написанная на дереве...

Но ни любование пейзажами, ни осмотр достопримечательностей не могли прервать нашу беседу, продолжавшуюся в машине все время, пока мы ехали от Сомюра до Валансе.

— Скажите, Юрий, почему все-таки вы решили написать о Талейране? Ведь ему посвящены десятки книг. В моей библиотеке есть работа и русского ученого, академика Тарле.

— С Евгением Викторовичем Тарле мне посчастливилось быть близко знакомым. Под его редакцией вышла моя первая книга — «Русско-французские отношения после Франкфуртского мира». Это был выдающийся ученый, глубочайший знаток французской истории. А каким личным обаянием он обладал! Я высоко ценю книгу Тарле о Талейране. Она написана непревзойденным мастером исторического повествования. Но с тех пор прошло около 40 лет. Появились новые исследования, из государственных и личных архивов извлечены новые документы. Они дают возможность многое уточнить, дополнить, а иногда и переосмыслить. Это одна из причин, побудивших меня взяться за перо.

— Вместе с новыми данными появляются и новые интерпретации, не правда ли?

— Конечно, Макс! Во Франции число книг, посвященных князю-дипломату, растет особенно заметно. Вот, например, два объемистых тома, почти по 800 страниц каждый, которые написал Мишель Понятовский, — «Талейран в Соединенных Штатах» и «Талейран и Директория». Книги вышли в академическом издательстве Перрен. Они хорошо документированы и оформлены.

— Да, эти книги известны.

— Но, скажите, Макс, зачем эта затея, требующая времени и сил, понадобилась Понятовскому? Бывший министр внутренних дел в правительстве В. Жискар д'Эстэна не похож на человека, просто развлекающегося историей. Может быть, он отошел от политической жизни и у него нет других забот? Ничего подобного, Понятовский по-прежнему видный общественный деятель и публицист...

— Вы ведь знаете, Юрий, что у клана Понятовских существуют родственные связи с семьей Талейранов-Перигоров.

— Да, это так. Но мне кажется, что Понятовский, политик-реалист, не способен вдохновляться семейными преданиями. Его главная цель состоит в том, чтобы представить Талейрана отцом современного «европеизма» и «атлантизма», поборником объединения Европы против «варварства». И я несколько не удивлюсь, если на полках парижских магазинов появятся новые книги Понятовского, рассказывающие о подвигах Талейрана во славу объединенной Западной Европы на Венском конгрессе 1815 года или на посту посла Луи-Филиппа I в Лондоне в 1830—1834 годах.

— Что же, Юрий, я также считаю князя Бенеventского «человеком Запада». Не знаю, однако, имелась ли у него «европейская» внешнеполитическая концепция. Но он не раз отстаивал необходимость союза Франции с Австрией, с Англией, а иногда — с обеими этими странами.

— По моему мнению, Макс, идейные основы талейрановской дипломатии — абсолютная беспринципность и жесткий прагматизм, обслуживавший интересы тех общественных сил, которые в данный момент стояли у власти. Отсюда и потрясающая гибкость принципов: сегодня оправдание и закрепление дипломатическими средствами территориальных захватов Бонапарта; завтра — признание святости идей легитимизма, законности монархических режимов, осуждение вмешательства во внутренние дела соседей и несоседей; послезавтра — призыв к вооруженной интервенции по образу и подобию крестовых походов Священного союза.

— О, вы слишком суровы в своих оценках, Юрий!

— Нет, Макс. Я просто стремлюсь быть объективным. Вы затронули вопрос о французских внешнеполитических союзах. Помните, Наполеон называл своего министра внешних сношений «австрийцем»? И заслуженно! Добавлю, что он часто являлся «англичанином», и нередко даже «пруссакom». Вот только «русским» он никогда не был.

— И тем не менее, Юрий, Талейран — талантливый политик и дипломат, а не просто прагматик и приспособленец.

— Я с этим и не спорю. Действительно, новые данные свидетельствуют о том, что Талейран был одним из основоположников дипломатии буржуазной эпохи. Наиболее яркие примеры его дипломатической деятельности — Венский конгресс и лондонские переговоры относительно судеб Голландии и Бельгии как независимых национальных государств. На этих наиболее ярких этапах своей дипломатической карьеры официальный французский представитель действовал самостоятельно, без повседневного «монаршего контроля».

Тактика Талейрана неизменно являлась гибкой, изощренной, нередко — даже коварной. Он легко создавал и разрушал временные союзы, охотно вступал в компромиссы по частностям во имя достижения своих главных целей, опирался на малые европейские страны в борьбе против ведущих держав. Талейрановские методы и в наши дни не потеряли своего значения для дипломатических служб западных стран.

— Что же, это интересно. Я, уважаемый профессор, один из тех французов, которые не считают, что Талейран принадлежит к бесталанным людям, примитивным исполнителям, неспособным к самостоятельной и тем более творческой мысли. Сказанное вами в известной мере подтверждает мое мнение.

— Конечно, Макс, Талейран являлся орудием в руках фактического руководителя Директории Барраса, первого консула, а затем и императора Наполеона, Людовика XVIII и Луи-Филиппа I. Однако сложная машина французской дипломатической службы и трудности связи создавали практически неограниченные возможности для такого исполнения принятых властями решений, которое могло ускорить или затормозить их претворение в жизнь и даже фактически свести на нет. Глава дипломатического ведомства повлиял — и серьезно — на результаты многих ответственных переговоров.

— Да, Юрий, Наполеон не мог, например, простить Талейрану слишком легких для Австрии условий Пресбургского мира. Да и новых идей, хотя не всегда до конца продуманных, многоопытный дипломат выдвинул немало: план завоевания Египта, записки о главных ориентациях французской внешней политики. Можно ли сказать о таком государственном деятеле, что он не умел самостоятельно мыслить?

— Замечу, Макс, что некоторые идеи нашего героя имели и большое практическое значение; многие из них, например, нашли свою реализацию при создании буржуазного дипломатического аппарата. По-новому стали рассматриваться вопросы торгово-экономических связей, консульской службы, информации и другие. При Талейране сложился и новый подход к организации всей дипломатической работы в соответствии с потребностями буржуазной эпохи.

— Что ж, позвольте мне, капиталисту, сказать, что Талейран, несомненно, был типичным представителем, как вы говорите, буржуазной эпохи — дельцом, а не только дипломатом, и, обладая даром предвидеть развитие событий, умел заставить их служить своим личным целям. Годы эмиграции в США были неплохой школой для него как для делового человека. Он попытался разбогатеть на коммерческих связях с Индией, но потерпел неудачу. Талейран имел деловые отношения с крупными банками Франции, Англии, германских и других европейских

государств. Это был один из немногих французских дипломатов, понимавших значение торговли и колоний для экономики Франции.

— Да, Макс. Он, как никто другой, не только понимал, но и чувствовал связь между политикой и экономикой. Как марксист добавлю, что Талейран создавал буржуазную дипломатическую школу в период, когда буржуазия завоевывала власть и еще играла прогрессивную роль в общественной жизни. Но смена одних общественных порядков другими никогда не представляла собой дорогу с односторонним движением.

— Этот человек был очень противоречив. Впрочем, Юрий, этого сказать мало. Противоречивость его личности отражала реальные противоречия жизни и всей той эпохи крутых и быстрых социально-экономических, политических перемен. Талейран приспособлялся к ним: словно переваривая их в самом себе, он оставался на авансцене событий.

— Мне кажется, Макс, что ваши слова объясняют причины полярности мнений о Талейране.

— О да. Гюго писал, что в Талейране все «хромало, как и он сам». Шатобриан замечал, что когда князь Беневентский «не готовит заговоры, он торгует». По словам Жорж Санд, бывший министр внешних сношений представлял «школу лживой политики и постыдной дипломатии».

— А вот Герцен считал Талейрана образцом высокоодаренного дипломата. Гёте именовал его «первым дипломатом века». А ваш соотечественник Бальзак своими устами и устами своих героев объявил Талейрана «гениальным политиком, чье имя войдет в историю», человеком, которого следовало «забросать венками», государственным деятелем, обладающим «железным умом». Где же истина, Макс?

— Личность Талейрана уже очень давно ни у кого не вызывает сомнений. Его интеллектуальные способности общеизвестны, как и его моральный облик. Беззастенчивый честолюбец. Не знающий пределов эгоист.

— Это верно, Макс. Но я бы не ограничился этим. Талейран представляет собой нечто вроде зеркала, отражающего характерные черты буржуазного строя и его дипломатической службы. В современных условиях в иных формах, в других масштабах, качественно отличными от прошлого средствами буржуазная дипломатия верно служит своему классу. Современный «талейранизм» создает в наши дни серьезные трудности в международных отношениях. И мы должны хорошо знать его истоки.

...Я делаю последний поворот руля, и наша машина останавливается у высокой дворцовой ограды.

Мы входим во двор поместья Талейрана.

ГЛАВА I

АББАТ ПОНЕВОЛЕ

ебольшая улочка Гарансьер — ее длина немногим более 200 метров — затерялась в шестом округе Парижа. Она существовала уже в начале XV века. Вот дом номер четыре. Неоднократно перестраивавшийся, он и сейчас примерно такой же, каким был 2 февраля 1754 г., в день, когда здесь родился Шарль-Морис Талейран-Перигор¹.

Семья Талейрана принадлежала к одной из старейших дворянских фамилий Франции.

Его предки служили еще Каролингам. Талейраны были воинственны и непокорны. Со щита их родового герба хищно взирают три золотых орла в лазурных коронах и с раскрытыми клювами.

Рассказывали, что в годы Столетней войны Талейраны из французского лагеря перебежали к англичанам. По поручению англичан один из них пытался в Париже подкупить Карла V. При этом из полученных от Англии денег он оставил себе 10 тысяч золотых ливров в качестве личного вознаграждения. Кто знает, не стали ли эти предания одним из тех примеров, на которых формировалось отношение Шарля-Мориса к честности в политике?

Отцу новорожденного — Шарлю-Даниэлю Талейрану князю Шале, графу Перигору и Гриньоль, маркизу Экседей, барону де Бовиль и де Марей — минуло только 20 лет. Его жена Александрина-Мария-Виктория-Элеонора Дамá-Антиньи была на шесть лет старше своего мужа. Талейраны были людьми знатными, но небогатыми. Александрина принесла своему мужу только небольшую ренту — всего 15 тысяч ливров*. Не имел состояния и Шарль-Даниэль. Супруги были всецело поглощены своей службой при дворе. Граф Перигор являлся одним из

* Ливр был заменен франком в 1799 году. Семья, зарабатывавшая 1500 франков в год, считалась обеспеченной.

воспитателей дофина, его жена исполняла обязанности придворной дамы. Они постоянно находились в разъездах между Парижем и Версалем.

Шарля-Мориса крестили в церкви Сен-Сюльпис. Крестным отцом был его дядя по отцовской линии Александр-Анжелик, будущий кардинал-архиепископ Парижа. По выходе из церкви кормилица увезла ребенка к себе в предместье Сен-Жак.

В ту пору многие дворянские семьи отдавали своих детей кормилицам. Платили им за это мало. Дети болели, нередко умирали. «Я потерял двоих или троих детей у кормилицы»², — отмечал философ Мишель Монтень. Детская смертность в те времена была высока; такие факты, при всей их трагичности, не считались необычными, в семьях к этому относились как к своего рода «естественному отбору». Безграмотные женщины нередко месяцами не сообщали родителям о судьбе малышей. И к этому привыкали.

«Если бы я вам сказал, как я провел мои юные годы, вы бы меньше удивлялись многому»³, — писал впоследствии Талейран одной из близких к нему женщин — мадам де Ремюза. Ссылка на «безрадостное детство», видимо, служит оправданием жесткости характера, страсти к деньгам, склонности к праздности, развлечениям. (Шарль-Морис тем самым как бы «компенсировал» недостаток нежности, любви, внимания, от которого, по его словам, страдал на заре своей жизни.)

Его детская жизнь действительно оказалась нелегкой. Однажды кормилица оставила ребенка на комод. Он упал и серьезно повредил правую ногу. Родители долго об этом не знали. Необходимого лечения не было, ступня искривилась — и Шарль-Морис на всю жизнь остался хромым.

В замке Валансе и в парижском музее Карнавале можно увидеть кожаный ботинок с металлической арматурой, напоминающей ногу слона. Ортопедическая система была сложна и несовершенна, и Талейрану почти всю жизнь приходилось пользоваться палкой.

Старший брат Шарля-Мориса рано умер, а два младших — Аршамбо и Бозон воспитывались в семье. Может быть, Талейран и завидовал им, но никогда в жизни он этого не показывал. Он сохранял хорошие отношения с братьями. Оставался и хорошим сыном, питая глубокую любовь к матери. Она была строга и недостаточно внимательна к нему? Да, пожалуй. Но не забудем, что в те времена «чрезмерные» родительские чувства рассматривались как проявление недостойной слабости. Однако невнимание со стороны родителей все же ранило душу Шарля-Мориса. А боль, перенесенная в детстве, как правило, не проходит бесследно. Душевные переживания усугублялись физическим недостатком, который выталкивал юного Перигора

из накатанной жизненной колеи дворянской семьи. Прадед Шарля-Мориса был военным и погиб при осаде Барселоны, дед — при осаде Турне. Отец еще молодым человеком был полковником гренадеров. А Шарлю-Морису подобрали единственно возможную для него в тех условиях — весьма доходную — духовную профессию. Двери были открыты: дядя Александр-Анжелик был коадьютером (заместителем и наследником) герцога-архиепископа Реймса. Придет время, и он начнет продвигать своего племянника по ступеням церковной иерархии. Но все это впереди, а пока мальчик не знал о том, что его ждет в будущем.

В 1758 году кормилица рассталась с четырехлетним малышом, и гувернантка посадила Шарля-Мориса в дилижанс (более дешевого способа передвижения не нашли), направлявшийся в Бордо. Родители сына не провожали. Отец находился в армии в Германии, мать была поглощена своими придворными обязанностями.

Первое путешествие будущего дипломата продолжалось 17 дней. Дорога вела в небольшой городок Шале. Здесь в замке Талейранов-Перигоров жила прабабушка Шарля-Мориса по отцовской линии — Мария-Франсуаза де Рошешуар, внучка знаменитого Кольбера, крупного государственного деятеля эпохи Людовика XIV. Ей уже было 72 года.

Все в ее доме оказалось новым и необычным для ребенка. Суровый средневековый замок, построенный в конце XVI века, имел свою мрачную историю. Одна из ее страниц связана с графом Анри де Талейраном, любимцем Людовика XIII, участвовавшим в заговоре против кардинала Ришелье. Король, как всегда, уступил своему могущественному премьер-министру, и граф лишился головы. Кто знает, может быть, эта история, услышанная в детстве, навсегда вселила в сердце Шарля-Мориса страх перед заговорами.

Ни кормилица, ни гувернантка не баловали ребенка вниманием. А вот прабабка любила своего внука. Полтора года, которые он провел в Шале, оставили у него яркие воспоминания. «Впервые член моей семьи проявил ко мне нежность, впервые мне дали вкусить счастье любить»⁴, — писал впоследствии Талейран. Для его образования пребывание в Шале тоже не прошло бесследно. Он научился читать и писать. В сентябре 1760 года дорожный экипаж после утомительного пути вернул мальчика в столицу, но не в родительские объятия, а прямо в коллеж Аркур.

Это было одно из старейших и известнейших учебных заведений Парижа, основанное в 1280 году каноником Раулем д'Аркуром и достроенное его братом епископом Робером. Здесь учились многие люди, имена которых прочно вошли в энциклопедии всего мира: философ Дени Дидро, поэт и драма-

тург Жан Расин, писатели и поэты Никола Буало, Пьер Николь, Антуан Прево, член Комитета общественного спасения Мари Эро де Сешель. Коллеж просуществовал до 1793 года, затем был закрыт, а вскоре и разрушен.

Шарль-Морис поселился в квартире своего двоюродного брата графа де ла Сюз. Занятия начинались рано — в половине шестого. Ученики скрипели гусиными, лебедиными или вороньими перьями. Были в ходу уже и металлические перья для чернил. Следы карандаша дети стирали хлебным мякишем, а вскоре для этих целей начали употреблять и каучук.

Режим в учебном заведении был строгим. Прилежание учеников возбуждали энергичной поркой. Однажды Шарль-Морис, взволнованный, прибежал в родительский дом. Ему грозило наказание. Но отец не проявил никакого сочувствия к сыну и вернул его в коллеж. Такие нравы сохранялись во Франции долго. Только Луи-Филипп отменил телесные наказания в учебных заведениях. Это решение было принято после того, как в коллеже Мазарини ученик перочинным ножом зарезал своего мучителя.

Неизлечимая хромота лишила юного Талейрана подвижности и приучила к спокойному, хладнокровному наблюдению. У него было много свободного времени для размышления. Он задумывался над историей Франции, которую преподаватель Ланглуа сводил к описанию придворных балов и праздников. Изучали Цицерона и греческий язык. «Революционным» нововведением явилось чтение современных текстов. Монтескье, автор «Духа законов», лишь недавно ушел из жизни. Дидро со своими друзьями уже несколько лет работал над «Энциклопедией или Толковым словарем наук, искусств и ремесел». Вольтер находился в зените славы.

Талейран не принадлежал к числу лучших учеников коллежа. Трудно сказать, насколько его чтение выходило за определенные программой рамки. Но ко времени окончания занятий, к 1768 году, четырнадцатилетний юноша получил все традиционные для дворянина знания. Многие черты характера уже сложились: внешняя сдержанность, умение скрывать свои мысли. «Осторожность, то есть искусство показывать только часть своей жизни, своей мысли, своих чувств, — вот первое из всех качеств»⁵. Это искусство Талейран постиг еще в школьные годы.

Пришла пора окончательно определить судьбу юноши. Собственно говоря, выбора не было. Военная карьера исключалась. Для покупки выгодной административной должности денег у родителей не было. Оставался только один путь — карьера священнослужителя. Это вовсе не считалось среди придворного дворянства непрестижным и невыгодным. Митра и посох епископа и тем более кардинальский пурпур могли дать доходы куда большие, чем шпага. Арман де Ришелье, укрепивший

абсолютную власть короля и создавший Французскую академию, Джулио Мазарини, долгие годы являвшийся фактическим владыкой французского королевства, Андре Флери, сумевший укрепить финансы Людовика XV, — все они могли служить примерами и для родителей мальчика, и для самого Шарля-Мориса.

Как правило, сыновей тогда не спрашивали, какую профессию они предпочитали бы избрать, а дочерей — за кого они хотят выйти замуж. «Как выглядит мой будущий муж?» — задает вопрос невеста своей матери. «Дочь моя, занимайтесь, пожалуйста, тем, что вас непосредственно касается», — отвечает мать. Это не просто анекдот, а описание нравов того времени.

Шарля-Мориса в год окончания коллежа родители отправили в Реймс, к дяде Александру-Анжелику. Юноша предвкушал приятную поездку, своего рода компенсацию за «школьные муки». Но его ожидало нечто иное. Когда Шарлю-Морису предложили надеть сутану, он был поражен. Молодой Перигор выдержал удар, приняв его холодно и сдержанно, хотя чувство горечи и не покидало его. Смирившись с судьбой, он в 1770 году поступил в семинарию Сен-Сюльпис. На исходе жизни Талейран писал: «Вся моя молодость была посвящена профессии, для которой я не был рожден»⁶.

Молодой человек мечтал о другом. О государственных делах. Об участии в политической жизни. О приключениях. Об активной деятельности где угодно и когда угодно. Об этом он читал в книгах, которые любил. В семинарии была хорошая библиотека. И юный аристократ увлекался рассказами о путешествиях, сражениях, восстаниях. «Я искал и запоем читал самые революционные книги, которые я только мог найти. Они рассказывали мне об истории, мятежах, бунтах, потрясениях во всех странах». Потомственный дворянин, увлекающийся историей революционных бурь? Возможно ли это? Да, если учесть настроения 70-х годов XVIII в. и амбиции самого юноши.

Кстати, книги никогда не представляли для Талейрана только духовную ценность. Ведь собрание книг могло быть и капиталом. Его интересовали и редкие, дорогие издания с мастерски выполненными переплетами. Впоследствии о библиотеке Талейрана говорили: «Странная подборка разнообразных книг как светских, так и священных, как скептических или атеистических, так и христианских и ортодоксальных; полки, переполненные произведениями благочестивыми и легкомысленными, здесь и Град божий и Град земной, сатана и политика»⁷.

Смирившись с судьбой, Талейран, однако, глубоко ощущал, что карьера священнослужителя не удовлетворяла его. Физические и моральные компенсации могли дать, по мнению Шарля-Мориса, лишь деньги и женщины. Духовная профессия день ото дня становилась менее доходной и нисколько не льстила

честолюбию молодого человека. И приобретению денег, и связям с женщинами сутана мешала. Она мешала увлечению игрой в карты, любви к роскоши.

В итоге вся абсурдность ситуации выразилась в одной фразе Талейрана: «Зачем учиться в семинарии, если хочешь быть министром финансов»⁸. Но пост министра финансов был сладкой, недостижимой мечтой, а занятия в семинарии — реальностью. Четыре года находился он в этом учебном заведении, а закончил свое образование в Сорбонне в 1778 году. Через полтора года Шарль-Морис стал священником.

Наконец, молодой человек приобрел самостоятельность, и у него появились свои деньги! Но их ему требовалось все больше и больше. «Кто не жил в годы, близкие к 1789-му, не знает, что такое радость жизни»⁹. Его расходы — на женщин, на карты, на дорогую одежду, на встречи с друзьями, на дом и книги росли очень быстро. Едва надев черную сутану, молодой аббат понял, что она «жмет в плечах» и ее надо как можно скорее заменить более свободной и доходной — лиловой, епископской.

Но получить сан епископа оказалось делом непростым. Говоря современным языком, «моральный облик» юноши был несовместим с официальными догмами церкви. Однако Талейран пустил в ход связи, и в 1786 году ассамблея духовенства рекомендовала его на епископский пост. Представлял кандидатов на высшие церковные должности епископ Отена Александр де Марбеф, который не счел Шарля-Мориса достойным митры и посоха и не предложил его кандидатуру королю.

Но вскоре де Марбеф стал архиепископом Лиона, и место епископа в Отене оказалось вакантным. Отец Шарля-Мориса призвал сына к себе и просил его изменить образ жизни. После того как обещания были даны, Перигор-старший обратился к Людовику XVI с просьбой о назначении сына епископом Отенским. Король помнил старшего Талейрана, принимавшего участие в его коронации в Реймсе, и дал согласие. И хотя в дело неожиданно вмешалась благочестивая мать Шарля-Мориса, которая также считала его недостойным высокого церковного сана, король со словами: «Это его исправит» — подписал назначение. Папа римский утвердил решение в конце 1788 года. В 34 года Талейран получил епископскую мантию и обеспеченный доход — 52 тысячи ливров в год (свыше 400 тысяч современных франков).

Но еще не получив епископский сан, Талейран, мечтавший стать министром короля, стал «министром финансов» церкви, заняв в 1780 году пост генерального агента духовенства.

Духовенство в то время испытывало серьезные финансовые трудности. Оно не хотело платить налоги королю и соглашалось лишь на добровольные «дары», благотворительность. Талейран

энергично защищал «неотчуждаемые права священнослужителей». С этой целью он разослал во все епископства Франции анкету с вопросами о функциях духовенства, его отношении к больницам, приютам, школам; его расходах и доходах; движимом и недвижимом имуществе. В 1785 году ассамблея французского духовенства заслушала доклад своего генерального агента. Архиепископ Бордо Шампион де Сисе высоко оценил труд Талейрана. От ассамблеи за ревностную службу интересам церкви Талейран получил еще более ощутимую похвалу — вознаграждение в 31 тысячу ливров¹⁰.

Проблемы политической экономии и финансов, по словам Талейрана, были «полны очарования». По долгу службы он вынужден был заниматься и анализом внутренней политики правительства Людовика XVI, Талейрана интересовали идеи Тюрго. Жака Неккера, парижского банкира немецкого происхождения, накануне революции дважды занимавшего пост генерального директора финансов, аббат Перигор не считал «ни хорошим министром финансов, ни хорошим государственным деятелем; у него было мало идей». Неприязнь была взаимной, и Талейран, имевший близкие отношения с дочерью Неккера, писательницей Жерменой де Сталь, никогда не появлялся в доме ее отца.

Реформы Неккера не дали результатов. Финансовый кризис накануне революции обострился. Королевская семья, придворная аристократия опустошали государственную казну. За несколько лет, предшествовавших революционной буре, только брату короля графу д'Артуа было выплачено казначейством 23 миллиона ливров. На пенсии ежегодно затрачивалось 28 миллионов ливров. В итоге государственный долг к 1789 году составил огромную сумму — 4,5 миллиарда ливров. Необходимо было платить проценты по долгам, но банкиры отказывались предоставлять новые займы. Французское государство оказалось на грани банкротства.

Последнюю попытку спасти положение, к которой аббат Перигор имел непосредственное отношение, предпринял генеральный контролер финансов Шарль Калон, который, по мнению Талейрана, «обладал легким, блестящим умом, тонкой и живой мыслью»¹¹. По предложению Калона король решил созвать в 1787 году собрание нотаблей: принцев, герцогов, пэров и других представителей высшей знати. Выполняя поручение Калона, Шарль-Морис подготовил записки об уплате долгов духовенства, о барщине, о реформе торговли зерном. Увы, все усилия оказались напрасными. Как только Калон предложил свои меры: упразднение барщины, внутренних таможен, некоторых податей, уменьшение соляной пошлины, созыв провинциальных собраний, — он вызвал гнев аристократии и высшего духовенства и отправился в ссылку в Лотарингию.

Все эти «финансовые битвы» подвели Талейрана к главному выводу: его собственный класс не мог и не хотел найти выход из острейшего экономического и финансового кризиса, охватившего страну. Королевский режим клонился к закату. Нужно было определить свою политическую позицию. Но переход в другой лагерь следовало подготовить, заручиться поддержкой «общественного мнения». И епископ выдвинул проект улучшения материального положения сельских священников, настаивал на том, чтобы в Бретани жены пропавших без вести матросов получили право на второй брак.

Этим Талейран не ограничился. Поклонник азартных игр, проигрывавший за короткое время доходы нескольких епархий, он в период революционной ситуации во Франции опубликовал брошюру, в которой назвал королевскую лотерею «отвратительной несправедливостью», «противозаконным средством привлечения денег народа, насмешкой над его легковерием». Он с пафосом писал о «достойной сожаления страсти к игре», открыто оскорбляющей «общественные нравы». И делал вывод: королевские лотереи необходимо упразднить¹².

Такие выступления получали широкую общественную огласку. Они отвечали духу времени. А за ходом событий Шарль-Морис следил самым внимательным образом. Следил не один, а вместе со своими друзьями, находившимися в Париже. В последние годы существования королевского режима он поселился на улице Бельшас. Эта улица появилась на городской карте только в 1652 году, заняв место между улицами Сен-Доминик и Университета. Это был район парков, частных особняков, садов, монастырей. Двухэтажный дом, в котором жил молодой епископ, по его словам, «маленький, но удобный», был обставлен дорого и со вкусом¹³.

Что за люди встречались на завтраках и обедах в доме Талейрана? Одним из наиболее близких его друзей («человек, которого я любил больше всех») был Огюст Шуазель-Гуфье. Они познакомились еще в коллеже Аркур. Шуазель, широко образованный человек, в 31 год стал членом королевской Академии наук. «У Шуазеля благородный, добрый, доверчивый и искренний характер. Он любвеобилен, покладист и незлопамятен»¹⁴, — писал Талейран.

Постоянным гостем в доме епископа стал и граф Луи де Нарбон, внебрачный сын Людовика XV, который легко менял как любовные привязанности, так и государственные посты. Нарбон являлся министром Людовика XVI, а затем послом императора Наполеона. Талейран писал, что «его характер не внушал доверия, которого требуют близкие отношения». Всегда холодный, расчетливый, сдержанный Шарль-Морис учил своего быстро и легко увлекавшегося друга: «В политику, как и в другие области,

никогда не следует вкладывать все свое сердце. Чрезмерная любовь мешает»¹⁵.

Часто появлялся на улице Бельшас герцог Арман де Гонто-Бирон. Он был на шесть лет старше хозяина дома, успел повоевать в Америке против англичан. Этот авантюрист с романтическими взглядами отличался безрассудной смелостью. Закончил он свою жизнь на эшафоте 31 декабря 1793 г.

С присущей ему удивительной способностью распознавать людей задолго до того, как они раскроются, Талейран завязал знакомство с графом Оноре де Мирабо. Мирабо вечно нуждался в деньгах. И по рекомендации Талейрана Калон в июле 1786 года отправил мятежного графа с дипломатической миссией в Берлин, где он находился в течение года. Шарль-Морис играл роль «добротного гения» Мирабо. Он получал его донесения, расшифровывал их, редактировал и передавал Калону. Затем они поступали к министру иностранных дел Вержену и королю. Вначале Мирабо был в восторге от своего друга. Он писал о нем Калону: «Вы никогда не смогли бы выбрать более надежного человека, более благоговейно относящегося к культу признательности и дружбы, более внимательного к добру, менее жадно стремящегося к разделу славы с другими, более убежденного в том, что она принадлежит и должна принадлежать полностью человеку, который умеет думать и осмеливается действовать»¹⁶.

И вдруг Мирабо обрушивает на своего «друга», «утешителя», «руководителя» поток ругательств. 28 апреля 1787 года в одном из писем он жаловался на «бесчестное поведение аббата Перигора», называя его «подлым, жадным, низким интриганом», способным за деньги продать и свою честь, и своего друга. Но уже через несколько месяцев Мирабо сообщает своей приятельнице, что четыре экземпляра его работы «Прусская монархия» предназначены ей, аббату Перигору, Гонто-Бирону и банкиру Паншо — людям, «самым для него дорогим в мире»¹⁷. Таким был несдержанный, буйный и непоследовательный Мирабо!

Но что же все-таки произошло? Французские авторы единодушно считают, что дело в ревности: Талейран слишком пристально поглядывал на некую мадам Нера. Такие объяснения несколько примитивны и вызывают сомнения. Бесспорно одно: «революционный граф» нуждался в поддержке аббата, помогавшего ему наладить отношения с сильными мира сего. И Мирабо не переставал бывать в гостеприимном доме на улице Бельшас.

В гостиной Талейрана не было запретных тем. Кризис в промышленности и торговле. Угроза государственного банкротства. Неурожай 1788 года. Крестьянские восстания. Выступления городского плебса. Созыв Генеральных штатов. Ни один из аспектов складывавшейся во Франции революционной ситуации не ускользал от обсуждения. Аристократы, развлекавшиеся поэзией,

музыкой, изысканной едой и старыми винами, строили прогнозы на ближайшее будущее.

Темой бесед посетителей дома на улице Бельшас был и англо-французский торговый договор 1786 года, выгодный для виноделов Франции, но разорительный для ее промышленности, так как он открывал дорогу на французский рынок дешевым английским товарам. Талейран, защищая договор, подготовил и передал Мирабо записку, в которой высказал мысль о том, что торговые соглашения необходимы для сохранения мира. Англию он считал страной, «либеральные принципы которой наиболее подходят великим нациям»¹⁸.

Интерес Талейрана к политике постоянно усиливался. Важным источником информации служили для него парижские салоны герцогинь Фиц-Джемс, де Линь и де Полиньяк, виконтессы де Лаваль-Монморанси, княгини Луизы де Роан, графини де Брионн, мадам де Монтессон и др. В этих салонах, где в канун 1789 года уже говорили обо всем откровенно, не опасаясь «глаз и ушей государевых», можно было узнать последние новости и о любовных похождениях высших сановников, и о делах государственных. «Сила того, что называют во Франции светом в годы, предшествовавшие революции, была необычайной»¹⁹. Эти слова Талейрана соотвествуют истине. В салонах, разумеется, не решали судеб государства, но устанавливали важные политические связи.

В парижских салонах завязывал связи и Талейран, не только деловые, но и романтические. Нередко они перерастали в дружбу, сохранявшуюся в течение многих лет. «Пускать вперед женщин» — к этому лозунгу Шарль-Морис не раз прибегал на протяжении своей политической карьеры. Но он всегда стремился следовать «золотому мужскому правилу»: никогда не превращаться в игрушку в руках женщин²⁰.

Знатное происхождение, воспитание, образованность, ироничный тонкий ум привлекали к Шарлю-Морису взгляды многих представительниц прекрасного пола. Он умел следить за своей внешностью и научился скрывать свой физический недостаток. Неторопливо передвигаясь по гостиной, он рассыпал приветствия налево и направо, время от времени останавливался, изящно облакачиваясь на ручку кресла или на спинку стула и демонстрируя полное отсутствие утомления или боли. Шарль-Морис, высокий — 177 сантиметров — и хорошо сложенный, всегда сохранял аристократическую осанку, спокойные манеры.

Густые светлые волосы и светлые брови. Ясный взгляд серосиневатых глаз — холодных, напряженных, испытующих, в которых иногда появлялось что-то пугающее, вызывающее у собеседника робость. Высокий воротник заставлял прямо держать голову, немного откидывая ее назад. Профиль несколько портил общее впечатление — курносый, короткий нос, большое расстояние

между верхней губой и основанием носа придавало лицу агрессивно-надменное выражение. С этого ракурса как бы проступало другое лицо Талейрана: с выражением фамильных черт Перигоров — хитрости, высокомерия, сарказма, жесткости и недружелюбия. Таким смотрит на нас Талейран с портрета работы Луи Давида.

Женщин наружность молодого священника не отталкивала. Семнадцатилетним юношей он однажды предложил после мессы место под зонтиком очаровательной девушке. Ее звали Доротея Доренвиль, она была актрисой, и ее имя впоследствии вошло в историю французского театра — ее бюст и сейчас находится в муниципальной библиотеке Версаля. Возможно, молодых людей сблизила общая судьба: и она, и он получили свои профессии по принуждению родителей, против собственной воли. Они полюбили друг друга и не скрывали своих чувств. Их всегда видели вдвоем. Несомненно, руководители семинарии должны были бы отчислить из нее Шарля-Мориса. Но они хорошо знали о его происхождении, семье, связях и опасались гнева его дяди, архиепископа Реймса. «Преступление» семинариста осталось безнаказанным.

Первое увлечение молодости вскоре прошло. Длительные связи появились позже. В 29 лет Талейран встретился с графиней Аделаидой де Флао. Они были вместе почти десять лет. Аделаида жила отдельно от мужа (который был старше ее на 35 лет), хотя и не была с ним в разводе. Мадам Флао имела квартиру в Лувре. Ее салон стал одним из наиболее известных в Париже.

В результате этой почти семейной связи в 1785 году у Талейрана родился сын — Шарль-Жозеф. Он стал генералом, адъютантом Наполеона, а затем, при Луи-Филиппе, — послом. Не менее известной была и политическая карьера внука епископа Отенского герцога Шарля де Морни. Легенда рассказывает, что дедушка Талейран предсказал ему судьбу государственного человека, министра. Морни вошел в историю как один из организаторов государственного переворота 2 декабря 1851 г.

Приближались революционные события 1789 года. За несколько месяцев до взятия Бастилии епископ впервые переступил порог собора Святого Лазаря в Отене. 25 марта он отслужил праздничную мессу. Но что это было за зрелище! Новый епископ не знал обрядов! Он постоянно сбивался, делал ошибки. Некоторые каноники улыбались, другие — словно оцепенели. Прихожане были в недоумении. А Талейрана все это как будто мало волновало.

У епископа была другая цель: он во что бы то ни стало хотел стать депутатом от местного духовенства в Генеральные штаты. Талейран подготовил наказ епископства Отена. Это была программа ограниченных реформ, ведущих к буржуазной

монархии. Она предусматривала определение прав каждого гражданина, признание любого общественного акта законным в королевстве только с согласия нации, которой принадлежит и контроль над финансами. Основы общественного порядка — «вечно священная» собственность и свобода: никто не может быть лишен свободы, кроме как по закону, и никогда — по произвольному приказу. Наказания должны были стать одинаковыми для всех граждан. Наказ предусматривал и равенство всех перед налоговой системой; предлагалось провести инвентаризацию имуществ в королевстве и создать единый национальный банк²¹.

Требования, уже недостаточные для революции, которая стремительно набирала силу и не могла остановиться на реформах, предложенных в «отенском наказе». А сам Талейран, вступивший в политическую жизнь, отнюдь не был склонен окончательно порывать со своей классовой средой, так и оставшись на перепутье между аристократией и буржуазией. В его личности отразились все противоречия переходной эпохи. Он всегда сохранял мосты и внимательно следил за тем, чтобы их хрупкие конструкции не обрушились. Но в момент, когда приближалась могучая революционная гроза, Талейран всем своим существом понял ее неотвратимость и решительно примкнул к новой политической силе — буржуазии, неудержимо стремившейся к господству.

Недолго пробыл епископ в своей епархии — всего 30 дней. Его не привлекали роскошные покои епископского дворца. Митра и апостольский посох представляли для него едва ли не музейные ценности. Важны были практические результаты действий, радовали решенные задачи. А 2 апреля 1789 г. его избрали депутатом Генеральных штатов от духовенства Отена. 12 апреля, в день пасхи, когда епископу полагалось снова служить мессу, он отбыл в Париж...

В карете, направлявшейся в столицу, сидел молодой человек, которому два месяца назад исполнилось 35 лет. Образованный и уже искушенный в интригах, он хорошо знал ситуацию во Франции и был убежден в неизбежности глубоких перемен. Перед епископом, едва начавшим свою карьеру, революция открывала новую перспективу: сбросить лиловую сутану и целиком погрузиться в политическую жизнь, из которой он был несправедливо исключен. Перед глазами стоял уютный дом на тенистой улице Бельшас, с изысканной обстановкой, с оживленным салоном, со всеми возможными «радостями жизни». Но и другое занимало мысли Талейрана — еще не вполне ясные и отчетливые: в его голове зрели планы завоевания места под солнцем.

ГЛАВА II

ЕПИСКОП ОТЕНСКИЙ И РЕВОЛЮЦИЯ

етом 1980 года в Бухаресте, на XIV Международном конгрессе историков, известный французский ученый Альбер Собуль, ныне уже покойный, во время нашей беседы заметил:

— Талейран всегда оставался Талейраном. Для него личные интересы, его хромоногое «я», стояли в центре Вселенной. Но он был талантлив, этот человек. В 1789—1791 годах он был словно пьян от свежего воздуха

революции. Он объективно, независимо от своих внутренних побуждений и расчетов, работал на восходящий класс — крупную буржуазию, к которой его привлекали звон золота и ощущение близости власти. Вспомните факты. Речь по вопросам конфискации имущества духовенства. Анализ путей создания новой системы образования в стране. Участие в подготовке «Декларации прав человека и гражданина». Первые шаги в официальной дипломатии: епископ Отенский после смерти Мирабо занял его место в Дипломатическом комитете Национального собрания. На таких крутых поворотах общественного развития, как 89-й год, одного этого было достаточно, чтобы прочно войти в историю!

Мнение французского историка нельзя не признать справедливым. Его подтверждает, например, письмо графине Луизе де Брионн, с которой Шарля-Мориса на протяжении многих лет связывали романтические отношения, сменившиеся затем дружбой и доверием. «Я провел у нее самые приятные годы моей молодости», — писал Талейран на закате своих дней.

В письме графине, написанном 9 октября 1789 г., в разгар революционных событий, ровно за день до своего выступления в Учредительном собрании по вопросу о судьбе церковных имуществ, бывший епископ писал: «Истина, которая должна дойти до вас, состоит в том, что совершаемая сегодня во Франции революция необходима при том порядке вещей, при котором мы живем, и эта революция в конце концов окажется полезной. Нынешние несчастья, беспорядки происходят от того, что одни хотят ей помешать, другие — ускорить... У двух первых сословий имеются только страсти, они не могут разработать единый план

и действовать совместно. Третье сословие заявило о своих правах: оно их получило, оно должно было взять верх»¹.

Когда проходит неумолимое время и настает пора писать мемуары, оценки становятся более умеренными и сдержанными. И Талейран позднее напишет: «Я отдал себя во власть событий и мирился со всем, лишь бы только оставаться французом. Революция предвещала народу новые судьбы; я следовал за ее ходом и за ее превратностями. Я отдал ей все свои способности, решив служить своей стране ради нее самой, и возложил все свои надежды на конституционные принципы, которые казались так близки к осуществлению»². Изменилось время, изменился характер эпохи. События 1789 года предстали теперь в ином свете, вне тех иллюзий, которыми вдохновлялись их участники. Уже нет ни слова о необходимости и полезности революции. Конституционная монархия — вот идеал Талейрана.

Можно ли представить себе Талейрана, преданного одному режиму, одной идее и тем более одному мировоззрению? Нет, конечно. Ведь всю свою жизнь он менял взгляды, привязанности и делал это, как правило, всегда вовремя, чтобы не понести убытков и, не дай бог, не поставить под удар собственную голову.

Но Шарль-Морис все же придерживался известной системы политических взглядов. Трудно сказать, насколько она была осознанна и насколько основывалась на его интуиции. Взгляды формировались постепенно, по мере того как складывался характер нашего героя. Оторванный на время от общественной жизни предреволюционного периода из-за своего физического недостатка, он имел возможность наблюдать современное ему общество как бы со стороны, мысленно отыскивая свое место в жизни. А мысли о собственной судьбе приводили его к размышлениям о будущем страны. Талейран действовал, примериваясь к преобладавшим общественным тенденциям; при этом он никогда не забывал об осторожности и всегда готовил себе пути к отступлению на запасные позиции.

В политическом кредо Талейрана академик Тарле выделял две основные идеи. Первая — «удержать или реставрировать дворянско-феодальный строй во Франции конца XVIII и начала XIX столетия абсолютно невозможно»; вторая — «создание всемирной монархии путем завоевательных войн, подчинение всех европейских монархий французскому самодержцу есть предприятие несбыточное, абсурдное, которое безусловно должно окончиться провалом и катастрофой для Франции»³.

Из этих посылок вытекал осознанный политический прагматизм Талейрана, объективно всегда служивший интересам рвавшейся к власти, а затем и получившей ее крупной буржуазии. Он считал, что только глупцы неизменно сохраняют верность

одним и тем же общественным идеалам; политики-реалисты приспособляются к обстоятельствам, и именно беспринципность является их лучшим оружием; оппортунизм в политике полезен и необходим; политическая интуиция — дар божий! — помогает своевременно заметить повороты исторического пути и принимать правильные решения. Эта концепция оправдывала полнейший аморализм Талейрана как в общественной, так и в личной жизни.

В любом случае правление должно быть стабильным и сильным. По мнению Шарля-Мориса, этим требованиям наилучшим образом отвечало буржуазное государство. Именно его и имел в виду Талейран, произнося звучное имя «Франция». Он был патриотом этой, буржуазной Франции; он служил ей, гордился тем, что при любых обстоятельствах оставался ее сыном. Французом Талейран считал себя даже тогда, когда другие называли его «австрийцем». Изменяя режимам, он никогда — так он сам считал — не изменял Франции.

Но вернемся к событиям революции. Взятие Бастилии революционным народом смертельно напугало Талейрана. «Плебеев» он не знал и не понимал, организованных и вооруженных «плебеев» боялся. Появилась реальная угроза упразднения монархии. А Шарль-Морис принадлежал к числу сторонников неприкосновенности короля. Вот почему он решил встретиться с графом д'Артуа. «Я имел ночью в Марли несколько свиданий, которые были все бесполезны и показали мне, что я не в состоянии ничего сделать и потому должен, не будучи безумным, позаботиться о самом себе». О себе Талейран, разумеется, позаботился, но связи с королевским двором не порвал.

20 апреля 1791 г. епископ Отенский передал Людовику XVI записку, в которой предлагал свои услуги. Через две недели во второй записке Талейран сообщил, что собирался выступить с речью об использовании церковных зданий и хотел бы знать пожелания короля. Монаршего ответа не последовало. Пройдет немногим более года, и Шарль-Морис, переписка которого с Людовиком XVI станет достоянием гласности, едва избежав гильотины, окажется в Англии.

Но до того парламентская карьера епископа из Отена была стремительной и блестящей. Он занимал почетные посты члена первого и второго Конституционного комитетов, председателя Учредительного собрания и члена его Дипломатического комитета⁴. Талейран выступил в собрании с рядом важных предложений, участвовал в подготовке документов, явившихся этапными в истории французской революции.

26 августа 1789 г. Учредительное собрание приняло Декларацию прав человека и гражданина, провозгласившую триединые принципы буржуазной демократии: свободу, равенство, братство. Статья шестая, принятая в редакции Талейрана, говорила о за-

коне как выражении «всеобщей воли», признавала его обязательность для всех, утверждала равный доступ всех граждан к должностям и занятиям в «соответствии с их способностями». Епископ сформулировал одно из «естественных, священных и неотчуждаемых прав» человека и гражданина.

Как ни сложны были политические проблемы, стоявшие перед Учредительным собранием, особую остроту приобрели вопросы социально-экономические и финансовые. Вооруженные крестьяне отказывались платить налоги. Государственный долг достиг астрономических размеров. Собрание согласилось на выпуск двух займов, облигации которых обесценились в считанные дни. Королевство находилось на грани банкротства. Нужны были срочные и чрезвычайные меры. Но какие? Буржуазные депутаты боялись замахнуться на огромные состояния королевской семьи и дворянства. Священное право частной собственности оказалось бы нарушенным. Оставалась лишь одна возможная жертва — церковь, ежегодный доход которой составлял 500 миллионов ливров. Атаку на богатство духовенства облегчали антиклерикальные настроения французов. Но кто осмелится предложить радикальное решение?

И вот, 10 октября 1789 г. на трибуну Учредительного собрания поднялся епископ Отенский — Шарль-Морис Талейран. По иронии истории заседание состоялось в помещении парижского архиепископства, куда временно перебрались народные избранники. Именно здесь Талейран, который всего лишь несколько лет назад вел борьбу против налогового обложения церкви, отстаивая неприкосновенность ее собственности, выдвинул предложение об отчуждении церковных имуществ⁵. «Епископ осмелился нанести первый удар по священному колоссу», — писала 10 ноября газета, созданная в 1789 году для освещения прений в Учредительном собрании, «Монитор юниверсель»⁶. Удар от имущества короля и дворянства на этот раз был отведен.

Талейран в своей речи заявил, что государство давно уже борется с огромными трудностями и «необходимы решительные средства для их преодоления. Все обычные средства уже исчерпаны: народ утеснен до крайности, самое малое дополнительное бремя было бы для него поистине невыносимым; об этом нечего и думать». По его мнению, оставалась только одна «грандиозная и решающая мера», совместимая «с глубоким уважением к праву собственности», — конфискация церковных имуществ.

Талейран утверждал, что духовенство не является собственником в обычном понимании этого слова. Оно получило свое имущество «не ради выгоды отдельных личностей, но для выполнения определенных функций», для удовлетворения общественных потребностей. На вопрос: «Кому же принадлежит

подлинное право собственности на церковные имущества?» — епископ Отенский дал ясный и определенный ответ: «Нации».

Революция секуляризовала достояние церкви с целью погасить долги государства, спасти его от банкротства, пойдя даже дальше предложений Талейрана. Это была мера, отвечавшая задачам буржуазно-демократических преобразований, но фактически доходы от реализации богатств духовного сословия получили буржуа.

Талейран подготовил и проект закона. Его энергично поддержал Мирабо. 2 ноября 1789 г. Учредительное собрание приняло декрет, передавший все церковные имущества в распоряжение нации. Поговаривали, что сам епископ Отенский не остался в накладе, «заработав», посредничая при продаже церковного достояния, 500 тысяч ливров. Документы, подтверждающие это обвинение, найти, однако, до сих пор не удалось.

В своей многотомной «Социалистической истории Французской революции» Жан Жорес писал: «Талейран отважился на смелый шаг и доказал, что, обеспечив задачи благотворительности, государство могло распоряжаться излишками; рантье были спасены, но и Революция тоже». Жорес подчеркивал, что епископу из Отена «не удалось скрыть революционный характер предложенной акции»⁷.

«Революционный характер» фронтальной атаки на богатства церкви... Талейран вряд ли мыслил классовыми категориями, но сокрушительный удар по собственности духовенства в самом деле пытался представить как реформу, не затрагивающую священный принцип частной собственности. Он опасался подорвать основы существования и своего класса, и новой силы — буржуазии. Страх перед народной революцией — таков подтекст речи Талейрана 10 октября.

Но дело было сделано. Вначале церковные земли распродавались с торгов мелкими участками с рассрочкой платежей на 12 лет. Но уже летом 1790 года дробление земельных владений было запрещено. Мелким и средним крестьянам приобретать землю стало трудно. В итоге городская буржуазия, обладавшая крупными средствами, скупила львиную долю секуляризованных имуществ. Часть их перешла в руки зажиточных слоев крестьянства. Бедняки так и оставались безземельными. Реформы, сторонником которых был Талейран, отвечали в первую очередь интересам той части буржуазии, которая не была заинтересована в углублении революции.

Пущенные в продажу имущества были оценены в 400 миллионов ливров. На эту сумму Учредительное собрание выпустило ассигнаты — государственные денежные обязательства. Фактически они вскоре стали бумажными деньгами. Талейран был решительным противником такой меры, считая ее шарлатанством.

И действительно ассигнаты начали падать в цене. Без остановки работали печатные станки. Одна денежная эмиссия следовала за другой, неся с собой инфляцию, голод и безработицу.

Талейран понимал, что выпуск бумажных денег осложнял и накалял политическую обстановку в стране, и тем самым революционизировал плебейство и в городе, и в деревне, создавал новые трудности для дворянства и буржуазии. Нельзя отказать Талейрану в способности к предвидению. И лично он отнюдь не был намерен превращать свои личные доходы в облачко дыма, оставшееся от ассигнатов.

Выступления против бумажных денег способствовали популярности епископа. Одни восхищались его «мужеством» и «патриотическим пылом». Но были и другие, те, что обвиняли его в измене аристократии и духовенству и напоминали всем о слабостях Шарля-Мориса. Между тем Талейран вскоре превратился в фигуру национального значения. Ему начали аплодировать на улицах, в клубах при его появлении все вставали.

Популярность Талейрана особенно возросла после того, как 7 июня 1790 г. с трибуны Учредительного собрания он предложил отныне отмечать национальный праздник федерации в день взятия Бастилии. Новый праздник должен был явиться выражением патриотизма, укрепить единство, братство всех граждан, продемонстрировать врагам революции, что все их попытки ее уничтожить напрасны.

Идея отвечала настроениям народа. Федерации, добровольные союзы граждан под лозунгом борьбы с тиранией, за свободу, равенство и справедливость, возникали в городах и деревнях. Король и его окружение, не решаясь выступить против народной воли, приняли предложение. Отслужить мессу на первом празднике федерации в Париже Людовик XVI поручил епископу Отена. Тот, хорошо зная цену популярности, немедленно и с благодарностью согласился.

Вся страна пришла в движение. В Париже, на Марсовом поле, поставили огромную сцену, в центре которой воздвигли высокий алтарь. Королевская трибуна, обтянутая голубым бархатом с зеленым шитьем, находилась у здания военной школы.

14 июля 1790 г. на Марсовом поле собралось 300 тысяч зрителей⁸ (по данным историка Андре Кастело — 400 тысяч⁹). Люди пришли сюда пешком со всех концов страны. Всем миром собирали их в дорогу, а парижане в своих и без того перенаселенных домах предоставляли им кров, кормили их и поили. С утра в тот день шел проливной дождь. Однако народное ликование не стихало, хотя ожидание было долгим. Национальные гвардейцы в течение пяти часов стояли на Больших бульварах — насквозь промокшие, голодные, но веселые. Из домов

на улицах Сен-Мартен и Сен-Оноре им на веревках спускали пищу.

Готовился к исполнению своей нелегкой роли и Шарль-Морис. Он хорошо помнил злополучную мессу в Отене. На сей раз нельзя было оскандалиться. Накануне праздника в доме маркизы Сассеваль состоялась репетиция. Мирабо, который многие годы провел в тюрьме, прекрасно знал церковные обряды — они были там единственным легальным развлечением. Граф подсказывал нужные слова, интонации и жесты. Епископ в митре и ризе, словно актер, внимал советам режиссера. Собака Талейрана не узнавала своего хозяина в необычной одежде, кидалась на него, лаяла и даже пыталась укусь¹⁰.

И вот настал день праздника. Народная процессия двинулась к центру столицы. Впереди — 300 священнослужителей и детский хор. За ними — епископ Отенский в митре и с посохом, перевязанный трехцветным поясом. Шум человеческого моря, заглушающий оркестр из 1200 музыкантов. Салют из 40 орудий. Наконец, месса...

Энтузиазм народа был глубоким и искренним. В этот день родилась полная огня и оптимизма песня «Са ира!» («Пойдет!», «Наладится!»), ставшая одной из самых любимых песен революции. А вот форма, которую придали празднику, была архаичной. Прекрасно выразил эту мысль Жан Жорес: «Мы можем пожалеть о том, что месса, которую отслужил Талейран перед алтарем, воздвигнутым посреди Марсова поля, внесла в атмосферу революционной искренности этого праздника нотку фальши и натянутости. Да, огорчает то, что обновленная душа даже в этот час не смогла найти для того, чтобы выразить себя, ничего, кроме старой, выдохшейся символики, заимствованной у глубоко враждебной Революции силы»¹¹.

«Выдохшаяся символика»... Пожалуй, лучшим подтверждением такой оценки может служить поведение самого епископа Отенского, который сразу же после мессы направился в игорный дом. Удача благоприятствовала ему. С карманами, полными золотых монет, с пачками бумажных денег он явился к герцогине Лаваль. После ужина Талейран вернулся к зеленому сукну и вторично сорвал банк. И опять — к мадам Лаваль, чтобы «показать ей золото и ассигнации». «Мои карманы ими набиты, — вспоминает он. — Кроме всего прочего, ими была полна и моя шляпа. Заметьте: это было 14 июля»¹². Выигрыш оказался самым ярким воспоминанием, которое сохранил Талейран о празднике.

Я вспоминаю, что во время нашей последней беседы Альбер Собуль сказал: «Праздник федерации был «пиком» парламентской карьеры Талейрана. Вскоре началось падение его популярности. Епископ «поскользнулся» на церковной реформе, которая в значи-

тельной мере была делом его рук. Ответственность Талейрана несомненна. Он готовил тексты законов. Но, словно страус, прячущий голову в песок, не принял участия в прениях».

«Шаткая комбинация в виде гражданского устройства духовенства», как выразился Жан Жорес, была одобрена Учредительным собранием 24 августа 1790 г. Декрет обязал служителей культа присягать в верности конституции. Церковь переходила под контроль государства. Оно платило жалованье церковникам, превращало их в своих служащих. Епископы должны выбираться департаментскими, священники — приходскими выборщиками. Ряд функций церкви перешел в ведение государственных учреждений — регистрация браков, рождений и смертей. «География» епархий была приведена в соответствие с новым административным делением страны: один департамент — одна епархия. Присягу приняло только семь епископов, в их числе был и Талейран. Священники разделились на две враждебные группы. Контрреволюция активно стремилась использовать религиозные распри в своих целях.

Конфликт с Ватиканом принял острые формы. Папа потерял власть над французской католической церковью. Его послания подвергались во Франции цензуре. Опасаясь перерастания религиозных конфликтов в гражданскую войну, Учредительное собрание поручило французскому послу в Риме кардиналу Бернису добиться одобрения своих решений Пием VI.

Начался упорный и длительный торг, в ходе которого Святой престол не проявил ни грана святости и политического реализма. Папа не хотел расставаться с денежными поступлениями от французской церкви, отстаивал свой суверенитет над Авиньоном, население которого требовало присоединения к Франции. В конечном счете Пий VI в своих посланиях 11 марта и 13 апреля 1791 г. осудил принципы революции и гражданское устройство французского духовенства. Рим, таким образом, официально признал и раскол церкви во Франции¹³.

В трудную ситуацию попал епископ Отенский, один из активных сторонников церковной реформы. Он принял твердое решение навсегда расстаться с сутаной. Постепенно из его одежды исчезали один за другим внешние атрибуты церковного сана, и вскоре из всех знаков папской власти остался лишь один нагрудный крест, но и его можно было легко, одним незаметным движением полностью скрыть под кружевным жабо.

27 декабря 1790 г. присягнули конституции первые священники. Талейран не спешил, но и не опаздывал. На следующий день он в начале заседания почти незаметно подошел к трибуне. Более бледный, чем обычно, сверкнув золотом нагрудного креста, он в полуосвещенном зале совершил «обряд» присяги и сразу же

исчез из помещения Учредительного собрания. Ожидаемой всеми речи епископа не последовало.

Талейран согласился посвятить в сан принявших церковную реформу епископов Кампера, Суассона и Парижа. Церемония состоялась в небольшой церкви на улице Сент-Оноре.

Вскоре он послал королю прошение об отставке с поста епископа Отена (папе — ни слова) и через девять дней получил согласие Людовика XVI. А как же с доходами? Талейрана избрали на административно-финансовый пост в департаменте Сена с окладом 18 тысяч ливров в год. После такой компенсации можно было расстаться с сутаной. Официальное жалование Талейрана в 15 раз превышало установленную государством плату приходскому священнику.

Парламентская карьера бывшего епископа подходила к концу. Полномочия Учредительного собрания истекали 30 сентября 1791 г. За несколько дней до этого, 10, 11 и 19 сентября, Талейран выступил с «великолепным» (по оценке Жореса) докладом по вопросам народного образования, ставшим своего рода духовным завещанием первого революционного Собрания.

Основные положения проекта Талейрана сводились к тому, что нация дает всем бесплатно необходимые элементарные знания. «Начальное обучение является безусловно и неоспоримо всеобщим, поскольку оно должно включать основы знаний, необходимые каждому, какое бы занятие он себе ни избрал». Остальные, более высокие ступени обучения — платные.

Проект предусматривал четыре вида учебных заведений: начальные школы (в коммунах, а в Париже — в секциях); второй ступени (в дистриктах); специальные средние учебные заведения в главных городах департаментов (медицинские, военные, правовые, богословские); Институт — центр, вершина системы науки и народного образования.

В начальной школе, по замыслу Талейрана, детей от 6 до 8—9 лет учат читать, писать, считать. В дистрикте уровень образования уже выше: латынь, греческий, математика, физика, естествознание. Дети сами должны поддерживать дисциплину. Цель школы — пробудить в юных умах инициативу, дух свободы, любознательность. Учебные заведения — светские, но преподавание «принципов религии» является обязательным. Жан Жорес справедливо замечал, что проект Талейрана — это «компромисс между христианским воспитанием и чистым разумом». Однако план Талейрана, по словам Жореса, соответствовал требованиям организации «народного образования, существовавшей на протяжении большей части XIX века»¹⁴.

Для того времени замысел казался грандиозным. Он не мог быть делом одного человека. «Готовя эту большую работу, я консультировался с самыми образованными людьми и самыми

замечательными учеными эпохи»¹⁵, — замечал Талейран. Среди них — астроном, математик и физик Лаплас; математик, философ, экономист и политический деятель Кондорсе; автор работ по сравнительной анатомии Вик д'Азюр; математик, один из основателей Политехнической школы Гаспар Монж; литературный критик де ла Арп.

1 октября 1791 г. в Париже открылось Законодательное собрание. Оно вернулось к обсуждению проблемы народного образования. Доклад, представленный Кондорсе, предусматривал для детей из народа не одну, а две ступени обучения: начальную (четыре года занятий) и вторую. Однако, по замыслу Кондорсе, образование не являлось обязательным. В отличие от плана Талейрана, в его системе образования совсем не было места для религии. «План Кондорсе и Законодательного собрания более широкий, более гуманный, носящий более народный характер, нежели план Талейрана и Учредительного собрания». Сделав такой вывод, Жан Жорес заключил: «Талейрану Революция видится в образе неподвижного корабля... Для Кондорсе Революция — это корабль, плывущий вперед, чье движение и порыв воодушевляют смелость духа»¹⁶.

Корабль революции для Шарля-Мориса словно действительно остановился. После закрытия Учредительного собрания он не был уже ни депутатом, ни епископом. Недавно посты члена Директории департамента Парижа и члена Дипломатического комитета приносили ему 72 тысячи ливров. Теперь он стал только скромным парижанином, администратором и начал испытывать недостаток средств. А между тем его широкий образ жизни в столице требовал больших, все возрастающих расходов.

Уже более года Талейран жил на улице Университета в особняке Бошар де Сарон (сейчас это дом номер 17), который был построен еще в 1639 году. В этом доме по-прежнему собирались его друзья: Шуазель-Гуфье, Нарбон, Мирабо. Посещали Талейрана маркиз Мари Жозеф Лафайет — участник борьбы за независимость Соединенных Штатов, начальник Национальной гвардии; герцог Луи-Филипп Орлеанский, враг Людовика XVI и сторонник конституционной монархии; герцог Франсуа Монтестье-Фецензак, противник церковной реформы; виконт Луи де Ноай, потребовавший отмены сословных привилегий; аббат Сийес, в будущем член Директории и один из организаторов государственного переворота 18 брюмера. От герцога Орлеанского — Филиппа-Эгалите Талейран, впрочем, вскоре поспешил отойти, словно предвидя его путь на гильотину.

Не оставляла бывшего епископа и его страсть к картам, ставшая достоянием широкой гласности. Журналист Камилл Демулен, один из организаторов штурма Бастилии, писал в своей газете

«Революция во Франции и в Брабанте»: «Как можно осуждать игры, когда среди их защитников находятся три председателя Национального собрания: Бомец, ле Шапелье и епископ Отенский?»

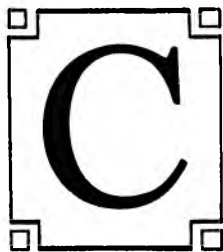
Репутация игрока стала вредить Талейрану. 8 февраля 1791 г. он ответил Демулену в «Парижской хронике» статьей, в которой утверждал, что выиграл не 500 тысяч ливров, как писали некоторые журналисты, а всего 30 тысяч. «Я восстанавливаю только точные факты, не имея намерения их оправдать. Я порицаю себя как частное лицо и еще более как законодателя. Итак, я осуждаю себя и считаю себя обязанным признать это...»¹⁷.

Бывший епископ посеял тем самым сомнения в достоверности публикации Демулена. Публично подвергнув самого себя критике, он проявил известную силу духа и тем самым укрепил пошатнувшуюся репутацию. А о ней было самое время позаботиться.

Прочно связав свою жизнь с политикой, он теперь все чаще подумывал о дипломатическом поприще.

ГЛАВА III

НАЧАЛО КАРЬЕРЫ: МИССИЯ В ЛОНДОНЕ

Собственно говоря, о дипломатической карьере Талейран размышлял давно. Он считал себя подготовленным к этому роду деятельности. А в ноябре 1789 года, выступая в Учредительном собрании, Мирабо впервые в качестве возможного министра иностранных дел наряду с графом Луи-Филиппом Сегюром, французским послом в Петербурге, назвал епископа Отенского¹.

В сфере внешней политики во Франции сложилось своеобразное двоевластие. Существовало королевское министерство иностранных дел, за которым сохранились представительские функции. Но его важнейшие полномочия уже перешли к специальному органу Учредительного собрания — Дипломатическому комитету во главе с Мирабо, который взял под свой контроль международные переговоры и повседневные дипломатические акции. 2 апреля 1791 г. Мирабо умер. А через пять дней его место занял Талейран. Вскоре он провел через Учредительное собрание решение о вооружении 27 кораблей для

испанского флота. Утверждали, что при этом за 100 тысяч долларов, полученных от испанского посла, Шарль-Морис добился продления франко-испанского договора 1761 года.

Сомнительная эта история не подтверждается документами. Еще 29 июля 1790 г. Учредительное собрание приняло резолюцию о сохранении в силе всех международных соглашений, подписанных ранее Францией (в том числе и франко-испанского пакта), а Талейран вошел в состав Дипломатического комитета только 7 апреля 1791 г.² Испанцам незачем было тратить свое золото. Но то, что сферу дипломатии он считал источником немалых доходов, — это, пожалуй, верно.

Деятельностью Дипломатического комитета живо интересовался русский посол во Франции Иван Матвеевич Симолин. Это был опытный дипломат, работавший в Вене, Копенгагене, Регенсбурге (при германском имперском сейме), в Стокгольме и Лондоне. В Париж он был назначен в 1785 году. Небольшого роста, полный, с острыми глазами, он обладал неисчерпаемой энергией, удивлявшей окружающих. Симолин был тесно связан с королевской семьей и придворной аристократией.

Екатерина II ненавидела французскую революцию, видя в ней угрозу для всех европейских монархий. Она писала руководителям французской эмиграции: «Считайте меня бескорыстным и искренним другом принцев, братьев короля, и устойчивой и постоянной опорой всякого верного слуги вашего монарха»^{3*}. Графу д'Артуа, находившемуся в Петербурге в марте — апреле 1793 года, самодержица всероссийская передала 17 тысяч рублей.

В Петербурге готовы были на крупные затраты. Но о военной помощи Бурбонам долгое время и не помышляли. Международное положение России было сложным. В 1787 году началась русско-турецкая война. Одновременно с ней шла вторая русско-шведская война. Австрия поддержала Россию, но вскоре потерпела поражение от турок.

Английское правительство занимало враждебную русскому государству позицию. Молодой премьер-министр Уильям Питт-младший стремился помешать продвижению России к побережью Черного моря. Англия подписала союзный договор с Пруссией, имевший открытую антирусскую направленность.

Для российской дипломатии 1791 год был очень напряженным. Англия и Пруссия добивались того, чтобы Россия в результате мира с Турцией не получила территориальных приращений. Они грозили войной. Но в Петербурге проявляли выдержку: там знали, что Питт, встретив сопротивление в парламенте, в конце концов отступит. Он действительно отказался от

* Стилистика и орфография русских дипломатических документов здесь и далее в книге сохранены.

предъявления ультиматума России, отменил военные приготовления на флоте. Весной 1791 года «восточный кризис» закончился поражением британской дипломатии. Ясский мирный договор с Турцией закрепил за Россией Очаков и побережье Черного моря между Бугом и Днестром.

В борьбе с турками одержало победу русское оружие. И тон у императрицы изменился. Осенью 1791 года она писала своему фавориту князю П. А. Зубову, что во Франции «надо восстановить монархию». А через несколько месяцев царица прямо призвала к вооруженной интервенции: «По-моему, чтобы спасти Францию, остается сделать одно — это восстановить власть короля, для чего есть только один путь — оружие»⁴.

А ведь не так давно в Петербурге думали о союзе с той самой мятежной Францией, которую одновременно и боялись, и ненавидели. За русско-французское сближение высказывались и в Париже. Симолин писал в Петербург: «Желание заключить союз, иметь тесное единение с этой державой (Россией. — Ю. Б.) становится изо дня в день все сильнее. Взаимные выгоды ощущаются всеми»⁵. Тогда-то и повысилось внимание русской дипломатии к внешней политике Франции.

Королевские министры иностранных дел (их было много — они быстро уходили со сцены) большого влияния на решение международных вопросов не оказывали и судьба их в революционное время часто была трагической. Монморен и сменивший его Лесар погибли на эшафоте. После Лесара министром стал Дюмуре, лишь несколько месяцев находившийся на этом посту. В июне его сменил маркиз Шамбона, не имевший политической репутации. При такой «министерской чехарде» контакты российского посла с руководителями официальной французской дипломатии были затруднены.

Используя тайные каналы, Симолин регулярно получал копии донесений французского поверенного в делах в Петербурге Жене. Такого рода информация имела для Симолина решающее значение. Поэтому он с тревогой сообщал в Петербург о трудностях, возникших в связи с молчанием одного из его доверенных лиц, работавшего в дипломатическом ведомстве, получившего от него «полное и чрезвычайное вознаграждение»⁶.

Со временем посол Екатерины II переключился на Дипломатический комитет, который стал «центром всей политики Франции». Мирабо он называл «душой» комитета и отмечал, что «его мнение имеет большой вес». В беседе с Симолиным (письмо царице от 1 апреля 1791 г.) Мирабо заявил, что Учредительное собрание «не отнесется безразлично к отправлению английской эскадры в Балтийское море, и, по его мнению, в этом случае следует привести в боевую готовность эскадры в портах Франции». Именно такого решения и добивалась

русская дипломатия. Симолин писал, что в Париже «посредством денег можно получить все», и среди «депутатов, управляющих Францией», Мирабо не является самым «недоступным». Императрица сделала на письме из Парижа пометку: «Проявить щедрость, если он не умер»⁷.

Связующим звеном между русским послом и Мирабо был Талейран. «Я расположил в свою пользу близкого друга г. де Мирабо, который руководит им во всем, что имеет отношение к внешней политике», — сообщал Симолин, подчеркнув, что друг — «человек очень умный» — будет всецело на стороне российского двора, если его надежда на вознаграждение за услуги «получит свое осуществление с самого начала». При посредстве Талейрана Мирабо согласился принять Симолина у себя дома. Уже был назначен день встречи, но Мирабо скорострительно скончался. Посол отмечал, что граф умер «так несвоевременно, что все честные люди вынуждены сожалеть об этом»⁸.

Мирабо мог быть очень полезным русскому послу. И огорчение Симолина, несомненно, было искренним: ведь весной 1791 года «восточный кризис» переживал свой пик. 17 апреля посол получил из Петербурга указание, используя «свои каналы», добиться мобилизации французского флота. Царица высказала «высочайшее одобрение» деятельности своего представителя, увеличив ему жалованье на 6 тысяч рублей в год, и перевела 350 тысяч ливров на расходы по оплате людей, «отличных и способных для службы»⁹.

Эти деньги пришлось очень кстати. 7 апреля пост Мирабо в Дипломатическом комитете занял Талейран. «Мне удалось расположить преемника г. де Мирабо в вышеупомянутом комитете к точке зрения и образу мыслей покойного, а также и к целям, которые мы должны себе поставить», — писал Симолин. Талейран принял активное участие в подготовке проекта решения Учредительного собрания о немедленном вооружении 35 французских кораблей и об отправке специального представителя в Лондон. Цель этой миссии — объяснение причин принятых в Париже мер, вызванных якобы тревогой за перспективы французской торговли¹⁰. Но события приняли иной оборот.

Крупные буржуа, заправлявшие делами в Учредительном собрании, боялись конфликта с Англией. Сам Мирабо, заигрывая с царским послом, был сторонником англо-французского сближения. Его взгляды разделял и Талейран. Однако оба они, рассчитывая на щедрость российской императрицы, не опасались гнева Питта, так как хорошо знали, что французский флот не представлял серьезной угрозы для «владычицы морей». В то же время и Мирабо, и Талейран сочли, что «бряцание оружием» могло сделать англичан сговорчивее.

На заседании Дипломатического комитета герцог Шатле выступил против приведения кораблей французского флота в боевую готовность: эта мера, сказал он, ведет к войне с Англией. Комитет воздержался от поддержки каких-либо действий, имевших антианглийскую направленность¹¹. Для русской дипломатии дело было проиграно. Но Симолин проявил о своем «друге» самую горячую заботу. Он писал: «Я не могу не рекомендовать особому благоволению императрицы того, кто служит мне с такой пронизательностью, преданностью и умом. Он является душой Дипломатического комитета благодаря своим тесным связям с его членами»¹². Симолин не без оснований считал, что если ведомство иностранных дел возглавит Шуазель-Гуфье, то весьма вероятно, что большое влияние на него будет оказывать епископ Отенский¹³.

Несмотря на неудачу, Симолин не считал «погибшим» дело русско-французского сближения. В одном из его писем говорилось: «Я вижу, что Дипломатический комитет по существу весьма занят Россией; в настоящее время самые влиятельные его члены всецело убеждены в полезности для новой Франции договориться с этой державой о самых тесных и самых прочных связях»¹⁴.

Посол вскоре сообщил Екатерине II, что намерен дать «друзьям», информирующим посольство о деятельности Дипломатического комитета, 60 тысяч ливров и заявить им, что если они и впредь будут оказывать «позитивные, полезные и существенные услуги», особенно в вопросе о морских вооружениях Франции, то он, Симолин, явится гарантом «великодушия» Петербурга¹⁵. Сказано без излишних церемоний, откровенно: хотите заработать, служите верой и правдой российской императрице.

Видимо, умудренный опытом русский дипломат (в 1791 г. он вступил уже в свое восьмое десятилетие) верил, что сотрудничество с Талейраном возможно и в будущем. Но русско-турецкая война близилась к победному для России завершению, и в Петербурге уже не нуждались в сближении с Францией.

Изменив отношение к Франции, Екатерина II изменила отношение и к своему послу в Париже. Он впал в немилость, и в 1791 году в одном из своих доверительных писем царица писала: «Я получила очень неприятное известие, что Симолин стал ярым демагогом и теперь восхищается всеми нелепостями, которые совершает негодное Национальное собрание. Я думаю, что его свел с пути истинного г-н д'Отен»¹⁶.

Бывший епископ Отенский, перевоспитывающий в «революционном духе» царского посла! Предположение это довольно нелепо.

Русский источник доходов так или иначе для Талейрана иссяк. Однако он не утратил интереса к политике и к дипломатии.

Шарль-Морис убедился в том, что это занятие может быть достаточно прибыльным.

События тем временем ускоряли свой ход.

22 июня 1791 г. Людовика XVI и Марию-Антуанетту, сбежавших из Тюильри с подложными русскими паспортами, схватили в местечке Варенн-ан-Аргон, в 230 километрах к востоку от столицы. Беглецов вернули в Париж. А уже 17 июля на Марсовом поле солдаты и национальные гвардейцы, которыми командовал генерал Лафайет, расстреляли демонстрацию, требовавшую ликвидации монархии. Король заявил, что «наступил конец революции».

Возникла новая ситуация и в Европе. В августе 1791 года император Австрии и король Пруссии подписали декларацию о совместных действиях с целью полного восстановления власти Людовика XVI. Сложилась первая антифранцузская коалиция, вдохновляемая Екатериной II. С помощью своих дипломатов она натравливала на Францию Австрию и Пруссию, не спеша, однако, присоединиться к их союзу. Царица «горит желанием втянуть императора и прусского короля в войну против нас, так как тогда она могла бы по-хозяйски действовать в Польше в соответствии со своими желаниями и восстановить в этой стране свое прежнее влияние»¹⁷, — сообщал в Париж в феврале 1792 года французский посол в Вене де Ноай.

В таких условиях для Франции большое значение имела позиция Англии. Выехать на переговоры в Лондон министр иностранных дел Лесар в январе 1792 года предложил Талейрану.

Талейран был готов к своей новой миссии. Дело было не только в способностях этого человека, но и в его политическом опыте, приобретенном в Дипломатическом комитете Учредительного собрания. Вскоре этот опыт будет проанализирован и обобщен в «Записке о нынешних отношениях Франции с другими государствами Европы», которая станет одним из первых манифестов буржуазной дипломатии. Документ датирован 25 ноября 1792 г. Шарль-Морис находился в ту пору в Лондоне.

В «Записке» Талейран подчеркивал, что свободный народ не может строить свои отношения с другими народами на «идеях и чувствах» деспотического правительства; он должен основывать «политические действия на принципах разума, справедливости и всеобщей пользы». Позднее эти слова прочно войдут в словарь буржуазных государственных деятелей и дипломатов, нередко оправдывая агрессивные войны и колониальный разбой, поддержку реакционных режимов и экспорт контрреволюции.

А в 1792 году эти понятия еще не утратили своего значения, так как отражали взгляды передового общественного класса, широко выходившего на историческую сцену. Отражая интересы бур-

жуазии, Талейран писал, что истинное достоинство государства состоит в том, чтобы быть хозяином в своей стране и никогда не иметь нелепой претензии стать хозяином у других. По его словам, «подлинное богатство» государства, так же как и отдельной личности, состоит не в приобретении или завоевании чужих владений, а в использовании своих. Территориальные захваты, осуществляемые «силой и ловкостью», — это «жесткие игры политического безрассудства, ложные расчеты власти». Так оценивались агрессивные войны в «Записке».

Талейрана интересовало прежде всего настоящее и будущее французской внешней политики и дипломатии, иных, отличных от «старого порядка». «Господство иллюзий для Франции кончилось», — писал он, — она достигла зрелости». У страны должна сложиться «новая система ее внешних сношений, полностью аналогичная идеям и интересам, порожденным новой ситуацией».

Как подчеркивалось в «Записке», именно в подходе к внешнеполитическим союзам дипломатия «старого режима» более всего расходилась с новыми законами, с новыми мнениями, с новыми нравами. Для деспотического правительства почти всегда целями союза являлись «нападение, а не оборона, захват чужих владений, а не сохранение своей собственности», — замечал Талейран и продолжал: «Союзный договор между королями или аристократическими государствами почти всегда представляет собой лишь домашнее соглашение между владыками и настоящий заговор против народов». «Семейная дипломатия» и «семейные союзы» осуждены в документе в якобинском духе.

Политический союз — разумный и справедливый акт лишь тогда, когда «он сводится к договору о взаимной обороне». И «Франция должна оставаться в пределах своих собственных границ: к этому ее обязывают ее слава, ее справедливость, ее разум, ее интересы и интересы народов, освобожденных ею». Именно с этими народами, по словам Талейрана, следовало подписывать договоры о братстве и взаимной обороне, только таким образом создаются предпосылки «великой системы освобождения народов», являющейся единственной целью французской внешней политики. И еще одна шутка истории: все эти благородные и гуманные слова были написаны человеком, который затем значительную часть своей долгой жизни посвятил имперской дипломатии, политике закабаления народов Европы и колоний.

Однако далеко не все государства способны быть французскими союзниками, продолжал Талейран. Некоторые из них в силу своего географического положения, различий в принципах правления не располагают средствами для «совместной обороны». С ними, однако, возможны «не постоянные договоры о союзе и братстве, а лишь временные соглашения, затрагивающие политические и торговые интересы, порождаемые обстоятельствами».

Новым во взглядах Талейрана, своего рода знаменем буржуазной эпохи явился особый подход к колониальной проблеме, к актуальным для того времени вопросам международных торговых и промышленных связей. Капитализм уже далеко вышел за рамки национальных границ. Талейран одним из первых в истории буржуазной дипломатии подошел к пониманию интернациональных потребностей и интересов нового класса, которому он, аристократ, хотел он того или не хотел, служил и умом, и сердцем.

В «Записке» рассматривалась возможность англо-французской конвенции, предоставляющей независимость колониям обеих стран. Став самостоятельными, замечал Талейран, колониальные народы смогут активно включиться в систему международной торговли. Он ссылаясь при этом на восстановление американо-английских торговых связей после завоевания Соединенными Штатами национальной независимости. Испанские колонии в Мексике и Перу, по мнению автора «Записки», должны освободиться от иностранного господства, стать самостоятельными государствами. В вопросе о судьбах колоний европейских государств Талейран забежал вперед, слишком опережал свое время. И в финале «Записки» он рисует картину совершенной идиллии: под флагом свободной торговли по морям и океанам плывут корабли Англии и Франции. Это — результат «великой торговой революции», открывающей новые возможности для промышленности, оказывающей мощное влияние на судьбы Европы и Америки¹⁸. При всей наивности (от которой Талейран, казалось, был так далек) этих идей их автору нельзя отказать в новаторском стиле мышления. Подобные мысли были глубоко чужды дипломатам «старого порядка», презиравшим «низменные дела» — промышленные и торговые связи (что, однако, не мешало им брать крупные взятки с предпринимателей и коммерсантов).

Идеи Шарля-Мориса Талейрана отвечали веяниям новой эпохи. И при всех его заблуждениях им несомненно был присущ политический реализм. «Записка» провозглашала принципы новой, буржуазной дипломатии.

В своем окончательном виде «Записка» была подготовлена Талейраном в Лондоне. Несомненно, в ней отразилось и знакомство ее автора с опытом британской внешней политики и дипломатии. Документ свидетельствовал о политической зрелости Шарля-Мориса. Но это была отнюдь не единственная причина его назначения. Возможно, и руководителей революции, и монархистов кандидатура бывшего епископа устраивала именно из-за противоречивости его позиций. Не забудем, что в Лондон он был направлен (да еще и в категорической форме) Лесаром¹⁹. Королевский двор по-прежнему играл значительную роль в сфере внешней политики, и желанным вариантом для него,

несомненно, явилось бы активное участие Англии в вооруженной борьбе против французской революции. А вот союз британской короны с Францией Учредительного собрания королевским советникам представлялся столь же нереальным, сколь и нежелательным. Многие из них понимали иллюзорность надежд на вмешательство Англии во французские дела. Поэтому английский нейтралитет Людовика XVI вполне устраивал, так как не усиливал его противников и в то же время не бросал тени на «патриотизм» короля, правившего «божьей милостью и силой конституционных законов».

Таким образом, для сторонников монархии Талейран являлся наиболее подходящей фигурой. Речи, произносимые им с парламентской трибуны, не пугали тех министров и приближенных короля, которые знали о хранившихся в недоступном для посторонних глаз сейфе записках епископа Отенского, предлагавшего свое содействие Людовику XVI. При дворе учитывали и человеческие слабости Талейрана, его неистребимую любовь к деньгам, рассчитывали и на то, что в среде французов-эмигрантов, имевших доступ в Букингемский дворец, плохо примут вероотступника, объявившего войну самому папе. В общем, с точки зрения тех, кто хотел создать трудности для переговоров, именно Талейрана надо было послать в Англию.

24 января 1792 г. Шарль-Морис прибыл в Лондон. Русский посол в Англии С. Р. Воронцов сообщал 3 февраля 1792 г. в Петербург, что «король весьма мало с ним говорил», а королева «вопреки милостивого и учтивого ее обыкновения говорить со всеми, кой ей представляется, ни слова ему не сказала»²⁰. На приеме она даже повернулась к французскому гостю спиной. Французы-эмигранты подогревали враждебность английского двора. Встретив такой прием, Талейран держался учтиво, но холодно. Говорил он мало, удивляя английских аристократов, привыкших к многословным и темпераментным французам.

В письме Лесара Уильяму Гренвиллю, министру иностранных дел и крестному отцу Уильяма Питта, говорилось, что Талейран выехал в Англию по различным делам, которые «интересовали лично его», и не имеет дипломатических поручений²¹. Официально главой миссии являлся герцог Бирон, который по поручению военного министра Луи де Нарбона должен был закупить 4000 лошадей. При расчетах у него обнаружили фальшивые деньги, и он был арестован. Скандал стал достоянием гласности. В конце концов Бирона освободили, но вся эта неприятная история еще более ухудшила «моральный климат» переговоров²².

Тем не менее Талейран, который еще в июне 1791 года, выступая в Учредительном собрании, говорил об Англии как «естественном союзнике Франции», продолжал считать, что «сближение с Англией не является химерой». Разумеется, он вполне

отдавал себе отчет в том, что союз двух «злейших друзей» — это дело будущего, но заложить его основы надо было уже теперь. «Рано или поздно к этому придут... Но, конечно, не может быть делом одного дня дипломатическая революция, которая таким образом разрушила бы общую систему европейской политики»²³ — писал Талейран.

Питт в конце концов принял посланца из Парижа. Талейран тщательно продумал план переговоров. Прежде всего он определил аргументацию и тактические приемы. Талейран не забыл напомнить и о том, как в 1783 году он принимал Уильяма в замке Сен-Тьери, принадлежавшем его дяде Александру-Анжелику²⁴.

В связи с историей миссии Талейрана в Лондоне автору книги невольно вспомнилась беседа с французским историком Жаном Катру, состоявшаяся в Париже в известной Школе политических наук («Сьянс-по»). Жан занимался историей французской дипломатии в период революции 1789 года.

— Талейран, — говорил тогда Жан Катру, — несколько раз, в феврале и в марте, встречался с Уильямом Гренвилем. Первый элемент плана Талейрана — анализ положения во Франции. Он говорил Гренвилю: «Французская революция свершилась; ей можно причинять неприятности, можно бороться с ней, но она слишком взволновала головы, слишком обогородила чувства, чтобы ее когда-либо удалось уничтожить»²⁵. Искренние ли эти слова? Не знаю. Но разъяснить своему собеседнику смысл происшедших событий Талейран считал совершенно необходимым.

— Только после общеполитического «экспозе» Талейран перешел к основному для него вопросу о нейтралитете Англии в Европе, — продолжал Катру. — Он едва ли не впервые поставил вопрос о международном разделении труда, сказав, что англичанам и французам нужно не соперничество, а сотрудничество: «Две соседние нации, одна из которых основывает свое благосостояние главным образом на торговле и другая — на сельском хозяйстве, призваны, в силу вечной природы вещей, понимать друг друга, взаимно обогащаться». Договоры, подписанные британским правительством, не обязывали его к военной помощи врагам. Помните, что он писал Лесару 3 марта о возможности нейтралитета Англии и принятии ею соответствующей декларации? Он назвал это вопросом, на котором и следовало в первую очередь сосредоточиться²⁶.

Я не мог не согласиться с Катру, обратив, однако, его внимание на некоторые аспекты понимания нейтралитета французским представителем.

— Вы ведь знаете сборник документов «Миссия Талейрана в Лондоне в 1792 году»? — спросил я. — В нем на странице 59 приводятся слова Талейрана о том, что французская

эскадра в Бресте «произвела бы отличный эффект». И вот еще его слова: «Не перестают говорить с утомительным притворством, что мы не имеем ни армии, ни флота, ни правительства, что мы — незначительная нация, мертвая нация в глазах всей Европы. Я хотел бы показать Англии, что это не так, и именно флот явился бы для нее свидетельством нашей жизнеспособности»²⁷.

— Но в Париже многие считали, и справедливо, — заметил Катру, — что Лесар был противником военно-морской «демонстрации». Министр флота Бертран де Молевиль, поощрявший эмиграцию, бегство командного состава военных кораблей, сообщил, что «не осталось ни одного офицера, способного командовать фрегатом». Только тогда Талейран отказался от своего замысла. Он больше не ставил вопроса об эскадре в Бресте, но сожалел об идее, которую считал «справедливой и хорошей», не видя на пути ее осуществления «никакого непреодолимого препятствия»²⁸. Переговоры, подкрепляемые угрозой применения военной силы!

— Что же, этот вечный принцип буржуазной дипломатии не был чужд и Талейрану, — не удержался я от замечания. Жан коснулся и проблемы колоний:

— Талейран предлагал, чтобы обе страны взаимно гарантировали свои колонии. Он был готов и к частным уступкам, в том числе и территориальным. Во имя достижения высших целей французский дипломат предложил, например, уступить англичанам остров Тобаго в Атлантическом океане при условии получения кредитов на сумму 3—4 миллиона фунтов стерлингов. Как замечал Талейран, для Франции эта «жертва была бы равна нулю или почти нулю»²⁹. Всего 300 квадратных километров! Никакого практического значения для французов остров не имел, а англичанам давал «моральное удовлетворение».

— Верно, — согласился я, — ведь мы говорим о Франции, находившейся в состоянии международной изоляции. О стране, у границ которой стояли и уже готовились к нападению вражеские армии. В таких условиях вести переговоры, да еще не имея официальных полномочий, было нелегко. Внешняя политика Англии в это время еще находилась на полпути — от «мирной» контрреволюции к вооруженной борьбе с Францией. Конечно, немалое значение имел и правильный выбор дипломатической тактики.

— Да, Талейран правил но оценивал минусы своего реального положения в Лондоне, — заметил Катру. — В беседах с Питтом и Гренвилем он вначале не затрагивал политические проблемы. Затем, когда необходимые объяснения состоялись, Талейран просил министра не торопиться с

ответом, подчеркивая, что «речь шла не о предложениях с его стороны», а всего лишь «о простых идеях»³⁰. Таким образом, соблюдались приемы реалистической дипломатии: неторопливость, скрывающая степень заинтересованности; готовность дать время собеседнику для подготовки продуманного и взвешенного ответа; умение своевременно взвесить контрпредложения другой стороны и внести допустимые коррективы в свои планы, не меняющие их главных ориентаций.

В конце нашей беседы Катру спросил:

— Вы ведь знакомились с материалами русского архива. Имеются ли там сведения о миссии Талейрана в Лондоне?

— Да, русский посол Сергей Романович Воронцов внимательно следил за ходом переговоров. Вот мои выписки из его сообщений. Талейран, пишет Воронцов, «без публичного характера негоциатор». А вот он сообщает о том, что французский представитель предлагал «разорение шербургской плотины и укрепление всего порта, да еще уступку острова Тобаго, который Англия потеряла прошедшим миром. Но первое уже не может быть важно для Англии, ибо порты без кораблей нисколько неопасны, а оные скоро совсем исчезнут поелику, что новых не строят, а старые гниют; сверх того за неимением денег работы в Шербурге остановлены». Посол делал вывод о том, что «Талейран-Перигор, бывший епископ Отенский, по-видимому и что известно в публике, не успевает в своей негоциации, что и неудивительно, ибо нельзя никакой державе связать себя союзом с Францией, где нет никакого правления: где вся внутренность ежедневно наивысше расстраивается; деньги, кредит, торговля и навигация исчезают и где глупость, невежество; и большинство народного собрания дошло до такой степени, что оно начинает быть презираемо в самой Франции и само себе приготовляет свое падение»³¹. Не щадил царский посол французскую революцию!

Беседа с Жаном Катру позволила мне лучше понять положение, в котором в тот период на мировой арене находилась Франция.

...Талейран вернулся в Париж 10 марта 1792 г. Его усилия не пропали даром: «Фактический нейтралитет Англии неоспорим», — считал Шарль-Морис. Но в Лондоне по-прежнему не было официального французского представителя. Талейран предложил направить туда 26-летнего маркиза Франсуа-Бернара Шовелена. После долгих проволочек Шовелена назначили посланником в Лондоне. Однако руководил переговорами по-прежнему Талейран, вновь от-

правившийся в конце апреля в британскую столицу. Он и не скрывал своей ведущей роли³².

Делегация Франции следовала программе, которую сформулировал ранее Талейран. Оборонительный союз с Англией — дело отдаленного будущего. Поэтому делегаты уделяли особое внимание реальному содержанию английского нейтралитета, добиваясь сохранения в силе англо-французского торгового договора 1787 года. В обмен на предоставление Англией займа в 3—4 миллиона фунтов стерлингов и правительственных гарантий Франция была готова уступить англичанам остров Тобаго³³.

К этому времени обстановка в Европе вновь круто изменилась. 20 апреля 1792 г. Франция объявила войну Австрии. Французские войска вторглись в Голландию. «После моего приезда в Лондон мне показалось, что умы крайне взволнованы известием о войне между Францией и Австрией», — сообщал в Париж Шовелен. Курсы ценных бумаг на Лондонской бирже упали. Действуя через Шовелена, Талейран добивался определения английской позиции в этих изменившихся обстоятельствах. И в Париже торопились. Сменивший казенного Лесара, новый министр иностранных дел Шарль Дюмуре 22 мая настаивал на скорейшей публикации «официальной декларации», обещанной Гренвилем³⁴.

25 мая в Лондоне было обнародовано заявление английского короля, в котором, хотя и не упоминалось слово «нейтралитет», запрещалось вооружение каперских судов, а их действия объявлялись противозаконными. Таким образом фактический нейтралитет Англии был официально подтвержден³⁵.

Первая дипломатическая миссия Талейрана завершилась успешно. Присоединение Англии к антифранцузской коалиции было отсрочено. Бывший епископ раскрыл свои способности теоретика и практика буржуазной дипломатии. Казалось, пришло время для официальных и неофициальных поздравлений, наград и, разумеется, денежных поступлений. Но...

...В ночь с 9 на 10 августа 1792 г. Париж не спал. Раздавался колокольный звон. Гремели пушечные выстрелы. Толпы вооруженных людей двигались к Тюильрийскому дворцу. Штурм его завершился падением королевского режима. Людовик XVI и члены его семьи оказались в заключении в замке Тампль.

Народное восстание победило. Крупная буржуазия и аристократия были отброшены от власти. В новом правительстве —

Временном исполнительном совете ведущую роль играл Жорж Дантон. По его поручению к 18 августа 1792 г. Талейран подготовил документ, цель которого состояла в том, чтобы разъяснить правительствам иностранных государств, и прежде всего Англии, нейтралитет которой Французской республике необходимо было сохранить, причины уничтожения монархии. Для Шарля-Мориса это был трудный шаг. Он понимал, что монархисты не простят ему публичного осуждения Людовика XVI. Но Талейран уже не верил в возможность реставрации монархии во Франции. Он считал, что с Бурбонами покончено навсегда. Любой ценой надо было приспособляться к новым веяниям и новым людям — к Дантону, Робеспьеру и Марату.

Бывший епископ в своей новой записке осудил королевский режим. Он писал, что Людовик XVI использовал золото, чтобы «погасить или ослабить горячий патриотизм» (заметим, что «патриот» Талейран попытался после смерти Мирабо вместо него получить за свои услуги деньги из королевской казны). Король, писал Талейран, окружал себя «врагами свободы», людьми, «преданными контрреволюции». Препятствуя подготовке широкого заговора, писал новоявленный революционер, вооруженный народ Парижа бросился на штурм Тюильри. «Во имя общественного спасения и для безопасности самого короля» Национальное собрание «освободило» его от выполнения государственных функций. Талейран завершил записку своей знаменитой фразой: «Отныне во Франции существует только одна партия»³⁶.

У Талейрана сложились хорошие отношения с Дантоном. Но Дантон был недостаточно надежной защитой. Его положение не являлось прочным, а революционная Коммуна Парижа во главе с Робеспьером действовала решительно. По ее настоянию Законодательное собрание создало Чрезвычайный трибунал по борьбе с контрреволюцией. Начались обыски и аресты. Карающий меч якобинцев повис прежде всего над головами друзей Талейрана. Рассказывают, что в своем экипаже он вывез из столицы и довез до границы Бомера и Нарбона. Для Шарля-Мориса это был необычайно смелый поступок³⁷.

События 10 августа и их последствия, однако, серьезно обеспокоили Талейрана. Он обладал удивительным умением своевременно предвидеть грозившую ему опасность. Чувствовал ее он и теперь. Об этих днях он писал: «Моей истинной целью было уехать из Франции, где мне казалось бесполезным и даже опасным оставаться, но откуда я хотел уехать только с законным паспортом, чтобы не закрыть себе навсегда пути к возвращению»³⁸. Но получить паспорт стало делом

трудным. Его выдавали лишь лицам, выполнявшим поручения правительства, морякам и коммерсантам.

Тогда бывший епископ обратился к Временному исполнительному совету с просьбой разрешить ему выезд в Англию для продолжения дипломатической миссии. Сердце его переполняли недобрые предчувствия. Талейрану отказали. Но страх подгонял его: бежать из Парижа, бежать, и как можно скорее! Он обратился к министру юстиции Дантону с новым предложением — направить его в Лондон для участия в англо-французских переговорах по вопросу о введении в обеих странах единой системы мер и весов. Не так давно он действительно занимался этой проблемой, и предлог мог оказаться вполне благовидным. Талейран не выходил из приемной министра на Вандомской площади. И вот 7 сентября он, наконец, получил паспорт, подписанный шестью министрами временного правительства. Не теряя ни минуты, Шарль-Морис отправился в путь и через восемь дней ступил на английскую землю.

Итак, началась новая жизнь Талейрана — уже не депутата, не министра, не дипломата. Проблема мер и весов была забыта. Он попытался установить деловые связи, предложил лорду Гренвиллю информацию о положении во Франции, а новому министру иностранных дел Французской республики — Лебрену — свои услуги. Но оба адресата промолчали³⁹.

Но худшее было впереди. Министр внутренних дел Ролан, осматривая Тюильри, нашел в секретном сейфе дворца письма Мирабо, разоблачающие его связи с двором, а вместе с этими письмами — и две записки Талейрана — от 20 апреля и 3 мая 1791 г., из которых следовало, что он предлагал тайное сотрудничество Людовику XVI. Последовала молниеносная реакция Конвента. Бывшему главе Дипломатического комитета было предъявлено обвинение в измене. Его бумаги опечатали, в доме произвели обыск, а имя внесли в «Общий алфавитный список эмигрантов Республики» вместе с семнадцатью членами его семьи, включая мать и архиепископа Реймского, находившихся в Германии. Шарль-Морис оказался вне закона.

Надо было привыкать к бездействию — состоянию совершенно новому и непривычному для Талейрана. И это после напряженных дискуссий в Учредительном собрании и недавних сложных переговоров в Лондоне! Оставалось только одно — ждать. Ждать перемен. Может быть, долго. И ему приходили на память слова кардинала Армана Ришелье: «Пусть поработает время, и в этом ожидании следует находить утешение».

...Обосновался Талейран в зеленом районе Лондона, неподалеку от Гайд-парка. Средства его были ограничены. Пришлось продать привезенную из Парижа библиотеку. Богатые книго-

любы не хотели связываться с французским эмигрантом, пользовавшимся плохой репутацией. За книги он получил всего 750 фунтов стерлингов — сумма небольшая для человека с размахом и потребностями Шарля-Мориса.

Связи в Лондоне завязывались с трудом. Двери многих аристократических домов оказались закрытыми. Но через старого знакомого, лорда Ленсдауна, он познакомился с Джорджем Каннингом, впоследствии лидером тори и британским премьер-министром; Джозефом Пристли, известным философом-материалистом и естествоиспытателем; Иеремией Бентамом, философом, социологом и юристом; Чарлзом Фоксом, лидером радикального крыла вигов, осуждавшим войну Англии против ее североамериканских колоний.

Прибежищем для изгнанника в конце концов стал кружок его друзей, которых ему удалось разыскать. Многие из них чудом спаслись от гильотины. В Лондоне находился Бомерц. Здесь жил и Нарбон. Прибежище в Лондоне нашел Лалли-Толендаль, который голосом, заставлявшим дребезжать стекла, декламировал друзьям свои трагедии. Встречался с Талейраном и Матье Монморанси-Лаваль. Этот 25-летний молодой человек, уже успевший повоевать в Америке против англичан, теперь жил среди бывших врагов. Все эти аристократы, ненавидевшие «чернь», безжалостно осуждали якобинцев, проводили время в бесконечных разговорах на политические темы и искали утешение в литературе, музыке и зрелищах. Судьбы родины, ставшей столь далекой и чуждой, интересовали лондонскую компанию главным образом с точки зрения личных интересов.

Душой общества были две привлекательные и образованные дамы — Аделаида де Флао, приехавшая с сыном Талейрана, маленьким Шарлем, и Жермена де Сталь. Обе были близки с Талейраном. И вот все трое оказались вместе в изгнании! Но такие пикантные ситуации не пугали отставного епископа. Он умел из них выходить.

Аделаида находилась в стесненном материальном положении. Она обратилась за помощью к Шарлю-Морису, но Талейран, сам испытывавший денежные трудности, не мог поддержать ее. Вскоре ее роман «Адель де Сенанж» помог мадам де Флао выйти из затруднений. Аделаида, став свободнее в средствах, вскоре уехала в Швейцарию.

С Жерменой де Сталь Талейрана связывала старая дружба. Он высоко ценил ее ум, ее литературный талант. В Лондоне Жермена читала своим друзьям философско-поэтический этюд «Влияние страстей на счастье людей и наций», посвященный революционным событиям. Талейран был в восторге от стиля и мыслей писательницы. Но он был невнимателен

к ней, и Жермена нашла утешение в связи с Нарбоном, которого давно знала. Не без ее участия он стал в декабре 1791 года военным министром. Жермена нравилась Нарбону. Она была крупной и сильной женщиной с широкими плечами, резкими чертами лица. Ее яркие черные глаза горели внутренним огнем, привлекавшим окружающих. Несколько экстравагантная, мадам де Сталь нередко была в салонах мишенью для шуток. Жермена также уехала в Швейцарию в мае 1793 года. Талейран хотел последовать за ней. Однако швейцарские власти его не приняли.

Но пребывание в Лондоне оказалось непродолжительным. 24 января 1794 г. около пяти часов вечера два человека в черной одежде явились в дом Талейрана и передали ему королевское предписание покинуть Англию⁴⁰. Обращения к Питту и Гренвиллю помогли лишь отложить срок выезда на четыре недели. Но куда ехать?

Флоренция, как и Швейцария, не хотела его принимать. О Пруссии не могло быть и речи. В России репутация «революционера» не оставляла Талейрану никаких надежд на расположение императрицы. Наконец, он остановил свой выбор на Соединенных Штатах. «Я принял решение... В тридцать девять лет я начинаю новую жизнь»⁴¹, — писал Талейран мадам де Сталь за несколько часов до того, как поднялся вместе с Боцефом на палубу корабля, отправляющегося в заатлантические дали...

К какому берегу пристать? Для Талейрана этот вопрос имел отнюдь не только географический смысл. С революцией ему было не по пути — она развивалась в направлении, которое он не мог принять. Может быть, каким-то шестым чувством Шарль-Морис предугадывал, что якобинцы рано или поздно уйдут со сцены. Они далеко, слишком далеко зашли... Но и монархия исчерпала себя. «Дом Бурбонов — для Франции конченный дом», — писал он мадам де Сталь еще в ноябре 1793 года. Талейран не расстался с этой мыслью и много лет спустя, когда вернулся на службу к наследникам казненного короля. Революция оставила глубокий след и в образе его мышления, и в понимании хода исторических событий. Дворянин по рождению, он прочно связал себя с новой «аристократией денежного мешка». Ей Шарль-Морис теперь служил и вместе с ней приспособливался к обстоятельствам.

А на родине распоясавшаяся «чернь» перешагнула все границы допустимого для Талейрана. Она не только разбила вдребезги трон, но замахнулась на святая святых — на собственность. Необходимо было положить конец дальнейшему развитию революции. «Если будет контрреволюция в нашем смысле, в ней следует участвовать»⁴², — говорил бывший епис-

коп, тот самый, что служил мессу на Марсовом поле в день годовщины взятия Бастилии и предложил Учредительному собранию национализировать церковную собственность. Он клеветает на героев славного 1793 года: «Клубы (это слово по-французски означает также «дубинка». — Ю. Б.) и пики убивают энергию, приучают к скрытности, к низости». И далее: «Начиная с вождей якобинцев, склоняющихся перед гильотиной, и кончая самыми честными гражданами, существует в настоящее время только цепь низости и лжи, первое звено которой теряется в грязи»⁴³. Он негодует: «Я ненавижу французов, для меня было бы удовольствием как следует избить этих негодяев». Над буржуазным либералом взял верх сторонник контрреволюции.

Для Талейрана, оказавшегося далеко от родины, без занятий, без звания и состояния, выход был один — ждать. Ждать он умел. Опыт дипломата подсказывал ему, что это тактика, которую любит фортуна. А ведь и по-французски, и по-английски фортуна означает не только судьбу, но и успех, состояние, богатство. За этим и ехал он в далекую Америку, где, как тогда говорили, состояния делаются легко. Ну что же — в дальний путь!

ГЛАВА IV

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ В АМЕРИКЕ

марта 1794 г. Талейран поднялся на борт парусного судна, носившего имя Уильяма Пенна — английского квакера, основавшего колонию Пенсильвания. Оставшийся на набережной Нарбон с платком в руке долго следил за тем, как судно медленно двигалось по Темзе.

Жестокий шторм, обрушившийся на корабль на второй день плавания, показался Талейрану несравненно менее опасным, чем

недалекий пока французский берег: там его ждал арест, а затем — неизбежная гильотина. Но судьба и на этот раз благоприятствовала Шарлю-Морису. «Уильям Пенн» вернулся к английским берегам, в Фальмут, для ремонта пострадавших снастей. А через 38 дней спокойного плавания корабль достиг устья реки

Делавер. В 160 километрах от побережья Атлантического океана находилась временная столица Соединенных Штатов — Филадельфия.

Много необычного было в этом городе для европейца. Длинные симметричные улицы с домами из красного кирпича и мраморными фронтонами. Монументальное здание биржи. Магазины, переполненные товарами из Парижа и Лондона. Оживленный порт с его яркой, многоцветной толпой солдат, матросов, рабочих, квакеров в их традиционных темных костюмах. Казалось, добрая половина из 30 тысяч жителей Филадельфии день и ночь находилась здесь, на набережных порта.

Цель Талеярана состояла прежде всего в том, чтобы как можно быстрее войти в филадельфийское общество. Он хотел сблизиться с политическими лидерами Соединенных Штатов. Однако прием, оказанный французскому эмигранту в Филадельфии, не внушал больших надежд.

Видные представители местного общества знали об отлучении Талеярана от церкви, о его более чем сомнительной репутации. Французы-монархисты, жившие здесь, считали, что бывший епископ изменил церкви, религии и королю, а эмигранты-якобинцы готовы были поставить гильотину для Шарля-Мориса в любом пригодном для этой цели месте города. Не могло быть и речи о содействии со стороны посланника Франции при федеральном правительстве.

Французскую республику представлял в Филадельфии Эдмон Жене. До июля 1792 года он работал в посольствах в Берлине, Вене, Петербурге. Тридцатилетний дипломат, жироидист, прибыл к новому месту своей дипломатической службы, когда Соединенные Штаты заявили о своем нейтралитете в войне в Европе. Он призывал к военным операциям против Луизианы и Флориды, принадлежавших Испании, которая находилась в состоянии войны с Францией. Жене использовал американские порты для вооружения каперов, нападавших на английские торговые корабли. Когда Соединенные Штаты отказались выплатить свой долг Франции, французский дипломат открыто атаковал президента США на страницах прессы. Жене писал, что «Соединенные Штаты приносят в жертву прибыли интересы своего союзника», а «Франция наказана за свою веру в честь американского флага»¹. Вашингтон немедленно потребовал отзыва Жене. Возможно, что его бурная деятельность содействовала принятию 5 июня 1794 г. конгрессом Соединенных Штатов закона о нейтралитете, запрещавшего вооружение и оснащение в американских портах военных кораблей за счет одного из участников конфликта; рекрутирование на американской земле воюющей стороной солдат экспедиционного корпуса и т. д.

По решению Комитета общественного спасения вместо Жене в феврале 1794 года в Филадельфию прибыл якобинец Жозеф Фоше (якобинизм не помешал ему впоследствии стать префектом императора французов), который сделал все возможное, чтобы не позволить Талейрану установить контакты с Вашингтоном². Фоше не останавливался даже перед угрозами: «Если Талейран будет принят в президентском дворце, я никогда больше там не покажусь; следует выбирать между эмигрантом и мною».

Из крупных государственных деятелей Соединенных Штатов Талейран установил дружественные отношения только с Александром Гамильтоном, прекрасно владевшим французским языком. (Он и темпераментом напоминал француза, да и погиб как королевский мушкетер — на дуэли.) Характеры их нельзя было назвать похожими, но они легко нашли общий язык и общие интересы.

Гамильтон быстро делал карьеру. Уже в 26 лет он представлял штат Нью-Йорк в американском конгрессе, в 32 года — возглавил финансовое ведомство и осуществил ряд мер по укреплению национальной валюты, создал Банк Соединенных Штатов, добился известного равновесия государственного бюджета.

Талейран сумел понять движущие силы американского общества: это прежде всего — «деньги, эти дьявольские деньги...»³. В своих «Мемуарах» он рассказывает об американце, в доме которого жил. Этот янки истинно великими людьми считал только богатей. Говорить он мог лишь о торговле, ценах и процентах⁴. А вот еще одно наблюдение: в этой стране, пишет Талейран, «я не нашел никого, кто не был бы готов продать свою собаку»⁵. В Америке, подводит он итог, «деньги — это единственный всеобщий культ»⁶.

Не только всевластие доллара увидел в Америке Талейран. Словно предвидя будущие экспансионистские устремления американского капитала, он писал в одном из своих личных писем: «На Америку Европа должна всегда смотреть открытыми глазами и не давать никакого предлога для обвинений или репрессий. Америка усиливается с каждым днем. Она превратится в огромную силу, и придет момент, когда перед лицом Европы, сообщение с которой станет более легким в результате новых открытий, она пожелает сказать свое слово в отношении наших дел и наложить на них свою руку. Политическая осторожность потребует тогда от правительств старого континента скрупулезного наблюдения за тем, чтобы не представилось никакого предлога для такого вмешательства. В тот день, когда Америка придет в Европу, мир и безопасность будут из нее надолго изгнаны»⁷. Пророческие слова!

Но прозорливый епископ считал, что процветание Соединенных Штатов Америки возможно лишь в том случае, если «стремление к захватам и вторжениям перестанет влиять на общий характер отношений американцев с другими народами»⁸. Правда, пройдет всего лишь несколько лет после возвращения Талейрана из Соединенных Штатов во Францию, и он сам станет активно содействовать территориальным «приобретениям» Наполеона. Но это дело будущего. А пока эмигрант, отброшенный революцией за Атлантический океан, являлся скорее исследователем и коммерсантом, чем дипломатом.

Изучение опыта развития США оказало большое влияние на Шарля-Мориса. Его еще больше, чем прежде, стали занимать перспективы хозяйственного и политического развития колоний, вопросы их взаимоотношений с западными метрополиями. Немногие государственные деятели на Западе, и тем более дипломаты, занимались в конце XVIII века столь практическими вопросами. Абсолютистский характер политики сводил дипломатическое искусство к безропотному исполнению монаршей воли, к политическим переговорам «в верхах» и салонным беседам. Позиция Талейрана была принципиально иной. Он ввел проблему колоний в теорию и практику буржуазной дипломатии.

К каким выводам пришел Талейран за время своего пребывания в Соединенных Штатах Америки? Западным метрополиям необходимы колонии. И Франция должна не только сохранить свои заморские владения, но и приобрести новые. Основные направления ее колониальной экспансии — Африка и Египет. Так, за несколько лет до «египетской экспедиции» Бонапарта его будущий министр внешних сношений уже думал о ней, смягчая некоторые позиции, некогда изложенные в его лондонской «Записке».

«Колония должна быть независимой в политическом отношении, свободной в области производства, в создании своей промышленности, в торговле. И пусть совершенно не опасаются такой свободы». Это была смелая даже для эпохи французской революции (да и для наших дней, особенно если подумать о современных западных неокOLONизаторах!) идея, в конечном счете отвечавшая потребностям развития капитализма.

Обобщая опыт, приобретенный в США, Талейран предлагал изменить характер отношений между метрополиями и их колониальными владениями, отказаться от примитивного меркантилизма, исходить из общности языка (энергично пропагандируя и распространяя его), культурных традиций (создавая и утверждая их), религии и т. д. «Это очевидно для

Луизианы, оставшейся французской, хотя она находится под испанским господством на протяжении более чем тридцати лет; для Канады, хотя англичане здесь пребывают у власти то же время. Колонисты в обеих этих странах были французами и ими же остаются сейчас»⁹.

Таким образом, почти двести лет назад Талейран был одним из тех, кто начал придавать большое значение проблемам культурных отношений между западными метрополиями и колониальными народами. Он считал, что рано или поздно большая часть колоний Франции, и в частности колониальные владения на американском континенте, отойдет от нее. Шарль-Морис писал: «Если подобные события неизбежны, то нужно по меньшей мере задержать их наступление и использовать время, которое нас от них отделяет»¹⁰. Автор этих строк, будучи в Соединенных Штатах, не только изучал перспективы развития колоний, но и анализировал взаимоотношения между западными государствами — Англией, Францией и США. Этот комплекс проблем мы теперь обозначаем словами «атлантичская солидарность» и «атлантические противоречия»...

Через несколько месяцев после своего приезда в Филадельфию, 1 февраля 1795 г., Талейран отправил лорду Ленсдану большое письмо, посвященное взаимоотношениям трех атлантических держав. Его главный вывод: «Соединенные Штаты Америки хотят и могут быть полезными Англии в значительно большей мере, чем Франции».

В чем же причины англо-американского сближения после недавней войны? В общности языка и законодательства, отвечает Талейран. «Побывайте на заседаниях конгресса, местных выборных органов. Последите за дискуссиями, которые предшествуют подготовке национальных законов. Что цитируют? Где находят аналогии? Где ищут примеры? — В английских законах, обычаях или регламентах парламента Великобритании».

Существовавшие ранее отношения между Америкой и Англией — отношения подданного и суверена — «бесповоротно разрушены», и любая попытка возродить их равносильна «бреду больного воображения». Между двумя странами складывались новые связи, прежде всего экономические, жизненно необходимые для Соединенных Штатов. Американская промышленность находилась на начальной стадии своего развития. Преобладающую роль в экономике играло сельское хозяйство. Страна испытывала недостаток в капиталах и рабочей силе. Постоянная зависимость от импорта приводила к хроническому дефициту торгового баланса.

Ряд причин, по словам Талейрана, объяснял полную зависимость Соединенных Штатов от импорта из их бывшей колониальной метрополии: «Итак, американский торговец связан с

Англией не только природой своих сделок, необходимостью кредита, который он в этой стране получает, значением полученного кредита, но также законом, непреодолимо ему навязываемым волей потребителя. Эти связи настолько реальны и из них следуют столь постоянные торговые отношения между двумя странами, что Америка имеет урегулированный валютный обмен только с Англией; она не имеет его с Голландией; она вовсе не имела его с Францией, даже до французской революции». Таким образом, по Талейрану, англо-американские отношения развивались на прочном материальном и духовном фундаменте.

Как оценивал Талейран возможность франко-американского сближения? Такая перспектива представлялась ему сомнительной. Разумеется, американцы знали, что без Франции «им не удалось бы стать независимыми». Но политике неизвестна «добродетель, которую называют признательностью». Тем более, что действия французов далеко не всегда отвечали американским интересам, и в конце концов «руководители американского правительства начали недоверчиво относиться к братству с французами».

Кроме того, Франция не могла соперничать с Англией в продаже промышленных изделий на американском рынке, равно как и в предоставлении долгосрочных кредитов. Французские деловые круги торопились спасти хотя бы часть своей собственности от конфискаций и с этой целью направляли в Америку те товары, которые им удавалось найти. «Спекуляция отчаяния» — так называл Талейран французские торговые операции в США.

«Американцы останутся независимыми, и они будут более полезными Англии, чем любое другое государство», — эти слова завершили письмо Талейрана лорду Ленсдауну. Что же касается французской внешней политики, то ей не следует ориентироваться на сближение и тем более на соглашение или союз с Соединенными Штатами. Из этого и предлагалось исходить французской дипломатии¹¹.

Аргументация Талейрана еще не была вполне типичной для того времени. Но с его помощью в круг ее интересов все более входили актуальные для поднимающейся буржуазии вопросы экономики, торговли, финансов и кредитов, развития промышленности и сельского хозяйства. Многие взгляды бывшего епископа отвечали потребностям восходящего класса, утверждавшего свое господство и во Франции.

«Мои американские университеты» — так мог бы оценить Шарль-Морис свое пребывание в Новом Свете. Ему действительно пришлось многому учиться (отставной епископ не без труда изъяснялся по-английски). «Нужно снова немного раз-

богатеть», — писал Талейран Жермене де Сталь 12 мая 1794 г. вскоре после своего приезда в Филадельфию. Но при этом он с известной грустью констатировал: «Здесь можно заработать много денег, но это могут лишь люди, которые их уже имеют»¹². А Талейран пока не входил в их число.

Начинать следовало с деловых знакомств и связей. Шарлю-Морису этот путь был хорошо известен. И он ищет и находит нужных людей, прежде всего банкиров и коммерсантов, представителей фирм.

В Филадельфии Талейран встретил Теофила Казенова, человека, связанного с голландским капиталом. С Теофилом он познакомился еще до революции в Париже у своего учителя политэкономии банкира Паншо из Женевы. Между ними установились дружеские, доверительные отношения. Через Казенова Талейран вступил в контакт с одним из самых крупных банков Нью-Йорка «Ле Руа и Байер», с известным бостонским коммерсантом Стивеном Хиггинсоном, с парижским банкиром швейцарского происхождения Конрадом Хотингером и с другими. Большую помощь Талейрану в Соединенных Штатах оказал банкир и судовладелец М. Олив.

Вскоре после приезда в Америку Талейран предложил Жермене де Сталь участвовать в земельных и финансовых операциях в Соединенных Штатах. Но дочь Неккера предпочитала не смешивать любовь и деньги. Ее интересы представляли более надежные, чем ее парижский друг, лица. Шарль-Морис, казалось, не чувствовал себя обиженным. Он сообщил де Сталь, что готов оказать ее знакомым содействие в спекуляции земельными участками, получая за это комисионные, предложил представлять в США интересы ее отца. Все эти обращения остались без ответа. Репутация Талейрана была далеко не безупречной, особенно в глазах людей, хорошо знавших его нравы.

По поручению Казенова Талейран, Бомец и голландец Гейдекопер совершили длительную поездку по стране. Она продолжалась более четырех месяцев. Друзья побывали на севере Пенсильвании, в штатах Нью-Йорк, Нью-Джерси, Делавер и в других районах.

Хромота вынуждала Талейрана путешествовать либо верхом, либо в лодке. Одет он был в соответствии с местными вкусами. Рубашка из холста. Штаны — «такие же, какие носят на голом теле». Высокие сапоги из оленьей кожи, без подошвы. Ноги обернуты красным драпом для защиты от колючек. К поясу прикреплены небольшой топор, кинжал и нож. На одном плече — шерстяное одеяло, на другом — карабин, порох и пули. Вместо шляпы — красный платок. В руках — длинная палка для измерения глубины брода. Однако только часть этого

грозного походного инвентаря водрузил на себя Талейран. Остальное находилось под рукой — на лошади или на спине носильщика. Нелегко представить себе всегда напудренного и изысканно одетого, холеного французского аристократа в одежде американского охотника или лесоруба конца XVIII века.

Поездка была непривычной для Талейрана: полное отсутствие комфорта. Путешественники избегали постоянных дворов, где останавливались на ночь охотники, плантаторы, индейцы. Они спали на одной общей кровати — круглом каркасе вокруг столба — головой наружу. Шарль-Морис и его спутники предпочитали собственные палатки.

Со встречными жителями они разговаривали о ценах на землю, способах ее обработки, урожаях и себестоимости продукции. Некоторым из них они вручали заранее подготовленный Казеном вопросник. Но главное — личные наблюдения Талейрана и его спутников. Им бросалась в глаза экономическая отсталость страны. В одном и том же месте можно было увидеть и натуральный обмен, и вексели, предназначенные для оплаты в Европе. «Менее чем в пятидесяти лье от столицы не было видно и следа человеческой деятельности», — писал Талейран и продолжил: нельзя сделать ни одного шага, не убедившись в том, что «непреодолимое естественное развитие требует, чтобы многочисленное население оживило наконец эти безжизненные земельные просторы, ждущие только оплодотворения их человеческой рукой»¹³.

В отчете, подготовленном Талейраном для Казенова, отмечались большие трудности, стоявшие на пути освоения отдаленных районов, в которых побывали путешественники. Нездоровый климат. Долгая и суровая зима. Отсутствие дорог, необходимых для нормальных торгово-экономических связей. Поэтому даже самые близкие рынки оказывались труднодоступными.

Длительная разведка была закончена, и наступила пора активных действий. Но предприятия друзей были в значительной своей части неудачными. Разочарованные неудачами в Америке Талейран и Бомец задумали операцию «Индия».

Сказочные богатства Индии давно будоражили пылкое воображение Талейрана. Драгоценные камни. Роскошные дворцы с прекрасными женщинами и невиданными яствами. А за всеми этими яркими картинками — баснословные доходы английских и французских торговцев, обосновавшихся на индийской земле.

Калон и банкир Паншо в последние годы существования монархии восстановили знаменитую компанию Восточной Индии, основанную еще Людовиком XIV. Она вновь получила монопольные права в сфере финансовых и торговых отношений

с этой далекой страной. Вскоре частные французские фирмы, торговавшие с Индией, начали разоряться, а швейцарские банки наживались на спекулятивных сделках. Но 14 августа 1790 г. Учредительное собрание упразднило компанию Восточной Индии.

Шарль-Морис решил, что пришел и его час. В конце 1790—начале 1791 года он подготовил записку о создании в Париже Индийского банка, который явился бы посредником между европейскими деловыми кругами и индийскими владельцами и дельцами. Замысел не был осуществлен. В бурное революционное время французские капиталисты не решались пускаться в рискованные авантюры. Но Талейран не отказался от своей идеи. Операция «Индия» не выходит у него из головы. И вот он снова возвращается к ней, к своему прежнему проекту Индийского банка, переименовав его теперь в Азиатский банк Соединенных Штатов. Он знакомит со своей идеей Казенова. Но представляемые им голландские банкиры проявляли осторожность и не торопились с ответом.

А друзья—Талейран и Бомец—уже готовились к отъезду в Индию. Специально купленный для этой цели корабль «Азия» был нагружен товарами стоимостью в 15 тысяч долларов. Но к этому времени политическая обстановка во Франции изменилась. Талейран начал готовить свое возвращение на родину. А 27 мая 1796 г. Бомец и его жена одни отплыли в Калькутту. Это было долгое, но сравнительно спокойное путешествие. Через пять с половиной месяцев «Азия» вошла в устье Ганга.

Однако дела Бомеца в Индии сразу же оказались в тупике. К нему относились с недоверием, а из Лондона требовали высылки Бомеца в Соединенные Штаты. Он отбил атаку: могущественные знакомые оказали влияние на английского губернатора. Но продать ему ничего не удалось. «Я никогда не находился в более неприятном положении»,—писал Бомец Талейрану. Для возвращения корабля в Америку нужен был кредит. Получить его оказалось делом трудным, почти невозможным. «Легче найти здесь лед, чем деньги»¹⁴. Кое-как ему удалось получить необходимые средства, и «Азия» отплыла в Соединенные Штаты. В своем последнем письме Талейрану, датированном 20 ноября 1798 г., Бомец сообщил о полном провале операции «Индия». И хотя к тому времени благодаря усилиям Шарля-Мориса его исключили из списка эмигрантов и появилась возможность для возвращения во Францию, Бомец не захотел ею воспользоваться. Он так и умер в Калькутте в 1809 году.

Индийское предприятие друзей увлекло нас далеко впе-

ред. Вернемся теперь снова в Новый Свет, к нашему герою. Талейран еще пребывал в этом краю. Мечта о скором обогащении развеялась как дым. Но у энергичного эмигранта имелись и другие планы, несравненно более реальные. Среди них: создание в Соединенных Штатах банка, имеющего сеть корреспондентов в европейских государствах, валютные операции, земельные спекуляции.

Талейран энергично торговал землями главным образом в северо-западном районе страны. «Земельная лихорадка» была в то время в разгаре в Америке. Бывший епископ понимал ее широкие возможности и перспективы. Он писал в мае 1795 года: «Никакое другое использование денег не связано со столь малым риском и не обещает таких прибылей». Мысль, несомненно, была правильной. Но для покупки земельных участков не хватало средств. И многие проекты так и остались нереализованными.

Наиболее крупную сделку Талейран совершил в начале 1796 года. Он купил у Роберта Морриса — крупного финансиста, в конечном счете обанкротившегося и попавшего в тюрьму, — почти 107 тысяч акров земли и перепродал их в течение нескольких месяцев. «Заработал» Талейран на этой операции свыше 142 тысяч долларов. Подобные удачи, однако, были крайне редкими.

И другие авантурные проекты зародились в уме Талейрана. Продавалась, например, земельная собственность американского генерала, участника войны за независимость Соединенных Штатов Генри Нокса. Предприимчивый эмигрант предложил создать для этого акционерное общество, надеясь нажиться на посреднических операциях. Затея сорвалась. С крупным банкиром Бурдые Шарль-Морис попытался договориться о закупке осенью зерна и муки в Англии по низким ценам с тем, чтобы весной спекулировать продовольствием в Нью-Йорке. Была и другая «доходная» идея — использовать разницу в ценах на бумаги американского казначейства, существовавшую на валютных рынках в США и Англии. Талейран попытался, но неудачно, создать новый банк, который финансировал бы торговые связи с Антильскими островами.

Все планы и идеи Талейрана преследовали одну цель: обогащение в короткие сроки и любыми средствами. Он был буквально «болен» деньгами и вполне вписался в американский образ жизни. Неудачи не обескураживали его, одна авантюра следовала за другой. Но счастье редко улыбалось, и стать миллионером в Америке аристократу-эмигранту не удалось. Серьезных финансовых затруднений он, правда, тоже не испытывал, располагая значительными

доходами. Главная его слабость состояла в отсутствии свободных средств. Талейран не был крупным капиталистом, а всего лишь агентом, посредником, работавшим для банков и крупных фирм. Однако опыт изучения торгово-экономических и финансовых проблем позволит нашему герою в будущем по-новому подходить к дипломатическим переговорам и соглашениям.

Может быть, жизнь французского эмигранта проходила в одних лишь делах, занимавших его день и ночь? О, нет! Талейран слишком любил жить в свое удовольствие. Ложился он спать поздно — в три-четыре часа утра. Вставал же сравнительно рано — около десяти часов. Завтрак всегда был легким: яйца, тартинка, немного фруктов, стакан воды, подкрашенной мадерой. Такое меню сохранилось у него и после возвращения во Францию.

После обеда — визиты, денежные дела. Ужинал Шарль-Морис у Казенова: у того был французский повар. «Это было счастье, так как Соединенные Штаты — страна, где есть тридцать две религии, но только одно блюдо, да и то плохое», — шутил Талейран.

Из Парижа приходили неприятные новости. В 1795 году с молотка продали имущество Талейрана-Перигора. Были проданы картины, рисунки, гравюры. Фиолетовую епископскую сутану купили за 451 ливр. В общей сложности одежда бывшего епископа обошлась покупателям в крупную сумму — 13 377 ливров. Но вот среди участников аукциона после нескольких мгновений замешательства и удивления раздался оглушительный хохот: в продажу пошли юбки, платья, женское белье, различные дамские изделия из шелка, батиста, тафты, муслина...¹⁵ Откуда они в доме епископа, давшего обет безбрачия? Талейран, возможно, мог бы ответить на такой вопрос. Но едва ли стал бы это делать...

Однако не материальные потери, а политические события во Франции волновали Талейрана. После контрреволюционного переворота 9 термидора (27 июля) 1794 г. завоевания якобинской диктатуры были упразднены. Правительство закрыло якобинский клуб. Буржуазия, ставшая господствующей силой, наживалась на обесценении денег, на спекуляции предметами первой необходимости, расхищала государственное имущество.

Французские эмигранты в Филадельфии не верили своим ушам, когда им рассказывали о возрождении светских салонов, о породнении нуворишей со старой аристократией, об оргиях новых правителей Франции, об их бесконечных балах и других развлечениях. Однако термидорианский режим был непрочным. В Париже рабочие дважды под-

нимали вооруженное восстание. Летом 1795 года англичане и монархисты-эмигранты высадили крупный десант на полуострове Киберон, разгромленный войсками генерала Лазара Гоша.

Республиканская армия, созданная и воспитанная якобинцами, одержала крупные победы и на других фронтах. Она заняла Голландию, оккупировала весь берег Рейна, вторглась в Каталонию. Были подписаны мирные договоры с Пруссией, Батавской республикой (провозглашенной на территории Нидерландов, после ее занятия французскими войсками) и Испанией. Первая антифранцузская коалиция фактически перестала существовать. «Якобинский посев 1793 г. принес свои плоды в 1795 г. Воспользовались ими термидорианцы»¹⁶, — писал А. З. Манфред.

Оценив обстановку, Талейран пришел к выводу, что настало время для действий. Он посоветовался с новым французским посланником в США Аде и 16 июня 1795 г. послал Конвенту петицию, в которой просил о разрешении вернуться во Францию. Документ был отправлен на трех кораблях в три адреса: Жермене де Сталь, Полю Баррасу — ведущему деятелю термидорианского режима, и аббату Мартиалю Дереноду — бывшему главному викарию в Отене. Аббат переправил в Конвент петицию и другие документы (в частности, записку Талейрана Дантону от 25 ноября 1792 г.). Все эти материалы были опубликованы 3 сентября в правительственной газете «Монитор юниверсель».

С присущей Шарлю-Морису интуицией, которая, по его собственным словам, была «исключительной», он вполне своевременно поставил вопрос о своей реабилитации и возвращении во Францию. Новые правители страны являлись противниками революционных преобразований. Они стояли на тех же позициях, что и бывший депутат Учредительного собрания. Среди термидорианцев было немало защитников «невинного беженца», ставшего жертвой «кровожадных якобинцев».

Тем не менее реабилитация произошла не сразу. В августе 1795 года граф Пьер Луи Редерер опубликовал брошюру «Французские беженцы и эмигранты», в которой провел грань между французами, покинувшими страну после сентября 1792 года и никогда не выступавшими с оружием в руках против своего народа, и эмигрантами, участвовавшими в вооруженной контрреволюции. Среди «хороших» беженцев Редерер упомянул и имя Талейрана. Первый шаг к его возвращению был сделан.

За ним последовал второй. Один из вождей термидора Жан Ламберт Тальен, бывший генеральный викарий, заявил

с трибуны Конвента, что Талейран-Перигор был неправильно внесен в список эмигрантов, поскольку выехал с миссией правительства. Его поддержала жена, весьма деятельная Тереза Тальен. За супругами Тальен стояла Жермена де Сталь. Она привлекла к защите Талейрана депутатов Конвента Жана-Жака Камбасареса (ставшего впоследствии вторым консулом республики), Франсуа Буаси д'Англа — председателя Конвента после переворота 9 термидора, Поля Барраса, Анри Грегуара — епископа Блуа, аббата Эмманюэля Сийеса и других.

Почва в Конвенте для рассмотрения петиции Талейрана была подготовлена. Теперь следовало найти оратора. Им мог быть лишь человек умеренных взглядов, в меру независимый, республиканец без страха и упрека, желательно — «жертва» якобинского режима. Де Сталь выбрала Мари-Жозефа Шенье, брата знаменитого поэта, казненного в 1794 году. Он не знал Талейрана и симпатий к нему не испытывал. Но Сталь прибегла к испытанному средству: она обратилась к любовнице Мари-Жозефа Евгении де ла Бушарди (у дам были общие деловые интересы и дружеские отношения). После недолгого сопротивления Шенье сдался и 4 сентября 1795 г. выступил с речью в Конвенте, в которой, не опасаясь очевидных преувеличений, заявил: «Я требую у вас Талейрана-Перигора; я его требую во имя многочисленных услуг; я его требую во имя национальной справедливости; я его требую во имя Республики, которой он может еще служить своими талантами и своим трудом; я его требую во имя вашей славы; я его требую во имя вашей ненависти к эмигрантам, жертвой которых, как и вы, он мог бы стать, если бы подлецы смогли победить»¹⁷.

Речь Шенье вызвала восторг депутатов. Под гром аплодисментов они решили, что Талейран может вернуться на территорию Французской республики. Обвинение против него было снято, а имя — вычеркнуто из списков эмигрантов.

Талейран получил сообщение о решении Конвента только почти через два месяца после его принятия. Но странная вещь — беженец не торопится с отъездом. Разумеется, зима — отнюдь не лучшая пора для бесконечно долгого и опасного путешествия по Атлантическому океану. Но Шарль-Морис хотел получить из рук французского консула в Соединенных Штатах не только паспорт, но и официальную копию решения Конвента. Осторожный и осмотрительный, Талейран боялся ошибиться, неправильно оценить реальную ситуацию в стране. «Существует свобода и — для разумных людей — спокойствие, но пока я еще не вижу гарантий их долголетия»¹⁸. Эти строки Талейран написал

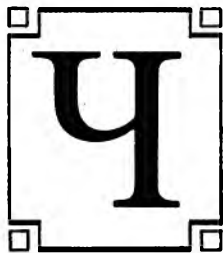
в тот счастливый для него день — 2 ноября, — когда он узнал о реабилитации.

Итак, отсутствие гарантий... Вот в чем главная причина медлительности Талейрана. Он хотел еще и еще раз приглядеться к положению во Франции. Только в начале 1796 года беженец начал готовиться к отъезду. И лишь 13 июня он поднялся на борт датского брига с символическим названием «Новое испытание», который взял курс к берегам Европы.

Прощай, Америка! Талейран расстался с Новым Светом без радости, но и без печали. По крайней мере, судьба не сыграла с ним здесь какой-либо злой шутки. Неудачами — не слишком крупными — можно было и пренебречь. Но что ждет его в Европе, во Франции?..

ГЛАВА V

КАК ТАЛЕЙРАН СТАЛ ГЛAVОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Через 40 дней путешествие Талейрана из Америки в Европу благополучно завершилось. 31 июля он сошел на берег в Гамбурге.

Пост французского представителя в этом бывшем ганзейском городе занимал Фредерик Рейнхард, с которым Талейран познакомился в 1792 году в Лондоне, где молодой дипломат был в составе миссии Шовелена. С тех пор и началась их дружба.

Рейнхард обстоятельно рассказал своему гостю о событиях во Франции и снабдил его всеми необходимыми для возвращения домой документами.

Это был не единственный источник информации. В старом «вольном городе» находилось немало французских эмигрантов, среди которых Талейран отыскивал и знакомых. И от них он получил обширные сведения о парижской жизни. Устроил он и свои денежные дела. Большую часть сбережений, примерно 50 тысяч долларов. Шарль-Морис оставил у гамбургского банкира Дешапоружа, взяв с собой лишь деньги на дорогу.

Талейрану пришлось сразу же столкнуться не только с паспортными и финансовыми проблемами. Европа принесла ему и другие неожиданности. Еще на борту корабля, находившегося в водах Эльбы, он получил письмо от Аделаиды Флао. Она просила Талейрана отправиться обратно, в Соединенные Штаты, так как решила выйти замуж за посланника Португалии в Дании и опасалась, как бы бывший любовник и отец ее сына не разрушил ее планов. Но Шарль-Морис остался холоден и равнодушен к ее просьбе. Он и не собирался мешать Аделаиде. Она, разумеется, могла не опасаться его ревности¹.

Итак, можно было ехать в Париж. Через Амстердам и Брюссель Талейран 21 сентября прибыл в столицу Франции.

Как необычно выглядел Париж для человека, покинувшего этот город несколько лет назад! На мостовых повсюду пробивалась трава. Окна без стекол жалобно стонали от порывов ветра и ударов дождя. Некоторые улицы превратились в грязные клоаки. Голод, грязь, безнадежность и уныние обрушились на бедноту. А буржуа, спекулянты, казнокрады, нажившиеся на народной беде, торжествовали. Рестораны с безумными ценами, от которых у простых людей захватывало дыхание, были переполнены. «Балы, спектакли, фейерверки заменили тюрьмы и революционные комитеты. Женщины двора исчезли, но их место заняли женщины нуворишей»², — замечал Талейран.

«Балы, спектакли, фейерверки»... Но Талейрана занимали мысли о богатстве, о больших, очень больших деньгах. А пока, в первое время после возвращения во Францию, приходилось довольствоваться малым. «Я провожу здесь время, продолжая денежные дела, которые начал в Америке и в Гамбурге», — писал он Жермене де Сталь 17 февраля 1796 г. В те дни Шарль-Морис занимался спекулятивными сделками с помощью давно известных ему банкиров. Среди них Фредерик Перего, швейцарец по происхождению. В период революции он являлся единственным во Франции финансистом, выдававшим платежные документы для Швейцарии, Испании, таких городов, как Рим, Лондон, Амстердам, Гамбург. Талейран сотрудничал с бельгийским дельцом Мишелем Симоном, получая от него комиссионные, со швейцарским банкиром Хотингером, с которым имел деловые связи в Соединенных Штатах³.

Мелкие дела, небольшие доходы! Выход был один — постепенное, неторопливое возвращение к активной политической жизни — от скромных упоминаний в печати имени «блудного сына», вернувшегося в «отчий дом», до подроб-

ных описаний деятельности звезды, снова восходящей на политическом небосклоне. Именно таким путем и пошел Талейран. Уже через несколько дней после своего возвращения в Париж он был назначен одним из секретарей Лицея искусств, в котором обучалось — бесплатно — 400 учеников. Лицей представлял собой и нечто промежуточное между Королевской академией наук, распушенной в августе 1793 года, и Институтом Франции, созданным в октябре 1795 года. Когда Талейран еще находился в Филадельфии, его избрали членом Института (академиком) по отделению моральных и политических наук. Через несколько месяцев после приезда в Париж он выступил на общем академическом собрании с сообщениями о торговых отношениях между Англией и Соединенными Штатами, а затем и по колониальному вопросу. Его доклады привлекли внимание прессы и политических кругов.

Имя бывшего епископа опять стало известным. Но необходимо было восстановить старые связи и завязать новые. И Талейран наносит визиты дамам, сыгравшим большую роль в его возвращении во Францию: Евгении де ла Бушарди — любовнице Шенье; Терезе Тальен, определившей поведение своего супруга и ряда депутатов Конвента — Буасси д'Англа, Грегуара, Сийеса, Барраса, Гара и др. Он встречается со своими старыми друзьями, в частности с Радиксом де Сент-Фуа, который немедленно вновь приобщил Шарля-Мориса к карточной игре⁴.

Талейран посещал светские салоны, которые, как недавно казалось, были навсегда похоронены якобинской диктатурой. Герцогиня Гиони де Линь, освобожденная из тюрьмы после термидорианского переворота, убежденная монархистка, принимала у себя уцелевших представителей «старого режима». Бывший епископ бывал в салонах Катрин де Лаваль-Монморанси, Фиц-Джемс, Ламет, Эпарбес. В них можно было встретить сторонников Бурбонов, орлеанистов, деятелей революционной эпохи. И Талейран со всеми находил общий язык. Сторонникам конституционной монархии он напоминал о своей дружбе с Мирабо. Жирондистам говорил о былом сотрудничестве с ними в Учредительном собрании. С именем Дантона связывал воспоминания о своем спасении от гильотины в сентябре 1792 года. Робеспьеристам осторожно высказывал восхищение «великим человеком революции». И с монархистами он находил общий язык. Разносторонние факты, наблюдения, оценки, прогнозы потоком поступали к этому высокому, прихрамывающему человеку с серьгами в ушах, в напудренном парике, со стоячим воротником и высоко повязанным галстуком, в коротких штанах,

бывших в моде еще в канун бурных событий 1789 года.

Долго находиться на перекрестке политических дорог не только невозможно, но и опасно. Талейрана вскоре начали обвинять в союзе с монархистами. Он слишком часто встречался со многими из них и в Гамбурге, и в Париже. Тайные агенты знали об этих свиданиях. Министр полиции с отталкивающей фамилией Кошон (по-французски «свинья». — Ю. Б.) в своих докладах Директории сообщал о встречах Талейрана с Сегюром — бывшим послом в Петербурге и Берлине, с Монтескье — одним из парижских представителей Людовика XVIII⁵. Обстановка становилась опасной. Необходимо было что-то предпринять.

Талейран не верил в стабильность Директории и внимательно присматривался к наиболее влиятельным генералам, среди которых выделялась фигура молодого Бонапарта. Но пока правила «пятерка» директоров, Талейран оставался на стороне может быть и временной, но в данный момент реальной власти.

Первым шагом Талейрана явилась публикация письма, датированного 20 февраля 1797 г., в котором он в осторожной форме выступил против всех трех антиправительственных партий (монархистов, орлеанистов и якобинцев), решительно поддержав Директорию. Но то, что должно было понравиться тогдашним правителям Франции, вызвало со стороны их противников бурю совсем других эмоций, как враждебных, так и иронических. «Письмо аббата Мориса доказывает мне, что, после того как он был монархистом, орлеанистом и не смог стать робеспьеристом, поскольку Максимилиан этого не хотел, он превратился в сторонника Директории в ожидании той власти, которая появится немного позже». Эти слова принадлежат Мари-Жозефу Шенье, который так энергично добивался реабилитации Талейрана и его возвращения во Францию⁶.

Шарль-Морис поддержал Директорию не только в печати. Он принял активное участие в деятельности «Конституционного Центра», созданного в июне 1797 года и выступившего в защиту существующего режима. Центр противостоял монархическому «Клубу Клиши», который Директория рассматривала как своего открытого и опасного противника. Каковы же были результаты политического спектакля, мастерски разыгранного Талейраном?

Большинство членов Директории относились к нему враждебно. Луи Мари Ларевельер-Лепо, земельный собственник из Вандеи, горячий поклонник идей Руссо, не испытывал к Талейрану ни добрых чувств, ни антипатий. Но Ребель, адвокат из Кольмара, заявил, например, по адре-

су бывшего епископа, что он не знает «существа более испорченного, более опасного и более заслуживающего того, чтобы никогда не вернуться во Францию». Так же думал и Лазар Карно, выдающийся математик, в прошлом член Комитета общественного спасения, создатель четырнадцати армий Республики и автор планов ее основных военных кампаний. В мае 1797 года директором был избран Франсуа Бартеlemi, посол в Швейцарии, человек нерешительный, один из тех дипломатов, которые считают молчание высшим выражением государственной мудрости.

Талейран мог рассчитывать на нейтралитет Ларевельера и на поддержку фактического руководителя Директории — Поля Барраса. Он был одним из организаторов термидорианского переворота. Человек циничный и аморальный, Баррас неслыханно обогатился за годы революции. Друг Талейрана Радикс де Сент-Фуа оказывал влияние на «первого» директора. Их объединяли общие денежные интересы и тайные спекулятивные сделки.

Помогали Талейрану и женщины. В мае 1797 года Жермена де Сталь, вернувшаяся в Париж, включилась в кампанию помощи Талейрану. Ей помогал журналист и писатель Бенжамен Констан. Каждое утро, в шесть часов, союзники разрабатывали план очередной «атаки» на Барраса. Это была настоящая «военная кампания», которая в конечном счете увенчалась успехом.

Де Сталь активно действовала не только в интересах Талейрана, но и своего отца, Неккера, рассчитывая вернуть 2 миллиона франков, которые задолжала ему королевская казна накануне революции. Под ее влиянием Ларевельер согласился с вступлением Талейрана в состав правительства. Баррас в своих мемуарах рассказывает, что Жермена плакала, заламывала руки, угрожала самоубийством, если Талейран не будет назначен министром. Она уже имела опыт подобных операций, в 1791 году «втолкнув» своего любовника графа Нарбона в кресло военного министра.

С легкой руки Барраса версия о решающей роли мадам де Сталь в назначении Талейрана министром внешних сношений получила широкое распространение в научной и мемуарной литературе. Баррас представил себя в роли благородного рыцаря, способного уступить настояниям женщины, проявляя якобы гуманность и благородство. Однако эта версия далека от действительности. Иные, несравненно более глубокие причины лежали в основе той министерской «чехарды», которая имела место в июле 1797 года.

Власть Директории находилась на закате. Монархисты

повсюду поднимали головы. На выборах в местные представительные органы в большинстве департаментов сторонники Директории потерпели поражение. Направленные против эмигрантов репрессивные меры 1792 и 1793 годов были отменены. Беженцы-аристократы возвращались в страну. Свободно передвигались по Франции изгнанные со своих мест церковники. В то же время республиканцы объединялись в «конституционные клубы». Но Директория не решалась на них опереться, опасаясь усиления влияния якобинцев⁷.

Раздирали противоречия и саму правящую «пятерку». Карно и Бартеlemi склонялись к поддержке монархистов. Они не хотели кассировать результаты выборов, на чем настаивали Ребель и Ларевельер. На первом же заседании Директории, на котором присутствовал Талейран 14 августа 1797 г., «возникла ссора между Карно и Баррасом; последний обвинял своего коллегу в том, что он скрыл письмо, которое должно было быть предъявлено Директории. Оба они вскочили со своих мест. Карно заявил, подняв руку: «Клянусь честью, что это неправда!». «Не подымай руки, — ответил ему Баррас, — с нее капает кровь»⁸.

Баррас опасался роялистского переворота и стремился укрепить свои позиции. Для этого надо было освободиться не только от сторонников Карно, занимавших ключевые посты министров полиции (Кошон), военного (Петье) и внутренних дел (Бенезек), но и от министра внешних сношений Делакура, который был попросту неспособен выполнять свои функции. На эту должность Баррас и решил назначить Талейрана, видя в нем представителя именно тех центристских кругов, на которые «первый директор» надеялся опереться. Он ценил интеллект и образованность бывшего депутата Учредительного собрания, его политический и дипломатический опыт. Баррас знал и то, что Талейран боится реставрации монархии. Иными словами в создавшейся обстановке это был нужный лидеру Директории человек. А настойчивые усилия мадам де Сталь создавали лишь яркий, шумный, но второстепенный фон, на котором и разыгрывался настоящий политический спектакль.

16 июля 1797 г. Карно и Бартеlemi потерпели полное поражение. Они остались в меньшинстве. Министерства полиции, флота, внутренних дел, военное министерство получили новых руководителей. Талейран возглавил министерство внешних сношений. Сообщение об этом он получил в театре, куда, словно на крыльях, прилетел Бенжамен Констан. Они бросились в карету и направились к Баррасу. По дороге

новый глава дипломатического ведомства повторял одну и ту же фразу: «Мы имеем должность, нужно сделать громадное состояние, громадное состояние... громадное состояние...»⁹. Такова была первая и, несомненно, чистосердечная реакция Талейрана. Власть открывала путь к богатству!

Министерство внешних сношений Французской республики размещалось на улице Гренель, в доме, который начал строить в 1775 году маркиз Луи де Галифе (сейчас это дом номер 73). Здание едва успели закончить, когда в 1794 году его, по решению Комитета общественного спасения, заняла Комиссия по иностранным делам, преобразованная в министерство внешних сношений. В период якобинской диктатуры в этом помещении работали, сменяя друг друга, четыре руководителя дипломатической службы Республики: Брюшо, Мангури, Мио, Колшен¹⁰.

Особняк был построен с размахом и со вкусом. Фасад украшали десятиметровые ионические колонны. Квартира министра и его бюро размещались на первом и втором этажах. Талейран работал в отдельной комнате, а в двух соседних размещались четыре его секретаря. Дипломатические приемы в этом доме знал «весь Париж».

С этим зданием многое, очень многое было связано в жизни министра. На протяжении нескольких десятилетий он четырежды занимал построенный в классическом стиле дом на улице Гренель в качестве главы дипломатического ведомства различных политических режимов. Здесь он познакомился с женщиной, которая стала его женой.

Став министром, Талейран получил жалованье в 100 500 ливров в год плюс суммы на содержание дома, на уход за зданием министерства, на мебель, на экипажи (во французской валюте 1982 г. это составляло в общей сложности примерно 120 000 франков в месяц). Но привычка сорить деньгами привела к тому, что Талейран залез в долги. Он долго не мог расплатиться за изысканный экипаж. Каретнику пришлось долго дожидаться уплаты долга и неоднократно напоминать о нем высокопоставленному заказчику¹¹.

Форма для членов Директории была официально определена самой Директорией. Пальто и фрак — черного цвета, но отвороты, обшлага, подкладка и брюки были пунцово-красными. Воротник и отвороты широких рукавов вышиты разноцветным шелком. Ленты на черных туфлях. Широкий белый шелковый пояс. Шпага, «монументальная» шляпа с тремя большими темно-красными перьями. Эта форма, выдававшая полное отсутствие вкуса у ее создателей, вызывала чувство отвращения у Талейрана и иронические замечания у окружающих.

Отсутствие эстетического чувства у правителей страны компенсировалось, однако, предприимчивостью и деловой хваткой. Этот стиль заметно потеснил медлительные и томно-надменные манеры аристократов. Он проник в учреждения, в министерства, оказал свое влияние на деятельность дипломатического аппарата. Вместе с этим стилем в жизни государственных институтов укрепились новые — буржуазные — методы и идеи, затронувшие и сферу внешней политики.

Талейрана в это время занимал вопрос о роли законодательной и исполнительной власти в сфере внешней политики и дипломатии¹². Он считал, что конституция 1795 года «недостаточно определила» полномочия Директории. Она могла вести переговоры, назначать дипломатических представителей, вносить предложения в высшие выборные органы об объявлении войны, имевшие силу только после согласия Законодательного корпуса. Однако на практике, по словам министра, исполнительная власть интерпретировала положения конституции по своему желанию и произволу. Примеры? Их было немало.

Французская армия вступила в Рим, и в феврале 1798 года итальянские республиканцы провозгласили в Папской области Римскую республику. Свою конституцию она получила от Директории. Римский посланник находился в Париже. А законодательные власти Франции даже и не рассматривали вопрос о признании нового государства. «Правящая пятерка» не консультировалась с законодателями и при создании слабых и разделенных итальянских государств (кстати, Талейран считал, что следует «образовать из всей Италии единую и сильную Республику»). Директоры, не проконсультировавшись предварительно с законодательным корпусом, решили изменить конституцию Швейцарии, в которой находились французские войска. «Такое поведение Директории означало, что она не признавала ни интересы государства, ни дух и текст конституции», — замечал Шарль-Морис.

Подвергнув критике действия директоров (заметим, что эта записка Талейрана была им написана 2 июля 1799 г., незадолго до отставки), он сформулировал конкретные предложения. Во-первых, право признать иностранное государство или его конституцию принадлежит только законодательной власти по предложению Директории; во-вторых, только законодательный корпус по ее инициативе имеет право принять декрет о военном вмешательстве Французской республики в дела тех или иных государств; в-третьих, директоры предлагают, но только законодатели решают

вопрос об окончательной судьбе завоеванных стран; в-четвертых, Директория ежегодно информирует законодательную власть о международном положении страны; в-пятых, секретные договоры и отдельные соглашения не должны предусматривать предоставление кредитов или субсидий (денежных, продовольственных и др.).

Выходили ли предложения министра за рамки, допустимые политическими и материальными интересами буржуазии, стоящей у власти? Нет, в конечном счете они в большей мере отвечали потребностям крупного капитала, чем завоевания Директории. Талейран не верил в возможность долго и прочно держать в узде покоренные силой оружия европейские народы. Он боялся шумных военных побед, зная, что в конечном счете они оборачиваются для захватчика-победителя поражением. Именно в этом вопросе он разошелся с Ребелем, а через несколько лет и с Бонапартом. Разумеется, в качестве главы дипломатической службы Талейран обслуживал агрессивную политику директоров. Но все это до поры до времени.

Предложения Талейрана были совершенно противоположны практике Директории, которая не хотела считаться с законодательной властью и постоянно превышала свои полномочия в сфере внешней политики. Для нового министра это было совершенно очевидным. Но он понимал и другое. Директоры придерживались различных внешнеполитических концепций, ни одну из которых не разделял сам Талейран. Разногласия — в интересах более согласованной внешней политики — следовало устранить. Кроме того, Талейран думал, что решение этой проблемы в немалой степени укрепило бы его положение. Но здесь имелся риск, и немалый.

Карно, Бартеlemi и Баррас являлись сторонниками мира и границ Франции времен монархии, но с присоединением Авиньона, Ниццы, Савойи и Бельгии до Мааса. Иных взглядов придерживался Ребель. Он отстаивал концепцию «естественных границ» страны: Пиреней, Альпы, берега Рейна. Для него не существовало более важной внешнеполитической задачи, чем оккупация левого берега Рейна. Наконец, Ларевельер предлагал «экспорт революции» в Европу и создание так называемых «братских республик». Именно он явился автором решения Конвента от 17 ноября 1792 г. о предоставлении помощи «всем народам, желающим восстановить свою свободу»¹³.

Ни одну из трех точек зрения Талейран не разделял. Он придерживался взглядов наследников Мирабо, которые стремились примирить французскую революцию с системой

«европейского равновесия»; сохранить нейтралитет Испании; связать Австрию, поддерживая Пруссию; обеспечить союз с Англией, без участия которой создание сильной анти-французской коалиции было невозможно.

Собственно говоря, в 1797 году министр внешних сношений Директории разделял те же идеи, которые в 1792 году выдвинул в своей «Записке» Дантону. Он считал необходимым разрыв с прошлым, с принципами королевской дипломатии, и прежде всего с одной из ее основ — союзами правящих королевских семей. По мнению Талейрана, с другими государствами Франции следует подписывать «не постоянные договоры о союзе и братстве, а временные соглашения в соответствии с политическими и торговыми интересами, порождаемыми обстоятельствами».

Основные внешнеполитические идеи, выдвинутые Талейраном, учитывая условность любой исторической аналогии, можно было бы теперь назвать принципами невмешательства во внутренние дела других стран, отказа от территориальных захватов, взаимовыгодного сотрудничества на основе двусторонних и многосторонних соглашений.

Пришедшая к власти буржуазия — в тот момент еще «хозяйка истории» — могла позволить себе такую ориентацию в международной политике. Иллюзии революции еще не были изжиты, а благие намерения казались вполне осуществимыми. В конечном счете такая политика оказывалась для буржуазии более выгодной, чем непрерывные войны. Двести лет назад (как и сейчас — в иных условиях, в иных масштабах, в иных формах) в среде господствующих классов капиталистических стран шла борьба двух тенденций — агрессивной и миролюбивой. Ее исход накладывал (как это происходит и в наши дни) свой отпечаток на развитие международных отношений. Далеко не все поступки Талейрана могли бы служить основанием для того, чтобы считать его миротворцем. Но тем не менее он предпочитал дипломатические средства силе оружия, не верил в долговечность режимов, установленных на штыках, считал нереалистической саму идею мирового господства, учитывая уроки истории — уроки «величия» и крушения могущественных в свое время империй¹⁴.

Высоко оценивая роль дипломатии и ее аппарата в международных делах, министр Директории предъявлял такие требования к дипломатам современной ему эпохи, которые расходились с прежними, добуржуазными представлениями и взглядами. В проекте реформы дипломатического ведомства, подготовленном Талейраном, говорилось, что люди, представляющие Францию в ее сношениях с иностранными

государствами, должны обладать определенными качествами «души и разума». Дипломату необходимы не только осторожность и скромность, но и «известная возвышенность чувств», вызванная сознанием того, что он представляет страну за ее рубежами, и широта взглядов и идей. Он должен обладать «склонностью ума к изучению политических отношений», способностью быстро и глубоко понять явления, «искусством вести дела». «Эти качества, объединенные и развитые на практике, формируют дух и честь профессии», — заключал министр.

Для успешной работы дипломатического ведомства, — считал Талейран, — нужна продуманная и твердо установленная система продвижения сотрудников по служебной лестнице. Ее основные ступени: два класса секретарей, посланники и послы. Предусматривался также институт практикантов-стажеров. Для каждого ранга он предлагал установить постоянное жалованье. Пенсия дипломатам назначалась бы после 25 лет службы в размере половины прежнего должностного оклада. Идеи Талейрана означали разрыв с прежним произволом в подборе, назначении и перемещении дипломатов. Он хотел ввести новые принципы организации дипломатической службы. Но время для этого еще не пришло.

Предложения министра были отвергнуты Государственным советом (одним из центральных исполнительных органов времен Директории), который видел в них опасный прецедент для других официальных учреждений.

Основные внешнеполитические решения принимались Директорией часто в спешке, необдуманно, в результате бурных дискуссий, в ходе которых эмоции, личные симпатии и антипатии нередко одерживали верх над разумом и национальными интересами. Созданное Директорией дипломатическое бюро, призванное готовить инструкции для посланников и послов, в действительности не выполняло своих функций. Его значение было сведено к нулю при Шарле Делакура, предшественнике Талейрана. «Дела поступали к нему вполне решенными Директорией. Мне, как и ему, приходилось только наблюдать за их исполнением, но я часто задерживал их течение, что позволяло мне, переждав первый порыв членов Директории, смягчить редакцию (документов. — Ю. Б.). Помимо этого у меня не было других функций, кроме выдачи паспортов и виз»¹⁵.

Впрочем, Талейран не любил находиться в центре событий. Такая позиция, по его мнению, лишь создавала трудности во взаимоотношениях с директорами, да к тому же повышала личную ответственность. Он разделял взгляды

герцога Этьена Франсуа Шуазеля, военного министра Людовика XV, говорившего: «В моем министерстве я всегда заставлял других работать больше, чем работал сам. Не следует быть погребенным под бумагами; надо найти людей, которые их распутают. Следует управлять делами одним жестом, знаком; уметь поставить запятую, которая определяет смысл»¹⁶.

Но на самом деле влияние Талейрана на деятельность французской дипломатии было несравненно более значительным. И он пошел значительно дальше Шуазеля: не только умел расставить запятые, но и давал предложения директорам, представлял обзоры прессы, резюме депеш, поступавших из-за рубежа. Министр являлся своего рода посредником между Директорией и генералами, прежде всего Бонапартом, которые лично вели переговоры и подписывали перемирия и мирные договоры. Из особняка Галифе поступали инструкции и указания представителям Франции в иностранных государствах. Анализ этих документов показывает, что часто, открыто не выступая против решений директоров, и прежде всего Ребея, Талейран смягчал или даже менял их содержание, расставляя собственные акценты, выдвигая на первый план одни вопросы и на второй — другие, подменяя прямолинейность лавированием, твердые обещания — намеками, обязательства — предположениями, угрозы — предостережениями.

Человек, сумевший превратиться из епископа в депутата Учредительного собрания, не потерять ни одного дня, унося голову от гильотины, терпеливо ждать год, прежде чем вернуться из Филадельфии в Париж, — этот человек прекрасно знал цену такого фактора, как время. Он всегда давал «отлежаться» бумагам, умышленно медля с реализацией некоторых решений членов Директории, не торопился с обобщением информации, избегая поспешных и неверных выводов. Кроме того, у министра была сеть тайных агентов, деятельность которых он направлял, а полученные от них сведения тщательно препарировал, прежде чем доводил их до сведения Люксембургского дворца — резиденции директоров. Талейран умел использовать секретные фонды, которые находились в его распоряжении. В итоге он располагал широкими и разносторонними возможностями для влияния на внешнюю политику и дипломатию Франции.

Персонал министерства был по тем временам достаточно многочисленным — около 50 сотрудников. Шеф дипломатического ведомства легко находил с ними общий язык. Наследственный аристократ, он тем не менее считал необходимой демократическую манеру поведения. Гражданин-министр мог

обнять за плечи гражданина-привратника, пожать руку гражданину-лакею, несущему светильник в руке, поблагодарить при выходе гражданина-швейцара. Но за этой личиной скрывался уверенный в себе жесткий и волевой человек, способный, если бы он этого захотел, навести порядок в «своем» доме.

А порядка в особняке Галифе не было. Многие сотрудники враждебно относились к республиканскому режиму. Из уст в уста передавались злые анекдоты. Слово «гражданин» редко писали, но никогда не произносили. А требования дисциплины почти не соблюдались. Нередко отсутствовали на работе даже шифровальщики, нарушая тем самым нормальное делопроизводство.

Чиновники работали плохо еще и потому, что их жалование было невелико. Заведующий отделом получал от 6 тысяч до 8 тысяч ливров в год, начальник бюро — от 3000 до 4200 ливров. Напомним, что жалование министра составляло более 100 тысяч ливров, не считая дополнительных сумм. Хроническая инфляция обесценивала и без того скромные средства сотрудников министерства. И в соответствии с духом времени они торговали копиями, а иногда и оригиналами документов. В служебных помещениях с утра появлялись «покупатели» и происходило нечто вроде публичных торгов¹⁷.

Шаг за шагом Талейран восстанавливал дисциплину в своем ведомстве. Служащие на протяжении рабочего дня трижды расписывались в присутственном листе. При первом прогуле удерживали жалование за 10 дней, при третьем — увольняли. Сотрудники проходили регулярно аттестацию. Были упорядочены условия их продвижения по службе. Руководители отделов министерства несли личную ответственность за их деятельность, шифровальщики визировали подготовленные ими материалы. Иным стал и подход к дипломатической переписке. Каждый документ закреплялся за определенным отделом и посвящался одному сюжету, получая свой входящий и исходящий номер.

Министр стремился и материально, и морально заинтересовать своих сотрудников в их труде. С этой целью Талейран использовал и средства секретного фонда, и устные благодарности, и приглашения на свои обеды, ужины, музыкальные вечера, балы. Будучи настоящим «патроном» по отношению к своим подчиненным, он заботился об их благополучии, покровительствовал им, иногда даже подвергая себя известному риску. Так, в сентябре 1797 года Директория потребовала изгнания из министерства нескольких его

сотрудников. Шарль-Морис «отложил» исполнение поручения, а затем попросту «забыл» о нем.

Одним из важных звеньев в структуре министерства внешних сношений, сформированной при Талейране, был генеральный секретариат, который занимался корреспонденцией главы ведомства, анализом и обобщением донесений из-за границы, подготовкой к отправке за рубеж текстов законов и решений Директории, переводами, шифрами, выдачей паспортов. Этот же отдел поддерживал связи с секретными агентами. Руководил секретариатом Пьер Паганель, бывший аббат, депутат Учредительного собрания и член Конвента, голосовавший за смертный приговор Людовику XVI.

В основе внутренней организации министерства лежал географический принцип. Он давал возможность чутко и своевременно учитывать особенности внешней политики и внутреннего положения отдельных стран. Первый отдел занимался отношениями с германскими государствами, Пруссией, Данией, Швецией, Швейцарией и Голландией. В ведении второго отдела находились Россия, Османская империя, Средиземноморские государства. В сферу деятельности третьего отдела входили итальянские государства, Королевство Обеих Сицилий, Англия, Испания, Португалия, США.

Во главе отдела фондов, ведавшего финансовыми вопросами, Талейран поставил одного из своих друзей — Антуана де Лафоре. Они познакомились еще в Америке, где Лафоре был генеральным консулом. Новый директор оказался человеком способным. Он упорядочил бюджет и счета министерства, умело распоряжался секретными ассигнованиями¹⁸.

Вскоре после своего назначения Талейран образовал в министерстве консульское управление. Со времен Кольбера, контролера финансов, доверенного лица Людовика XIV, консульства находились в ведении министерства флота. Корабли и моряки — вот круг консульских интересов. В новую эпоху, когда приобретала все большее значение международная торговля, а борьба за колонии и рынки сбыта и сырья обострилась, роль консульской службы стала иной. Она теперь активно участвовала в развитии торговых связей. Сотрудникам службы вменялось в обязанность один раз в три месяца готовить отчет о состоянии международной торговли и мореплавания. Создание консульского управления с его новыми функциями, несомненно, отвечало веяниям эпохи, реальным интересам французского капитала.

Директору нового подразделения министерства подчинялась школа переводчиков, готовившая специалистов со знанием восточных языков. Талейран контролировал ее рабо-

ту, не упуская из поля зрения и вопросы подбора преподавателей. Ему помогали в этом ближайшие сотрудники, в том числе Сен-Фуа, аббат Деренод, Бенжамен Констан и др.

Друзья Шарля-Мориса помогали ему делать деньги (играть на бирже, вымогать взятки и «комиссионные»). Но это было не единственное их назначение! Они собирали информацию в правительственных кругах, в армии, у финансистов. С помощью этих людей можно было «подбросить» во французскую или иностранную газету нужную статью, распространить по подписке конфиденциальный «Политический и литературный бюллетень», из которого иностранные дипломаты в Париже узнавали политические новости, преподанные в нужном для министра внешних сношений духе. Таким образом, они выполняли при Талейране функции политико-дипломатической, экономической и финансовой разведки (получая вознаграждение из все тех же секретных фондов).

Новый министр старался «протолкнуть» близких ему людей и на дипломатические посты за рубежом. Это не всегда было легко. Послов подбирали члены Директории, у которых для этого были даже чистые бланки верительных грамот. Дипломатический представитель, назначенный по протекции одного из директоров, выезжал к месту своей новой работы, даже не представившись министру, без его инструкций и предварительной информации. Зарубежная служба стала местом ссылки для «обременительных» революционеров и скомпрометированных глупостью и поражениями генералов. И во французских представительствах за рубежом можно было встретить самых разных людей с самыми различными политическими взглядами.

По предложению Талейрана, начиная с сентября 1797 года были назначены новые послы в Мадриде, Неаполе, Гааге, Турине. В итоге заметно укрепились личные позиции министра. Его люди постепенно заменяли «людей Директории».

За всеми дипломатами присматривали специальные секретные агенты министра внешних сношений. У него имелось несколько важных «наблюдательных пунктов». Среди них Берлин (с сетью информаторов в России и в Северной Германии, в Варшаве, Данциге); Базель со сферой действия в Южной Германии и Швейцарии; Женева, где находился центр агентурной сети во Флоренции, Генуе, Милане, Ливорно, Павии, Болонье, Равенне; из Венеции велось наблюдение за французской эмиграцией в европейских странах. При Талейране дипломатическая агентура была расширена и укреплена.

Талейран, таким образом, внес много нового в организацию и деятельность французской дипломатической службы. Нововведения шли в ногу со временем. Они отвечали запросам буржуазного развития Франции. Но министр отнюдь не забывал о своих личных интересах.

В своих мемуарах Поль Баррас опубликовал список взяток, полученных Талейраном (источник — Жермена де Сталь, в конце концов объявившая войну оставившему ее любовнику)¹⁹. Их общая сумма, полученная Шарлем-Морисом за два года его пребывания на посту руководителя дипломатии Директории, составила 13 650 000 франков. Звездная цифра! «Министр внешних сношений любит деньги и надменно говорит, что, когда он уйдет со своего поста, он не будет просить милостыню у Республики»²⁰, — писал в Берлин прусский посланник в Париже.

Взятничество всегда было и, пока оно существует, остается должностным преступлением. Ему нет и не может быть оправдания, даже если взяточник вошел в историю. И не в защиту Талейрана, а лишь для воссоздания подлинной картины нравов конца XVIII века заметим, что система политической продажности и дипломатического подкупа была в то время универсальной. Взятки брали короли и герцоги, князья и министры, генералы и послы. Замешаны в них были Мирабо, Баррас, Дантон. Правда, размах лихоимства у министра внешних сношений был особым, выдающимся.

Политическая информация и «услуги» иностранным государствам дорого стоят и хорошо оплачиваются. Талейран сделал этот бизнес своей профессией. Но он старался снизить степень риска, и торговал, как правило, второстепенной информацией. Талейран хорошо знал, писал академик Тарле, «что даже простая его попытка советовать своему правительству явно невыгодные для Франции действия может для него кончиться в лучшем случае немедленным увольнением, а в худшем случае — казнью. Он никогда (до 1808 г.) и не делал и не пытался делать таких нелепых и отчаянных вещей»²¹. Он брал взятки, продолжает Тарле, лишь за более мягкую редакцию второстепенных пунктов соглашений и договоров, за обещание содействия в вопросах, где этого и не требовалось, за информацию, которая так или иначе должна была стать достоянием гласности. Академик Тарле и другие исследователи отмечают, что Талейран в своих «торговых операциях» проявлял даже своеобразную этику: если он не мог исполнить обещанного, он возвращал деньги, полученные в качестве платы за услугу. И только позже, после 1808 года лихоимство вкупе с другими жиз-

ненными и политическими обстоятельствами приведет его к настоящей государственной измене. А пока министр с большой выгодой для себя вел торговлю своим «щепетильным товаром»...

Пушки на полях сражений тем временем замолчали, и в Европе ненадолго воцарился мир. Французская республика разгромила своих основных противников на континенте. На первый план выдвинулись задачи дипломатического закрепления военных успехов. Франция начала серию сложных переговоров с Россией, Англией, Австрией. И у Талейрана, нового министра внешних сношений, появилось немало трудных, но вместе с тем и приятных хлопот.

ГЛАВА VI

НЕУДАВШИЕСЯ ПЕРЕГОВОРЫ С РОССИЕЙ

Много забот появилось у Талейрана на посту министра внешних сношений Директории. Но среди них с момента его прихода в особняк Галифе на первом плане стояли отношения с Россией. Этой стране стали уделять в Париже особое внимание после смерти в 1796 году Екатерины II.

«Необыкновенная женщина, которая в течение 35 лет управляла империей, первая возбудила все дворы Европы против французской революции; однако она внесла в коалицию, которую спровоцировала, только раскаты своей ненависти и активность своих интриг»¹, — писал Талейран. Русские войска не участвовали в войне против Франции. Императрица ограничилась отправкой эскадры в Англию и выплатой субсидий Австрии. Но Павел I, придя к власти в ноябре 1796 года, вопреки решению своей матери, не послал на Рейн армейский корпус численностью 60 тысяч человек. Русская эскадра была отозвана из Англии. Первая антифранцузская коалиция прекратила свое существование. Нормализация отношений с Россией стала одной из важнейших задач внешней политики Директории.

Как только в Париже узнали о смерти Екатерины II, Карно предложил немедленно установить контакты с Петербургом. И хотя другие члены Директории считали поспеш-

ность излишней, французским представителям в Гамбурге и в Берлине было поручено осуществить дипломатический зондаж². Посланник Франции в Пруссии Кальяр сделал заявление о намерении Директории вступить в переговоры с русским правительством, о чем вскоре стало известно в Петербурге³.

Новый министр внешних сношений понимал, что «правящая пятерка» стремилась добиться соглашения с Россией, чтобы изолировать Англию, лишить Австрию русской поддержки, прорвать внешнеполитическую изоляцию Французской республики, располагавшей поддержкой лишь временных и слабых попутчиков. В официальном Париже надеялись компенсировать потери колониальных владений Франции, сокращение ее внешней торговли и убытки от британского морского разбоя путем проникновения на русский рынок. Особое значение этому фактору придавал Талейран. Он считал, что интересы французских деловых кругов в большей мере требовали сближения с Россией, чем «политические расчеты».

Политика Павла I, по словам Талейрана, «наименее ловкого и наиболее капризного из деспотов», в конечном счете имела своей целью создание второй антифранцузской коалиции. Но у России не было союзников. За несколько дней до того, как новый министр в первый раз вошел в свой рабочий кабинет в особняке Галифе, начались англо-французские переговоры о мире, Пруссия еще 5 апреля 1795 г. подписала в Базеле сепаратный мирный договор с Францией. Генерал Бонапарт нанес ряд серьезных поражений австрийским войскам. В марте 1798 года вице-канцлер Российской империи А. Б. Куракин констатировал, что ни с венским, ни с берлинским дворами союз пока невозможен, и поэтому не следует «становиться во враждебные отношения с Францией при ее теперешнем перевесе»⁴.

Тактика Талейрана в ходе неофициальных русско-французских переговоров, начавшихся в августе 1797 года в Берлине, претерпела на протяжении сравнительно короткого времени большие изменения. Указания министра французскому посланнику в Пруссии предусматривали восстановление нормальных политических и торговых отношений между двумя странами, подписание соответствующих соглашений между ними, обмен дипломатическими представителями. Основная цель состояла в том, чтобы, по крайней мере, нейтрализовать Российскую империю, не дать ей вступить в антифранцузский союз с другими европейскими государствами. Параллельно министр внешних сношений вел переговоры о военно-политическом сотрудничестве с Пруссией, которые в Париже даже надеялись закрепить формальным соглашением.

Через несколько месяцев Талейран убедился в нереальности

своих замыслов. И в «Записке о положении Французской республики с точки зрения ее внешних сношений с другими государствами», написанной летом 1798 года, он уже выдвинул план дипломатической подготовки войны Франции против России. Это было свидетельство недооценки возможностей русско-французского сотрудничества для укрепления внешнеполитических позиций Франции.

Роль русской дипломатии в европейских делах недооценивал и Кальяр, который писал Талейрану, что с Россией следует говорить в более резком тоне. В период якобинской диктатуры этот дипломат рекомендовал объединить силы Швеции, Турции и Польши и осуществить нападение на Россию. Русский посланник в Берлине Никита Петрович Панин об этом, разумеется, не знал, иначе бы он не писал, что «в числе якобинцев и в сравнении прочих Кальяр всеконечно умереннейший»⁵.

Панину едва минуло 27 лет. Правда, такой возраст был не в диковинку в те бурные времена, когда якобинцы сокрушали вековые монархии, а молодые генералы Французской республики громили прославленных австрийских и прусских полководцев. Как и аристократы Австрии и Пруссии, Никита Петрович имел твердые дворянско-монархические убеждения и ненавидел французскую революцию. Граф был принципиальным противником русско-французского сближения, считая, что оно скомпрометирует Россию в глазах Англии и Австрии. Главную свою задачу Панин видел в создании коалиции против Франции.

Переговоры с Кальяром Панин вел неохотно, словно совершая насилие над собой. Свои контакты с «голодранцем» он тщательно скрывал. Установив тайную связь с переписчиком миссии Франции в Берлине, Панин получал от него копии важнейших документов. «Кальяру невозможно сделать малейшую вещь без моего ведома»⁶, — сообщал Панин А. Б. Куракину.

Россия стремилась выступить в роли посредника при заключении в Европе всеобщего мира. С помощью русско-французского соглашения в Петербурге хотели укрепить международное влияние Российской империи и не ухудшить при этом свои отношения с монархическими державами. «Мы не можем быть равнодушны в жребии Австрийской монархии, так как мы равное участие приемлем и в целости прусской»⁷. Эти слова самодержца для Панина служили указанием на необходимость подготовки второй антифранцузской коалиции.

Внешне в официальном Петербурге демонстрировали сдержанность и готовность к нормализации дипломатических отношений. Однако обмен миссиями царские сановники считали делом будущего, когда режим во Франции докажет свою проч-

ность. Но при этом Павел I был настроен против русско-французского договора 1787 года о дружбе, торговле и мореплавании, о котором Панину не следовало даже упоминать.

Инструкции требовали от русского дипломата максимальной осторожности при рассмотрении вопроса о возможном посредничестве России в «решительном примирении» в Европе, не показывая «большей и усиленной жадности к такому делу». В Петербурге думали не только о внешнеполитических вопросах. Император твердо заявил — Панин должен был постоянно иметь это в виду, — что Россия будет и впредь оказывать помощь французской эмиграции. «Не лишаем мы себя права дать спокойное убежище несчастным, кои по разнообразию мыслей с правлением вновь ныне во Франции наставшим, опасаясь мщения, ищут одной только для себя безопасности»⁸, — говорилось в царском рескрипте.

Среди «несчастных», которых Павел I готов был с распростертыми объятиями принять в России, были князь Конде, его сын и внук, находившиеся под его командованием солдаты и офицеры. Для поощрения «разнообразия мыслей» Людовика XVIII послали из Петербурга 200 тысяч рублей. В декабре 1797 года царь пригласил французского монарха без трона «ныне же отправиться в пределы наши» — в Митаву (ныне Елгава, район в Латвийской ССР. — Ю. Б.). Короля могли сопровождать 100 человек из его личной охраны.

Престиж наследственной власти русский император охранял ревностно и не только путем помощи контрреволюционной французской эмиграции. Он осуждал, например, действия прусского правительства, запретившего ношение французских орденов «старого режима». Панин должен был позаботиться о том, чтобы эта мера не распространялась на французов «в нашей службе и в нашем подданстве находящихся». Император писал Панину: «В противном случае и самое пребывание министра нашего там (в Берлине. — Ю. Б.) подверглось бы большому неудобству»⁹. Это была угроза разрыва Россией дипломатических отношений с Пруссией.

Переговоры с Кальяром сначала проходили в доме Панина в Берлине. Но затем русский посланник эти свидания с французским дипломатом превратил в «случайные встречи» в городском саду. Следуя указаниям Талейрана, Кальяр настаивал на «восстановлении политических и торговых отношений», на возобновлении торгового договора 1787 года, но высказывался против русского посредничества «во всеобщем умиротворении» в Европе.

Диаметрально противоположные позиции партнера не портили Панину настроения. 11 сентября он сообщил в Петербург, что, как только император подтвердит свою волю, дого-

вор тотчас же будет подписан — и на тех основах, которые были предписаны¹⁰. В Париже чувствовали, что Панин хочет быстро закончить переговоры подписанием соглашения. И тоже желали этого. «Казалось, Панин имел все необходимые полномочия для быстрого завершения переговоров. В ходе первых бесед он говорил только о том, чтобы заключить окончательный договор за несколько часов и в нескольких словах», — писал Талейран. И продолжал: «Но вскоре весь этот пыл исчез, и встречи между гражданином Кальяром и графом Паниным прекратились»¹¹.

Переориентация русской дипломатии вытекала из анализа изменившейся ситуации в Европе. Франко-австрийские переговоры о мире в Кампо-Формио затягивались. «Мир императора подвергается не только медленности, но и сомнению», — писал Павел I своему посланнику в Берлине. Переговоры в Лилле с Англией тоже были далеки от завершения. В письме царя Панину говорилось: новые обстоятельства не позволяют «поспешить совершением нашего с французским правлением договора покуда не увидим ясно, к какому концу сих воюющих держав переговоры наклонение возьмут»¹².

Итак, русско-французское сближение откладывалось. Истинные причины остались в тайне, а предлог в Петербурге нашли. Французская эскадра контр-адмирала Брюйеса заняла принадлежавшие Венеции острова на Средиземном море. На острове Занте французы арестовали русского консула и отправили его на Корфу (итальянское название греческого острова Керкира. — Ю. Б.). В связи с арестом консула царь приказал заявить Кальяру, что это событие «рушит всякое с ним сношение и переговоры». Но для хозяина особняка Галифе истинные мотивы решения царя не оставляли сомнений. «Арест консула на венецианских островах явился предлогом для разрыва; его настоящий мотив заключался в обстоятельствах, которые существовали тогда и в непрерывных усилиях Англии, имевших своей целью держать Россию привязанной к ее системе»¹³. К такому выводу пришел Талейран.

Долгим был в те времена путь от Петербурга до Берлина. Пока до Панина дошла монаршая воля, он получил от Кальяра проект русско-французского договора, состоявший из семи статей. Текст полностью расходился с замыслами царской дипломатии. Панин отнесся к договору «с презрением» и вернул его текст французскому посланнику. Тем временем из Петербурга последовало еще более строгое указание: Панину поручалось отойти от «всякого сообщения и бытности вместе с Кальяром»¹⁴.

Однако в конце 1797 — начале 1798 года Павел I опять неоднократно ставил вопрос о возобновлении русско-француз-

ских переговоров при соблюдении некоторых предварительных условий: освобождение арестованного русского консула и проявление инициативы со стороны французского посланника. «Чтобы вы продолжали не искать, но и не убегать французского министра Кальяра»¹⁵, — писал царь Панину.

Русский дипломат и Кальяр несколько раз виделись в городском парке. Не удовлетворившись этими беседами, Кальяр попытался использовать в качестве посредника датского посланника в Берлине Розенкранца. Из Парижа Кальяру сообщили, что «если русский двор настаивает на освобождении своего консула до возобновления переговоров, Директория прикажет это сделать». В Берлин прислали и новый проект русско-французского договора, состоявший из 16 статей¹⁶.

Талейран, уже не веривший в успех переговоров, советовал Кальяру ждать, пока Панин сам «вернется» к нему. А до этого, писал министр внешних сношений, «полнейшее безразличие и самое холодное презрение должны стать теми двумя чувствами, на которых вам следует сосредоточиться»¹⁷. Весьма зыбкая почва для успешных переговоров!

Попытка русско-французского сближения вновь не удалась. Русская дипломатия уже весной 1798 года стала искать союзников для войны против республиканской Франции. Пруссия превратилась в своего рода яблоко раздора между Парижем и Петербургом. Каждая из сторон стремилась договориться с прусским королем, заставить его отказаться от нейтралитета и перейти в свой лагерь.

Талейран считал, что национальные интересы требовали, чтобы Пруссия отодвинулась от новых границ Франции и Батавской республики, но расширила бы свои владения на востоке и на севере Германии. Второстепенные германские государства, по замыслу министра внешних сношений, должны были играть роль посредника между Французской республикой и Австрией, Французской республикой и Пруссией¹⁸.

Однако в Берлине официальные круги шли навстречу лишь второстепенным французским пожеланиям. Так, Людовика XVI именовали графом Прованским; в Пруссии запретили ношение орденов дореволюционной Франции; прусские власти не разрешали публикацию дневника Клери, камердинера Людовика XVI, повествующего в трагических тонах о заключении свергнутого короля в Тампле. И хотя уступки со стороны Берлина были невелики, Панин писал о «рабском подчинении прусского правительства приказам Директории».

Но в Париже хотели большего. Директория трижды официально настаивала на «полном объединении средств и сил» Франции и Пруссии. 15 сентября 1797 г. Кальяр по поручению Талейрана сделал в Берлине предложение о заключении

франко-прусского военного союза. А уже 27 сентября он получил отрицательный ответ. «Никогда новость не досаждала мне и не огорчала меня больше, чем эта; я такого не ждал. Предложения, сделанные королем Пруссии, имели своей целью убедить его в нашем доверии и в нашей дружбе»¹⁹, — укорял Талейран прусского посланника в Париже Сандос-Роллина.

Талейран не отказался от надежды возобновить переговоры о союзе. В апреле—мае 1798 года Кальяр по его указанию несколько раз беседовал с прусским премьер-министром Христианом Гаугвицем, обменивался с ним записками по поводу возможностей и перспектив сотрудничества двух стран. Но прусская дипломатия не хотела связывать себе руки формальным союзом с Директорией, в надежность и стабильность которой в Берлине не верили²⁰.

В июне 1798 года Кальяра на его посту в Берлине сменил аббат Сийес, бывший член Учредительного собрания и Конвента, а впоследствии и Директории. Талейран не любил Сийеса и не одобрял его назначения. Этот молчаливый, чуть сторбленный пятидесятилетний человек, хотя он и не обладал ораторскими данными, умел производить впечатление всеведущего государственного мужа. С ним считались, многие верили в непогрешимость его суждений. Поэтому назначение Сийеса французским представителем в Пруссии говорило о том, что директоры придавали этому посту первостепенное значение.

В Берлине Сийеса встретили плохо. В отличие от Кальяра, у него была репутация «революционера» и «цареубийцы». «На последнем бале у двора король не токмо не сказал ему ни слова, но явным образом оказывал презрение свое к сему извергу, становясь перед ним спиной», — сообщал в Петербург Панин. Сийес не смог сделать больше, чем Кальяр. Франко-прусский союз так и не был заключен.

Сближения с Пруссией пыталась добиться и русская дипломатия, но это была нелегкая задача. Противоречия между двумя странами обострились в связи с претензиями Пруссии на гегемонию в Германской империи. Панину поручили передать Фридриху-Вильгельму письмо царя, в котором говорилось, что Пруссия действует как сторонник Франции и хочет поживиться за счет германских государств. Павел I заявил, что Россия не согласится с изменениями в политической системе Европы. «Мы бы желали, чтоб и при самом ныне сокращении в границах Германской Империи, колико удобно менее в ней было перемен, а особливо испровержений, чтобы всемерно конституция ея удержана была»²¹, — писал царь Панину.

В Петербурге не ограничились переговорами по обычным дипломатическим каналам. Весной 1798 года с чрезвычайным

посольством в Берлин и Вену выехал генерал-фельдмаршал Н. В. Репнин. «Главнейшей заботой князя должно быть примирение интересов и заявлений Австрии и Пруссии о их обоюдных вознаграждениях в Германии; но затем он должен будет предложить тот великий союз, который воздвигнет оплот против хищнических покушений французов».

«Великий союз», о котором писал вице-канцлер А. Б. Куракин Панину, в то время еще не был заключен. Но миссия Репнина вызвала тревогу Талейрана. Он внимательно следил за ходом событий и требовал от французского посланника подробной информации. Генерал-фельдмаршал «будет принят вежливо и не получит ничего, абсолютно ничего», — сообщили из Берлина в Париж. Донесения царского посла подтверждали это. Ему не удалось добиться примирения. Пруссия так и не присоединилась к антифранцузской коалиции, заявив о своем нейтралитете. 13 июля 1798 г. царь дал указание «всякое дальнейшее настояние на составление общей связи противу французов отложить в сторону»²².

Как же определял Талейран в это время перспективы русско-французских отношений? В «Записке о положении Французской республики» он писал, что Павел I вернулся к политике своей матери, основы которой были заложены еще Петром I. В подтверждение министр ссылался на успешное развитие англо-русских торговых отношений, на ненависть русского императора к французской революции. Он писал обо всех антифранцузских действиях России, в том числе и о «долго оспариваемой, но, видимо, сегодня уже несомненной новости» — отплытии русского флота в качестве вспомогательной силы англичан. Талейран заключал, что, несмотря на всю свою «враждебность и злопамятность», Екатерина II никогда не принимала в столь короткое время враждебных действий против Франции в том масштабе, в каком это сделал ее сын²³.

Какую же политику в «русском вопросе» предлагал Талейран? «Направить против России усилия ее соседей» невозможно. Польши больше не существовало как государства, Швеция не могла выступить одна. В Париже поняли, что Пруссия не объединится с Францией. Российская империя не могла подвергнуться нападению страны, которая не граничит с ней. Для французского флота Балтийское море и Финский залив были закрыты. «Экспедиция против Архангельска, — отмечал Талейран, — явилась бы более легкой, если бы Северное море не было почти полностью занято нашими врагами». Он видел только одну возможность «достать» Россию: закрепиться в Египте.

Он считал, что Бонапарт, завоевав Египет, направит часть своих войск в Индию. Англия, подвергшаяся нападению на

индийской земле и «пораженная в сердце» восстанием в Ирландии, вынуждена будет покинуть свои позиции в Средиземном море. Тогда французский флот объединится с турецким и в качестве компенсации за потерю Египта поможет Турции вновь завоевать Крым. «Разрушение Херсона и Севастополя явилось бы одновременно справедливой мстью за безумное неистовство русских и лучшим средством для переговоров с турками с целью получить от них все, что могло бы укрепить наше положение в Африке».

Талейран не ограничился этими агрессивными замыслами. Он выступил и за установление французского контроля над Константинополем с целью нанесения удара по России и по ее «византийским истокам». Здесь же он излагал далеко идущие планы французской коммерческой навигации.

Завершая изложение своего плана, Талейран предвидел возможность в России дворцового переворота. Он настойчиво предлагал Директории направить в Петербург и Москву специального агента, способного собрать сведения о внутреннем положении страны, о настроениях двора и дворцовых интригах. Но министр внешних сношений не исключал и того, что Павел I «может вдруг вернуться к мирным взглядам». Поэтому он предлагал решить, будет ли Сийес иметь те же полномочия для переговоров с русскими представителями, какими располагал Кальяр²⁴.

Дело в том, что его план в самой существенной своей части являлся ошибочным. Министр явно переоценивал потенциал французского флота и перспективы сотрудничества между Францией и Турцией. Он не принимал в расчет многоплановость и эффективность средств давления на Порту со стороны Англии и России. В конечном счете Османская империя не только не стала союзницей Франции, а, наоборот, присоединилась ко второй антифранцузской коалиции.

В июле 1798 года, именно в те дни, когда «Записка» Талейрана была представлена Директории, Панину сообщили из Петербурга: «Турки весьма быв испуганы замыслами французскими, заговорили о нашей помощи и о союзе с приступлением к тому Англии и Пруссии. Мы им предложили готовность морской помощи, требуя неких предварительных удостоверений в пропуске на сей раз нашего флота через Дарданеллы в Средиземном море и безпрепятственном его возвращении в Черное»²⁵.

На помощь Англии вышла русская эскадра — 15 линейных кораблей и 4 фрегата. Царь сообщил своему посланнику в Берлине о «тесном союзе» с Англией. Русский корпус направился в распоряжение короля Обеих Сицилий. На Мальту отбыли три батальона гренадер и артиллеристы.

Русская дипломатия продолжала настойчиво добиваться присоединения Пруссии к антифранцузскому союзу. В декабре 1798 года Павел I все еще выражал надежду на участие прусского короля «в войне предстоящей». Он соблазнял пруссаков территориальными приобретениями за «счет общего неприятеля», обещал передать в распоряжение Пруссии 45 тысяч пехотинцев, кавалерийские части и артиллерию, чтобы отвоевать Нидерланды и немецкие земли²⁶. Но прусское королевство по-прежнему сохраняло нейтралитет.

Тем не менее, в конце 1799 года антифранцузская коалиция сформировалась. Кроме России в нее вошли Австрия, Англия, Турция и Неаполитанское королевство.

Переговоры французской дипломатии не только с Россией, но и с Англией не завершились успехом.

ГЛАВА VII

«ДВОЙНАЯ ИГРА» МИНИСТРА ВНЕШНИХ СНОШЕНИЙ

а протяжении столетий английская дипломатия славилась своим умением загребать жар чужими руками. Но 10 августа 1797 года единственный тогда союзник англичан — Португалия — заключила мир с Французской республикой. Корабли британского флота немедленно появились в виду Лиссабона. Они остановились на рейде порта, но отнюдь не потому, что в результате франко-португальского договора лишились права

заходить в гавани бывшего союзника. Орудия английских кораблей были наведены на португальскую столицу, «предлагая» недавним союзникам отказаться от ратификации невыгодного «владычице морей» договора. Правительство Португалии сочло за благо последовать «совету» британской артиллерии. Директории пришлось аннулировать договор, за содействие в заключении которого Талейран, однако, уже успел получить от португальцев 500 тысяч франков. Примерно такая же сумма пришлось на долю Барраса и Ребеля¹.

Но Англия осталась в состоянии изоляции, лицом к лицу с объединенными флотами трех держав: Франции, Испании и

Голландии. К тому же у Питта возникли трудности не только внешние, но и внутренние. Британская экономика переживала кризис. Не стихало освободительное движение в Ирландии. На военных кораблях в Портсмуте и в Плимуте взбунтовались матросы. Мирные переговоры с Францией стали для английских правящих кругов необходимостью. Директория дала на них согласие. Местом действия выбрали Лилль — город, находившийся на полпути между Лондоном и Парижем, да к тому же связанный с французской столицей линией оптического телеграфа — чудо тогдашней техники!

Английскую делегацию возглавил лорд Джеймс-Гаррис Малмсбери. Это был опытный дипломат, представлявший свою страну в Петербурге и Гааге. Он являлся решительным противником французской революции, но считал, что мирная передышка позволит Англии избежать поражения и восстановить свои силы.

Переговоры начались за несколько дней до прихода Талейрана в особняк Галифе. В искренность намерений Питта новый министр внешних сношений не верил. Он писал впоследствии: «Английскому министерству нужно было тогда симулировать переговоры, чтобы выпутаться из внутренних затруднений»². Англичане готовы были согласиться с французскими требованиями при условии сохранения захваченных Англией колониальных владений Испании и Голландии.

Главой французской делегации являлся бывший член Директории Летурнер, не имевший опыта международных переговоров. Он выражал взгляды Барраса, Ларевельера и Ребея, придерживавшихся доктрины «твердости» и готовых в случае необходимости к возобновлению военных действий, тогда как Бартеlemi и Карно выступили за заключение мира любой ценой. 20 июля Директория подтвердила свое основное требование: возврат Англией всех захваченных ею французских, голландских и испанских владений³.

Как глава французской дипломатии Талейран обязан был проводить в жизнь внешнюю политику Директории. И уже 22 июля 1797 г., через несколько дней после своего назначения, министр подтвердил инструкции и указания, которые французская делегация в Лилле получила от его предшественника. В документах, направляемых директорам, Талейран метал по адресу англичан громы и молнии, объявил английское правительство «душой огромного заговора» против Франции. «В отношении Англии, — писал он, — мы должны занимать враждебную, только враждебную позицию. До того как вести с ней переговоры, нужно нанести ей большой вред, достаточный для того, чтобы возмещения, которые мы должны потребовать, стали с ее стороны необходимыми жертвами; мир, продиктованный ей, стал бы эпохой свободы морей,

и она потеряла одновременно средства и надежду вновь захватить там господство, которое себе присвоила»⁴.

Министр считал необходимым непрерывно наносить удары «по торговому и морскому процветанию Англии». С этой целью в ходе переговоров в Лилле он рассчитывал получить ответы на ряд вопросов. Будет ли Британия стремиться к новым захватам в Индии или ограничится тем, что она там имеет? Осуществят ли англичане очередные экспедиции в Санто-Доминго (остров Гаити. — Ю. Б.)? Не покинет ли Англия Средиземное море, направив все свои силы в Атлантический океан и в направлении Америки? Талейрана интересовали также вопросы торговли, кредитов, деятельности британских банков. Это был новый подход буржуазной дипломатии к международным отношениям, диктуемый реальными потребностями капиталистического развития⁵.

Приход Талейрана в особняк Галифе Бартелеми считал «большим счастьем», так как новый министр стремился «добиться мира». Талейран действительно хотел нормализации англо-французских отношений. По крайней мере, он не разделял жесткость, бескомпромиссность официальной позиции Директории, связавшей в единое целое интересы Франции и ее союзников — Испании и Голландии. Собственно говоря, он и не скрывал своей точки зрения и изложил ее сразу же, как только стал хозяином особняка Галифе⁶.

20 июля 1797 г. в записке, адресованной Директории, Талейран отмечал, что, по его мнению, лорд Малмсбери был уполномочен вернуть французам захваченные у них территории, но, учитывая мощь Франции на континенте и, возможно, имеющиеся у нее «внутренние разногласия, несомненно, преувеличенные», он не мог и не хотел отказываться от всех оккупированных Англией богатых колониальных владений. Французская республика должна, разумеется, защищать интересы своих друзей. Но «компенсация и объекты для обмена являются единственными средствами переговоров, когда речь идет о потерях и завоеваниях». В этих словах — ключ к пониманию позиции министра.

Суть ее проста. От союзников Франции не следует открыто требовать жертв. Однако с ними полезно консультироваться, напоминать, что сделали для них французы, выяснить их позицию, степень готовности пойти на некоторые уступки во имя «счастья всеобщего умиротворения». Талейран предложил с этой целью направить в Мадрид и Гаагу чрезвычайную миссию. 29 июля Директория согласилась с его точкой зрения⁷.

Новый министр приступил к осуществлению своей программы. В письме испанскому послу, датированном 10 августа 1797 г., он, с одной стороны, подчеркивал верность Франции ее союзническому долгу, с другой — рекомендовал Испании пере-

смотреть свои требования. Талейран считал, что достижение разумного компромисса по вопросу колониальных владений — это главная статья будущего соглашения, «которую следует прежде всего принять, и можно сказать, что в одной этой статье заключен мирный договор». Все остальные вопросы станут предметом дополнительных переговоров. Так, передача Испании Гибралтара, захваченного Англией еще в 1704 году, не представляла, по мнению министра, необходимое условие мира, поскольку ни один договор не связывал Францию по этому поводу. Директория «вовсе не обязана рассматривать возвращение Гибралтара как одну из предварительных статей и условий договора с Англией». Однако эта позиция могла вызвать лишь недовольство и недоверие в Мадриде. Но и в Гааге тоже не хотели идти навстречу пожеланиям главы французской дипломатии и отдать англичанам остров Цейлон и мыс Доброй Надежды⁸.

Но Талейран не являлся бы Талейраном, если бы не попытался найти выход из этого тупика. Он повел тайную и опасную — двойную и даже тройную игру. Летурнер получал из канцелярии особняка Галифе официальные решения Директории. А поправки и комментарии к ним министр тайно сообщал «своему человеку» в Лилле, одному из членов французской делегации Маре. Более того, Талейран установил непосредственные личные контакты с англичанами. С Малмсбери встретился его посланец Клод-Анри де Сен-Симон, в будущем создатель одной из знаменитых концепций утопического социализма, и передал совет из Парижа: англичанам следует требовать голландские колонии. С ведома Шарля-Мориса генеральный секретарь Директории Лагард передал Малмсбери переписку французоз с испанцами и голландцами, письма Талейрана и ответы ему из Мадрида и Гааги. Услуга отнюдь не была бескорыстной. Лагард получил 25 тысяч фунтов стерлингов. Учитывая реальную перспективу новых взяток, Малмсбери писал Питту из Лилля: «Я вас прошу подготовить фонд, из которого я мог бы черпать средства, так как я недостаточно богат, чтобы авансировать эти суммы из моего кармана и ждать выплаты, возможно, два или три года»⁹.

Поползли слухи о подозрительных действиях министра внешних сношений. Они дошли и до Директории. Баррас, избегая скандала и опасных для него лично разоблачений, информировал Талейрана, что его подозревают в передаче сведений и даже документов врагам республики. То же сделал и министр полиции Сотен. Талейран немедленно ответил ему письмом, в котором с обычным для него цинизмом полностью отрицал «нападки» по своему адресу. А прямых, неопровержимых улик у властей не было. Бывший епископ Отенский, прошедший неплохую школу лицемерия и коварства, был удивительно осторожен. Он умел предвидеть опасность и вовремя замести следы¹⁰.

Но почему руководитель официальной дипломатии встал на скользкий путь сговора с Питтом, Гренвилем и Малмсбери, на путь, который мог привести его в тюрьму и даже на эшафот? Скорее всего, он рассчитывал на понимание английской стороны, на ее уступки, компенсируемые голландскими и испанскими владениями. В этом случае территориальные захваты Франции в Европе полностью сохранялись. Расплачивались ее друзья. На такой позиции стояли директора Бартеlemi, Карно, члены французской делегации в Лилле — Маре и Колшен. Даже «непримиримый» Ребель и «неподкупный» Баррас проявили необычную терпимость к интригам Талейрана, вселяя в него уверенность в безнаказанности. И главное, у него появилась возможность прекрасно заработать на продаже англичанам информации и документов дипломатической переписки и, заранее предвидя повышение или падение ценных бумаг в связи с очередным поворотом англо-французских переговоров в Лилле, успешно играть на бирже. Впоследствии Баррас утверждал, что всего за несколько месяцев переговоров спекулятивные сделки принесли министру внешних сношений полтора миллиона франков дохода¹¹.

После государственного переворота 18 фрюктидора (4 сентября) 1797 г. обстановка круто изменилась. Бартеlemi был арестован, Карно — скрылся. Сен-Симон оказался в тюрьме. Лагарду угрожала ссылка, а Маре, переписывавшийся с Бартеlemi и Карно втайне от других директоров, мог стать опасным для Талейрана свидетелем. К тому же в Лилль выехала новая делегация в составе Жана-Батиста Трейлара, ставшего вскоре членом Директории, и Анж Бонье д'Арко, личного друга Ребеля. Рассчитывать на содействие этих людей министр внешних сношений не мог. Ему следовало срочно изменить тактику. Промедление было поистине смерти подобно. И Талейран действовал¹².

11 сентября он направил Трейлару и Бонье новую инструкцию для ведения англо-французских переговоров. Министра словно подменили. Он занял позицию, еще более жесткую, чем Ребель: «Положить конец прощупываниям, говорить ясно и завершить дело». Но на каких условиях? Прежде всего возврат кораблей, захваченных англичанами в Тулоне, и отказ короля Великобритании от присвоенного им титула короля Франции и Корсики. Переговоры возвращались к их исходной точке. Англия не только должна была вернуть все захваченные ею территории, но и уступить Нормандские острова в проливе Ла-Манш (Джерси, Гернси), французские владения в Индии по их состоянию на 1754 год, согласиться на передачу Гибралтара Испании. Директория одобрила предложения Талейрана без обсуждения¹³.

Реакцию британской дипломатии нетрудно было предвидеть. Как сообщили из Лилля 16 сентября в Париж, Малмсбери не

имел полномочий для возврата Франции и ее союзникам их владений, захваченных с начала военных действий, и считал, что «ему не дадут подобной власти». Он напомнил о первых встречах, когда английское правительство соглашалось на компенсации за счет владений союзников Франции, а не ее самой. Через несколько дней Малмсбери выехал в Кале. А французская делегация осталась в Лилле, показывая тем самым, как писал Талейран, что она не считает переговоры «абсолютно прерванными»¹⁴.

Однако все эти уловки не меняли существа дела. Бескомпромиссность французской позиции исключала соглашение с Англией, руководители которой отнюдь не считали себя стоящими на краю пропасти. Мир возможен, но не любой ценой — такова была позиция Питта. Ее разделял по существу и министр внешних сношений. Он пытался внести в политику Директории элементы компромисса, взаимных уступок и взаимовыгодных компенсаций. При этом Талейран, как всегда, сочетал открытую дипломатию с интригами, закулисными махинациями, с вымогательством и спекулятивными сделками. «Свои» деньги — и немалые — он получил. А переговоры вначале вполне успешно продвигались вперед.

Но теперь, после 18 фрюктидора, новый состав Директории взял курс на конфронтацию с Англией. Поддержка жесткого курса директоров стала для него не только вопросом карьеры, но и личной безопасности. Талейрану вовсе не хотелось последовать за Бартеlemi в далекую ссылку. Он уступил Ребелю и его сторонникам. Последние возможности для англо-французского соглашения были утрачены.

В Париже говорили, что Талейрану явно не везло с англо-саксонскими державами. Мир с Англией ему заключить не удалось. Одновременно он вел переговоры с Соединенными Штатами, которые закончились крупным скандалом.

...Королевская Франция с оглядкой и опасениями встала на путь сотрудничества с американской республикой. Активным сторонником этой политики был граф де Вержен, министр иностранных дел Людовика XVI, опытный дипломат, в прошлом посол в Константинополе и Стокгольме. Он видел в американских повстанцах союзников в борьбе против Англии за сохранение французского господства над Антильскими островами. «Линия Вержена» постепенно прокладывала себе дорогу. В 1778 году были подписаны франко-американские договоры о дружбе, торговле и союзе. Франция гарантировала независимость Соединенных Штатов, а заокеанская республика выступила в роли гаранта французских владений в Америке¹⁵.

Все эти соглашения были реальными действующими документами. Французские войска и флот приняли участие в войне с Англией. Экспедиционный корпус Франции участвовал в истори-

ческой битве под Йорктауном, завершившейся полным поражением англичан. Мир был подписан 3 сентября 1783 г. Увы, как это не раз бывало в истории, он не сцементировал франко-американский союз и между партнерами вскоре обнаружились заметные трения.

Как это ни странно, но у нового заокеанского государства отношения с монархическим режимом сложились более дружественные, чем с Французской республикой. Соединенные Штаты задолжали Франции 34 миллиона франков, а о погашении долга не было и речи. Американцы не выплатили жалованья французским добровольцам. Согласно решению Конвента, любой нейтральный корабль, направлявшийся во вражескую страну, подвергался аресту. К октябрю 1794 года 300 судов Соединенных Штатов были блокированы во французских портах (к 1800 г. их число достигло 834). Тысячи американских моряков оказались фактически пленниками, и многие из них пошли на службу к французским каперам¹⁶.

Со своей стороны американское правительство, нарушив союзные обязательства перед Францией, заключило 19 ноября 1794 г. торговый договор с Англией, предоставивший ей права наиболее благоприятствуемой нации. Порты США были открыты для британских каперов. Более того, английское правительство по-прежнему не признавало свободу навигации нейтральных государств и не отказалось от контрольных визитов на их корабли.

Для недовольства в Париже имелись и другие мотивы. Соединенные Штаты обязались не продавать врагам англичан строительный лес, металлы, снаряжение, оружие, смолу, паруса, снасти; закрыть свои порты для враждебных Англии каперов. Американские граждане, захваченные на французских военных кораблях, рассматривались как пираты и подлежали расстрелу¹⁷.

В 1797 году франко-американские отношения особенно осложнились. Директория отказалась принять нового посла Соединенных Штатов, и они были представлены в Париже генеральным консулом. Франция также имела в Филадельфии и Нью-Йорке только консулов. Французские власти не признавали паспорта, выданные американскими дипломатическими представителями. Но главный удар был нанесен по экономическим интересам США. Французские каперы получили разрешение «посещать» американские суда, и они занялись настоящим разбоем. Над торговлей заокеанской республики нависла угроза катастрофы.

В обстановке необъявленной войны между двумя союзными странами Шарль-Морис Талейран и занял свой служебный кабинет в особняке Галифе. Соединенные Штаты Америки в тот момент не занимали первостепенное место во французской внешней политике. У Талейрана могли бы проснуться сентимен-

тальные чувства, добрые воспоминания о стране, которая совсем недавно приютила его. Но дело есть дело. Эмоции здесь излишни и даже вредны. А с точки зрения дела главными заботами являлись переговоры о мире с Россией, Англией, Австрией, о союзе с Пруссией. Соединенные Штаты находились далеко и в европейских делах большой роли не играли. Поэтому министр подходил к урегулированию франко-американских распри спокойно, без торопливости, думая не столько о национальных французских интересах, сколько о собственном благополучии. И вот, как показалось Шарлю-Морису, представилась редкая и беспроеигрышная возможность крупно поживиться за счет Соединенных Штатов.

...В январе 1797 года Гамильтон констатировал: «Наши отношения с Францией достигли критической точки»¹⁸. В то же время многие представители деловых кругов, даже те, которые ориентировались на Англию, стремились избежать обострения американо-французского конфликта. Через несколько месяцев президент Соединенных Штатов Джон Адамс решил направить в Париж для переговоров о возмещениях за захваты французскими каперами американских судов чрезвычайную комиссию. В ее состав входили: сенатор от Вирджинии Дж. Маршал, бывший адъютант Вашингтона Ч. Пинкни и Э. Джерри, впоследствии губернатор Массачусетса и вице-президент США.

Однако поскольку в Филадельфии нарушили некоторые требования дипломатического протокола, — не получили предварительного согласия Директории на приезд в Париж своих представителей — те оказались в Париже в качестве частных лиц, не имевших официального статуса. Этой ситуацией и воспользовался Талейран. Он встретился с посланцами Адамса 8 октября. Беседа была краткой и холодной. Министр заявил, что не может быть и речи об официальном приеме делегации. Ни слова не было сказано ни о месте, ни о сроках, ни о содержании будущих переговоров. Глава дипломатии Директории беспокоился не об урегулировании франко-американских отношений. У него зрели совсем иные планы.

Эти планы историк Жан-Батист Дюрозель назвал «подозрительными»¹⁹. Однако на самом деле никакого места для сомнений не оставалось: речь шла о грубом и весьма крупном вымогательстве.

Швейцарские банкиры Хотингер и Белами, сотрудник Талейрана Отеваль неоднократно встречались с посланцами США. Они говорили об укреплении международных позиций Франции после подписания ее договора с Австрией, о реальной угрозе франко-американской войны, об «обидах», нанесенных Соединенными Штатами Директории. Компенсировать ее моральные убытки американцы могли бы, купив, например, по номиналу

на 32 миллиона флоринов ценные бумаги голландского займа (их реальная стоимость составляла ровно половину этой суммы), и сделав к тому же подарок правящей «пятерке» в сумме 50 тысяч луидоров. Кроме того, до начала переговоров и без ведома директоров следовало преподнести министру внешних сношений «сладенькое» — всего-навсего 120 тысяч франков. Американцы ответили, что они не имеют ни полномочий, ни денег для подобной аферы. А прямолинейный Маршал заявил: «Не дадим и ломаного гроша!» Он сообщил в Филадельфию: «Наше положение более сложное и трудное, чем вы можете предполагать. От нас снова требуют денег. Мы отчаиваемся что-либо сделать»²⁰.

Директория дала указание Талейрану начать переговоры с американцами по вопросу о судьбе голландских ценных бумаг. Однако министр не в состоянии был расстаться с мыслью о собственном «заработке». Он тянул, настаивал на взятке уже не в 120 тысяч франков, а в 1250 тысяч. 2 марта 1798 г. Талейран подтвердил Джерри свое требование, а 6 марта заговорил о возвращении миссии в Соединенные Штаты. Но и после этого шантаж продолжался. Драматург Пьер-Огюстен Карон де Бомарше по поручению ненасытного Шарля-Мориса предупредил Маршала о возможности конфискации собственности американцев, живших во Франции, и заявил ему: «Дайте денег правительству и вы избежите этого решения»²¹.

Позиция делегации оставалась непоколебимой. Никаких денег американцы давать не собирались. Талейран был потрясен. Он, оказывается, совсем не знал людей, среди которых прожил два года. С мыслью о «сладостях» приходилось расстаться.

Миссия была закончена. Маршал отбыл из Бордо в Нью-Йорк. Пинкни получил от Директории разрешение остаться на юге Франции в связи с болезнью дочери. Только Джерри не покинул Париж²².

Но неприятности еще только начинались. Адамс получил донесение Маршала и в начале апреля сообщил его содержание сенату. О парижской истории рассказали газеты. Фамилии Хотингера, Белами, Отеваля были опущены и заменены буквами «Х», «У», «Z». Широкая публика узнала о шантаже и вымогательстве, которым американская делегация подвергалась во французской столице.

Американцы кипели от негодования. Конгресс аннулировал все соглашения с Францией и прекратил с ней торговые отношения. Численность регулярных войск США была доведена до 20 тысяч человек. Создали и 10-тысячную временную армию, хотя Адамс являлся противником такой меры. «Вероятность встречи с французской армией на суше не больше, чем на небесах», — утверждал он. Президент отдавал предпочтение флоту. Было создано военно-морское министерство. Уже осенью 1798

года сошли на воду первые фрегаты, превосходившие французские как по размерам, так и по вооружению. Англичане дали Соединенным Штатам пушки, оружие, боеприпасы, конвоировали американские торговые корабли в Атлантике, защищая их от французских каперов.

Конгресс принял законы «О подстрекательстве к мятежу» и «Об иностранцах», направленные против 30 тысяч проживавших в стране французов. В Соединенных Штатах перестали петь знаменитые песни «Марсельеза» и «Са ира́», отказались от популярных символов французской революции²³.

В основе этого антифранцузского взрыва лежали и более глубокие экономические и политические причины. Но его детонатором, несомненно, явилось корыстное и циничное отношение Талейрана к франко-американским переговорам. Во всяком случае, ответственность за дипломатический конфликт с Соединенными Штатами полностью лежала на главе французской дипломатии. Его отставка казалась неизбежной. «Я думаю, что он потерян для министерства внешних сношений»²⁴, — сообщал в Берлин Сандос-Роллин 31 мая 1798 г. Пресса называла даже фамилию нового министра — Франсуа де Нефшато.

Но Талейран был предусмотрителен. Он установил доверительные отношения с Бонапартом. Поддержка молодого, но знаменитого и влиятельного генерала имела большое значение. Поддерживал Талейрана и Баррас. А заклятый враг министра Ребель, подавленный семейными скандалами, не выступил с разоблачениями. Талейран сохранил министерский портфель, но был лишен возможности участвовать в подготовке наиболее ответственных дипломатических документов.

Обычно наш герой, не любивший быть на виду, уклонялся от публичных дискуссий. Но на этот раз он ринулся в бой. В письме Джерри он обличал «интриганов», которые «использовали изоляцию» представителей Соединенных Штатов, чтобы «их обмануть». Без тени смущения Талейран просил «немедленно» сообщить ему имена тех, кто скрывался за буквами «Х», «У», «Z»²⁵. Но кто, как не сам гражданин министр, мог бы подробно рассказать об этих людях?..

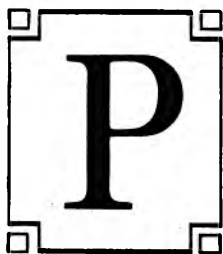
В июле 1798 года Талейран подготовил очередную записку о международном положении Франции. Он упоминает о «ссорах» двух стран, намечает программу возможных переговоров. Но в Америке уже приняли враждебные меры против Франции. Выпущен военный заем. Американские корабли преследуют французские суда. «Это настоящее объявление войны», — констатирует Талейран. И вот ответный шаг Франции — интернирование американских судов, находившихся в ее портах. В итоге «всякая идея соглашения должна быть отложена»²⁶.

Этот вывод диктовался как реальной международной обста-

новкой, так и личными интересами министра, стремившегося ослабить то тяжелое впечатление, которое оставила в Париже и Филадельфии неблагоприятная роль, сыгранная им во время пребывания в Париже представителей президента Джона Адамса.

ГЛАВА VIII

КАМПО-ФОРМИО И РАШТАДТ: МИНИСТР И ГЕНЕРАЛ

азгромив австрийские войска, Бонапарт на собственный страх и риск перекраивал политическую карту Апеннинского полуострова. Но этого ему было мало. Герой итальянской кампании жаждал славы миротворца, прекрасно понимая, что тем самым он приобретет популярность во Франции и упрочит свое положение перед лицом завистливо-враждебной Директории.

Именно этого и не хотели в официальном Париже. Молодого генерала члены Директории начинали уже побаиваться. И переговоры с Австрией поручили тридцатилетнему Анри Кларку (ирландец по рождению, он впоследствии стал маршалом и военным министром Наполеона). Кларк приехал в ставку французской армии в ноябре 1796 года. Два молодых человека быстро нашли общий язык. Спокойный, уравновешенный и исполнительный Кларк вступил в контакт с австрийским премьер-министром Тугутом. Но и Бонапарт не терял времени — не хотел упускать своего шанса. Захватив инициативу, 7 апреля 1797 г. в замке Эггенвальд, расположенном в Штирии, в окрестностях небольшого городка Леобен, он начал переговоры, завершившиеся 18 апреля подписанием предварительного мирного договора с Австрией.

Как писал Талейран, предварительный договор был «явно выгодным для венского двора». Австрийцы, терпевшие в Италии в 1796—1797 годах жестокие военные поражения от французских войск, с полным основанием считали чудом сохранение целостности своего государства. Австрия потеряла и Бельгию. Но Директория рассчитывала получить еще и Рейнскую область. Вопрос о левом берегу Рейна, о французской границе по этой реке передавался на рассмотрение будущего конгресса германских государств. Можно было предвидеть, что его решение

встретит серьезные трудности. Секретные статьи договора, о которых в Париже даже не знали, предусматривали ликвидацию Венецианской республики. К Австрии отходили Венеция и прилегающая к ней область, Истрия, Далмация. Из наследства дожей Французская республика получила Ионические острова.

Бонапарт затеял опасную игру. За грубое нарушение правилительственных инструкций Директория должна была отстранить его от руководства армией и предать суду, а подписанные в Леобене мирные условия отклонить. Одобрил договор только Карно. Ребель назвал его «чудовищным и позорным». Ларевельер осудил ликвидацию Венецианской республики. Бартеlemi осторожно отмалчивался. Баррасу текст соглашения не понравился, но у него были основания опасаться Бонапарта. Видимо, генерал располагал документами, подтверждающими, что Баррас получил от венецианского посланника в Париже взятку в 600 тысяч франков за «спасение» республики дожей. Колебания Барраса сыграли, несомненно, свою роль. Но определили решение Директории другие, более существенные факторы. Население Парижа с восторгом встретило известие о подписании прелиминарного мира. Выступить в таких условиях против победителя и «миротворца» было невозможно. Положение в стране оставалось неустойчивым. Армия подчинялась только генералам. К их помощи Директории приходилось прибегать уже не раз. Бонапарт в этом отношении был особенно перспективен. И 30 апреля лишь один Ребель голосовал против Леобенского договора¹.

Талейран как глава французской дипломатии проводил в жизнь решения Директории. Но он уже присматривался к молодому корсиканцу, с которым волею обстоятельств теперь непосредственно столкнулся. Он всем своим существом понимал, что имеет дело с восходящей звездой. Шарль-Морис сделал свой выбор. Он начал искать дружбы с Бонапартом. А дружбу заслуживают делами. Генерал не находил общего языка с Директорией и нуждался в посредничестве «своего человека», в его помощи, в своевременной и правдивой информации. Талейран охотно взялся за выполнение этой трудной миссии.

Политическая ситуация оставалась сложной. В Вене не теряли надежду на успех монархического заговора во Франции и поэтому, с одной стороны, затягивали возобновление переговоров, с другой — пытались отстранить от участия в них Бонапарта, перенесли обсуждение условий мирного договора из Италии во французскую столицу. Тугут хотел, чтобы Директория непосредственно выступила в роли арбитра между Бонапартом и Австрией, и с этой целью направил в Париж своего специального представителя. Талейран встретился с ним и 11 августа 1797 г. представил Директории свои предложения. Они полностью

отвечали интересам Бонапарта. Главное состояло в том, что министр не подвергал пересмотру прелиминарии, подписанные в Леобене. Он не затрагивал и вопрос о границе по Рейну. Министр настаивал на необходимости как можно скорее подписать окончательные условия мира, не прибегая к созыву специального конгресса в Берне, предусмотренного соглашением в Леобене, решительно отклоняя вмешательство Англии и России во франко-австрийские переговоры².

Через несколько дней, 19 августа, Талейран в письме Бонапарту и Кларку сформулировал главную цель французской политики в «австрийском вопросе»: держать Австрию вдали от Италии и настаивать на расширении ее владений в Германии³. Генералам-дипломатам поручалось вести переговоры об окончательном мире на базе соглашения в Леобене.

Благодаря усилиям министра внешних сношений Тугуту не удалось ни перенести переговоры из Италии в Париж, ни отстранить от них Бонапарта. В конце августа в Удине прибыли австрийские представители. Французы разместились неподалеку от этого городка, в замке Пассериано, принадлежавшем последнему дожу Венеции. Между Удине и Пассериано находилась деревня Кампо-Формио.

Прийти к договоренности не удавалось. Австрийские представители требовали созвать конгресс в Берне. Они отстаивали «право» Австрии на влияние и даже на присутствие не только в Венеции, но и в других областях Италии⁴. Но события скоро положили конец всякой неопределенности.

15 сентября 1797 г. Директория предъявила австрийцам ультиматум: Франция полна «решимости сохранить границу по Рейну»; австрийцы должны уйти из Италии, отказаться от Мантуи, Венеции и ее земель, включая и район Фриули; покинуть крепости Ингольштадт, Эренбрейтштейн, Мангейм, Майнц, Ульм, Кенигштейн. Однако Австрия сохраняла Триест и получала Истрию, Далмацию, архиепископство Зальцбургское и епископство Пассау.

Условия ультиматума были изложены в письме Талейрана Бонапарту, в котором содержались и аргументы дипломатического характера для оказания давления на австрийскую делегацию. Министр сообщил генералу о переговорах относительно франко-прусского военно-политического союза и об обсуждении условий мирного договора с Россией.

А если австрийцы отклонят ультиматум? Тогда, отвечал на этот вопрос Талейран, возобновление военных действий станет неизбежным. Но численность французских войск в Италии составляла всего 50 тысяч человек. Против них стояла 150-тысячная австрийская армия, располагавшая к тому же резервом в 40 тысяч солдат. Еще 50 тысяч человек находились в районе Ульма.

Кроме того, тылы французской армии не были защищены: Директория не ратифицировала договор с королем Сардинии. А снежная зима затрудняла боевые действия французов⁵.

Однако в письме Талейрана Бонапарту от 15 сентября имелось несколько коротких и, как казалось с первого взгляда, общих фраз: «Таков, гражданин генерал, ультиматум Директории, если только вы в состоянии поддержать эти предложения. В противном случае, вы укажете правительству, что вы можете извлечь из этих переговоров. Вы имеете карт бланш»⁶.

«Если только вы в состоянии...» Бонапарт не нуждался в дополнительных разъяснениях. Теперь он уже точно знал, что его армия «не готова» с оружием в руках отстоять программу Директории. И генерал прекратил переговоры, начав демонстративно готовиться к отъезду, не забыв при этом информировать австрийского дипломата Людвига Кобенцля о поступивших из Парижа инструкциях: согласие Австрии со всеми французскими требованиями или война. Одновременно Бонапарт пригрозил и Директории: «Вы зашли слишком далеко, я подам в отставку». Теперь можно было спрятать инструкции в карман и возобновить обсуждение мирного договора на новых началах⁷. В игру Талейрана включился его энергичный и прозорливый партнер.

Австрийцы вскоре сдались. В ночь с 17 на 18 октября 1797 г. в замке Пассериано был подписан договор между Францией и Австрией, вошедший в историю под названием Кампоформийского договора. Документ состоял из 25 открытых и 14 секретных статей. Австрия обязалась оказать содействие Франции в передаче ей левого берега Рейна (двух третей Рейнской области, долины Мозеля с Майнцем и Пфальца); она уступала Бельгию и признавала Цизальпинскую республику (образованную в 1797 г. на севере Италии). К Австрии отходили Зальцбург, Тироль, часть Баварии, Истрия, а также Далмация с прибрежными островами. Республика дождей прекращала свое существование. Австрийцы получили город Венецию и земли на левом берегу реки Адидже (Эч), французы — Ионические острова и часть Албании. Бывшим владельцам земель на левом берегу Рейна предоставляли компенсацию на правом его берегу за счет секуляризации собственности так называемых духовных княжеств. Это были грабительские, несправедливые условия. «Договор не означает мира, это призыв к новой войне». Так оценил Сийес соглашение в Кампо-Формио. События вскоре подтвердили правоту слов отставного аббата⁸.

Но для Бонапарта и Талейрана переговоры, несомненно, завершились успехом. В глазах широкой публики молодой полководец был героем, проявившим не только военные, но и недюжинные дипломатические способности. Но подлинным организатором победы в Кампо-Формио, оставшимся неизвестным публике,

являлся министр внешних сношений Директории, сумевший предотвратить разрыв отношений с Австрией. Начало деловому сотрудничеству Бонапарта и Талейрана было положено.

«Я пишу вам то, что думаю, и это самый большой знак уважения, который я могу вам оказать». Получить из уст Бонапарта подобное признание было нелегко⁹.

За Кампо-Формио последовал конгресс в Раштадте — небольшом городке в герцогстве Вюртемберг. Главой французской делегации Директория, по предложению Талейрана, назначила Бонапарта. И хотя генерал активного участия в новых переговорах не принял — его отвлекли вначале нереализованный проект высадки французских войск на территории Англии, а затем египетская экспедиция, — дружеский шаг министра внешних сношений, вновь публично подчеркнувшего заслуги миротворца, не мог не польстить самолюбию и тщеславию Бонапарта.

На Раштадтском конгрессе, открывшемся в декабре 1797 года, вместе с делегацией Франции присутствовали представители Австрии, Пруссии и ряда небольших немецких государств, входивших в так называемую Священную Римскую империю германской нации. Германские государства составили единую имперскую депутатию. Переговоры оказались тяжелыми и продолжительными. Они длились около полутора лет и к соглашению так и не привели.

2 ноября 1797 г. Талейран представил на рассмотрение Директории программу действий французской делегации в Раштадте. Ее цели состояли в том, чтобы «восстановить мир между Французской республикой и Империей (Священной Римской империей. — Ю. Б.) в целом», обеспечить претворение в жизнь Кампоформийского договора. «Генерал, который вел переговоры, подготовил договор, условия которого не содержат ничего, что не соответствовало бы славе и процветанию Республики»¹⁰. Министр не скупился на похвалы Бонапарту.

Талейран хотел добиться, чтобы «славный договор» стал «превосходным договором». Для этого некоторые выгодные для Австрии секретные статьи следовало отменить или компенсировать дополнительными уступками с ее стороны. Во всех случаях, заметил министр, нужны «рвение и авансы в отношении Австрии» и «холодность в отношении Пруссии и князей нижней Германии»¹¹. В Раштадте французская дипломатия учитывала «баланс сил» между Австрией и Пруссией.

Эта стратегия требовала и определенных тактических ходов. Отношения Франции с австрийским двором, казалось, были в основном урегулированы. Между тем в Берлине французский посланник Кальяр уже предложил королю заключить франко-пруссский наступательный и оборонительный союз. А в Раштадте Талейран не хотел связывать себе руки и предпочитал занимать

позицию арбитра, использующего противоречия между двумя крупнейшими германскими государствами. Вскоре, однако, условия изменятся, и позиция министра в этом вопросе станет иной¹².

По мнению Талейрана, новая ситуация сложилась и для Англии, которая с началом нормализации франко-прусских отношений потеряла «своего наиболее постоянного союзника». Поэтому не исключено, что в Лондоне подлинное стремление к миру придет на смену «лицемерным демонстрациям». И в позиции России могут быть изменения. «Возможно, граф Панин (русский посланник в Берлине. — Ю. Б.) будет уполномочен вернуться к нам с такой же поспешностью, с какой он от нас отдалился»¹³.

Но пока Франция оставалась одинокой. Ее «изоляции должен быть положен конец». Завершая эту «Записку» мыслью, к которой он неоднократно возвращался и в других своих документах, Талейран подчеркивал, что Франция могла «дать себе время для выбора», но «слишком долгая нерешительность доказала бы Европе, что либо она совсем не хочет иметь союзников, либо вовсе не умеет отдать предпочтение одному из них»¹⁴. В решении проблемы равновесия сил он видел ключ к миру на европейском континенте.

Первый этап переговоров в Раштадте завершился весной 1798 года. Основные цели французской делегации состояли в том, чтобы добиться официального признания передачи Франции левого берега Рейна и одобрения принципа секуляризации, то есть возмещения бывших левобережных германских князей за счет владений духовных княжеств на правом берегу реки. Не ожидая окончательных решений, в конце декабря 1797 года французские войска заняли Майнц. «Майнц в наших руках; наша граница обеспечена», — писал Талейран¹⁵.

Но фактическую ситуацию надо было закрепить в международно-правовом документе. Казалось, возможности для этого открывали соглашения в Кампо-Формио. Но слишком велики и остры были противоречия между Австрией и Пруссией, крупными германскими государствами и многочисленными мелкими княжествами. Переговоры «бесплодны», они «мало продвинулись вперед», то, что происходит в Раштадте, — «пустые формальности» — так оценивал положение министр внешних сношений Франции в феврале 1798 года¹⁶.

Разумеется, французы искали виновных. На первых порах «козлом отпущения» стал восьмидесятилетний представитель Австрии граф Меттерних-Виннебург, отец Клеменса Меттерниха (в будущем министра иностранных дел, а затем, много позже, и канцлера Австрийской империи). Он придерживался «готических форм германской дипломатии» и являлся «абсолютно тем

человеком, которого следовало выбрать, чтобы ничего не решать». Сарказм Талеярана разделял и французский представитель в Раштадте. Трейлар: «Большой формалист, одним словом, архинемец»¹⁷.

Колкости по адресу Меттерниха были психологической разрядкой, но положения, разумеется, не меняли. Французским политикам нужна была эффективная дипломатическая тактика. И Талейран выработал ее: он рекомендовал вести переговоры отдельно с Австрией и Пруссией, выступая в роли арбитра. «Арбитраж предполагает раздор, и в той позиции, в какой вы находитесь между двумя государствами, которые с трудом уживаются, ваша первая забота должна состоять в том, чтобы сначала разжигать ревность, досаду, возбуждать даже некоторую ссору, оживлять ее, сделать, наконец, ваше посредничество необходимым... Следует ссорить людей, которых хотят примирить: у них превосходные данные, чтобы ненавидеть друг друга. Используйте это, чтобы подвести к такому положению, которое нам подходит»¹⁸. Такие уроки преподавал Трейлару и другим французским дипломатам Талейран — мастер интриги, специалист по игре на политических и дипломатических противоречиях.

Однако арбитраж французской дипломатии отнюдь не должен был означать одинакового ее подхода к двум ведущим германским государствам. Австрийскому двору Талейран не доверял. Исходя из этой посылки, он твердо ориентировался на сотрудничество с Пруссией, в предложениях которой «больше доброй воли, сдержанности, любви к миру». Пожалуй, сказано слишком лестно в отношении Пруссии, все более стремившейся к гегемонии в рамках империи. Однако Талейран хорошо знал невысокую цену прусских словесных заверений и поэтому писал французской делегации в Раштадте: «Французское правительство, желая получить границу по Рейну, вовсе не намерено оставить Пруссию без возмещения». Пусть ее министры только скажут, чего они хотят, пусть согласятся с границей по Рейну, и «тогда их дело станет нашим». И объясняя причины своей сговорчивости, Талейран писал: «Мы вынуждены использовать Пруссию, чтобы заключить соглашение»¹⁹.

В конце февраля переговоры так и не вышли из тупика. Поэтому Талейран счел необходимым прибегнуть к силе. По его настоянию французские войска, не считаясь с перемирием, обстреляли из орудий Мангейм, последнее предмостное укрепление на левом берегу Рейна, и взяли город штурмом. Одновременно министр предложил французским представителям прекратить «войну перьев». Ее заменил ультиматум, сообщенный из Парижа в Раштадт 13 марта: не позже чем через 15 дней со времени вручения французской ноты, Франция должна окон-

чительно получить — «без условий и оговорок» — границу по Рейну, Майнц, его территорию и форты, Кельский мост. Если эти требования не будут выполнены, делегация республики покинет конгресс. Снова война! Германские государства не были готовы к ней. Сила и шантаж победили. Франция получила весь левый берег Рейна и признание принципа секуляризации церковных земель. Это были первые и последние успехи талейрановой дипломатии на Раштадтском конгрессе²⁰.

Начался длительный, продолжавшийся около года период бесплодных словесных баталий и набивших оскомину дискуссий, не приводивших к соглашениям и изредка прерывавшихся громкими скандалами. Среди них — «дело» Шарля Жана-Батиста Бернадотта, генерала, ставшего при Империи маршалом. Умный и смелый гасконец, родившийся в пиренейском городе По, принадлежал к ближайшему окружению Бонапарта, хотя не раз примыкал к различным оппозиционным ему группировкам. Преодолев свою природную подозрительность, в 1810 году Бонапарт, к тому времени уже император французов, сделал Бернадотта наследником шведского престола, считая, что жена маршала гарантирует его лояльность. Это была бывшая возлюбленная Бонапарта Дезире Клари. Но хитрый гасконец обманул своего благодетеля. Став королем Швеции Карлом XIV, он участвовал в войне против Франции на стороне России. Затем он объединил короны Швеции и Норвегии и 26 лет правил этим северным государством.

Удивительная биография, которую могла породить только бурная, стремительная, переменчивая эпоха! Но вернемся к событиям 1798 года. Бернадотт, находившийся во французских войсках в Милане, вдруг оказался причастным к переговорам в Раштадте. В начале работы конгресса была достигнута договоренность о восстановлении между Австрией и Францией дипломатических отношений и обмене послами. Бонапарт предложил кандидатуру Бернадотта. Ребел и Талейран согласились. В феврале молодой генерал прибыл в Вену и с удобствами обосновался в этом городе. Он арендовал особняк, снабдил его погреб винами и проводил время в обществе прекрасной гречанки.

Шумные события развернулись 13 апреля. В этот день жители Вены готовились к празднику. Они хотели отметить годовщину своего массового выступления на защиту родного города от французов. Национальная гордость Бернадотта была задета. Он решил напомнить жителям города о победах Франции и с этой целью вывесил на своем здании огромный трехцветный флаг с надписью «Французская республика, посольство в Вене».

Начальник городской полиции предложил снять флаг. Но посол ответил, что он скорее возьмет в руки шпагу. Поздно вечером полицейские уже не смогли сдержать многотысячную толпу раз-

гневаных жителей столицы Австрии. Они ворвались в здание, сметая все на своем пути, сорвали флаг и сожгли его. На верхней площадке лестницы генерал и несколько его офицеров потрясали пистолетами и шпагами. Разъяренный Бернадотт кричал: «Кто осмелится, каналы! Я убью, по крайней мере, шестерых и вернусь, чтобы наказать остальных пушечными выстрелами!». Солдаты австрийской императорской гвардии восстановили порядок²¹.

Но дипломатический скандал разрастался. Бернадотт отказался принять извинения министра иностранных дел. Его не удовлетворили и сожаления, высказанные австрийским императором через одного из своих приближенных. Бернадотт оставался неумолимым. Он требовал, чтобы виновные были наказаны, а знамя было возвращено на прежнее место официальным представителем власти. Австрийское правительство не приняло эти условия. Посол немедленно потребовал свои грамоты, покинул Вену и направился в Раштадт.

Директории сообщили о событиях в Вене. Ребель кричал, что это была «отвратительная западня, расставленная Англией и Россией». Талейран придерживался иного мнения, считал, что генерал вел себя лекомысленно, проявил поспешность и неосторожность. Бонапарт разделял эту точку зрения. Он отказался двинуть свои войска в Вену, так как инцидент не заслуживал объявления войны. В итоге Директория решила уладить конфликт дипломатическим путем²².

«Дело Бернадотта» вызвало известные трения во франко-австрийских отношениях, но серьезно ухудшить и без того сложную обстановку переговоров в Раштадте не могло. Французская дипломатия, решив свои основные задачи, попыталась выйти за рамки Кампо-Формио. Она потребовала острова на Рейне и укрепленные пункты на его правом берегу. Это были, несомненно, чрезмерные требования. Австрийские представители и имперская депутация отказались их рассматривать. Они с тревогой отнеслись и к идее, высказанной Талейраном, — создать в Германии «промежуточное государство, федерацию князей, которая послужит барьером между ними (Францией. — Ю. Б.) и врагом — слишком постоянным, и другом — слишком недоверчивым»²³.

Какова была тактика министра внешних сношений Директории в новых условиях, сложившихся после принятия ультиматума 13 марта? Прежде всего Талейран, говоря его словами, прибег «к последнему и самому опасному средству переговоров, которое состоит в том, чтобы вести их непосредственно с Австрией»²⁴. Австро-французские встречи, состоявшиеся в небольшом городке Зельце, в шести километрах от Раштадта, в июне 1798 года, подтвердили эту оценку. Формально Людвиг Кобенцль и один из членов Директории, Франсуа де Нефшато,

встретились для обсуждения инцидента в Вене. Но австрийцы не только не хотели дать публичное удовлетворение Франции по поводу венской истории, но, наоборот, настаивали на том, чтобы Директория дезавуировала своего посла.

Кобенцль пошел значительно дальше. Он поставил вопрос о новых возмещениях Австрии в Италии. Это была попытка ревизии договора в Кампо-Формио. «Желание Директории всегда состояло в том, чтобы отказать Австрии во всяком излишнем возмещении либо в Германии, либо в Италии; она хотела бы также помешать Австрии вступить во владение той частью Баварии, которая ей была обещана, и вынудить ее удовольствоваться церковными владениями, удобными для нее. Следовательно, с Пруссией мы предпочли бы согласовывать все, что имеет отношение к умиротворению Германии. Вокруг нее мы хотели бы объединить второстепенных германских князей»²⁵. Эти слова Талейрана — вывод из неудачной попытки прямых австро-венгерских переговоров в период Раштадтского конгресса. Вместе с тем они открывают постоянную для того времени линию официального Парижа на сотрудничество с Пруссией, также не увенчавшуюся успехом.

Французская дипломатия проявила редкое упорство в своем стремлении завоевать благосклонность берлинских правителей. Едва только успели в Раштадте прийти к соглашению по двум принципиально важным для Франции вопросам — рейнскому и территориальным компенсаций, — как Талейран вновь поручил Кальяру вернуться к идее франко-прусского оборонительного и наступательного союза. Четвертое по счету французское предложение! «Пусть Пруссия станет искренним, активным союзником, и ее интересы будут нам не менее дороги, чем наши»²⁶. Этот призыв министр повторял неоднократно. Настояния, разъяснения, предостережения, угрозы как из рога изобилия сыпались из Парижа. «Если прусский король хочет быть покровителем Империи (Германской. — Ю. Б.), он не должен терять даже четверти часа. Если он отказывается действовать, будут действовать без него, и пусть он остережется развязки»²⁷. Эти слова написаны Талейраном 30 августа 1798 г.

Для давления на Пруссию Талейран использовал различные средства. Он направил Сийесу секретные статьи договора в Кампо-Формио, разоблачающие предательство Австрией интересов Пруссии. Посланник должен был вручить их в Берлине «в решающий момент», если бы успешный результат переговоров о заключении франко-прусского союза не вызывал сомнений. Но «решающий момент» так и не наступил²⁸.

Достичь каких-либо договоренностей в Берлине министру внешних сношений не удалось. В своем докладе Директории от 9 сентября 1798 г. он писал, что берлинский двор «отклонил

все предложения о союзе, которые ему были сделаны». Представитель Фридриха-Вильгельма III в Париже Сандос-Роллин, с которым Талейран поддерживал доверительные отношения, сообщил ему, что Пруссия не может вступить в союз с Францией, так как он явился бы «оскорблением одновременно для Австрии и России, предложения которых недавно были отклонены». Против этих двух держав «дружба и поддержка Франции» не могли явиться достаточной компенсацией. Поэтому позиция Пруссии — «полный нейтралитет, распространенный на все государства нижней Германии». Это была официальная точка зрения, повторяемая на разных правительственных уровнях.

Тем не менее и в сентябре 1798 года Талейран все еще не считал положение французской дипломатии в Раштадте неблагоприятным. Более того, он предлагал Директории подписать «единый акт», по которому Пруссия, Испания, Швейцария, Франция гарантировали бы Германской империи условия окончательного договора, подписанного в Раштадте, а Италии — ее существовавшие границы. «Мы много выиграем в настоящий момент, если получим гарантию статус-кво в Италии», — замечал министр.

Фактически речь шла о создании коалиции европейских держав под французским господством. Дипломатическая ситуация, сложившаяся во второй половине 1798 года, исключала реализацию такого плана.

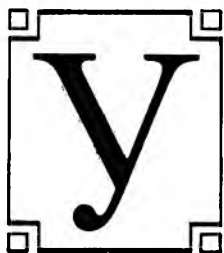
Переговоры в Раштадте в конце концов фактически превратились в прикрытие антифранцузской деятельности ряда европейских правительств. Но Талейран решил вести игру до конца. По его поручению французские представители на конгрессе вручили 6 декабря имперской делегации ультиматум, требовавший в пятидневный срок ее согласия со всеми требованиями Франции. После бурной дискуссии ультиматум был принят. Однако австрийский император отказался ратифицировать соглашение. Вооруженный конфликт стал неизбежным. 12 марта 1799 г. Франция объявила войну Австрии.

Через несколько недель последовала развязка в Раштадте. Город окружили австрийские войска. Представитель императора закрыл конгресс и объявил его решения недействительными. Но это была еще не последняя страница в истории раштадтских переговоров. Последняя же оказалась залитой кровью. На выехавшую было в Париж французскую делегацию бандитски напали австрийские гусары. Они зарубили двух ее членов, третий избежал смерти, притворившись мертвым. Чего же хотели убийцы? Их хозяев, видимо, интересовали компрометирующие Австрию документы. Похищению этих документов придавали в Вене столь большое значение, что не остановились даже перед преступлением.

Дипломатическая пьеса, поставленная в Раштадте, пьеса, одним из авторов и режиссеров которой был Талейран, в последнем своем акте обернулась трагедией.

ГЛАВА IX

КРАХ ЕГИПЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

тро 19 мая 1798 г. Во французском порту Тулон жизнь была ключом. Два месяца собиралась здесь морская армада: 55 боевых кораблей и 280 транспортных судов. На их палубы поднялось 54 тысячи человек. И вот дан сигнал к отплытию. Флотилия двинулась в путь.

Египетская экспедиция! Сказочная фантазия, неожиданно ставшая реальностью. «Не было, конечно, случайностью, что почти

одновременно два крупных политических деятеля — Бонапарт и Талейран пришли каждый своим умом к мысли о необходимости овладения Египтом. Лишний раз это доказывало, насколько идея овладения Египтом отвечала интересам французской буржуазии того времени»¹, — писал советский историк А. З. Манфред.

Каковы были цели египетского похода? Министр внешних сношений считал, что африканская страна должна стать базой для создания на Востоке и в Азии колониальной империи Франции. Он надеялся нанести сокрушительный удар по английскому могуществу, вытеснив Англию прежде всего из Индии. «Покушение» на Египет имело, по замыслу Талейрана, и антирусскую направленность. Оно также неизбежно подорвало бы Османскую империю.

Расчеты Талейрана отнюдь не ограничивались интересами большой политики. Он преследовал и свои личные цели. А они уже отчетливо замыкались на одном имени: Наполеон Бонапарт. Талейран твердо взял курс на тесное сотрудничество с молодым генералом. Не только безошибочная интуиция, но и многочисленные факты политической и дипломатической истории подтверждали, что это решение правильное. И министр энергично поддерживал полководца, веря в его звезду.

Идея завоевания Египта не была новой. Герцог Этьен

Франсуа де Шуазель еще во времена Людовика XV считал, что после Семилетней войны завоевание Египта компенсировало бы Франции потери ее колоний в Америке и Индии. Замысел Шуазеля Талейран вспомнил в своей лекции о значении колониальных владений для Франции, прочитанной в Академии наук 3 июля 1797 г., за несколько недель до его назначения министром внешних сношений Директории².

Какую роль сыграл Талейран в подготовке египетской авантюры, так дорого стоившей французскому народу? Он, несомненно, являлся одним из главных авторов проекта. Уже 23 августа 1797 г. в одном из своих писем министр подчеркивал, что Египет будет для Франции «очень полезен», так как, став ее колониальным владением, он заменит Антильские острова и откроет дорогу для торговли с Индией³. Именно Талейран 27 января 1798 г. писал директорам, что «египетская экспедиция» очень легко осуществима; после того как Египет будет занят и освоен, «из Суэца в направлении Индии отправится корпус численностью в 15 тысяч человек, чтобы изгнать из этой страны англичан»⁴.

Несомненно, наиболее важным документом, позволяющим правильно оценить ответственность министра внешних сношений перед историей, является его записка от 14 февраля 1798 г., озаглавленная «Доклад исполнительной Директории о завоевании Египта». Это «выражение мыслей самого Талейрана», — пишет автор крупного исследования, посвященного египетской экспедиции Жонкьер. Критические заметки Бонапарта⁵ на полях «Доклада» бесспорно свидетельствуют о том, что он был подготовлен без его участия.

«Я могу гарантировать в соответствии с утверждениями людей, хорошо знающих Египет, что его завоевание почти не будет стоить французской крови». И далее: «Успех этой экспедиции несомненен. Расходы не могут быть значительными». В этих высказываниях — суть позиции Талейрана. Конкретизируя ее, он пришел к выводам, что покорение Египта явится «справедливой репрессией» в отношении Турции; операция эта «легкая и даже верная»; расходы — «умеренные»; Французская республика получит «неисчислимые выгоды»⁶.

Любопытно, что Шарль-Морис не делал из своих планов тайны и рассказал о них Сандос-Роллину. А 22 февраля прусский посланник сообщил в Берлин слова Талейрана: «Я доверяю вам проекты, которые мне лично принадлежат. В самом деле, я предложил предприятие, которое сможет расширить сферу наших колоний и стать светлым началом для истории мира: использовать 40 000 человек, оставшихся в Италии, для завоевания наиболее процветающей части Египта. Я предвижу небольшие расходы и огромные ресурсы для нашей торговли,

сокровище для науки». Через 2 месяца министр вновь вернулся к этой теме. «Талейран признал, что он вместе с Магаллоном, консулом в Египте, был автором этого великого предприятия (египетская экспедиция. — Ю. Б.), от которого ждал большого успеха»⁷, — сообщал прусский посланник в Берлин.

Когда Талейран возглавил французскую дипломатию, он быстро нашел общий язык с Бонапартом и по «египетскому вопросу». Между ними шла оживленная переписка. Генерал выдвинул несколько военно-стратегических идей. Для завоевания Египта, по его мнению, требовалось 25 тысяч человек, эскортируемых 8 или 10 военными кораблями или венецианскими фрегатами⁸. Через несколько месяцев, в марте 1798 года, Бонапарт конкретизировал свой план. Он говорил уже также о захвате Египта и Мальты силами 20—25 тысяч пехотинцев и 2—3 тысяч кавалеристов, называл даже воинские части, которые могли участвовать в экспедиции. Генерал подсчитал и сумму расходов — 8—9 миллионов франков⁹. Предприятие являлось настолько неизведанным и сложным, что выдумывать трудности, стоявшие на его пути, не приходилось. Международная обстановка была для Франции неблагоприятной. Переговоры в Раштадте не увенчались успехом. Италия бурлила. В Швейцарии французам пришлось прибегнуть к оружию. Австрия сохранила свои вооруженные силы. Переговоры с Россией и Пруссией не увенчались успехом. С Англией продолжалась война. Ребель, например, считал, что в таких условиях не следовало гнать французскую армию в пустыню, рисковать ее последними кораблями. Ларевельер выходил из себя, когда выслушивал предложения Бонапарта. Большие сомнения имелись и у других директоров — Антуана Мерлена (бывший якобинец, ставший термидорианцем, владелец огромного состояния) и Франсуа де Нефшато. Баррас считал, что все военные средства Франции следовало сохранить внутри страны¹⁰.

Убедить Директорию мог только Бонапарт. И он «работал» с каждым из ее членов в отдельности, активно используя их личные интересы и склонности. Директоры побаивались умного, смелого, решительного молодого генерала и с радостью отправили бы его подальше, в жару, в пески, к черту на рога, лишь бы самим чувствовать себя спокойно в Париже. Наконец, 5 марта 1798 г. Директория дала согласие на египетскую экспедицию. Бонапарт собственноручно подготовил необходимые правительственные документы. Он полностью держал в своих руках все военные приготовления к изнурительному походу¹¹.

Но был и другой важный аспект египетской кампании — дипломатический. За него нес ответственность Талейран: не только официальную — как министр внешних сношений, но и личную — как союзник Бонапарта. Задачи французской дипло-

матии были сложными, а времени в ее распоряжении слишком мало — всего несколько месяцев.

Исходная посылка Талейрана состояла в том, что «Египет — одна из тех османских провинций, где власть Порты самая непрочная. Можно даже сказать, что там не существует и тени власти». Турецкий паша в Каире являлся якобы «первым рабом» местных властителей — беев. Он уже многие годы не получал от них дани. Поэтому завоевание Францией Египта не нанесет Турции «никакого серьезного ущерба». Наоборот, она получит немалые выгоды, в частности от сокращения торговли Англии с индийцами, и даже могла бы изгнать англичан из этого района, направив свои войска через Каир и Суэц в Индию¹².

Каковы же цели Франции? Министр заверял Порту, что ее права в Египте будут полностью соблюдены. У Директории нет «никакой идеи завоевания». Власть останется у султана. Сохранится свобода культов. Караваны в Мекку и христианские паломники, направляющиеся в Иерусалим, не встретят на своем пути никаких препятствий. Истинная цель пребывания французов на египетской территории состоит в том, чтобы «нанести в Индии смертельный удар Англии, нашему неприемлемому врагу»¹³. Такова была открытая, официальная аргументация Талейрана.

Зато в инструкциях, предназначенных для французского посланника в Константинополе Рюффена министр отбрасывал всякую маскировку и называл вещи своими именами. Он писал: «Средиземное море должно стать исключительно французским морем. Вся его торговля будет нам принадлежать». А господство Франции станет столь прочным, что ей не придется «больше бояться ни врагов, ни соперников»¹⁴. Невероятные амбиции!

Египет нужен был Бонапарту как база для создания новой колониальной империи Франции. Речь шла о политике, рассчитанной на длительную перспективу. «Намерение исполнительной Директории состоит в том, чтобы не эвакуировать Египет. Она решила утвердиться там всеми возможными средствами»¹⁵, — писал Талейран 3 августа 1798 г. Рюффену. И выдвигая политическую линию, ущемлявшую интересы Турции, министр тем не менее намерен был заключить договор об оборонительном союзе с этой страной.

Убеждая свое правительство в необходимости сближения с Турцией, Талейран не жалел аргументов. По его мнению, султан Селим III, царствовавший с 1790 года, и его министры являлись друзьями Франции; они не могли забыть о том, что Директория оказала помощи Порте в улучшении ее военной тактики, в укреплении крепостей, приобретении легкой артил-

лерии. Для этого Французская республика, затратив большие средства, направила в Константинополь артиллеристов, канониров, инженеров, литейщиков. Правда, «великодушные оказались бесполезным», как признавал министр, турки предпочитали свою допотопную «варварскую технику»¹⁶.

Талейран хотел предложить султану союз с Францией, направленный одновременно против Англии, Австрии и России. Французская дипломатия готова была обеспечить австрийский нейтралитет ценой, например, продажи занятых Францией островов в Адриатическом море. Но в Константинополе именно этого и боялись. Поэтому министр поручил Рюффену сообщить турецким властям, что у Директории якобы никогда не было подобного намерения.

Согласно плану Талейрана, Бонапарт, закрепившись в Египте, часть своих сил направит против англичан в Индии. Французский флот войдет в Черное море, объединится с турецким, и они совместно атакуют Крым. Разрушение Херсона и Севастополя облегчило бы переговоры с турками «с целью получения всего того, что могло бы укрепить наши (французские. — Ю. Б.) позиции в Африке»¹⁷.

Талейран сам поставил вопрос о своем назначении в Константинополь в качестве посла. Было условлено — и с Директорией, и с Бонапартом, — что он отбудет в Турцию через сутки после того, как французский флот покинет Тулон. Бонапарт придавал переговорам с султаном огромное значение. Он еще плохо знал своего союзника, верил ему и не сомневался в том, что тот сдержит слово. Генерал уже 23 мая 1798 г. сообщил в Париж, что в распоряжение министра передан фрегат «Ла Бадин» и через несколько дней к нему присоединятся два вооруженных венецианских корабля. Талейрану следовало как «можно скорее направиться в Тулон»¹⁸.

Однако сам Талейран думал иначе. Положение в стране изменилось. В мае подлежал очередному переизбранию один из членов Директории. Ушел в отставку Франсуа де Нефшато. Бывшему директору предложили портфель министра внешних сношений. Но он предпочел пост министра внутренних дел. Талейран, положение которого в какой-то момент стало шатким, все же остался хозяином особняка Галифе. Теперь у него не было никакого желания покидать Францию, где напряженная политическая обстановка могла неожиданно открыть для него и новые перспективы. К тому же турецкое понимание дипломатического иммунитета, допускавшее тюремное заключение неудобного иностранного посла, вызывало дрожь у министра. «Бросать доходнейшее и высокое место в Париже и ехать к туркам, которые сажают под сердитую руку иностранных послов в Семибашенный замок и держат

их там годами (как они держали русского посла Якова Булгакова), Талейрану никакого личного расчета не было, тем более при таких щекотливых условиях: Бонапарт сражается с турками и их вассалами в Египте, а Талейран должен в это же время отводить глаза туркам в Константинополе и уговаривать их ласково, что французы, отнимая у султана Египет, в сущности хотят ему добра», — так объяснял Е. В. Тарле причины, по которым Шарль-Морис остался в Париже, хотя он и страшился, разумеется, гнева Бонапарта¹⁹.

Генерал действительно негодовал. Тем не менее в июне он послал за Талейраном новый корабль — «Ла Сансибль». Но его перехватили англичане. Тогда с присущей ему напористостью Бонапарт решил сам вступить в переговоры с турками. 22 августа 1798 г. он направил великому визирю письмо, в котором предлагал «продолжить старое и доброе согласие» и оказать Порте помощь «против ее естественных врагов». В том случае, если бы Талейран не приехал в Константинополь, генерал готов был послать в этот город своего представителя. Он так и попытался сделать. Бонапарт поручил Жозефу Бошану, известному ученому и дипломату (тот работал в Персии, занимал пост консула в Маскате), заявить турецким правителям, что Франция стремится к дружественным отношениям с Турцией, а цели экспедиции в Египет состоят лишь в том, чтобы «наказать мамелюков, англичан и помешать разделу Османской империи». Окончилась эта миссия бесславно. Бошан попал под «сердитую руку» разгневанного действиями высадившихся в Египте французов султана и оказался в злобещей тюрьме «Семь башен».

Увы, расчеты Талейрана и Бонапарта оказались построенными на песке. После подписания мира в Кампо-Формио в Константинополе с возрастающей тревогой следили за французской экспансией в Средиземноморье. Французы оккупировали острова Корфу и Кефалония. Они явно стремились утвердиться в Албании, Греции, Македонии. Захват Мальты явился тяжелым ударом по Османской империи. Разговоры о защите от беев и мамелюков воспринимались окружением султана с бешенством. «Египетская экспедиция вызвала здесь, в Константинополе, самую неприятную сенсацию. Английский и русский посланники (а возможно, и другие) используют все, чтобы склонить Порту к разрыву с Республикой»²⁰, — сообщал в Париж 9 августа Рюффен. Тем не менее турецкая политика все еще окончательно не определилась. Конец колебаниям наступил в Константинополе после разгрома британским флотом под командованием адмирала Нельсона французской эскадры Брюйеса, которая доставила экспедиционный корпус Бонапарта в Египет. Сражение произошло вблизи мыса Абукир, распо-

ложенного к северо-востоку от Александрии. «Это несчастное сражение при Абукире,— писал Талейран,— закрыло в Константинополе всякий путь для объяснений, дало англичанам перевес, из которого они поторопились извлечь пользу, бросило ослепленных турок в объятия России»²¹.

Английская дипломатия энергично перетягивала Турцию на сторону второй антифранцузской коалиции. «Не теряя ни минуты, разъясните османскому правительству, что ему необходимо принять немедленные и активные действия с целью отбросить захватчиков и особенно объявить войну Франции. И вы используете в полной мере все свои возможности, чтобы добиться согласия между Россией и Портой» — такие инструкции получил английский посланник в Константинополе. Одна из его задач состояла в том, чтобы убедить правителей Турции в готовности русского императора всемерно помочь ей военными и финансовыми средствами, если только Порта разрешит «прямой проход русского флота из Черного моря в Средиземное море»²². В официальном Лондоне, как всегда, спешили использовать любую возможность, чтобы таскать жар из огня чужими руками.

Одновременно шли русско-турецкие переговоры. «Турки, быв весьма испуганы замыслами французскими, заговорили о нашей помощи и о союзе с приступлением к тому Англии и Пруссии. Мы им предложили готовность морской помощи, требуя неких предварительных удостоверений в пропуске на сей раз нашего флота через Дарданеллы в Средиземное море и безпрепятственном его возвращении в Черное»²³, — сообщал канцлер А. А. Безбородко русскому посланнику в Берлине.

В январе 1799 года был подписан русско-турецкий союзный договор. Россия обязалась направить для оказания помощи Турции 12 военных кораблей, выставить армию численностью от 75 тысяч до 80 тысяч человек. Русский флот впервые получил право прохода через проливы. Эскадра адмирала Ушакова вошла в Босфор. «Эти славные турки, я их люблю все больше и больше», и «пусть бог благословит этих добрых мусульман!» В такой необычной форме выражал свою радость русский посол в Лондоне граф С. Р. Воронцов.

Итак, «восточная концепция» Талейрана потерпела крах. Основные ее посылки оказались несостоятельными. Экспансия Франции создавала смертельную угрозу для самого существования Османской империи. Страх Порты оказался сильнее, чем вековые противоречия с царским режимом. Перед лицом республиканской Франции Российская и Османская империи объединились. «Противоестественный союз» стал реальностью. Его заключение укрепило международные позиции Англии, всей антифранцузской коалиции. Было ли это поражением

французской дипломатии? Бесспорно. Не вызывает сомнений и тот факт, что ее руководитель ни до начала египетской экспедиции, ни в ее ходе не принял активных и действенных мер для глубокого изучения позиций Турции и переговоров с правительством султана.

Талейран не поехал в Константинополь. Он и на этот раз проявил благоразумную осторожность. А вот Рюффену и другим пришлось туго. В начале сентября весь персонал французской миссии во главе с посланником был заключен в тюрьму «Семь башен». Здесь же оказались и все французские торговцы. Помещение миссии заняли турецкие солдаты. Они произвели обыск, опечатали архивы. Здание было отдано английскому послу Спенсеру Смиту, который буквально его ограбил²⁴.

В 1799 году армии Франции терпели поражения на всех фронтах. Весной и летом в результате наступления русских войск под командованием А. В. Суворова все завоевания Бонапарта в Италии были потеряны. Английские и русские войска высадились в Голландии. Батавская республика пала.

Армия Бонапарта в Египте в результате абукирской катастрофы теряла свой боевой дух. Однако в начале 1799 года французы двинулись в Сирию. Они захватили Палестину. Старинная крепость Сен-Жан д'Акр преграждала путь на Дамаск, Алеппо, а оттуда к Евфрату, Багдаду и в Индию! 62 дня осады и штурма оказались безрезультатными. Крепость взять французам не удалось. Они были вынуждены вернуться в Каир.

Пришла пора и Талейрану подводить итоги египетского похода. 3 сентября 1799 г. он представил Директории доклад, который любым уважающим себя правительством был бы с негодованием отвергнут при первом же ознакомлении. Министр начал с описания катастрофического положения экспедиционного корпуса. Французские войска покинули Сирию. У них нет флота. Они заперты в Египте, где подвергаются нападениям турок, арабов, англичан. Оборваны связи с родиной. Смерть несут французам климат и болезни. «Генерал Бонапарт может лишь рано или поздно погибнуть перед лицом стольких врагов»²⁵.

Казалось бы, человек, явившийся одним из двух главных организаторов египетской авантюры, прежде всего взвесит материальные и дипломатические возможности, укажет достойный выход из тяжелого положения. Но Талейран встал на иной путь. Он считал необходимым одновременно начать переговоры с Англией и Турцией о возвращении из Египта с их помощью французской армии. Причем министр понимал, разумеется, что англичане потребуют от французских генера-

лов, офицеров и солдат обещания больше не участвовать в военных действиях. Практически речь шла о капитуляции перед Англией, так как только ее флот мог вывезти войска Бонапарта из Африки.

Невероятный план! И тем не менее Директория готова была поддержать его. Но 28 июля Бонапарт сообщил о победе французов на суше над турками (под тем же Абукиром)²⁶. Это было свидетельство боеспособности французских войск. Угроза их капитуляции отпала.

Таким образом, в период подготовки египетской экспедиции Талейран беспрекословно поддерживал все предложения Бонапарта и добивался одобрения их Директорией. Верил ли он в возможность покорения Египта французами? На начальном этапе — возможно. Но скоро министр понял, что сил и средств у генерала явно недостаточно. «Мудрецы» из особняка Галифе не могли, разумеется, предвидеть разгром французского флота под Абукиром. Однако, упоминая в письме Сийесу в Берлин 15 сентября 1798 г. об этом «ужасном деле», министр упорно выгораживал главного инициатора: «Прежде всего — Бонапарт в Египте. Цель экспедиции достигнута»²⁷.

Слова, не имеющие ничего общего с истиной! Французские войска в Северной Африке попали в безнадежное положение. Их связи с метрополией оказались полностью прерванными. Не только военная, но и дипломатическая ситуация вопреки предсказаниям Талейрана сложилась крайне неблагоприятно для Франции. Турция не только не вступила с ней в союз, а, наоборот, объединилась со своими «естественными врагами» — Россией и Англией. Рассчитывать на успех переговоров с Портой было опасной иллюзией, если не абсурдом. Это, наконец, поняли и министр внешних сношений, и Бонапарт. Вот почему он сравнительно легко простил Талейрану его измену, первое, но далеко не последнее нарушение слова, отказ от миссии в Турцию в качестве французского посла. Насторожился ли генерал? Усомнился ли в надежности своего союзника? Видимо, нет. Слишком мало еще было у него оснований для этого.

Последовавшее за роковым для французского флота морским сражением у Абукира развитие событий в Египте взволновало Францию. Популярность и репутация «героя пустыни» защищали Бонапарта от критики. Зато бывший епископ, несправимый картежник и взяточник Талейран явился прекрасной мишенью и для монархистов, и для якобинцев, и для тех, кто именoval себя «либеральными республиканцами». Да и члены Директории радовались возможности свалить на

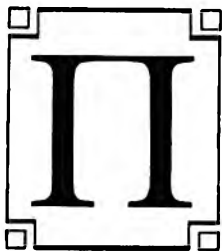
министра внешних сношений всю ответственность за провал египетской авантюры, которую они одобрили.

Талейран решил публично выступить в свою защиту. В июле 1799 года он опубликовал «Разъяснения», в которых попытался ответить на обвинения, брошенные в его адрес. Однако его аргументы явно расходились с истиной. Например, министр утверждал, что египетская экспедиция была подготовлена до его прихода в особняк Галифе. При этом Талейран не забыл, разумеется, упомянуть о «гении Бонапарта», его личной славе и его победах. Другой важный вопрос: почему не состоялись франко-турецкие переговоры? Ответ: если бы посол Франции выехал в Константинополь до начала вторжения французов в Египет, то он раскрыл бы военную тайну. Приезд же французского дипломата в Турцию сразу после отплытия войск из Тулона в Африку создал бы для него лишь неизбежные опасности. Игра в слова, скрывавшая обман! Ведь Талейран обещал генералу, что он направится в Константинополь через 24 часа после начала похода!²⁸

Неопровержимые факты свидетельствуют о том, что Талейран — один из главных организаторов египетского похода. Его ответственность за поражение французской армии в Египте несомненна. Но правильно ли считать, что лично для министра «египетское дело» означало только неудачу, только проигрыш? Нет, Талейран выиграл для себя главное — он сблизился с Бонапартом. А это была дорога в будущее.

ГЛАВА X

РАВНЕНИЕ НА БОНАПАРТА

обеды в Италии, разгром Австрии уже снижали Бонапарту широкую известность. Повсюду во Франции говорили и писали об уме, мужестве, способностях молодого полководца, блестяще применявшего новые принципы военного искусства. «Какой человек наш Бонапарт! Ему еще нет 28 лет, а над его головой все виды славы — слава войны, слава мира, слава сдержанности, слава благородства: он имеет все»¹. Так писал

10 мая 1797 г. о молодом генерале Талейран. Тогда еще он даже не видел знаменитого «корсиканца». Поэтому трудно

сомневаться в искренности этих слов, тем более адресованных человеку, жившему в Соединенных Штатах и далекому от французских дел, — банкиру Оливу.

Талейран обратил внимание на необычный для военного деятеля интерес Бонапарта к «большой политике». Он знал о его активном участии в дипломатических переговорах, о путавших Директорию самостоятельности и смелости в перекройке карты Европы, в создании новых государств и определении их конституционных основ. Такой размах, такие масштабы говорили о том, что честолюбивый генерал имел все, кроме самого главного — власти. Бывший епископ обладал удивительным чутьем на людей с будущим. Он видел их издали, на большом расстоянии и своевременно пристраивался к восходящей звезде.

«Казалось бы, что общего могло быть между этими двумя людьми? Один — изящный, изнеженный представитель старинной аристократии, другой — из обедневших дворян далекого, дикого, разбойничьего острова. Один — всегда (кроме времени эмиграции) имевший возможность прокучивать за пиршественным или игорным столом больше денег за один вечер, чем другой мог бы истратить за несколько лет своей скудной казарменной жизни. Для одного все было в деньгах и наслаждениях, в сибаритстве и даже внешний почет был уже делом второстепенным; для другого слава и власть, точнее, постоянное стремление к ним, были основной целью жизни. Один к сорока трем годам имел прочную репутацию вместилища чуть ли не всех самых грязных пороков, но был министром иностранных дел. Другой имел репутацию замечательного полководца и к двадцати восьми годам был уже завоевателем обширных и густонаселенных стран и победителем Австрии, а пожирающее честолюбие влекло его дальше и дальше. Для одного политика была «наукой о возможном», искусством достигать наилучших из возможных результатов с наименьшими усилиями; у другого — единственное, чем никогда не мог похвалиться его необычайный ум, было именно недоступное ему понимание, где кончается возможное и где начинается химера. Но и роднило их тоже очень многое. Во-первых, в тот момент, когда история их столкнула, они стремились к одной цели: к установлению буржуазной диктатуры, направленной острием своего меча и против нового Бабефа, и против нового Робеспьера, и против повторения прериала (подавленное в мае 1795 г. народное восстание против термидорианского Конвента. — Ю. Б.), и одновременно против всяких попыток воскрешения старого режима. Было тут, правда, и отличие, но оно еще более их сблизило: Бонапарт именно себя, и никого другого, прочил в эти будущие диктаторы, а Талей-

ран твердо знал, что сам-то он, Талейран, ни за что на это место не попадет, что оно и не по силам ему, и не нужно ему, и вне всяких его возможностей вообще, а что он зато может стать одним из первых слуг Бонапарта и может получить за это гораздо больше, чем все, что до сих пор могли дать ему «адвокаты». Во-вторых, сближали этих обоих людей и некоторые общие черты ума: например, презрение к людям, абсолютный эгоизм и эгоцентризм, нежелание и непривычка подчинять свои стремления какому бы то ни было «моральному» контролю, вера в свой успех, спокойная у Талейрана, нетерпеливая и волнующая у Бонапарта»². Эта блестящая характеристика двух столь отличных друг от друга государственных деятелей принадлежит Евгению Викторовичу Тарле.

В груди молодого честолюбца кипела неутолимая жажда шумной популярности, постоянное стремление к первой роли на внутренней и международной политической сцене. У этого талантливого актера упоение собственным величием нередко приводило к смещению реального с иллюзией, мечты с действительностью. Все казалось ему возможным. И вторжение в Англию, и завоевание Египта, и захват Индии, и создание зависимой от Франции системы государств в Европе, и огромная французская колониальная империя, простирающаяся до Америки и бассейна Карибского моря. Через некоторое время Талейран попытается охладить пылкое воображение Бонапарта. Но все усилия окажутся напрасными. Тогда он изменит своему кумиру и перейдет в стан его врагов.

Придя в июле 1797 года в особняк Галифе, он сразу же отправил Бонапарту свое первое письмо (в стиле обращений Вольтера к прусскому королю Фридриху II): льстивое признание заслуг генерала, хвала его дипломатическим способностям. Ответ из Милана был составлен в столь же изысканных выражениях. Бонапарт отдал должное Директории, избравшей человека «большого таланта, подлинной гражданской доблести, чуждого заблуждениям, которые обесчестили республику».

Сотрудничество началось³. В его основе лежали прежде всего общие интересы. Союзники боялись реставрации монархии и хотели прочного утверждения буржуазного режима, основанного на принципах священной частной собственности. Ни тот, ни другой никогда не связывали себя каким-либо мировоззрением и тем более незыблемыми моральными устоями. Это были убежденные эгоцентристы, считавшие себя вне категорий добра и зла, презирующие людей, стремящиеся любой ценой к личному успеху, не признающие какого-либо контроля над собой.

Самонадеянный Бонапарт позволял себе такие вольности, которые в период существования якобинского Конвента стоили бы ему головы. В Леобене, например, в период подготовки прелиминарного мирного договора с Австрией он, вопреки требованиям Парижа, не настаивал на признании границы Франции по Рейну. Министр внешних сношений амортизировал удары, которые Директория могла бы нанести по генералу. Талейран становится «импрессарио звезды», он предупреждает Бонапарта, «предохраняет его от компрометирующих и коварных контактов»⁴, — отмечал член французской Академии наук, известный историк Эмиль Дард. Он, правда, игнорирует важный аспект поведения министра: тот, нащупав слабости Бонапарта, с первых же шагов знакомства постоянно льстил ему, воспалял его честолюбие.

Связи двух политических деятелей превращаются в их союз в период подготовки и проведения государственного переворота 18 фрюктидора (4 сентября 1797 г.). Это была схватка с правыми силами, стремившимися к реставрации монархии. В самой Директории монархисты пользовались поддержкой Карно и Бартеlemi. Баррас, Ребель, Ларевельер решили опереться на армию. Талейран без колебаний встал на сторону республиканского большинства Директории, выступавшего против возврата Бурбонов, но ненавидевшего принципы 1793 года.

Министр внешних сношений сыграл активную роль в подготовке заговора. Он был посредником между Баррасом и Бонапартом, их доверенным лицом. Генерал ненавидел «жалких адвокатишек» — директоров, но «триумвирам» оказал полную и решительную поддержку: возврат к власти Бурбонов разрушил бы все замыслы Бонапарта. Его уже публично атаковали за политику в Италии, за сомнительные финансовые операции, за произвол в отношении Генуэзской и Венецианской республик. Генералу нужна была поддержка обновленной Директории.

Получив согласие Талейрана и Барраса, Бонапарт в конце июля 1797 года направил в Париж генерала Пьера-Франсуа-Шарля Ожеро, будущего маршала. Это был профессиональный военный, человек смелый, но грубый и прямолинейный, пытавшийся компенсировать свое низкое происхождение крикливой роскошью. Отдавая дань безвкусной моде буржуа, Ожеро был увешан драгоценностями. Он не делал тайны из своей миссии и открыто заявлял: «Я послан сюда, чтобы убивать монархистов»⁵.

Между Талейраном и Бонапартом установилась постоянная переписка. Командующий итальянской армией был в полном курсе действий министра, активно вербовавшего все

новых и новых сторонников переворота, открывшего двери для брата Бонапарта Жозефа, генералов Бернадотта, Клебера, Ланна, Ожеро, адъютанта Лавалетта. После обеда в особняке Галифе гости обычно направлялись в кабинет хозяина, где единственным украшением был портрет героя итальянской кампании. Последний, разумеется, был прекрасно осведомлен о тех знаках почтительного уважения, которые ему оказывались в доме Шарля-Мориса.

Любой государственный переворот всегда требует больших расходов. Переворот 18 фрюктидора не был исключением. Бонапарт обещал прислать из Италии 3 миллиона франков. Но его всегда отличали осторожность и благоразумие в финансовых вопросах. Поэтому генерал решил передать деньги после переворота. Но когда операция прошла успешно, он посчитал столь большие затраты ненужными и использовал итальянское золото в личных целях. Талейран нашел выход. Он передал триумвирам 600 тысяч франков, полученных от представителей Португалии за «ускоренное» заключение мирного договора с этой страной⁶.

4 сентября в три часа утра пушечный выстрел возвестил о начале переворота. Войска, которыми командовал Ожеро, вошли в Париж. Выборы в 49 департаментах были аннулированы, 177 депутатов отстранены от исполнения своих обязанностей; 65 человек, в том числе Бартеlemi, отправились в ссылку, в Гвиану—страну «сухой гильотины». Тот, кто призывал к реставрации монархии, подлежал немедленному расстрелу. Под страхом смертной казни эмигранты, вернувшиеся во Францию, должны были покинуть страну в течение 15 дней. Их родным запрещалось исполнение каких-либо общественных обязанностей; они лишались права голоса. Власти закрыли 42 оппозиционные газеты⁷.

«Париж спокоен; поведение Ожеро безукоризненное; видно, что он прошел хорошую школу; патриоты вздохнули; никакого народного движения—несколько террористов завоновались, одно слово Ожеро, произнесенное твердым тоном, отбросило их к предместьям, где они и успокоились; они надеялись воспользоваться плодами победы, но то, что сделано без них, не совершено для них». Передав 6 сентября, через два дня после переворота, эту информацию Бонапарту, Талейран не забыл похвалить и Барраса, проявившего в ходе парижских событий «хладнокровие, предусмотрительность, решимость»⁸. Со своей стороны Баррас высоко оценил действия министра. Он писал: «Талейран находился в первом ряду тех, кто должен был желать 18 фрюктидора; так было необходимо для его нового положения, и это положение окрепло»⁹.

Но пребывание «в первом ряду» ко многому обязывало.

И на этот раз, как и после ареста Людовика XVI 10 августа 1792 г., Талейрану пришлось готовить объяснительную записку для дипломатических представителей Франции за рубежом, копию которой он направил Бонапарту. Министр писал, что готовился «настоящий заговор» в пользу монархии и против республики; «слово „патриот“ стало оскорблением, все республиканские институты были принижены». Во Францию вернулись ее наиболее непримиримые враги. В самой Директории существовал раскол. Подводя итоги событиям 18 фрюктидора, Талейран утверждал: «Доверие к правительству — единодушное, народ удовлетворен и спокоен»¹⁰.

«Триумвиры» воспользовались услугами бывшего епископа, но поднять его на свой уровень не хотели и боялись. Они предпочли легковесного поэта Франсуа де Нефшато, не имевшего никакого политического веса, и графа Антуана Мерлена, «писаку, очень искусного и в юриспруденции» (так его называл Баррас). Но Талейран все же сохранил портфель министра внешних сношений. Иначе поступить с ним, видимо, было нельзя. Он сыграл активную роль в подготовке переворота 4 сентября и знал о нем слишком много. К тому же это была пора важных дипломатических переговоров большого значения — с Англией, Австрией, Россией, Пруссией, и быстро найти нового человека, способного их вести, было делом трудным, почти невозможным.

Для Талейрана главным итогом грозных сентябрьских событий явилось укрепление его союза с Бонапартом. Они проверили друг друга в деле, в острой политической борьбе, требующей взаимного доверия. Однако это были отношения суверена и вассала. Такая форма сотрудничества вполне отвечала не только реальной силе командующего итальянской армией, но и тем порядкам, которые он установил в своей резиденции — дворце Момбелло под Миланом. Бонапарт вел себя здесь как римский консул. Его личная охрана состояла из трехсот польских легионеров, которые берегли безопасность генеральского окружения. Оно придерживалось придворных традиций — строгий этикет, званые обеды и ужины, придворные балы.

После переворота Талейран продолжал оказывать Бонапарту энергичную поддержку. Она была нужна генералу, который накопил большой опыт решения военных и дипломатических вопросов по собственному усмотрению. Не запросив мнения Директории, Бонапарт подписал мирные прелиминарии с великим герцогом Тосканы, с папой римским, с Австрией и Венецией¹¹. А в Кампо-Формио он согласился на передачу Австрии Венецианской республики. Негодование Ребея и Мерлена не знало пределов. Тем не менее министр внешних сношений

не проявил никаких признаков тревоги. Он знал, что мира с Австрией с нетерпением ждали не только в Париже, но и во всей Франции. В таких условиях «миротворец» был неуязвим. И Талейран посылает ему льстивое письмо: «Вот, наконец, мир, и это мир, достойный Бонапарта. Примите сердечные поздравления, мой генерал; не хватает слов, чтобы сказать вам то, что хотелось бы в данный момент. Директория довольна, публика — в восторге... Дружба, восхищение, уважение, признательность — не знаешь, где остановиться в этом перечислении»¹². В этих словах лесть смешана с опасной для Бонапарта ложью: министр даже не намекнул на враждебное отношение некоторых директоров к генералу-дипломату. Но Директория вынуждена была примириться с генералом. Более того, победителю Австрии устроили в Париже торжественный прием.

5 декабря 1797 г. после пятидневного пребывания в Раштадте, Бонапарт прибыл в столицу. На следующий день, в 11 часов, состоялась его первая встреча с министром внешних сношений. Талейран писал о ней в своих «Мемуарах»: «На первый взгляд его внешность показалась мне привлекательной; двадцать выигранных сражений так идут к молодости, к прекрасному взору, к бледности, к несколько утомленному лицу. Мы вошли в мою рабочую комнату. Эта первая беседа была преисполнена с его стороны доверия»¹³. Что касается впечатлений молодого генерала, то они нам неизвестны: он не высказывался по этому поводу.

Торжественный прием Бонапарта и вручение членам Директории текста договора в Кампо-Формио состоялись 10 декабря. Они были задуманы с большим размахом: обновленная Директория надеялась использовать победы и имя героя итальянской кампании для подъема своего пошатнувшегося престижа. В красочном спектакле Талейрану было отведено важное место: ему, а не военному министру Баррас поручил произнести приветственную речь.

Церемония проходила в почетном дворе Люксембургского дворца, построенного во времена Марии Медичи. Отсюда Людовик XVI пытался бежать за границу. Словно в отместку, революция в 1793 году превратила дворец в тюрьму — «Национальный дом безопасности». Из 800 заключенных более трети закончили свою жизнь на гильотине. Среди них — Эбер, Дантон, Камил Дюмулен. При Директории назначение дворца изменилось. Здесь проходили ее заседания и постоянно жил один из директоров¹⁴.

Ничто, разумеется, в день триумфа Бонапарта не напоминало о мрачных событиях недавнего прошлого. В полдень выстрелы орудий возвестили о начале праздника. В шествии участвовали

представители администрации столицы и ее департамента, полиции, гарнизона, судебных коллегий, преподаватели высших и средних учебных заведений, члены Академии наук. Присутствовали и иностранные дипломаты, аккредитованные в Париже.

В глубине закрытого со всех сторон двора находился алтарь Родины со статуями Свободы, Равенства и Мира. Трехцветные портьеры украшали стены. Повсюду были развешаны знамена, захваченные французскими войсками в Италии. Над помостом, где разместились члены Директории, министры и дипломаты, натянули огромный тент. Приглашенные заполнили двор. Многочисленные зрители выглядывали из окон домов, толпились на улицах¹⁵.

Члены Директории заняли свои места. Их вид словно призван был скрасить слабости режима. Трехцветные плюмажи. Сверкающая позолота. Пальто алого цвета. Голубые фраки. Брюки из белого шелка. От всей этой вызывающей пестроты рябило в глазах.

При появлении Бонапарта все встали. Прогремел «Гимн свободе» в исполнении хора консерватории. Талейран представил генерала Директории и произнес приветственную речь. Это был образчик придворной декламации. Прежде всего министр выполнил заказ Барраса и его коллег, цель которых состояла в том, чтобы подчеркнуть свою роль в военных успехах Республики. Слава, подчеркнул Талейран, принадлежала революции, правительству, «доблестным солдатам», «следовательно, всем французам, достойным этого имени». Вместе с тем он воздал должное победителю, показал ему свою верность, готовность ревностно служить в будущем. Триумфатора — Бонапарта—Талейран именова «гением» и напыщенно говорил о его высоких личных качествах — скромности, презрении к блеску, роскоши, пышности. Словно подтверждая такую оценку, генерал произнес краткую, сдержанную речь. Ему странно ответил Баррас, завершивший свое выступление «братским поцелуем». Другие члены Директории также бросились к герою дня. Спектакль завершился обедом и балом¹⁶.

Талейран придавал сближению с будущим первым консулом первостепенное значение. 3 января 1798 г. он организовал в особняке Галифе праздник в честь Жозефины Бонапарт, оказывающей большое влияние на своего супруга. Шарль-Морис, разумеется, прекрасно знал об этом и хотел снискать благосклонность влиятельной женщины. Он не ошибся в своих расчетах.

Командующий армией в Италии еще считался молодогоном. Не прошло и двух лет со времени его брака с Жозефиной, которая была на шесть лет старше своего мужа.

Очаровательная креолка, родившаяся на Мартинике, она рано стала вдовой. Ее первый муж виконт Александр де Богарне, генерал Рейнской армии, в 1794 году в возрасте 34 лет закончил свою жизнь на гильотине.

С Бонапартом Жозефина познакомилась при необычных обстоятельствах. В мае 1795 года он подавил народное выступление в Париже. Население вынудили сдать оружие. Сдала оружие и семья Богарне. А вскоре к Бонапарту пришел четырнадцатилетний мальчик и, плача, просил вернуть шпагу его отца — генерала Богарне. Растроганный корсиканец согласился. На следующий день Жозефина нанесла визит Бонапарту с выражением благодарности.

С тех пор прошло около трех лет. На чествование своего мужа в Люксембургском дворце Жозефина, находившаяся в Италии, не торопилась. Она направилась во Францию через Венецию, Турин. Лион в ее честь осветился яркими огнями иллюминации. В столицу Жозефина прибыла только 2 января и отнюдь не в праздничном настроении: она только что рассталась со своим возлюбленным — капитаном Ипполитом Шарлем. «Он имел все, что было нужно, чтобы ей нравиться: небольшой рост, прекрасную фигуру, красивое лицо, смуглую кожу, иссиня черные волосы, маленькие руки и ноги; это был человек веселый, живой, говорящий только каламбурами»¹⁷. Так описал Шарля академик Фредерик Массон. Дорожные развлечения Жозефины дорого стоили Талейрану, желавшему всячески ей угодить. Но расходы не пугали разбогатевшего министра. Ставка была велика: дружба с супругой Бонапарта. Игра стоила свеч!

«Весь Париж» находился в этот вечер в особняке Галифе — свыше 500 приглашенных! Гостям были разосланы приглашения, в которых содержалась просьба не появляться в одежде английского производства. Из высоких должностных лиц отсутствовали директора Ребель и Ларевельер. Скажем прямо — им было о чем пожалеть. Архитектор Беланже проявил изобретательность и не жалел денег хозяина. Витую лестницу украсили цветами, залы — гирляндами. Убранство сада представляло собой особый подарок генералу. Он увидел настоящий военный лагерь. Раскинулись палатки. Навытяжку стояли солдаты всех родов войск в новеньких формах. Огненными буквами ярко светились слова: «Да здравствует Республика!» Бал закончился только в 7 часов утра. Министр достиг своей цели: генерал был доволен¹⁸.

Теперь Директория рассматривала Талейрана в качестве своего посредника в отношениях с Бонапартом. А это была трудная миссия. Приближалось 21 января — дата казни Людовика XVI. На заседании «пятерки» Мерлен поставил вопрос

об участии генерала в торжественной церемонии. Мнения директоров разделились. Одни считали его присутствие на празднике необходимым; другие утверждали, что известный полководец отвлечет внимание народа от правительства. Бурные дискуссии закончились тем, что Талейрану поручили вступить в переговоры с Бонапартом.

Беседа министра и генерала состоялась 20 января, за один день до церемонии. Уже одно это обстоятельство Бонапарт мог бы расценить как неуважение к себе. Да он и не хотел быть причастным к событиям, к которым в свое время не имел отношения, и считал необходимым отмечать военные победы, а не казнь одного человека, хотя бы и короля. Бонапарт заявил министру, что не имеет никаких государственных функций и является в Париже частным лицом.

Талейран, стремясь выполнить поручение Директории, договорился с генералом и достиг компромисса. Бонапарт, совсем недавно избранный членом Академии наук, появился на празднике в составе ее делегации. Однако генерала все заметили. Тысяча глаз смотрели на него. Раздались возгласы: «Да здравствует герой итальянской кампании!» Произошло то, что предвидели и чего боялись члены Директории: они покинули церемонию, забытые всеми¹⁹.

Но положение Талейрана в этот момент было сложным. Против него велась активная кампания. Летом 1799 года особенно ожесточенно атаковала министра газета «Журнал де зом либр». На ее страницах регулярно выступал маркиз Антонель, мэр Арля, города на юге страны, в прошлом член революционного трибунала. Он припомнил все, что только можно было вспомнить: и епископство в Отене, и то, что, будучи эмигрантом, Талейран «хотел победы контрреволюции»; Антонель называл Шарля-Мориса англоманом. «Он желал, — негодовал автор памфлета, — лишь гибели Франции, ее флота и ее конституции». «Подлого, распутного интригана» и «англо-эмигранта» Антонель обвинял в крушении дружественных Франции республик в Италии и в Голландии, в срыве переговоров с США и даже в тайном содействии созданию англо-австро-русско-турецкой коалиции²⁰.

Моральный ущерб Талейрану нанесла и длившаяся около двух лет скандальная история — «дело Себастиана Жорри», офицера, «уволенного из армии за недостойное поведение». Что же в действительности произошло?

В конце октября 1797 года в особняке Галифе появились подозрительные субъекты, подобранные по поручению Барраса министром полиции для использования их в качестве тайных агентов в Италии. Один из этих людей уклонился

от задания, другой (это и был Жорри), получив 100 луидоров (2400 франков), исчез, не подавая затем никаких признаков жизни. Через пять месяцев об этом стало известно Директории. 5 апреля 1798 г. авантюриста арестовали, но уже через три дня он был на свободе: Жорри согласился вернуть полученные деньги и оправдывал себя тем, что не получил от министерства внешних сношений ни паспорта, ни инструкций.

Сравнительно легко отделавшись, Жорри жаждал мести. Он начал бешеную кампанию против министра, которого считал виновником своих злоключений. Жорри возбудил против Талейрана уголовное дело. В июле 1799 года суд признал министра виновным в оскорблении Жорри. Это решение он имел право обнародовать в виде афиши в двух тысячах экземпляров. Шумная история стала достоянием широкой гласности.

Правда, Талейран давно уже привык к публичным выпадам. На протяжении нескольких лет они постоянно сопровождали его. Но газетные статьи, парламентские выступления он никогда не рассматривал в качестве основы для серьезных политических выводов. Но теперь сложилась новая ситуация. Как министр Талейран нес ответственность за действия Директории. А ее положение становилось все более критическим. Экономические и финансовые трудности, усиление налогового бремени, всеобщая воинская повинность вызывали массовое недовольство. Вновь начались выступления монархистов на западе и на юге страны. Конфликт Директории с выборными органами обострялся. В мае 1798 года были кассированы выборы в 8 департаментах и полномочия 106 депутатов объявлены недействительными. Талейран и другие министры вынуждены были делить с Директорией ответственность за ее политику.

Тяжелой для термидорианского режима была и военно-стратегическая обстановка, сложившаяся к лету 1799 года. Армии республики отходили на всех фронтах. В Германии генерал Журдан отступил, увлекая за собой Рейнскую армию генерала Бернадотта. Италия была потеряна. Однако противники Франции не переступили границ Французской республики. Противоречия внутри англо-австро-русской коалиции привели к тому, что Директория получила передышку.

К этому времени в составе правящей «пятерки» произошли перемены. В мае 1799 года место выбывшего в результате жеребьевки Ребеля занял Сийес, приходу к власти которого активно содействовал Талейран. В июне под нажимом Законодательного корпуса вынуждены были подать в отставку Ларевельер и Мерлен. Они расплатились за государственный

переворот 18 фрюктидора. Освободились два директорских места, и Талейран мечтал занять одно из них. Но противники министра сорвали его замысел своим решительным сопротивлением. В состав Директории вошли Дюко, бывший депутат Конвента, голосовавший за казнь Людовика XVI, и генерал Мулен, случайно оказавшийся в Париже и ранее принимавший участие в гражданской войне в Вандее.

Директория слабела на глазах. Талейран видел это и теперь радовался, что не вошел в состав «пятерки». Дважды — 13 и 20 июля Талейран ставил вопрос об освобождении его от обязанностей министра внешних сношений. Наконец, Директория удовлетворила просьбу, отметив в тексте своего решения «постоянное усердие, гражданскую доблесть и познания» бывшего главы дипломатического ведомства.

Талейран ушел в отставку, как вскоре покажут события, вполне своевременно. Но прожженный политик думал о будущем. Он сделал все возможное, чтобы в особняке Галифе его заменил старый друг — Рейнхард, уже назначенный посланником в Швейцарию, но так и не успевший занять свой новый пост. Талейран рекомендовал Сийесу в качестве министра полиции Жозефа Фуше, который во времена якобинского Конвента был палачом Лиона, а после термидора — послом в Гааге. Шарль-Морис положительно отозвался о Камбасаресе, получившем портфель министра юстиции. Таким образом, и в новой ситуации каналы доступа к власти не были для него полностью закрыты.

После очередной «министерской чехарды» прошло два с половиной месяца. К этому времени военное положение Франции улучшилось. Ее армии вновь заняли территорию Голландии, Швейцарии. Россия вышла из войны. Наступление государств антифранцузской коалиции было отбито. Границы республики находились в безопасности, хотя внешняя угроза еще сохранялась. Но во Франции возобновилась гражданская война. В октябре шуаны — мятежники-роялисты — заняли Манс, затем — Нант, который, однако, тут же вынуждены были оставить. Правительство стояло перед лицом очередного испытания — переизбрания третьей части депутатов законодательных органов; монархисты на этих выборах уже несколько раз одерживали победы. Нестабильность режима наносила ущерб и интересам крупной буржуазии, сдерживая развитие экономики и углубляя кризисные явления. Буржуазия стремилась к стабильности режима, к «твердой власти». Таким образом, социальная основа для очередного государственного переворота созрела. «Болтуны больше не нужны; требуются голова и шпага»²¹.

Эти слова принадлежат аббату Сийесу — выразителю интере-

сов крупного капитала. Под «головой» он, разумеется, подразумевал самого себя, а вот послушную шпагу настойчиво искал. Поиски оказались трудными. Гош умер. Моро сражался в Италии, да к тому же не хотел ввязываться в политику. Ожеро 18 фрюктидора показал себя человеком грубым и неумелым. Бернадотта отличали чрезмерные честолюбие и амбициозность. Жубер казался подходящей фигурой. Но он погиб, получив пулю в сердце в битве при Нови. И неожиданно словно судьба прислала в Париж Бонапарта. 9 октября 1799 г., оставив своих солдат и офицеров в Египте на попечении генерала Клебера, после 47 суток морского пути, чудом избежав преследования английских кораблей, на Лазурном берегу, в порту Фрежюс, высадился Бонапарт. Через несколько дней он уже находился в столице²². Правда, его «шпага» не отличалась услужливостью и подчинялась прежде всего собственной голове Бонапарта. Но у Сийеса не было выбора.

Ровно месяц прошел с момента приезда Бонапарта во Францию до его прихода к власти в результате переворота 18 брюмера (9 ноября). Что же произошло за столь короткий срок, почему термидорианский режим, просуществовавший пять лет, рухнул почти без сопротивления, не пролив ни одной капли крови? Может быть, популярность генерала была необычайно велика (именно об этом твердит наполеоновская легенда)? И парижане на руках пронесли его от Сен-Клу до Люксембургского дворца? Ничего подобного. Конечно, имя Бонапарта знали во Франции. Но широкой известностью пользовались и другие прославленные полководцы.

Главное состояло в том, что свержение правящей клики, представлявшей лишь спекулянтов, казнокрадов и бюрократов, стало общественной необходимостью. Всеобщее презрение вызывали беспринципные люди, которые праздновали и 14 июля, и день казни Людовика XVI, и дату казни Робеспьера. Директорию ненавидели народные низы. От нее отвернулась даже крупная буржуазия, требовавшая твердого порядка, укрепления финансовой системы, улучшения деятельности администрации, укрепления законности. «Декреты Республики уже не опирались на идеи, обладавшие великой моральной силой, на патриотизм или террор, которые когда-то заставляли выполнять их, — на бумаге создавались миллионы франков и сотни тысяч солдат, но ни деньги не поступали в казну, ни солдаты — в армию. Пружина революции ослабла в неумелых руках, и законы, вместо того, чтобы подчинить себе обстоятельства, приспосабливались к ним»²³. Лучше, чем Оноре Бальзак, сказать нельзя!

Правда, члены Директории имели немалый опыт политического лавирования и интриг. И отстранить их от власти

можно было только силой — силой оружия. А руководителем войск мог быть и Жубер, и Моро, будь у него побольше авантюризма, и Бернадотт. Судьба случайно остановила свой перст на Бонапарте или, точнее, он сам себя вовремя предложил истории.

Известно, что даже подрубленное дерево может долго не упасть. Его надо толкнуть. Именно эту задачу и выполнил заговор 18 брюмера. Как распределялись функции между его участниками? Ведущую роль, несомненно, сыграл Бонапарт, в руках которого был гарнизон Парижа и департамента. Верные ему люди — генералы Бертье, Моро, Лефевр, Мюрат, Макдональд, Ланн, Мармон, Монсе и Бернонвиль занимались военной подготовкой переворота; 10 тысяч солдат находились в их подчинении. Все переговоры с гражданскими лицами вели Талейран и его ближайшие друзья.

Вскоре после приезда Бонапарта в Париж бывший министр внешних сношений направился на улицу Виктуар, где генерал жил в небольшом особняке. Жозефина с помощью Барраса снимала его, когда была вдовой, а затем ее новый супруг купил в 1798 году дом за 180 тысяч франков. (На этом месте сейчас находятся два здания под номерами 58 и 60²⁴.) Талейран побаивался неприятного разговора по поводу его несостоявшейся миссии в Константинополе. Но у Бонапарта не было ни времени, ни желания ворошить прошлое: египетская авантюра для него уже полностью завершилась. С этого времени их встречи стали регулярными.

Бывший министр высказал ряд мыслей и советов, использованных при подготовке переворота 18 брюмера. Он рекомендовал создать штаб, который занимался бы различными аспектами операции: военным, парламентским, финансовым, полицейским, ограничивая ответственность и информацию каждого участника заговора достаточно узкой сферой. Талейран предусматривал переезд обеих законодательных палат — Совета старейшин и Совета пятисот, «предварительно очищенных» от наиболее известных якобинцев, в Сен-Клу, чтобы вырвать их из-под «влияния улицы» и облегчить давление на них; планировалось перемещение, под благовидным предлогом, нескольких полков из Парижского района в столицу и окружение Сен-Клу; намечалось провести через обе палаты конституционную реформу, в соответствии с которой правительство состояло бы не из пяти, а из трех человек: Сийеса, Бонапарта, Барраса или Дюко. Этот план явился результатом коллективного творчества. Но вклад бывшего министра был, несомненно, значительным, а по некоторым вопросам — решающим.

Руководителем штаба Бонапарт назначил Бертье, его по-

мощниками — Ланна, Мюрата, Мармона, Бесьера (впоследствии все они стали маршалами Империи). Бонапарт также привлек на свою сторону Лефевра, командовавшего войсками Парижского района, и Моро. Так называемые «якобинцы» — генералы Бернадотт, Ожеро, Журдан — заняли осторожную, выжидательную позицию.

Военная сторона переворота имела, несомненно, решающее значение. Но необходимо было и содействие наиболее влиятельных членов Директории, что полностью парализовало бы ее. Задача — сложная. И тем не менее Талейран взялся за ее решение.

Рычаги власти держал в своих руках Сийес. Баррас безропотно уступил ему первое место, как только посланник после возвращения из Берлина занял в июне свой директорский пост. Бывший аббат — молчаливый и надменный — один из редчайших деятелей бурной революционной эпохи, являвшихся депутатами Учредительного собрания, Конвента, Совета пятисот и не сложивших свою голову в бою или на эшафоте. В его голове зрели далеко идущие честолюбивые замыслы. В Париже с удивлением, например, заметили, что человек, которому минуло уже 50 лет, начал учиться ездить верхом. Но ведь герои издавна появлялись перед народом на белом коне. Бывший епископ не любил бывшего аббата. Он считал Сийеса нетерпимым и властным, способным к бессмысленной жестокости. «Самолюбие помешает ему отступить, а страх удержит в преступлении. Он проповедует равенство не из-за филантропии, а из-за жестокой ненависти к власти других», а «страх — единственное чувство, оказывающее на Сийеса истинное влияние»²⁵.

Впрочем, личные симпатии и антипатии не имели для Талейрана значения, когда речь шла о деле. А вот убедить Бонапарта сотрудничать с Сийесом было трудно. Генерал прямо советовал одному из директоров «освободиться от этого священника». Именно «священник» являлся, по словам Жозефины, «человеком, к которому Бонапарт питал самое большое отвращение». 22 октября, когда два вынужденных союзника впервые встретились на званом обеде, обстановка сразу стала натянутой: Бонапарт не сказал ни одного слова Сийесу и даже не смотрел на него. Аббат возмущился до предела, считая, что стал жертвой недопустимой грубости.

Талейран не щадил усилий, чтобы примирить лидера заговора и директора. В свое время он познакомил Сийеса с братьями Наполеона — Люсьеном и Жозефом. Теперь он стремился использовать это знакомство. Сийес не поддерживал тех членов Директории, которые обвинили генерала в дезертирстве и требовали предания его военному суду. Но глав-

ное, несомненно, состояло в том, что Сийес и Бонапарт не имели иного выхода: их союз был необходим для успеха заговора.

Талейран хорошо видел очевидные минусы союза с Баррасом. Дурная репутация директора-«долгожителя» была бы плохой аттестацией для связавших себя с ним участников государственного переворота. В глазах общественного мнения он был слишком одиозной фигурой. Сотрудничество с Баррасом не могло не задевать и мужское самолюбие Бонапарта: он знал, что Жозефина в свое время находилась в близких отношениях с директором. Однако время было слишком неподходящим для сведения семейных счетов. И 30 октября Бонапарт направился на обед к Баррасу в Люксембургский дворец. За несколько дней до этого Шарль-Морис информировал директора о планах мятежного генерала.

А Баррас, избалованный счастливыми для него исходами многочисленных заговоров, и на этот раз был убежден в том, что сохранит власть. Может быть, он недооценил силу и решимость, самолюбие и честолюбие «корсиканца», которому он заявил: «Республика гибнет, так больше не может продолжаться, необходима перемена: назначение Эдувиля президентом Республики. Что касается вас, генерал, то ваше дело состоит в том, чтобы вернуться в армию, а мне, лишившемуся популярности и истрепанному судьбой, придется стать снова частным лицом»²⁶.

Трудно представить себе более нелепое заявление. Бонапарт был вне себя от гнева. Ему посмели противопоставить Эдувиля, монархиста, жалкого, бездарного генерала, не сумевшего проявить себя ни на посту начальника штаба Гоша, ни в борьбе с шуанами в Вандее, ни в качестве губернатора Санто-Доминго! О каком сотрудничестве с Баррасом могла идти речь! Бонапарт встал из-за стола и, не покидая Люксембургский дворец, направился к Сийесу.

По настоянию министра генерал уже встречался с обиженным аббатом. В ходе этих бесед не затрагивались деловые вопросы. Но контакты были восстановлены. 30 октября вечером состоялись «заключение союза» и обсуждение плана действий. Казалось, каждая из сторон понимала свое место в приближавшихся событиях. Но теперь Сийес не был уверен в будущем. «Да, я пойду с генералом Бонапартом, потому что изо всех военных он все-таки наиболее штатский; но я знаю, что меня ждет после успеха. Он удалит двух своих коллег и отбросит их назад»²⁷.

Итак, главную задачу Талейран решил. Директория была парализована изменой Сийеса и нейтралитетом Барраса. Но одновременно плелась широкая сеть заговора, опутывавшая все

новых людей. Итоги «улова» каждый вечер подводились в доме Шарля-Мориса на улице Тебу (теперь улица Эльдер), где он жил всего несколько месяцев — с июля по ноябрь 1799 года. Здесь бывал Бонапарт. Он регулярно встречался с Талейраном и в своем особняке на улице Виктуар. Во время встреч обсуждались тексты листовок, прокламаций, обращений — неизбежных спутников государственного переворота.

Идейное оправдание захвата власти, разумеется, необходимо при любом режиме. Но нужны и деньги. И Талейран искал и находил их у банкиров и деловых людей. Заговор финансировали Уврар, Перего, Лекутекс, Симон. Особенно щедрыми являлись дельцы — поставщики армии. Один Колло, личный друг бывшего епископа, дал 2 миллиона франков. Эти люди своим острым нюхом чувствовали приближение золотого дождя правительственных заказов. И они не ошиблись!

Но золото, видимо, по-прежнему прилипало и к рукам ненасытного Талейрана. Рассказывают такую историю. 9—10 ноября, в дни переворота, одна из задач Шарля-Мориса состояла в том, чтобы лишить Директорию реальной власти, то есть разбить большинство из трех ее членов, которое лишь одно могло принимать решения. Практически это означало добиться отставки Барраса. Талейран и адмирал Брикс выехали в Люксембургский дворец. Баррас внимательно выслушал рассказ о действиях Бонапарта, о событиях в Сен-Клу, где заседали окруженные войсками Совет старейшин и Совет пятисот и решалась судьба переворота. Затем многоопытный интриган открыл окно и бросил взгляд на улицу Турнон и ее окрестности. Он увидел направлявшихся к Тюильри солдат и толпу прохожих, поддерживавших войска одобрителными криками. Все стало ему ясно. Баррас немедленно принял решение. Он тут же написал письмо об отставке, вручив его Талейрану. Но странное дело: бывший министр, обычно флегматичный и предельно сдержанный, на этот раз целовал руки Барраса, со слезами на глазах благодарил его. Уже современники событий, а вслед за ними и историки утверждали, что в кармане у посланца Бонапарта лежал чек на миллион франков (по другим данным, на 3 миллиона) — цена отставки директора, — который Талейран «по забывчивости» оставил у себя. Так ли это? Вопрос остается открытым вот уже около двух веков.

Переворот 18 брюмера свершился. Его организаторов ждал успех. Группа депутатов Совета пятисот, загнанных солдатами в зал заседаний, безропотно приняла решение о создании временной консульской комиссии в составе Сийеса, Дюко и Бонапарта. Но генерал сразу же начал играть главную роль. Он расставил на министерских постах верных себе

людей. 22 ноября Талейран-Перигор вновь стал министром внешних сношений. Это было наградой за его участие в организации государственного переворота.

«Равнение на Бонапарта!» — такова была линия министра. Именно он предложил ввести должность первого консула, в подчинении которого должны были находиться ключевые министерства: внешних сношений, внутренних дел, полиции, военное и флота. Это был важный шаг по пути укрепления личной власти генерала.

ГЛАВА XI

«ВЫ СОЗДАНЫ ДЛЯ ВЫСОТ»

не люблю вашу библиотеку, вы там слишком долго находитесь, а я ее считаю влажной. Нижний этаж не для вас, вы созданы для высот». Эти слова написаны Талейраном Бонапарту 9 июля 1801 г. И это не случайный всплеск души человека, погруженного в безделье отдыха на курорте Бурбон-Ларшамбо. Не единожды обращал Талейран к Бонапарту подобные речи: «Позвольте мне повторить вам, что

я вас люблю, что я огорчен своим отъездом»; «вот уже в течение двух лет я не привык в одиночестве думать»; «я не чувствую себя в форме, когда я вдалеке от вас»; «не хочу иметь других наград, кроме ваших, хочу служить только вам»¹.

Трудно избавиться от впечатления, что перелистываешь письма безнадежно влюбленного рыцаря к даме своего сердца. Но нет, это лишь слуга склоняется перед господином, саванник объясняется в любви властелину. Именно этот стиль сразу же после 18 брюмера избрал Талейран в своих отношениях с первым консулом. Он слишком хорошо знал нравы королевских дворов Европы. Знал по опыту отца и матери, по опыту своих друзей-аристократов, по своим личным воспоминаниям.

Изодренный интриган прекрасно изучил Бонапарта, его возможности, стремления и цели. Необузданное честолюбие. Безграничная жажда власти и славы. Неистребимая вера в собственную непогрешимость. Неутолимое желание переделать мир по-своему, наложить на него, как говорят современные

психологи, отпечаток своего «образа», навсегда войти в учебники всех стран и народов. Преклонение перед настоящими, наследственными дворянами — всеми этими Конде и Орлеанами, Ларошфуко и Перигорами. Любовь к внешним атрибутам величия — бархату и шелку, золотой и серебряной посуде, экипажам, замкам и дворцам. Все это хорошо понимал Талейран, вставший на испытанный путь лести.

И служение Бонапарту приносило все то, к чему стремился Шарль-Морис: деньги, власть, высокие государственные должности, звания и титулы. Никогда ранее положение Талейрана не было столь устойчивым, как в период Консульства и в первые годы Империи.

Министра уже не удовлетворяли его личные помещения в особняке Галифе. И в 1800 году он купил на улице Анжу дом, построенный в 1764 году, некогда принадлежавший маркизе де Креки и конфискованный как имущество эмигрантов. Большой сад протянулся до улицы Виль-Левек. Особняк реставрировали. Мебель была полностью заменена. Она привлекала взгляды многочисленных гостей своим изяществом².

Талейран теперь жил с размахом, соответствовавшим его новому положению. Приемы в великолепном загородном доме в Нейи служили постоянной пищей для разговоров «всего Парижа». Министр снимал павильон в районе Пасси и имел дом в Медоне. Он даже арендовал замок в Бри-сюр-Марн, в нескольких километрах от Парижа, славившийся великолепной библиотекой.

Но именно от Бонапарта Талейран получил самый дорогой подарок, сделавший его крупнейшим земельным собственником Франции, — поместье Валансе, одно из двух или трех самых больших феодальных владений в стране.

Однажды Бонапарт сказал своему министру, что ему следует купить землю и дворец, где он мог бы принимать дипломатический корпус и именитых иностранных гостей. Первый консул был прямолинеен: такие приемы служили бы своего рода наградой для послов и монархов, которые заслужили его благодарность. Бонапарт усиленно заботился о престиже режима и хотел использовать в этих целях человека, который по долгу службы и по своему происхождению, связям и знаниям европейских монархий мог бы с достоинством представлять интересы нового французского владыки.

При беседе Бонапарта и Талейрана присутствовал граф Лежандр де Люсе. Он предложил продать Валансе, но назначил очень высокую цену. Министр заявил, что такая цена превосходит его возможности. Да и зачем было платить самому, если идея исходила от главы правительства. Расчет

оказался правильным. Первый консул согласился значительную часть расходов взять на государственный счет. Сделка состоялась. Имение Валансе стало собственностью Шарля-Мориса Талейрана³.

...Трудно представить себе пленительную красоту замков Луары. Это незабываемое зрелище. В ясный солнечный день, словно нарисованные темно-зеленой краской, выстраиваются шеренги деревьев. Над рекой четко вырисовываются контуры ажурных древних мостов. Колеса автомобиля с легким шумом скользят по асфальту безукоризненно чистых дорог. Они ведут к всемирно известным средневековым замкам Амбруаз, Божанси, Блуа, Шамбор, Шомон, Шенонсо, Шверни-Во...

Валансе расположено на границе Берри и Турени, у берегов спокойной речки Наон, между двумя большими лесными массивами: Герселанд и Гастин. Это довольно далеко от Луары — 50—55 километров. Но с замками этого района владение Талейрана объединяли время строительства, крупные размеры, архитектура, напоминая черты знаменитого Шамбора. Но главная особенность имения министра состояла в его гигантских размерах: около 20 тысяч гектаров, из которых 7562 гектара приходилось на лес и 4761 гектар — на обрабатываемые земли. Один лишь парк раскинулся на площади в 152 гектара⁴.

Природа была здесь щедрой. Она восхищала гостей, которых без труда размещали в обширных помещениях. И сейчас во дворце сохранилась обстановка тех далеких от нас времен.

На первом этаже привлекают внимание портреты матери и отца Шарля-Мориса, его дяди — кардинала-архиепископа Парижа. Несколько этажей здания занимает библиотека, насчитывающая свыше 15 тысяч книг⁵.

Бонапарт и его министр использовали Валансе для дипломатических приемов, для встреч с иностранными государственными деятелями и дипломатами. А в течение нескольких лет дворец представлял собой своеобразную хорошо охраняемую «золотую клетку» для членов испанской королевской семьи.

Первый консул рассчитывал привязать к себе министра не только материальными, но и моральными узами. Он дал согласие на возвращение братьев Талейрана во Францию, вычеркнул их из списка эмигрантов, помог вернуть их имущество.

Старший из братьев, Аршамбо, эмигрировал в 1790 году и служил в английской армии в чине полковника. Его жена, слишком привязанная к дому, не последовала за ним. Как и многим другим родственникам эмигрантов, это стоило ей

жизни: ее гильотинировали. Самый младший из братьев Бозон занимал в английской армии скромный чин капитана.

Английское министерство не успело расплатиться с двумя покинувшими Англию французскими офицерами. Они обратились за помощью к Шарлю-Морису, которому деньги никогда не казались пахнущими дурно. Министр считал возможным ходатайствовать за братьев перед своим британским коллегой Аддингтоном. «Контрреволюционная» зарплата была полностью выплачена братьям-эмигрантам. Они сделали эту приятную для них новость достоянием широкой гласности. Комментариев и острот было не счесть. Бонапарт в конце концов считал, что дело зашло слишком далеко. Аршамбо и Бозон получили приказ покинуть Париж. А Талейран благоразумно и мудро молчал. «Чего же можно ждать от человека, который не произнес ни слова в пользу своей семьи?», — так комментировал эту историю первый консул⁶.

Однако министр внешних сношений ревностно отстаивал интересы Бонапарта. Он начинал понимать, что главная цель генерала состояла в укреплении личной власти и в конечном счете создании собственной наследственной монархии. «Талейран один из тех, кто наиболее содействовал установлению моей династии», — напишет впоследствии Бонапарт⁷. Но бывший епископ Отенский никогда не забывал оказывать услуги и самому себе. И поскольку в тот момент его интересы совпадали с планами и стремлениями Бонапарта, он активно содействовал ему во всех начинаниях.

Монархия как форма правления имеет свои принципы. И один из них — традиционализм, опора на аристократию, создание придворной знати. Некоторых представителей «старого порядка» первый консул рассчитывал или превратить в своих союзников, или, по крайней мере, нейтрализовать. И зная об этих его планах, Талейран организовал несколько больших приемов, на которые были приглашены члены старых дворянских семей, вернувшиеся из эмиграции. Аристократ по рождению, он теперь говорил: «Не существует монархии без дворянства»⁸.

25 февраля на празднике в загородном доме министра в Нейи присутствовал один из вождей Вандеи и личный друг Людовика XVI Куаньи, бывший французский посол при Екатерине II Сегюр, герцог Ларошфуко-Лианкур — хранитель королевского гардероба, близкие к королевскому двору дамы — де Вержен, де Ноай, де Кастелан, де Гомон, де Кюстин, де Жакур, де Ламет и др. Все они были представлены Бонапарту. Празднества в Нейи состоялись также в феврале и в июне 1801 года. Список присутствовавших знатных дам министр направил первому консулу⁹.

Талейран не щадил усилий, отстаивая интересы своего сюзерена. Он вынужден был учитывать новое и тревожное обстоятельство. Впервые Бонапарт испытал к нему чувство личного недоверия. Это произошло летом 1800 года, вскоре после крупной победы французов над австрийцами в Северной Италии — в битве при Маренго. Во время краткого отсутствия Бонапарта, руководившего боевыми действиями в Италии, по Парижу поползли слухи о неизбежности его поражения и возможной гибели, о крупных политических переменах, которые за этим неизбежно последуют. Одним из организаторов антибонапартистской кампании являлся обиженный и недовольный Сийес, занимавший почетный, но не дававший реальной власти пост председателя Сената. Он, разумеется, не остался в одиночестве. В разговорах, обсуждениях, беседах, в которых, по существу, шла речь о будущем режиме без Бонапарта, участвовали люди из ближайшего окружения первого консула и в их числе — брат Люсьен, консулы Камбасарес и Лебрэн. Осторожный Фуше отмалчивался, хотя по долгу службы ему следовало вмешаться в назревавший заговор. Талейран также не стоял в стороне от новых веяний. В его доме собирались сторонники перемен.

Все эти факты стали известны Бонапарту. Он немедленно покинул Милан и вернулся в Париж. Его возвращения ждали со страхом. Трезво оценив обстановку и размах «болтливой оппозиции», генерал ограничился тем, что заменил Карно на посту военного министра верным человеком — Бертье: армию следовало вверить только в надежные руки (Карно вышел в отставку и вернулся к политической деятельности только в 1815 г.). Но сомнение в преданности Талейрана у первого консула осталось. В их отношениях появилась первая трещина.

Однако Талейран продолжал укреплять власть первого консула. Он сыграл большую роль в решении двух крупных политических задач: в подготовке и подписании соглашения (конкордата) между французским правительством и папой Пием VII и в избрании Бонапарта президентом Итальянской республики.

«Я в сильнейшей степени способствовал» примирению Франции с папским престолом, писал Талейран в своих «Мемуарах»¹⁰. Для него лично и речи не могло быть о возвращении в католическую иерархию, хотя первый консул и предложил своему министру кардинальскую мантию и пост главы французской католической церкви. Шарль-Морис и слышать об этом не хотел. «Его отвращение к духовному званию являлось непреодолимым», — замечал Бонапарт.

Идея конкордата принадлежала самому первому консулу.

Она созрела у него уже ко времени прихода к власти. «Я взвесил все значение религии; я был убежден и решил ее восстановить. Но с трудом можно поверить, какое сопротивление я вынужден был преодолеть, чтобы восстановить католицизм»¹¹. Это верно. Революционная традиция рассматривала церковь в качестве оплота тирании. Республиканская армия неизменно воспитывалась в этом духе. Антицерковную позицию занимали и многие генералы, сподвижники Бонапарта, например Ожеро и Моро. В его ближайшем окружении было немало бывших служителей культа, которые не ждали для себя от конкордата ничего доброго. К ним относились Талейран и Фуше. Но для Бонапарта их опасения были второстепенными. Укрепить режим личной власти можно было лишь при поддержке крестьянских собственников, значительной части городской буржуазии, бывших эмигрантов, консервативного чиновничества. А они с нетерпением ждали, когда вновь зазвучат колокола. Игра стояла свеч.

Бонапарт, несомненно, опирался на большой исторический опыт, подтверждавший воздействие религии на настроения широких масс. Влияние католицизма во Франции, несмотря на революцию, продолжало оставаться сильным. Антиклерикальные настроения значительных масс населения не мешали сохранять религиозные чувства и верность духовному кредо католицизма. Надежда на «царство разума» оказалась недолговечной, а кровавое «чистилище революции» и неверие в «рай на земле» восстанавливали традиционную веру в «Град божий». События в Вандее в 1795—1796 годах доказывали, что подлинное умиротворение местного населения было возможно только в союзе с католической церковью. События в Италии, в бельгийских и рейнских департаментах говорили о том, что новая власть признавалась только при ее освящении религией. Повлиять на епископов-эмигрантов, находившихся в Англии, возможно было лишь с помощью Святого престола. В самой Франции государственные советники, специально изучавшие положение «конституционной церкви», единодушно считали, что она находилась в состоянии агонии. В то же время конкордат, по замыслу Бонапарта, должен был полностью подчинить ему целую армию служителей культа, присягающих правительству и оплачиваемых за счет государственного бюджета.

Победа при Маренго развязала руки первому консулу. Сразу после этого сражения, в июне 1800 года, он передал папе предложение начать переговоры о восстановлении католицизма во Франции. Открылась первая страница в истории конкордата. Нетрудно представить себе ликование в Риме. Мятежная республика, казнившая своего монарха, закрывшая

храмы, завоевавшая Европу, протянула руку примирения! Пий VII немедленно сообщил о своем согласии и назначил для переговоров Каринтского архиепископа Спина и теолога Ватикана Казелли. 5 ноября 1800 г. они прибыли в Париж¹².

Подготовку соглашения Бонапарт поручил Талейрану. Назначение вероотступника, осквернившего высокий епископский сан, не могло не вызвать раздражение в Риме. Но эмоции папскому окружению пришлось отбросить — слишком уж крупные интересы оказались поставленными на карту. Министр есть министр, если даже в недалеком прошлом его именовали епископ Отенский. К тому же Шарль-Морис не обременял папских легатов своим присутствием. Его указания добросовестно выполнял аббат Бернье, бывший священник в Анжере и бывший шуан, сыгравший заметную роль в войне в Вандее. Этот грузный человек с грубым красным лицом обладал незаурядным честолюбием. Бернье сыграл активную роль в умиротворении западных районов страны. Уверившись в безнадежности вооруженной борьбы, он убедил вождей шуанов сложить оружие. Его принял Бонапарт, по рекомендации которого аббат поступил в полное распоряжение министра внешних сношений¹³.

Переговоры с папой оказались длительными и трудными. Программы договаривающихся сторон существенно различались. В Ватикане хотели, чтобы католицизм вновь стал государственной религией во Франции, и требовали отмены законов, противоречивших христианской морали, таких как, например, закон о разводах. Папа стремился сохранить в своих руках власть над всей церковной иерархией в стране, сверху донизу, существенно ограничив полномочия консулов.

Перед Талейраном стояли иные задачи. Ему надо было втиснуть восстановленную церковь в жесткие рамки правительственного контроля, сделать ее послушным орудием в руках Бонапарта. Не могло быть и речи о том, чтобы Святой престол и французский епископат оказывали влияние на внешнюю и внутреннюю политику страны, мешали ее правительству, и прежде всего Бонапарту. От этой линии бывший епископ Отенский не отступал ни на шаг.

Длительные споры вызвал вопрос о судьбе 80 епископов-эмигрантов. Первый консул требовал их поголовной отставки и полного обновления епископата, настаивал на одинаковом подходе к епископам «конституционным» и «ортодоксальным». «Я не хочу никого из прежних епископов, и я не уступлю в этом вопросе»¹⁴, — решительно заявил Бонапарт. Талейран твердо стоял на той же позиции. В конечном счете Риму пришлось уступить. Папе удалось добиться только смягчения формулы отставки епископов-эмигрантов — каждый из них по-

лучил «приглашение» оставить свой пост. Сравнительно легко договорились о сокращении количества епархий во Франции со 136 до 60. Однако Талейрану не удалось добиться включения в текст конкордата положения, легализующего браки духовных лиц, в которые они вступили после 1789 года.

Какова судьба церковных имуществ, национализированных революцией по инициативе епископа Отена и перешедших в руки новых собственников? Разумеется, в Риме не решились требовать их возвращения, понимая всю абсурдность такой постановки вопроса. Пий VII признал необратимость свершившегося.

Бернье рассчитывал на подписание соглашения в короткие сроки. Но в конце декабря 1800 года в ход переговоров решительно вмешался Талейран. Он защищал права конституционного духовенства, вновь настаивал на гражданском причастии вступивших в брак духовных лиц, указывал, что ряд статей конкордата не соответствовал ни по форме, ни по существу предложениям французской стороны. Спина отказался подписать текст и настаивал на отправке его в Рим. Министр, несмотря на настояния Бернье, не согласился с папским послом и заявил, что Франции «расставляют западню», хотят внушить ей чувство «ложной безопасности». Он потребовал от Спины «быстрого, точного и окончательного» ответа¹⁵.

В Париже продуманно разделили ответственность. Талейран проявлял бескомпромиссную жесткость, а Бонапарт в конечном счете шел на отдельные уступки. По его указанию министр согласился на отправку экстренного посланца в Рим при условии, что он уедет как можно быстрее и вернется не только с согласием на подписание конкордата в его французской редакции, но и с ратификационными грамотами.

Одновременно в Париже решили направить в Рим своего представителя, правда, без официальных полномочий. Считали, что он после подписания конкордата займет пост посланника Франции при Ватикане. Бонапарт и Талейран остановились на кандидатуре Франсуа Како, бретонца по происхождению, хорошо знавшего Италию и уже имевшего опыт представительства при папе Пие VI. Како обратился к первому консулу с вопросом, как ему вести себя на переговорах с папой. Последовал поистине генеральский ответ: «Обращайтесь с ним так, будто он располагает двумястами тысячами человек!».

Како быстро установил отношения с кардиналами, которые, однако, с трудом сдавали свои позиции по ряду вопросов. В мае 1801 года папа в письме Бонапарту на итальянском языке настаивал на совместной декларации в защиту католицизма, на бережном отношении к епископам, на свободном

возвращении во Францию священников-эмигрантов. В конце своего послания Пий VII собственной рукой написал несколько слов, из которых следовало, что для него абсолютно исключены дальнейшие уступки.

Париж ответил папе угрозами. В беседе со Спина в присутствии Талейрана Бонапарт заявил, что решение таких вопросов, как судьба папских владений и вывод из них французских войск, зависело от ответов на требования французской стороны. Первый консул поручил Бернье сообщить в Рим государственному секретарю (министру иностранных дел) Эрколо Консальви, что дальнейшее промедление с подписанием соглашения он будет считать открытым разрывом переговоров и даст приказ об оккупации всех земель, принадлежавших Святому престолу¹⁶.

И на этот раз дипломатическое наступление шло по нескольким направлениям. Талейран заявил о недопустимости каких-либо изменений (ни по существу, ни по форме) в тексте конкордата. Он дал ватиканским сановникам пять дней для окончательного решения вопроса и сообщил, что по истечении этого срока Како покинет Рим. «Не следует придавать этому заявлению форму угрозы, но вы позволите сделать из него выводы, которые сочтут желательными»¹⁷, — писал министр своему представителю в Ватикане.

Политика, к которой прибегли Бонапарт и Талейран, дала свои результаты, хотя они не были — и не могли быть в славную эпоху передвижения на лошадях — столь быстрыми, как хотели бы в Париже. 20 июня Консальви, следуя личному, неофициальному совету Како, прибыл во французскую столицу. Через шесть дней министр внешних сношений вручил государственному секретарю Ватикана шестой по счету проект конкордата, который он объявил «ультиматумом Республики». Переговоры продолжались еще несколько недель с участием Жозефа Бонапарта. В итоге в 2 часа ночи 17 июля 1801 г. конкордат был подписан. Стороны договорились, что религиозный культ будет публичным в соответствии с правилами, «которые правительство сочтет необходимыми в интересах общественного спокойствия». Консальви согласился с тем, что епископы назначаются из числа лиц, одобренных правительством.

Бонапарт достиг своих целей. Он установил контроль над католической церковью во Франции и обеспечил себе ее содействие. Духовенство обязалось приносить присягу верности французскому государству и совершать молитвы во имя успеха его начинаний. Правительство получило право назначения епископов и регламентации условий публичного отправления культа. Епископы и священники стали государственными слу-

жащими. Размеры епархий изменились. Церковь признала необратимой распродажу национальных имуществ.

Актив Святого престола также оказался значительным. Католицизм был восстановлен как религия большинства французов и самих консулов. В результате того, что Рим потребовал отставки епископов-эмигрантов, папская власть усилилась. Опасения святых отцов не оправдались: они укрепили, а не ослабили свои позиции. Во Франции открылись духовные семинарии. Власть епископов над низшим духовенством также была восстановлена¹⁸.

«Граждане, революция закрепила принципы, на основе которых она началась: она закончена». Это слова из прокламации Бонапарта, датированной 15 декабря 1799 г. Да, 18 брюмера свершилось не для продолжения дела Марата и Робеспьера. И теперь первый консул по первому разряду хоронил революцию. Он устанавливал твердый буржуазный порядок, закреплявший господство крупной буржуазии. Именно об этом свидетельствовала, в частности, церемония обнародования конкордата, состоявшаяся в пасхальный день 18 апреля 1802 г. в соборе Парижской богородицы¹⁹.

Спектакль был подготовлен с присутствием Бонапарту размахом. Сам он прибыл в сопровождении эскорта египетских мамелюков в турбанах. В кареты консулов было запряжено по восемь лошадей, сановников — по шесть или по четыре; 30 епископов ожидали кортеж под сводами собора. У его входа первого консула окропил святой водой архиепископ Парижа де Белуа, родившийся еще при Людовике XIV и назначенный именно из-за своего преклонного возраста и уже перенесенных двух острых сердечных приступов.

Как заметил один из друзей Бонапарта, сопровождавший его в Италии и в Египте, Луи Фовеле де Бурьен, окружение первого консула состояло из людей, которые «в наибольшей мере содействовали разрушению культа во Франции и, проведя свою жизнь в лагерях, чаще заходили в итальянские церкви, чтобы взять там картины, а не прослушать мессу»²⁰. Но любопытные взоры присутствующих более всего привлекали два бывших слуги церкви — Фуше и Талейран.

Как оценить поведение министра внешних сношений, ранее порвавшего с католицизмом, а теперь склонившего голову перед алтарем? Для него, прагматика и оппортуниста, не существовало понятия верности идеям. Сами идеи получали право на жизнь только тогда, когда возникала необходимость оправдать сложившуюся ситуацию или очевидное развитие событий в будущем.

27 декабря 1801 г., в то самое время, когда в Париже шли переговоры о конкордате, министр внешних сношений

прибыл в Лион. Через несколько дней здесь начала работу Консульт — законодательное собрание Цизальпинской республики, созданной Бонапартом в 1797 году на территории Северной и Центральной Италии. Депутаты были тщательно отобраны при непосредственном участии Бонапарта и по принципу личной ему преданности. Консульте предстояло принять новую конституцию («очень короткую и очень ясную»), подготовленную графом Пьером Луи Редерером, личным другом и ближайшим сотрудником министра внешних сношений. Но именно такой текст и не устраивал Талейрана. Он считал, что конституция должна быть «короткой и неясной»: это позволяло обойтись без излишних дискуссий и открывало путь для нужных первому консулу толкований и выводов²¹.

В Лионе гражданин-министр расположился с привычной для него роскошью. Он снял себе особняк и в течение пяти недель умудрился израсходовать на приемы такую сумму, которой хватило бы всему населению Лиона на целый год.

В письмах первому консулу Талейран, разумеется, не упоминал о своих денежных делах, зато сообщал, что по дороге повсюду раздавались крики: «Да здравствует Бонапарт!». Даже ночью при подъезде к Лиону люди с лампами в руках подходили якобы к дверцам кареты Талейрана, чтобы выразить свое восхищение первым консулом. «Вы горячо любимы в Лионе; вам оказывают полное доверие. В вас любят все и, возможно, целеустремленность больше, чем что-либо другое. Вы будете приняты самым лучшим образом», — писал министр своему патрону²².

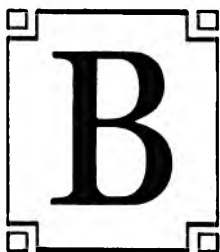
Бонапарт прибыл в Лион 11 января 1801 г. Через несколько дней в речи, произнесенной на итальянском языке, он предложил именовать Цизальпинскую республику Итальянской. Эти слова были встречены громом аплодисментов. И надо ли удивляться тому, что оратор через две недели был избран президентом нового государства?

К зиме 1800 года все говорило о том, что в стране окончательно утвердилось личная диктатура Бонапарта. Она нуждалась теперь в правовом оформлении. Именно этого добивались Камбасарес, Талейран, Редерер и др. 2 августа 1802 г. после всенародного плебисцита, проведенного открытым голосованием, Наполеон Бонапарт был провозглашен пожизненным первым консулом. Вскоре законодательные органы приняли решение о наследовании его власти. Члены семьи нового диктатора и Талейран торжествовали.

Официальное положение министра внешних сношений окрепло. Казалось, урегулированы были и личные дела: он вступил в законный брак.

ГЛАВА XII

ЖЕНА ИЗ ИНДИИ

один из осенних вечеров 1797 года гражданин-министр вернулся в особняк Галифе поздно. Он был в плохом настроении: счастье за карточным столом ему изменило. Шарль-Морис поднялся уже в свою комнату, когда слуга сообщил, что в салоне находится дама, приехавшая по срочному делу и имеющая рекомендательное письмо. Час был поздний, и Талейран не испыты-

вал желания видиться с кем бы то ни было. Тем не менее из любопытства он спустился вниз. В глубоком кресле, набросив на голову капюшон короткого широкого пальто, какие носили в то время эlegantные парижанки, спала женщина. Шум разбудил гостью. Она поднялась и грациозным жестом откинула капюшон, открыв смущенно покрасневшее лицо. Женщина оказалась красивой настолько, что интерес министра сразу же сосредоточился на ней самой, а не на цели ее визита. Но как в тот момент был он далек от мысли, что перед ним стоит его будущая жена!

Так один из личных секретарей Талейрана описал появление в особняке Галифе Катрин Гран. Но это не единственная версия легенды об их знакомстве. Утверждали также, что Катрин и Шарль-Морис впервые встретились в Лондоне или, возможно, в Нью-Йорке или Филадельфии, а может быть, и в Гамбурге, когда наш герой возвращался из изгнания домой. Известно только то, что в сентябре 1797 года на обеде в министерстве внешних сношений появилась очаровательная незнакомка с изящной фигурой, пышными светлыми волосами и голубыми глазами. Кто же была эта женщина?

Катрин-Нозль Ворле родилась в ноябре 1762 года в Индии, в Транкебаре, торговом порту, принадлежавшем Дании. Ее отец, француз, был там капитаном порта. Воспитанием и тем более образованием девочки никто не занимался. Она обладала поистине «энциклопедическим невежеством» и росла под жгучим южным солнцем как прелестный благоухающий цветок. Женская красота никогда не остается незамеченной. Катрин не исполнилось и пятнадцати лет, когда она 10 июля 1777 г. вышла замуж за Жоржа-Франсуа Грана, работавшего в английской администрации, и поселилась с ним в Калькутте. Она

принесла супругу более чем скромное приданое: несколько тысяч рупий².

Увы, ранние браки нередко чреваты неожиданностями. И молодая семья не представляла собой исключения. Среди поклонников юной Катрин оказался судья из Бенгалии Филипп Фрэнсис. После нескольких попыток ухаживания сэр Фрэнсис по бамбуковой лестнице проник в комнату мадам Гран, муж которой находился на званом обеде. Начавшись столь решительно, атака завершилась поражением. Незадачливого судью схватили слуги хозяина. На следующий день оскорбленный муж вызвал Фрэнсиса на дуэль, от которой джентльмен уклонился, и в марте 1779 года дело рассматривалось в суде. Ответчика признали виновным и приговорили к уплате возмещения за ущерб, причиненный репутации семьи, в сумме 50 тысяч рупий. Большого супруг и не требовал. Он заявил, что «полностью удовлетворен и доволен и хорошо вознагражден»³.

Трагикомическая история закончилась для молодой женщины большими жизненными переменами. Сначала она отправилась к родителям в Транкебар, но пробыла там недолго. Ее попытки чем-нибудь заняться результата не дали — скоро выяснилось, что Катрин не хватало не только образования, но и элементарной грамотности. Однако ей нельзя было отказать в смелости и практической сметке. Индия для нее уже исчерпала себя, и 18-летняя дама 2 декабря 1780 г. отбыла в Лондон на голландском корабле. А поскольку она не любила одиночества, в путешествии ее сопровождал секретарь губернатора Мадраса⁴.

Но туманная Англия не понравилась южанке. Весной 1782 года она оказалась в Париже. Соломенная вдова умело вела свои дела, и они находились в прекрасном состоянии. Она пользовалась дорогими услугами известного ювелира в Пале-Руаяль, снимала особняк на улице Артуа за 4200 ливров в год, имела постоянные абонементы в Гран-Опера и других известных парижских театрах, получала газеты и книги и, отдавая дань моде, создала собственную библиотеку. Ее портрет (он находится в замке Талейранов в Валансе) написала модная художница Элизабет Виже-Лебре, допущенная ко двору и запечатлевшая для потомков королеву Марию-Антуанетту. Одним словом, «прекрасная индианка» не испытывала недостатка в деньгах⁵.

Катрин имела богатых «покровителей». Среди них бывший губернатор Мадраса Джон Уайтхилл, с секретарем которого она прибыла в Англию; депутат Учредительного собрания от Восточной Индии Луи Монерон; банкир Вальдек де Лессар, тот самый, который занимал посты государственного контро-

лера финансов, министра внутренних, а затем и иностранных дел, а в сентябре 1792 года закончил свою жизнь на эшафоте.

Однако «индианка», умственные способности которой столь часто становились объектом шуток, оказалась умнее и осторожнее, чем многие из тех, кто над ней подшучивал. В августе 1792 года, когда обстановка в Париже стала опасной и Катрин собственными глазами увидела, как под ее окнами парижане убили наемного солдата-швейцарца, она, смертельно напуганная, бросила все свое имущество и с несколькими оказавшимися в ее руках золотыми монетами бежала в Англию.

Единственным серьезным достоянием молодой женщины была ее внешняя привлекательность. Один из новых знакомых Катрин, моряк из Англии, которого она не оставила равнодушным, совершил настоящий подвиг: он выехал в Париж и привез из ее квартиры драгоценности и значительную сумму денег — свыше 16 тысяч фунтов стерлингов. Герой вознаграждал себя лишь 60 фунтами, которые ему потребовались на дорожные расходы. Разумеется, моряк-спаситель не являлся единственным поклонником прекрасной дамы на протяжении нескольких лет ее пребывания в Англии.

Когда мадам Гран решила, что ее безопасность во Франции обеспечена, она в июне 1797 года вернулась на землю своих предков. На этот раз ее сопровождал посланник Генуэзской республики в Лондоне маркиз Спинола, до революции представлявший свое правительство в Париже. Поездка была бы вполне ординарной, если бы не одно важное обстоятельство: Катрин впервые по-настоящему оказалась втянутой в политику.

В это время Бонапарт энергично перекраивал карту Италии. Французы оккупировали Венецию. Возникла угроза аннексии Генуи и присоединения ее к только что созданной Цизальпинской республике. Директория не одобряла планы генерала. Против них выступили депутаты Совета старейшин и Совета пятисот, газеты. Официально Спинола приехал для получения имущества жены, конфискованного в связи с казнью ее отца — маршала Левиса. Но, видимо, основная задача генуэзца состояла в том, чтобы разжечь страсти и накалить обстановку в Париже. Активность Спинолы и его тесные связи с лордом Малмсбери привлекли внимание к маркизу и его спутнице. Подозревали, что они являются английскими агентами, и Директория приняла решение об их высылке. Спинола покинул Париж, а мадам Гран по чьей-то протекции осталась. Кто просил за нее, так и осталось неизвестным⁶.

Вскоре после этих событий Катрин и познакомилась с Талейраном. Она переселилась в особняк Галифе. Их связь

продолжалась уже несколько месяцев, как вдруг парижская полиция заинтересовалась 35-летней «шпионкой». Сыщики перехватили ее письмо в Лондон эмигранту маркизу де Ламберти. Неосторожную даму скоро арестовали. Забыв об осторожности и осмотрительности, Шарль-Морис 23 марта 1798 г. направил письмо Баррасу. В нем все говорило о душевном смятении его автора — состоянии, казалось, совершенно несвойственном этому холодному и расчетливому человеку, к которому вполне можно было применить слова, сказанные одной дамой писателю Бернару ле Бовье Фонтенелю. Указывая на его сердце, она произнесла: «Здесь тоже только мозг».

Талейран писал о своем отношении к этой «очень красивой, очень ленивой, наименее занятой из всех женщин: «Я ее люблю». Он уверял Барраса, что она неспособна «вмешиваться в какое-либо дело». Баррас довел этот документ до сведения Директории. Вероятность положительного решения была невелика, а все это дело грозило Талейрану тяжелыми последствиями⁷.

Как и следовало ожидать, члены Директории обрушились на министра. Ребель требовал отставки «жалкого расстриги». Мерлен сравнивал «моральную строгость Робеспьера и Сен-Жюста» с циничной распущенностью Талейрана и утверждал, что он «продался Англии». Ларевельер видел причину всех пороков бывшего епископа «в его клерикальном воспитании», явившемся «продуктом современного Рима».

Романтически настроенный Франсуа де Нефшато, однако, призвал сохранять святость частной жизни, а Баррас не был заинтересован в изгнании Талейрана, всего лишь полгода назад сыгравшего активную роль в подготовке переворота 4 сентября и пользовавшегося поддержкой Бонапарта. Поэтому он предложил передать дело министру полиции. А через несколько дней — совершенно неожиданно — мадам Гран освободили. Чья могущественная рука сумела так быстро открыть двери тюрьмы для «английской шпионки»? Никто не дал убедительного ответа на этот вопрос⁸.

Выйдя на свободу, Катрин обратилась в мэрию второго округа Парижа с заявлением о разводе с Жоржем-Франсуа Гран, мотивируя свою просьбу тем, что уже более пяти лет живет отдельно от мужа. 7 апреля 1798 г. брак был аннулирован. И с этого времени — и в период Директории, и в годы Консульства — она не покидает Талейрана. Ее имя вычеркнули из списка эмигрантов. И «индианка» принимала политических деятелей и дипломатов, писателей и художников, хотя соперничать с салонами Жермен де Сталь и Жанны-Франсуазы Рекамье, подруги Шатобриана, в домах которых можно было встретить «весь Париж», ей было нелегко.

Блестящие приемы в особняке Галифе не помогли мадам Гран избавиться от репутации недалекой и необразованной женщины. С ее именем связано бесчисленное количество анекдотов, шуток, иронических рассказов. Ее не любил Бонапарт, и он лично несколько раз с видимым удовольствием рассказывал такую, например, историю.

Однажды у Талейрана должен был ужинать Доминик Биван Денон, известный египтолог, впоследствии генеральный директор французских музеев. Шарль-Морис сообщил об этом Катрин и посоветовал ей ознакомиться с книгой ученого, имевшейся в его библиотеке.

Вначале все шло хорошо. За столом мадам Гран сообщила гостю, что она внимательно прочла его труд и в восторге от необычайных приключений автора, и выразила ему сочувствие по поводу пережитых им невзгод: «О, сколько всего пришлось вам вынести! Это кораблекрушение! Этот пустынный остров! С вами ли по-прежнему ваш верный Пятница?». Денон не верил своим ушам: «не принимает ли она меня за Робинзона Крузо?» — тихо спросил он у своего соседа. Действительно, вместо «Путешествия в Египет» Катрин взяла на полке книгу Даниэля Дефо⁹.

Подобных рассказов множество. Но существовали и иные мнения. «Никогда она не произнесла при мне хотя бы одну фразу, отдающую дурным тоном; никогда она не сказала ни единого слова, которое можно было бы квалифицировать как глупость», — эти слова взяты из мемуаров мадам де Шастене, хорошо знавшей Катрин и не имевшей никаких причин для искажения истины.

Пожалуй, главные черты мадам Гран — практицизм, способность приспособиться к любым, самым тяжелым обстоятельствам. Напомним о ее смелом путешествии из Индии в Англию, о ее самостоятельном переезде в Париж, об отчаянном бегстве в Лондон. Одной внешней привлекательности для столь решительных и трудно осуществимых шагов мало. Сколько молодых и красивых женщин гибло в то бурное время! Нужны были житейская хватка, напористость, расчет. Именно этими качествами обладала Катрин. Она проявляла их и в своих денежных делах. Едва познакомившись с Талейраном, мадам Гран, по его совету, в период англо-французских переговоров в Лилле выгодно спекулировала на взлетах и падениях ценных государственных бумаг. Затем она неплохо заработала на контрабандных связях с Россией, получила 400 тысяч франков «за содействие» генуэзским торговцам. Не так уж, видно, проста была «индианка», хотя она и не была искушена в тонкостях французской орфографии и произношения¹⁰.

Главная вина молодой женщины состояла в том, что

она для всех навсегда осталась дочерью нищего офицера и женой мелкого колониального чиновника, не получившей ни образования, ни воспитания, не имевшей дворянского происхождения и аристократических связей и поэтому глубоко чуждой тому кругу людей, среди которых Талейран чувствовал себя как рыба в воде. Впрочем, времена менялись, и выходцев из «плебса» насчитывалось немало в окружении Бонапарта. Но даже среди этих людей, близких по происхождению и воспитанию, она с трудом находила свое место.

Обстановка все настойчивее требовала от Талейрана решения его личных дел. Министр — официальное лицо. Но он не только не скрывал, а, наоборот, афишировал совместную жизнь с разведенной женщиной. В дипломатических кругах Парижа зрело недовольство. Жены иностранных дипломатов избегали встреч с мадам Гран. Слухи об этом дошли до первого консула. Он не хотел компрометировать себя перед европейскими правительствами, с которыми пытался наладить хорошие отношения. Бонапарт потребовал, чтобы Талейран «изгнал мадам Гран из своего дома»¹¹.

Но Катрин немедленно приняла ответные меры. Она бросилась к Жозефине, с которой поддерживала дружественные отношения, и просила ее о помощи. Шаг был правильным. Кто лучше Жозефины мог понять переживания Катрин, ее жизнь? Обе женщины любили деньги, роскошь, приключения. И Жозефина помогла подруге. Она организовала свидание Гран с первым консулом. Утверждают, что красота и слезы «индианки» произвели впечатление на Бонапарта и он заявил: «Пусть Талейран на вас женится, и все будет улажено. Нужно, чтобы вы носили его имя»¹².

Восхваляя святость семейных уз, Бонапарт по своему произволу создавал и разрушал супружеские пары, навязывал им свои решения, руководствуясь якобы государственными интересами. А сейчас он испытывал, видимо, злорадное удовлетворение, настаивая на женитьбе своего министра, на семейных узах, явно недостойных потомственного дворянина, болезненных для его самолюбия и честолюбия. Возможно, что этим неравным браком Бонапарт рассчитывал окончательно рассорить бывшего епископа с Бурбонами.

Талейран согласился с настояниями первого консула. Позднее, отвечая на вопрос герцогини Дино (рассказ о ней — впереди), он сказал: «На самом деле, я не могу дать вам никакого удовлетворительного объяснения: это произошло во времена всеобщего замешательства. Тогда ничему не придавали большого значения... не имели ни общества, ни семьи; все делалось с самой большой беспечностью в условиях войны и падения империй»¹³.

Большое, если не решающее значение имел страх Талейрана перед гневом первого консула.

Возможно, министр думал, что брак положит конец слухам, пересудам, анекдотам по поводу его отношений с мадам Гран, которая, как утверждали, хорошо знала о многих его политических интригах и финансовых махинациях. Наконец, чем черт не шутит, а вдруг в душе бывшего епископа проснулись человеческие чувства, появилась настоящая привязанность к женщине? Есть аргументы и в пользу этой гипотезы. А кроме того, в августе 1803 года, когда Катрин и Шарль-Морис находились на курорте в Бурбон-Ларшамбо, вместе с ними была пятилетняя девочка по имени Шарлотта. Как пишет в своей книге «Талейран или цинизм» Андре Кастело, два исследователя — Казимир Карер и Луи Астье пришли к выводу, что Шарлотта появилась на свет в 1798 году, а отцовство — одна из важных причин женитьбы Талейрана на Катрин¹⁴.

Итак, решение о браке было принято. Но осуществить его оказалось не просто. Бывший аббат и бывший епископ Отена когда-то дал обет безбрачия и не был освобожден от него. Личная проблема смыкалась с государственной политикой, так как вскоре после провозглашения консульства начались переговоры с Римом о конкордате, о восстановлении во Франции прав католической церкви. И переговоры с ватиканскими дипломатами по иронии судьбы вел тот самый человек, который выступил инициатором закона о национализации церковных имуществ, был активным сторонником гражданского устройства духовенства и присяги пастырей нации, — Талейран.

Дело оказалось непредвиденно тяжелым. Папа Пий VII был неумолимо ортодоксален. В конкордате, подписанном 15 июля 1801 г., даже не упоминалось о священниках, изменивших догмам католицизма. Лишь через месяц папа в качестве исключительной меры «простил» дьяконов, приходских священников, отказавшихся от своего духовного звания и женившихся. Но неверным епископам Рим в снисхождении отказал. Таким образом, первый раунд переговоров министр для себя лично проиграл. Но борьба продолжалась¹⁵.

26 февраля 1802 г. папа получил написанное по латыни прошение Талейрана. Первый консул энергично поддерживал своего министра. Об этом сообщил папе его представитель в Париже, кардинал-легат Капрара. Тем не менее в ответном папском послании содержалось столько неприемлемых для бывшего епископа условий и требований, что Капрара даже не решился передать его Талейрану. Но в официальном Париже и не думали сдаваться. Пий VII и его окружение, видимо, до конца не понимали, с какими сильными, изобрета-

тельными и напористыми противниками им пришлось столкнуться.

...Прошло три месяца. 27 мая жандармский офицер Лефевр верхом выехал из Парижа в Рим. Он торопился, беспощадно загонял лошадей и менял их, не останавливаясь для отдыха. В своей сумке Лефевр вез папе письмо французского правительства, в котором оно официально просило разрешения папы на переход министра внешних сношений из духовного состояния в светское. Первый консул направил Пию VII и личное письмо, в котором подчеркнул, что просьба Талейрана ему, Бонапарту, «весьма приятна»¹⁶.

Талейран ждал из Рима награды за свои усилия. Конкордат уже действовал! Церкви во Франции открылись, богослужения совершались по строгому церемониалу католической веры. Но ответа из Ватикана не было. Дни шли за днями. Министр уговаривал, убеждал Капрару, прибегал и к угрозам, говорил о возможности «полной гибели религии во Франции». Кардинал-легат серьезно относился к этим словам. «До сих пор защитниками религии и церкви были первый консул и Талейран. Если мы его оттолкнем, на кого должны мы надеяться?»¹⁷, — писал Капрара главе католической церкви.

Но предостережения папского посла не оказали влияния на решения, принятые в Риме. Бывший епископ не получил формального согласия на свой брак. Ученые Ватикана доказали, что в истории католической церкви не было подобных прецедентов. Отказав Талейрану в его просьбе, Пий VII в качестве знака своего расположения разрешил ему носить мирскую одежду, вести светский образ жизни и заниматься государственными делами. Предоставление Талейрану этих прав и отказ в разрешении на брак были сформулированы в двух различных текстах послания папы бывшему епископу Отенскому. Он мог выбрать один из них — тот, который больше пришелся бы ему по вкусу. И теперь Пий VII ждал из Парижа слов благодарности. Но Бонапарт и Талейран упорно молчали. В Риме сочли дело законченным. И напрасно!¹⁸

19 августа 1802 г. на заседании Государственного совета советник Порталис, занимавшийся вопросами культа, взял слово. Он зачитал статью закона Французской республики, согласно которой любые документы, исходящие из Рима, — булла папы или его послание, рескрипт, декрет, даже касающиеся только частных лиц, не могли быть получены, опубликованы, напечатаны без разрешения правительства. После этого он огласил папское послание, адресованное Талейрану, и предложил его зарегистрировать. В зале послышались возгласы удивления, раздался смех. Председатель Камбасарес

взял слово и тихо, неторопливо, веско заметил, что первый консул будет очень недоволен, если Государственный совет не согласится с предложением Порталиса. На этот раз иронических реплик не было. Официальное решение было принято¹⁹.

На следующий день консулы утвердили его. В постановлении говорилось, что послание Пия VII, вернувшее Шарля-Мориса Талейрана к мирской и светской жизни, будет полностью претворено в жизнь. Иными словами, никаких ограничений — в том числе, разумеется, и брачных! Негодование в Риме не знало пределов. У Капрара срочно потребовали объяснений. Всем нунциям при европейских дворах были из Рима разосланы специальные записки. В некоторых итальянских газетах появились инспирированные статьи, разъяснявшие смысл послания папы Талейрану.

На извилистом пути министра к семейному счастью неожиданно возникли и другие трудности. Франко-английский мир, подписанный в Амьене, широко открыл для иностранцев порты Франции. Среди ее гостей оказался и сэр Филипп Фрэнсис, первопричина всех жизненных неурядиц мадам Гран. Он пожелал с ней встретиться. Отделаться от назойливого англичанина оказалось сравнительно легко. Катрин сообщила ему, что уезжает в деревню, и в качестве компенсации отправила несколько книг, сопроводив их любезной запиской. Сэр Фрэнсис не повторил своей просьбы.

Но в Париже появился и бывший супруг Катрин. После долгих лет разлуки он вдруг вспомнил о своем разрушенном семейном очаге. Тогда, по совету Талейрана, мадам Гран обратилась к министру иностранных дел Батавской республики с просьбой о хорошо оплачиваемом месте для «достойного человека». Пост крупного чиновника голландцы нашли быстро и без труда — правда, от Европы далековато, на мысе Доброй Надежды. Получив немалую сумму денег, Жорж-Франсуа Гран выехал в Амстердам, где решил, видимо, задержаться подольше. Опять потребовалось вмешательство батавских властей, разумеется, направляемое из Парижа. Бывший супруг отбыл, наконец, к месту своего назначения и больше не появлялся во Франции²⁰.

И вот 9 сентября 1802 г. Бонапарт и его супруга, консулы Камбасарес и Лебрен, братья Шарля-Мориса — Аршамбо и Бозон подписали брачный контракт Талейранов. На следующий день гражданское бракосочетание состоялось в мэрии десятого округа Парижа, а 11 сентября в Эпине-сюр-Сен, в окрестностях столицы, приходской священник обвенчал «молодоженов». Недавно найдено их церковное свидетельство от 22 сентября.

«Его Святейшество чрезвычайно опечален делом о женитьбе Талейрана, описанием которого переполнены все газеты, — писал Консальви в Париж Капраре. — Скандал вокруг Святого престола всеобщий, и он глубоко ранит сознание его Святейшества... Святой отец хотел бы, чтобы Ваше Превосходительство точно сообщило, состоялась ли свадьба, и особенно состоялась ли она в церкви, о чем Святой отец не допускает даже предположения». Как же плохо Пий VII знал бывшего епископа Отена! Но ведь папа тоже может ошибаться. Бракосочетание Талейрана дало ему неприятный повод убедиться в этом.

Брак не принес министру тех результатов, которых он ожидал. Его супруга по-прежнему являлась мишенью анекдотов, сплетен и насмешек. Бонапарт к ней относился весьма холодно. Рассказывали, что уже при первом появлении супруги министра в Тюильри Бонапарт обронил фразу: «Я надеюсь, что примерное поведение гражданки Талейран заставит забыть легкомыслие мадам Гран». Последовал более чем смелый ответ: «Я не могла бы сделать лучше, чем последовать в этом отношении примеру гражданки Бонапарт». Какова доля истины в этой легенде, сказать трудно. Но бесспорно одно — доступ Катрин в Тюильрийский дворец вскоре после замужества был закрыт.

Мадам Талейран тяжело переживала свою опалу. Забывая она попыталась в удовольствиях светской жизни. В особняке Галифе приемы следовали за приемами. Салоны были переполнены. Здесь толпились дипломаты, банкиры, знатные заезжие гости, вернувшиеся во Францию аристократы — обломки королевского режима. Но, увы, Катрин неспособна была царствовать в этой среде, которая не считала ее своей.

Келли (так называл министр свою жену) оказалась особой весьма тщеславной. Она любила говорить о древности рода Перигоров и никогда не забывала упомянуть о своих титулах в письмах. Балетмейстер Депро, в свое время учивший танцам королеву Марию-Антуанетту, считал претенциозность Катрин невыносимой. «Я думал, что умная женщина часто компрометирует своего мужа, а глупая компрометирует только сама себя; в этом отношении я не мог надеяться найти жену, более одаренную», — это сказано самим Талейраном.

В жадности супруга министра не уступала ему самому. Она охотно брала дорогие подарки и не стеснялась выстав-
лять их напоказ. Возможно, это была рассчитанная (и отнюдь не глупая) реклама, своего рода приглашение последовать примеру «дары приносящих». Затраты нередко оказывались вполне оправданными, так как от госпожи Талейран получали ценную информацию. Ссылаясь на беседу с ней, австрийский

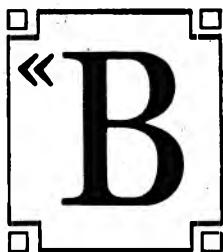
посланник в Париже, например, сообщил в Вену о том, что Бонапарт намерен провозгласить своего брата Жозефа королем Неаполитанским, Луи — королем Голландии, присвоить Бертье титул герцога Невшательского. Келли располагала и важной финансовой информацией, которая оказывалась полезной банкирам, спекулянтам и другим любителям легкой наживы²¹.

Супруги с каждым годом все более отдалялись друг от друга. И вскоре они совсем расстались. «Эта женщина была его крестом. Он перестал ее любить. Тщеславие, глупость, болтливость мадам Гран возрастали вместе с увеличением объема ее талии»²². Эти слова принадлежали французскому историку Жану Орье. Годы, как известно, не щадят никого. Келли действительно быстро теряла свое главное достоинство — внешнюю привлекательность.

Мадам Гран была ярким, но далеко не самым светлым эпизодом в жизни нашего героя. Но судьба вела его дальше, к новым испытаниям и искушениям...

ГЛАВА XIII

ДИПЛОМАТИЯ КУЛАКА

Всего несколько месяцев — с момента отставки до нового назначения — Талейран отсутствовал в особняке Галифе. Но за это время и особенно после 18 брюмера в международной обстановке произошли крупные перемены. Россия вышла из войны. Австрия потерпела сокрушительное поражение при Маренго. Англия переживала глубокий социально-экономический и политический кризис.

Придя к власти, Бонапарт понимал необходимость хотя бы краткой передышки для создания и укрепления режима личной власти. Этого же требовали и интересы французской экономики, торговли, финансов. Вот почему вскоре после государственного переворота первый консул предложил монархам Англии, Австрии и России прекратить военные действия и начать мирные переговоры. «Можно сказать без малейшего преувеличения, что в эпоху Амьенского мира Франция

пользовалась вовне такой властью, славой, влиянием, что самый честолюбивый ум не мог бы пожелать для своей родины ничего большего. Еще удивительнее была быстрота, с какой создалось это положение. Менее чем за два с половиной года, то есть с 18 брюмера (9 ноября 1799 года) до 25 марта 1802 года — дата заключения Амьенского мира, — Франция вышла из состояния унижения, в которое ее погрузила Директория, и заняла в Европе первое место»¹.

Да, внешнеполитические позиции Франции к началу XIX века улучшились. В то же время нельзя забывать, что «власть, слава, величие» Французской республики в период Директории и Консульства основывались на завоевательных войнах, а ее дипломатия являлась поистине дипломатией кулака, так как она стремилась освятить и закрепить территориальные захваты и непрерывное, по произволу французских государственных деятелей и генералов, перекраивание карты Европы.

Бонапарт остро нуждался в опытном, искусном, инициативном руководителе дипломатического ведомства — человеке, способном не только быть преданным и выполнять указания, но и самостоятельно мыслить. Первый консул умел находить способных людей, ценил их и не любил с ними расставаться, нередко сохраняя их при себе даже тогда, когда это становилось опасным. И при выборе министра внешних сношений у Бонапарта почти не было сомнений. По крайней мере, достоинства избранного им кандидата перевешивали, по мнению Бонапарта, его недостатки. Он считал, что у Талейрана «имелось многое из того, что необходимо для переговоров: светскость, знание дворов Европы, тонкость, если не сказать больше, неподвижность в чертах, которую ничто не может исказить, наконец, известное имя... Я знаю, что он принадлежал к революции только благодаря своему беспутству; он якобинец и дезертир из своего сословия в Учредительном собрании, и его интересы нам поручаются за него»².

Прерогативу принятия основных дипломатических решений, особенно имеющих принципиальное значение, Бонапарт оставлял за собой. Фредерик Массон называет Талейрана «доверенным советником, привилегированным исполнителем» намерений первого консула³. Советник? Да. Исполнитель? Несомненно. Однако картина остается неполной. «Талейран, возвышающий Бонапарта, ежедневно с ним переписывающийся, обучающий его искусству и политике, дипломатии и вначале восхищенный успехами своего ученика, а затем ослепленный, раздавленный, падающий на колени от истинного им восхищения»⁴. Это мнение, несколько преувеличивающее дружественный характер отношений Бонапарта и Талейрана, принадлежит Леону Гамбетта, решительному противнику бонапартизма,

республиканцу, депутату парламента, премьер-министру в 1881—1882 годах.

Не станем спорить с человеком, сердце которого покоится в парижском Пантеоне, способен ли был Шарль-Морис на искренние чувства, когда речь шла о политике. Каждый день, если их не разделяли расстояния, первый консул и министр внешних сношений обсуждали дипломатические проблемы. Талейран имел право непосредственного доклада Бонапарту. Его указания получали право на жизнь в документах, подготовленных в особняке Галифе; их практически осуществляли французские представители за рубежом. И Талейран, хотя и переоценивал свою мудрость и свое влияние, имел некоторые основания написать: «Конкордат, Амьенский мир, политическая организация Италии, швейцарское посредничество, первые попытки восстановления федеральной германской системы свидетельствуют о деятельности, мудрости и влиянии администрации, которую я создал и которой я руководил»⁵.

Министр неоднократно выступал с многочисленными предложениями по различным аспектам внешней политики страны, готовил записки, проекты соглашений и нот. В основе многих из этих документов лежали идеи первого консула. Многих, но далеко не всех. Бонапарт и Талейран редко вступали в полемику. Ни тот, ни другой — по разным причинам — не являлись сторонниками дискуссий.

У Талейрана имелись свои методы скрытой, «тихой» подрывной работы в тех случаях, когда, не выступая открыто против решений, принятых Бонапартом, он считал необходимым дать поработать времени. «В важных делах упрек в медлительности удовлетворяет всех; он придает тем, кто упрекает, вид превосходства, и тому, кого упрекают, — вид осторожности», — писал министр в инструкции французскому послу в Лондоне генералу Андреосси. Для затягивания переговоров, советовал Талейран своим подчиненным, можно сослаться на отсутствие инструкции и необходимость проконсультироваться со своим правительством. Поступать таким образом следует и в том случае, если посол не вполне уверен в своей правоте. При тогдашнем состоянии Европы, замечал Талейран, имелось немного политических соглашений, для которых отсрочка могла бы представлять опасность⁶. Он советовал французским дипломатам никогда не давать прямого ответа на адресованные им заявления, предложения и непредвиденные просьбы⁷.

Как работал Талейран? Сам он именовал себя лентяем. Так обычно говорят «великие люди», по мнению которых само их появление на свет божий движет горами, и ... школьники, якобы познающие все и вся с первого звука голоса своего учителя. Сразу же скажем, что в случае с Талей-

раном это была стопроцентная неправда, хотя она и получила широкое распространение в мемуарной и исторической литературе. Прежде всего имеется огромное количество документов различного жанра — от полуофициальных до личных, написанных рукой Талейрана и бесспорно ему не продиктованных. И это не только рукописи времен пребывания в Лондоне, в Соединенных Штатах Америки или на курорте в Бурбон-Ларшамбо, но многочисленные материалы, подготовленные в Париже, Лионе, Варшаве, Тильзите, Эрфурте, Вене.

Министр никогда не работал за своих подчиненных. Свою личную редакционную правку он сводил до минимума. Доверенные лица получали указания главы ведомства, которые затем им предстояло сформулировать и изложить на бумаге, добавив к ним подходящие аргументы. Шеф просматривал эти наброски, делал замечания и высказывал свое мнение: «Это не годится»; «Не совсем то, что нужно»; «Вот теперь я с вами согласен». Он любил говорить: «Я прощаю людям, которые не разделяют мое мнение; я не прощаю им, если они имеют свое»⁸.

Талейран являлся мастером переговоров и дипломатической беседы. Его отличали умение выбрать тему и доводы, способность выражать свою точку зрения немногими словами. При этом существо проблемы, если этого требовали обстоятельства или его личные цели, нередко отодвигалось в сторону, на задний план. Он обладал и даром внимательно слушать собеседника, хорошо запоминая услышанное. «Вы король беседы в Европе. Каким же секретом вы владеете?» — спросил однажды Наполеон у Талейрана. Тот ответил: «Когда вы ведете войну, вы всегда выбираете ваши поля сражений?.. И я выбираю почву для беседы. Я соглашусь только с тем, о чем я могу что-либо сказать. Я ничего не отвечаю... В общем, я не позволю задавать себе вопросы никому, за исключением вас. Если же от меня требуют что-то, то это именно я и подсказал вопросы»⁹.

Но метод переговоров, дипломатические беседы отнюдь не являлись единственными формами межгосударственных отношений. Дипломаты всех без исключения государств Европы пользовались подкупом, насилием и даже убийством для получения информации. Талейран возродил это ремесло, став предшественником некоторых нынешних буржуазных «дипломатов», которые под прикрытием дипломатического иммунитета получают секретные сведения запрещенными способами. Во времена Талейрана его секретные агенты, чаще всего с негласного согласия государственного чиновника — директора почт, задерживали курьеров, платили им, знакомились с донесениями, а затем, скрепляя их печатями, отправляли дальше

в тех же пакетах. У французских представителей в Регенсбурге и Касселе в качестве таких «соловьев-разбойников» выступали жандармы. Полученные бандитскими способами сведения поступали в особняк Галифе. Сообщая их первому консулу, Талейран никогда не ссылался на источник. Но его прогнозы, как правило, подтверждались событиями, постепенно закрепляя за Талейраном репутацию пророка.

Но у французского дипломатического ведомства имелась своя ахиллсова пята. Некоторые его служащие являлись иностранными агентами. Их интересовали только деньги. В 1801—1802 годах Фуше установил, что секретные документы переправлялись в Англию. «Я хотел бы, господин министр, чтобы вы задерживали все письма, направляемые из Англии по вашему адресу Лабори или для мадам Смит»¹⁰, — писал Бонапарт Талейрану. (Его секретарь Ру-Лабори был сослан, разоблаченный Фуше.)

За те несколько месяцев, на протяжении которых Шарль-Морис отсутствовал в своем особняке, не произошло каких-либо существенных перемен ни в структуре министерства, ни в его кадрах. Первый отдел фондов возглавлял все тот же Бриссон, к которому министр направлял сотрудников, удостоившихся наградных. Отделом южных стран по-прежнему руководил Отерив. Шефом отдела «Север» был Дюран де Марей. Главой канцелярии министра и его доверенным лицом являлся Осмон. В его подчинении находилось 3—4 дипломата. Функционировали отделы по консульским отношениям, по вопросам торговли и торговой политики¹¹.

Бразды правления в особняке Галифе находились в твердых руках. «Власть Талеярана в его министерстве оставалась безусловной до того дня, когда император потребовал его отставки»¹². Это мнение Фредерика Массона вполне справедливо.

Пользуясь в своей вотчине почти абсолютной властью, Талейран был бесконечно далек от бескорыстия. Однако он позаботился и о материальных интересах сотрудников своего ведомства. По предложению министра консулы установили должностные оклады для секретаря второго класса — 1000 франков, первого класса — 2400, посланника — 6000, посла — 10 000 франков. Это было заметное увеличение бюджета французских дипломатов.

А от них в это время требовалось многое. Развернулась серия переговоров. Основная цель первого консула состояла в том, чтобы закрепить свои военные успехи и обеспечить мирную передышку. Имелись у него и идеи длительного, стратегического значения. Среди них на первом плане стоял замысел союза с Россией.

Талейран всегда оставался сторонником равновесия сил в Европе, принципы которого изложил еще в своей записке Дантону. Эта концепция не исключала заключения и использования Французской республикой союзов с другими государствами, среди которых министр отдавал предпочтение Австрии. К Российской империи он относился с недоверием, утверждая даже, что «следует остерегаться русских: они будут стремиться завоевать мир»¹³. Примечательно, что эти слова принадлежат человеку, который активно, хотя нередко вопреки собственным убеждениям, содействовал созданию империи, захватившей почти всю Европу. Однако министр внешних сношений понимал, что не знающая удержа агрессивная политика неизбежно порождает новые войны и в конечном счете приводит ее инициаторов к полному краху. Пройдет несколько лет консульского правления, и он выскажет свои опасения Бонапарту.

А пока Талейран решал актуальные дипломатические задачи. 30 сентября 1800 г. в Париже состоялось подписание договора о дружбе и союзе с США. Франко-испанский договор от 29 марта 1801 г. обязал испанцев оккупировать Португалию, закрепляя за Францией Луизиану, и создавал королевство Этрурию во главе с инфантом Пармским.

Договоренности с американцами и испанцами были достигнуты сравнительно легко, без трудных споров и тупиковых ситуаций. Совсем иная ситуация сложилась на переговорах с Австрией. Поражение при Маренго не остудило горячие головы в Вене. Через несколько дней после этого сражения австрийская монархия подписала соглашение с Англией о продолжении военных действий при условии выплаты 2 миллионов фунтов стерлингов. Австрийская дипломатия упорно, но безуспешно добивалась помощи Павла I. Но Тутут и другие государственные деятели Австрии рассчитывали не только на дипломатические средства борьбы. В Вене со дня на день ожидали известий об успехе антибонапартистского заговора во Франции.

В Париж для переговоров с Талейраном приехал 21 июля 1800 г. генерал-лейтенант граф Сен-Жюльен¹⁴. Главное его поручение состояло в том, чтобы выиграть время. Но опытный мастер, Талейран «артистически довел партию до конца и заставил Сен-Жюльена 28 июля от имени императора подписать прелиминарное условие мира»¹⁵, — пишет А. З. Манфред. Искусство французского дипломата дорого обошлось графу: его отозвали, дезавуировали, а по возвращении в Вену — арестовали.

Австрийцы оказались в трудном положении. Прелиминарии не только повторили, но и ухудшили условия Кампо-Формио.

В роли спасителя выступил Людвиг Кобенцль. Он рассчитывал использовать те отношения, которые сложились у него с Бонапартом в 1797 году. Но слишком много воды утекло с того времени. Кобенцль даже не подозревал, какой спектакль готовит ему первый консул.

Бонапарт принял Кобенцля в Тюильри, в гостиной, расположенной у входа в прежний королевский кабинет. Большую часть мебели из салона заранее вынесли. В углу поставили небольшой стол, за которым должен был сидеть Бонапарт. В глубине комнаты, достаточно далеко от стола, находились две или три кушетки. Было уже 9 часов вечера. Гостиную освещала лишь лампа на столе первого консула. Австриец вошел в сопровождении Талейрана. Бонапарт, сидевший со своими бумагами за столом, быстро встал и затем сразу же вновь сел. У Кобенцля, растерявшегося от такого приема, оставалось две возможности: либо отойти к дальним кушеткам, либо стоять. Впрочем, выбора не было — оставалось только последнее. Как писал Талейран, каждый был поставлен «на свое место или по крайней мере на место, предназначенное каждому первым консулом»¹⁶. А тот не собирался церемониться с посланцем австрийского императора!

Переговоры были затем продолжены в Люневилле, «маленьком Версале» бывшей резиденции лотарингских герцогов. Это место было связано со многими историческими событиями. Здесь в 1766 году умер польский король Станислав Лещинский. Вел переговоры Жозеф Бонапарт, который, действуя в соответствии с инструкциями первого консула и Талейрана, отстаивал жесткие условия мирного договора. Кобенцль, однако, делал все возможное для того, чтобы их немного смягчить. Наконец, в Париже сочли, что переговоры слишком затянулись, и решили прибегнуть к крайним средствам. Командующий Рейнской армией генерал Жан Моро получил приказ перейти в наступление. 3 декабря 1800 г. австрийские войска потерпели поражение в битве у баварской деревни Гогенлинден.

Возможности маневра у австрийской дипломатии оказались равными нулю. 8 февраля 1801 г. Жозеф Бонапарт и Людвиг Кобенцль подписали мирный договор, условия которого являлись для Австрии более тяжелыми, чем по соглашению в Кампо-Формио. Франция получила полностью левый берег Рейна, Бельгию и Люксембург. Австрия признала Гельветическую, Батавскую, Лигурийскую и Цизальпинскую республики. Французы оккупировали Пьемонт. Великое герцогство Тосканское стало именоваться королевство Этрурия. Мог ли такой неравноправный мир, неизбежно чреватый войнами, не пугать осторожного Талейрана?

Напряженными и длительными были и англо-французские мирные переговоры. Они проходили в два этапа. Прелиминарии обсуждались летом и осенью 1801 года Отто, французским комиссаром по обмену пленными, и лордом Гоуксбери. Дискуссии в Лондоне постоянно находились в поле зрения первого консула. Он поручил Талейрану, не стараясь быть особенно деликатным, напомнить англичанам, что 6 тысяч солдат находились в Рошфоре, 20 тысяч — на кораблях в Бресте. Другая часть французского флота могла принять еще 15 тысяч человек в Голландии; с войсками на борту стояли готовые к отправке эскадры в Тулоне и Кадиксе¹⁷.

Еще один пример «дипломатии кулака» — указания, данные Бонапартом Талейрану 17 сентября. Бескомпромиссность. Диктат. Ультимативные требования, не предусматривающие ни компенсаций, ни вариантов. Первый консул заявил, что Франция никогда не уступит ни одно из своих островных владений в Америке. Она не отдаст не только Тобаго, но «даже какую-нибудь скалу, если бы такая существовала и на ней имелась бы всего лишь одна деревня со 100 жителями». Первый консул подчеркивал, что его уступки достигли «последнего предела» и идти дальше означало бы «бесчестье для французской нации». И если англичане будут настаивать на передаче им Тобаго, голландских или испанских владений, переговоры следует прекратить. Или немедленное подписание прелиминариев, или разрыв, гласили инструкции. И последняя угроза: англичане «рискуют потерять все, как император (Австрии. — Ю. Б.), если они захотят получить больше»¹⁸. Это был ультиматум.

Подобные методы дипломатии нередко дают непосредственный выигрыш тем, кто их применяет. Но достигнутые таким образом преимущества неизбежно оказываются шаткими, временными, неустойчивыми, так как слишком грубо попираются интересы одной из сторон. Именно такой точки зрения придерживался Талейран. Избегая вступать в открытые конфликты с Бонапартом, он в директивных письмах в Лондон смягчал тон, находил свои аргументы и варианты дипломатических решений.

Прелиминарии были подписаны 1 октября 1801 г. Англия сохраняла Тринидад, принадлежавший ранее Испании, Цейлон, захваченный у Голландии, и делила с последней мыс Доброй Надежды. Англичане возвращали все другие колонии Франции и ее союзников. Мальта передавалась ордену Иоанна Иерусалимского. Признавалась независимость республики Семи (Ионических) островов и целостность Португалии. Египет возвращался Турции.

Несмотря на несомненный успех французской дипломатии,

министр прибыл в Мальмезон — дворец Жозефины в плохом настроении, которое он, правда, тщательно скрывал за маской своей обычной невозмутимости. Он, одно из главных действующих лиц только что закончившейся в Лондоне дипломатической битвы, узнал об ее исходе лишь после того, как об этом «информировал» парижан выстрел орудия у Дома инвалидов. А Бонапарт, напротив, веселый, радостный, всячески пытался сгладить возникшую в их отношениях неловкость.

Переговоры Франции (а также Испании и Батавской республики) с Англией были продолжены в Амьене. Их вел Жозеф Бонапарт. Инструкции, которые он получил 15 ноября, предусматривали в качестве гарантов независимости Мальты Испанию или Неаполитанское королевство. Первый консул хотел получить выгодные условия для французской торговли и навигации в Индии. Но главная задача французского представителя состояла в том, чтобы сохранить завоевания, закрепленные в прелиминариях. «Правительство не хочет слышать ни о сардинском короле, ни о штатгальтере (глава правительства в Нидерландах. — Ю. Б.), ни о том, что касается внутренних дел Батавии, Германии, Гельвеции и итальянских республик. Все эти проблемы не имеют абсолютно никакого отношения к нашим дискуссиям с Англией»¹⁹. Так определил Талейран границы круга, в пределах которых Жозеф должен был вести переговоры.

Переговоры начались 5 декабря. Продвигались вперед они медленно. В Лондоне были обеспокоены Лионской консульской, французской экспедицией в Санто-Доминго, приготовления к которой начались осенью 1801 года, просьбой, обращенной из Парижа к Испании, об уступке Луизианы, сведениями об обмене герцогства Пьембино на остров Эльбу. Талейран старался ускорить события и не хотел выходить за рамки прелиминариев. «Кончайте, кончайте, наконец»²⁰, — нервозно восклицал министр. Еще через два месяца, 27 марта 1802 г., Амьенский договор был наконец подписан.

Подтверждая основные условия прелиминариев, договор обязывал Францию вывести ее войска из Неаполя, Рима и с острова Эльба, а Англию — освободить все порты и острова, занятые ею в Средиземном море и в Адриатике. Независимость и нейтралитет Мальты гарантировали Франция, Англия, Россия, Австрия, Испания, Пруссия. Турецкого султана пригласили присоединиться к договору.

...Бонапарт с нетерпением ждал сообщения о подписании мира с Англией. Но министр внешних сношений не забыл о пушечном выстреле, сообщившем ему о подписании прелиминариев. Он дождался получения текста документа, взял

его с собой и направился в Тюильри. Там в это время обсуждались последние новости. Но вот обсуждение дел закончено. Только тогда с улыбкой на лице Талейран обратился к первому консулу: «А сейчас я доставлю вам большое удовольствие: договор подписан, вот он». Бонапарт остолбенел. «Почему же вы мне этого сразу не сказали?» — «А! Потому что вы бы не слушали всего остального. Когда вы счастливы, вы недоступны»²¹, — ответил министр.

Амьенский мир явился важным звеном в цепи дипломатических переговоров периода «мирной передышки». Для министра это было время напряженной работы не только в интересах французского государства, но и во имя собственного кошелька. Доходы его необычайно возросли. Как правило, история редко сохраняет для потомков документы, подтверждающие стяжательство и спекуляции государственных деятелей. Для Талейрана же особенно были характерны осторожность и осмотрительность. Однако многие его сотрудники, — как друзья, так и враги скрупулезно занимались учетом взяток министра, получаемых им от многих правительств самыми разнообразными способами.

За подписание в сентябре 1800 года договора между Францией и США американский посланник в Париже уплатил 2 миллиона франков. После битвы при Маренго от графа Сен-Жюльена Талейран получил 7,5 миллиона франков. Люневильский договор подписал Жозеф Бонапарт. Но Талейрану было известно, что Австрия обязалась полностью оплатить проценты по государственным займам, выпущенным в Бельгии и Голландии. То, что было известно министру, не знали, разумеется, держатели ценных бумаг, считавшие, что в результате французской оккупации они превратились в ничто. Подставные лица за бесценок приобрели облигации. Талейран «заработал» на этом деле 7 миллионов франков. Это был не первый случай такого рода операций. До переворота 18 брюмера агенты бывшего епископа приобрели бумаги государственной ренты, а через несколько дней выгодно перепродали их²².

Деньги «прилипали» к рукам Талейрана самым неожиданным образом. Когда Бонапарт продал Луизиану Соединенным Штатам, ее первоначальная цена составляла 80 миллионов долларов. Американцы упорно торговались. Договорились о 60 миллионах. Но государственная казна Франции получила только 54 миллиона.

Сложная ситуация на Пиренейском полуострове открывала широкие возможности для обогащения хозяина особняка Галифе. Так, со времени Базельского договора 1795 года Испания обязалась выплачивать Франции 5 миллионов фран-

ков ежемесячно. После Маренго Бонапарт решил освободить испанцев от этого финансового бремени. Но Талейран предложил вначале лишь уменьшить выплаты вдвое. Первый консул согласился с министром. Французские финансовые власти немедленно были информированы о столь значительном сокращении государственных доходов, а вот в Мадрид радостную весть «забыли» сообщить. И вплоть до Люневильского договора Талейран и министр испанского короля Карла IV, фаворит королевы Марии-Луизы Альварец де Фабиа Годой («князь мира»), в течение двух с половиной лет делили 30 миллионов в год пополам²³.

Не осталась без внимания Талейрана и соседка Испании — Португалия. Францию представлял в Лиссабоне Жан Ланн, впоследствии маршал Империи. Он постоянно конфликтовал с министром иностранных дел Хуаном Альмейдой. Португальцы требовали в Париже у Талейрана замены посла. Свои просьбы они «подкрепили» 4 миллионами франков. Вот только после этого Ланна и отозвали. В чей карман попали деньги? «Это не было тайной ни для кого»²⁴, — замечает известный историк Лакур-Гайе.

Но источником крупных и постоянных взяток, настоящим «золотым дном» явилось для министра внешних сношений перераспределение земель на правом берегу Рейна, продолжавшееся несколько лет. Это была «самая фантастическая торговля»²⁵, — пишет Жан Орье. Поддерживая одних германских властителей и принося в жертву других, министр получал бесконечные взятки и неутомимо обогащался. Самые крупные дела начались после Люневильского мира 1801 года и продолжались до 1803 года.

Считают, что ко времени 18 брюмера состояние Талейрана исчислялось в сумме 18 миллионов франков (т. е. не менее 180 миллионов современных франков)²⁶. На протяжении мирной передышки начала XIX века сумма еще более возросла. Делец от дипломатии торопился. Он прекрасно понимал, что условия мирного урегулирования и мира являлись наиболее благоприятными для обогащения. Талейран знал, что терпение Бонапарта, вновь готовившегося к территориальным захватам в Европе, быстро шло на убыль.

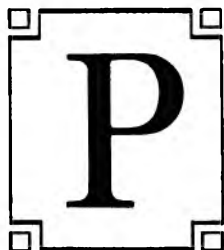
В 1802 году первый консул присоединил к Франции остров Эльба и Пьемонт. Вопреки Люневильскому договору французские войска оставались в Голландии. Политика Бонапарта на Востоке все более тревожила английские правящие круги. В июне 1802 года генерал Декан был назначен командующим экспедиционным корпусом, цель которого состояла в том, чтобы в союзе с враждебными англичанам магараджами вернуть французские владения в Индии. Через два с полови-

ной месяца полковник Себастиани с «частной миссией» отправился в Египет. Его доклад прозвучал как своего рода вызов Англии. Бонапарт приказал опубликовать его в официальном «Мониторе». Пост посла в Константинополе занял генерал Гийом Брюн. Первый консул поручил ему изучить положение в Персии, дав указание собрать данные об этой стране, имевшиеся в английских и русских источниках. В Тегеран выехал французский представитель. Бонапарт предложил персам свой союз и помощь²⁷.

Обстановка становилась грозовой. Приближался новый европейский конфликт. Из всех крупных европейских государств Франция в это время стремилась установить отношения широкого и взаимовыгодного сотрудничества только с Россией.

ГЛАВА XIV

МИР С РОССИЕЙ

Республика Дантона и Робеспьера вела освободительные, революционные войны. Франция времен Консульства и Империи проводила агрессивную, захватническую политику, не имея при этом союзных отношений ни с одним крупным европейским государством. Непримиримые англо-французские противоречия охватывали все сферы международной жизни: торговлю, финансы, мореплавание, колониальные вопросы. «Естественные границы» Франции по Рейну, вторгавшиеся на территорию Священной Римской империи германской нации, неумолимо противопоставляли французские интересы интересам Австрии, Пруссии и других германских государств. Временные союзы с некоторыми из них не оказывали значительного воздействия на ход международных событий, оказывались быстротечными и сгорали в огне очередного военного конфликта.

Между Россией и Францией не было столь острых антагонизмов, но существовали причины для трений. Они возникали в районе Средиземного моря, в связи с семейными связями российской императорской семьи с царствующими домами Италии и Германии. Официальный Петербург ненавидел французскую революцию и боялся ее идей, поддерживал монархистов-эмигрантов. Екатерина II, Павел I, Александр I с

тревогой следили за каждым новым нарушением политического равновесия в Европе, опасались военного преобладания французов на европейском континенте. Но вместе с тем в России имелась влиятельная группировка аристократов, считавших, что национальные интересы России и Франции нигде непримиримым образом не противостоят друг другу, и обе страны могут сотрудничать в целях укрепления своих позиций в Европе и Азии, обуздания экспансии Англии на морях и на суше.

Тогда в Париже и возникла идея нормализации русско-французских отношений. Французский посланник в Берлине Кальяр сообщил через прусское представительство в Петербурге, что Директория хотела бы восстановить «мир и дружбу с Россией» и вступить в переговоры. Их вел под руководством Талейрана Кальяр в конце 1797 — начале 1798 года. Однако достигнуть соглашения не удалось¹.

Павел I стал душой второй антифранцузской коалиции. Он вступил в союз с Австрией, Англией, Турцией, Неаполем. После захвата Бонапартом Мальты и высадки французов в Египте эскадра адмирала Ф. Ф. Ушакова вошла в Средиземное море; один армейский корпус был направлен в Австрию, а другой готовился к походу. Российский самодержец неистовствовал. За недостаточное антифранцузское рвение в Петербурге решили порвать отношения с Данией, наказать Пруссию, объявить войну Испании. Представитель мадридского двора в течение 12 дней должен был покинуть территорию Российской империи².

Однако события развивались не так, как хотели в Петербурге. В результате побед Суворова в Северной Италии осложнились русско-австрийские отношения. Уже летом 1799 года российский император указывал на интриги венского двора, на «гнусную политику» его «безчестных министров». Серьезные противоречия возникли и с англичанами, которые поставили русских солдат в Голландии в тяжелое положение. В последние дни XVIII столетия войска фельдмаршала Суворова были отозваны в Россию, а русско-английские отношения — разорваны. Вторая антифранцузская коалиция фактически перестала существовать³.

Под влиянием перемен во Франции и в европейской ситуации после 18 брюмера в Петербурге начался пересмотр внешнеполитических ориентаций. Падение Директории царь рассматривал как шаг к восстановлению французской монархии и поэтому писал, что он рад «смене безначалия консульством», «проникнут уважением к первому консулу и его военным талантам»⁴. Дорога к русско-французским переговорам открылась.

Талейран держал под постоянным контролем беседы Кальера с русскими дипломатами в Берлине, систематически оценивая их результаты и возможности, направлял инструкции и проекты документов. Однако министр внешних сношений не являлся сторонником союза с царской империей. Летом 1798 года именно Талейран выдвинул план войны Франции, Англии и Турции против России. Но тогда его расчет на франко-турецкое сотрудничество оказался несостоятельным.

Теперь первый консул с помощью царя рассчитывал создать антианглийский союз, который втянул бы в свою орбиту государства не только Европы, но и Америки. В этом случае открылись бы перспективы вытеснения англичан из Азии, Индии. Бонапарт писал, что «мир с Австрией — ничто в сравнении с союзом, который смирит Англию и обеспечит за нами Египет». Он думал даже о разделе Турции между русскими и французами, подчеркивая, что Османской империи осталось существовать недолго, и, если Павел I направляет свои взгляды в эту сторону, их «интересы становятся общими»⁵.

Бонапарт мечтал о том, чтобы поделить с царем власть над народами и государствами. И момент для русско-французского сближения был выбран в Париже удачно. В начале 1800 года Павел I выдворил австрийское посольство из Петербурга. В сентябре англичане захватили Мальту, и разгневанный самодержец выслал английского посланника Уитворта, которого он считал «лживым». В Париже попытались расширить и углубить трещину между бывшими союзниками. Бонапарт направил российский императору подарок — шпагу, полученную одним из магистров Мальтийского ордена — от папы Льва X. Это был эффектный жест. За ним последовал другой, несравненно более важный. В июле 1800 года Талейран сообщил Н. П. Панину, назначенному вице-канцлером, что первый консул решил вернуть на родину около 6 тысяч русских военнопленных без обмена и со всеми военными почестями, со своими знаменами, в новом обмундировании и с новым оружием⁶.

Ответ в Париже ждали долго. Почти через четыре месяца, 8 октября, Ф. В. Ростопчин, глава коллегии иностранных дел, сообщил министру внешних сношений и Бонапарту условия установления «дружественных отношений» между Россией и Францией: передача Мальты ордену Святого Иоанна Иерусалимского, великим магистром которого являлся русский царь; возвращение сардинскому королю его владений; неприкосновенность владений короля обеих Сицилий, курфюрста Баварского и герцога Вюртембергского⁷.

Задержка с ответом была не случайной. В Петербурге столкнулись две противоположные тенденции. Панин занял

враждебную Франции позицию и выступил за сближение с Австрией и Англией. Его записку Ростопчин царю не передал, а в сентябре 1800 года подготовил собственные предложения. Он писал, что русская дипломатия отошла от екатерининских традиций и, в отличие от других держав, участвовала во второй коалиции «единственно для того, чтобы уверить себя в вероломстве Питта и Тутута, а Европу — в бесмертии Суворова». Первоприсутствующий иностранной коллегии предлагал сделать основой русской внешней политики союз с «мятежной, но уже успокоенной Бонапартом Францией», направив его против Англии, которая втягивала в войну с французами «попеременно угрозами, хитростью и деньгами все державы» («И нас, грешных», — сделал пометку Павел I), завладев тем временем «торговлей целого света», Египтом и Мальтой. По мнению Ростопчина, союз с Францией дал бы Российской империи преобладающее влияние в Европе и позволил бы ей принять участие в разделе «безнадежно больной» Турции. Записку царь одобрил 14 октября. Панин подал в отставку. Это была принципиально новая ориентация внешней политики России.

Как в Петербурге, так и в Париже франко-русскому сотрудничеству придавали в это время решающее значение. «Я желаю видеть скорый и неизменный союз двух могущественнейших наций в мире»⁸, — писал Бонапарт Павлу 21 декабря 1800 г. Он настаивал на подписании мира между Россией и Францией и на «распределении» границ различных государств. Стратегические идеи первого консула развивались в многочисленных документах его министра: «События в Европе быстро сменяются одно другим; дела Германии, Италии, Англии требуют самого быстрого союза между Россией и Францией, чтобы решить войну или мир»⁹.

Слова Талейрана показывают, что русско-французский союз он рассматривал в качестве дипломатического инструмента общеевропейского значения. Так считал и Бонапарт. В сотрудничестве с Россией он рассчитывал сокрушить морское и колониальное могущество Англии. В голове первого консула уже зрели планы вторжения двух держав в Индию, их совместного участия в разделе Турции. В письме Павлу 27 февраля 1801 г. Бонапарт писал о высадке французов в Англии, о закрытии всех портов на европейском континенте, включая португальские, для кораблей этой «наглой» державы (идея будущей «континентальной блокады»), о посредничестве царя с целью закрепления Египта за Францией¹⁰.

Почва в Петербурге для таких проектов была подготовлена. В 1800 году царь расторг союз с Англией и порвал с ней дипломатические отношения. Суда и имущество англи-

чан в русских портах оказались под секвестром. По инициативе Павла I Россия, Дания, Швеция и Пруссия подписали договор о вооруженном нейтралитете, рассчитывая, что под давлением Франции к соглашению присоединятся также Испания и США. Император хотел вооруженного конфликта с англичанами. Он писал Бонапарту: «Нельзя ли предпринять или, по крайней мере, произвести что-нибудь на берегах Англии?»¹¹.

Даже фантастический, казалось, замысел вторжения на индийскую территорию неожиданно приобрел вполне реальные формы. В январе 1801 года царь приказал атаману Войска Донского выступить с казачьими полками в Оренбург, а затем в Индию, чтобы «поразить неприятеля в его сердце». Более 22 тысяч казаков двинулись на завоевание далекой и сказочной страны. Только после смерти Павла I поход был отменен.

Поддерживая русские инициативы в Азии, первый консул активно действовал в Европе. В феврале 1801 года Бонапарт сообщил в Петербург о своих военных приготовлениях. Он предлагал, чтобы русские войска заняли один из крупных портов Сицилии и Ганновер. «Англичане пытаются высадиться в Египте. Интерес всех держав Средиземного, а также и Черного морей требует, чтобы Египет остался за Францией»¹². Таким образом, первый консул наметил программу совместных действий двух стран в Европе и в Африке, то есть в районах, представляющих первостепенный интерес и для России, и для Франции.

Бонапарт и Талейран поставили перед собой задачу использовать союз с Россией для того, чтобы обеспечить Франции господство в Германии, гарантировать ей границы по Рейну и, наконец, сохранив соперничество Австрии и Пруссии, лишить их политических и военных преимуществ. А Павел I рассчитывал, объединившись с французами, «распоряжаться всею Немецкою империей»¹³.

Для Французской республики Австрия являлась главным противником на континенте. Поэтому уже Директория искала союза с Пруссией. Его упорно, но безуспешно добивались Талейран, Кальяр, Сийес. Эту дипломатическую комбинацию не сбрасывал со счетов и Бонапарт. 21 января 1800 г. он поставил перед министром внешних сношений ряд вопросов: окажет ли Пруссия содействие достижению полного или частичного мира на континенте; как расположить ее в пользу Франции, поставить во главе Северной лиги с целью сдержать «чрезмерное честолюбие» России¹⁴.

Прошло несколько месяцев. Началось русско-французское сближение, и интерес в Париже к союзу с прусским королем

ослаб. Его посланник во Франции Люккезини сообщил в Берлин, что он столкнулся с «предубеждениями» против Пруссии. Талейран десять дней его не принимал, а когда принял, то сообщил, что французская дипломатия вступила в прямые переговоры с царем. У министра появились новые, твердые нотки в голосе. Он заявил, что «теперь справедливость требует, чтобы благорасположение Франции к Пруссии подчинялось тем дружественным отношениям, которые установятся между Республикой и Российской империей»¹⁵.

Итак, франко-русский союз, по замыслу Бонапарта и Талейрана, должен был явиться в их руках орудием для решения германских дел. Но в Париже рассчитывали на содействие русской дипломатии не только в Германии, но и в Италии. Однако неумемное стремление первого консула к господству на Апеннинском полуострове порождало острые противоречия с Петербургом, которые так и не удалось разрешить дипломатическими средствами.

Но пока, в течение последних восьми месяцев царствования Павла, шли русско-французские переговоры. Путешествие из Петербурга в Париж продолжалось тогда от 18 до 25 дней, но контакты между двумя столицами были установлены. 21 декабря 1800 г. Талейран сообщил Ростопчину, что первый консул принимает предложенные ему условия переговоров и желает, «чтобы дела, касающиеся Германии и Италии, а также общей свободы торговли и прав нейтралитета, обсуждались Россией с Францией с их общего согласия»¹⁶.

Русский представитель барон Спренгпортен прибыл в Париж только 20 декабря 1801 г. Финн по рождению, он считался поклонником Бонапарта и даже думал, что его выбрали «как старого воина, который некогда тоже был республиканцем»¹⁷. Генерал явно переоценивал республиканизм первого консула, уже фактически порвавшего с заблуждениями юности.

Формально Спренгпортен приехал для приема русских пленных. Но в Париже придавали его миссии политическое значение. Навстречу посланцу царя в Брюссель выехал генерал Кларк. Спренгпортена повсюду встречали представители местных властей. Ему оказывали воинские почести, вплоть до артиллерийских салютов. Он провел во Франции три месяца.

Талейран, принимая Спренгпортена, исходил из того, что он имел секретные инструкции царя. Так оно и было на самом деле. В этом документе говорилось: «Франция и Российская империя, находясь далеко друг от друга, никогда не могут быть вынуждены вредить друг другу, но они могут, соединившись и постоянно поддерживая дружественные отношения, воспрепятствовать тому, чтобы другие своим стремлением к захвату и господству могли повредить их интересам»¹⁸.

На встречах со Спренгпортенем Талейран говорил о необходимости для Франции сохранить левый берег Рейна и Египет, развивать торговое мореплавание на Черном море. Он обещал защитить интересы монархов Сардинии и Неаполя, соглашался на территориальные приращения Баварии и Вюртембергу, на возвращение Мальты Ордену. Министр хотел, чтобы Россия помогла французам ограничить австрийские владения рекой Эч, выступить посредником перед султаном в освобождении французских пленных.

В своем отчете императору Спренгпортен сообщил, что первый консул хочет союза с Россией, «хотя бы даже ценою жертв». Бонапарт заявил: «Мы предлагаем ему (Павлу I. — Ю. Б.), с нашей стороны, откровенную и искреннюю дружбу и все наши силы для защиты его правого дела». Вместе с тем Бонапарт возражал против денежного вознаграждения потерявшим свои владения итальянским монархам и против ухода французов из Египта — единственной страны, используя которую «Франция может со временем противостоять огромному морскому могуществу англичан в Индии»¹⁹.

Еще не завершилась миссия Спренгпортена, когда 3 марта 1802 г. в Париж после двухмесячной подготовки и 48-дневного путешествия прибыл российский посланник С. А. Колычев, которому царь перед отъездом пожаловал звание вице-канцлера. Уже на границе русского дипломата ожидал начальник штаба консульской гвардии с приветственным письмом Талейрана. Специальный комиссар наблюдал за передвижением русского дипломата по территории Франции. Повсюду Колычева встречали представители местных властей и населения.

Однако на всех, с кем он сталкивался, посланник производил неблагоприятное впечатление: это был человек холодный, чопорный и подозрительный. От него веяло жестким консерватизмом гатчинского дворца Павла I. Встретив Спренгпортена, все еще находившегося в Париже, Колычев сразу же сообщил в Петербург, что генерал «подлым своим здесь поведением все... дела испортил»²⁰.

Настроен Колычев был откровенно антифранцузски. Прошло только четыре дня после его приезда в Париж, а он уже писал царю, что «невзирая на чрезвычайные почести и словесные уверения, кажется, что в сближении Франции с Россиею ни малейшей нет искренности». В тот же день посланник пессимистически сообщил Ростопчину: «Я очень сомневаюсь, чтобы мы дождались чего-нибудь хорошего от Франции; повторяю, что она старается поссорить нас со всеми». Через две недели Колычев вновь убеждал Павла I в том, что «союз Франции никому полезен и ни с кем искренен быть не может в теперешнем ее состоянии». Через не-

сколько месяцев позиция русского дипломата не изменилась. «Недобросовестность фр. правительства проглядывает повсюду»²¹, — констатировал он.

Колычев не только отрицал возможность русско-французского сотрудничества. Он подвергал резкой критике своих основных контрагентов — Бонапарта и Талейрана. «Более воин чем политик», «очень посредственный правитель, ничего не понимающий во внешней политике и не слушающий ничьих советов»; «честолюбие Бонапарта столь же безмерно, как его политические планы, по видимому, смутны»²². К этим оценкам личности и деятельности первого консула российский посланник добавлял весьма нелестные отзывы и по адресу министра внешних сношений. Он обвинял Талейрана в стремлении навязать свои решения, добиться согласия с документами, зачитанными вслух, без ознакомления с их текстом, в проволочках и оттяжках, нарушениях своего слова и т. д. Многие из этих упреков являлись, несомненно, справедливыми. Но они создавали отнюдь не благоприятный климат для переговоров.

К тому же с первых дней своего пребывания во Франции царский посланец находился в депрессивном состоянии. «Умоляю вас, граф, убрать меня отсюда как можно скорее: я все вижу в черном свете и оттого заболел; к тому же, в самом деле, я чувствую, что мое поручение свыше моих сил, и сомневаюсь в успехе». Это слова из письма Колычева Ростопчину, датированного 9 марта 1801 г. Просьба была повторена через несколько дней²³. Но до Петербурга было далеко, и еще не один месяц посланнику придется побыть в Париже.

Бонапарт и Талейран платили царскому представителю взаимностью. «Трудно быть таким наглым и глупым, как Колычев»²⁴, — писал первый консул. А его министр утверждал, что русский дипломат «лично мало радел о сближении между двумя странами». В итоге психологическая обстановка была неблагоприятной для успеха переговоров в Париже.

В инструкции С. А. Колычеву, датированной 19 декабря 1800 г., Рейн признавался границей Франции, говорилось об использовании Бонапартом земель австрийского дома для вознаграждения германских князей и сардинского короля, давалось обещание восстановить русско-французские торговые отношения, подчеркивалось «право» первого консула «кончить с англичанами, как ему заблагоразсудится». Однако в случае русско-английской войны, как говорилось в инструкции, французские войска должны были напасть на Британские острова. В Петербурге считали, что Бонапарт должен освободить оккупированные французами государства, возвратить Египет Турции, не только гарантировать России Мальту, но и «пригла-

сией всех своих союзников содействовать этой цели», «восстановить» на Святом престоле нового папу, которому царь даже предложил поселиться в России.

Открыто вмешиваясь во внутренние дела Франции, Павел I рекомендовал Бонапарту сделаться наследственным королем, настаивал «на уничтожении клубов, польского комитета и всех вообще учреждений вне Франции, которые занимают-ся распространением демократических и философских начал с соизволения французского правительства и под его покровительством». Российский император готов был согласиться с тем, чтобы Франция оставалась республикой, лишь бы она помогла «подорвать систему расширения Австрии, Англии и Пруссии — систему, которая даже вреднее для общего блага, чем принципы революционной Франции»²⁵.

Однако этот необычный в дипломатической практике документ действовал недолго. Вскоре на престол вступил Александр I. 28 апреля 1801 г. император направил Колычеву новую инструкцию, отменив прежнюю²⁶.

Основная идея новой инструкции состояла в том, что Колычеву поручалось добиваться неразрывного единства «частного» русско-французского мира с участием России во «всеобщем умиротворении»: Александр I осудил ультиматум своего отца по германским делам. Восстановление европейского равновесия, участь Германии и Италии — вот главные проблемы, волновавшие русскую дипломатию. Проблема Мальты была отложена в сторону.

В Петербурге требовали уважения интересов двух крупнейших немецких государств — Австрии и Пруссии (но в то же время — неприкосновенности Баварии, на которую покушалась Австрия), применения принципа секуляризации при возмещении убытков «низверженных принцев». «Побуждения, которые заставляют противиться честолюбивым замыслам Австрии, одинаково применимы к Пруссии, и наш союз с Францией должен служить самым верным средством, чтобы сдерживать и направлять эту алчную борьбу»²⁷, — говорилось в инструкции. Она предписывала посланнику добиваться возвращения Пьемонта сардинскому королю, сохранения владений короля Сицилии, укрепления безопасности Неаполитанского королевства.

В царском рескрипте важное место занимал вопрос о судьбах Египта — «неисчерпаемом источнике затруднений и споров». Колычев должен был исходить из существования русско-турецкого союза и добиваться освобождения Францией египетской территории. Новый император предлагал свое посредничество в решении этой задачи²⁸.

Таким образом, в русской внешней политике наметились серьезные перемены. К ним внимательно (и с тревогой) при-

сматривались Бонапарт и Талейран. Их опасения не были напрасными. В течение нескольких месяцев, с апреля по сентябрь 1801 года, Н. П. Панин, противник русско-французского сотрудничества и сторонник сближения с Англией и Австрией, фактически руководил внешней политикой страны. Начались англо-русские переговоры, завершившиеся 17 июня подписанием Петербургской морской конвенции между Россией и Англией. Принципы вооруженного нейтралитета потеряли силу. Британское правительство признало право свободной торговли нейтральных держав при условии беспрепятственного досмотра их торговых судов. Ограничивались возможности и для объявления морской блокады.

Нормализация отношений между Россией и Англией требовала от первого консула и Талейрана быстрейшего завершения франко-русских переговоров. Но торопились и в Петербурге: подписание прелиминарного англо-французского мирного договора 1 октября 1801 г. укрепило позиции Бонапарта, сделав его более настойчивым в своих требованиях. Завершить дело сближения с Францией должен был новый царский посланник граф Аркадий Иванович Морков, прибывший в Париж 16 сентября.

Для этого поста в Петербурге, видимо, специально подбирали дипломатов с жестким характером, известных своей убежденной ненавистью к республиканским порядкам и идеям. Но даже среди этой категории людей Морков был необычной фигурой. Его имя нередко упоминалось в связи со скандальными историями. В свое время он был отозван из Стокгольма, так как поддерживал дворянство, оппозиционно настроенное по отношению к королю Густаву III.

А. И. Морков — человек желчный, высокомерный — жил скаречно и вечно жаловался на недостаток денег, осаждая петербургских сановников письмами, в которых неизменно требовал прибавки жалованья. Он жаловался на то, что Екатерина II не успела его наградить, а Павел I — преследовал.

Два месяца добирался царский представитель до места своего нового назначения. Как только Морков пересек мост в Майнце — первом французском городе, его встретили все офицеры гарнизона во главе с генералом. Они шли за каретой пешком до здания почты, где генерал приветствовал посланца российского императора. До выезда из города гостя сопровождали гренадеры и конные егеря, а до самого Парижа — жандармы.

Заключительная стадия русско-французских переговоров проходила быстро. Морков получил полномочия вносить исправления в тексты соглашений и ратифицировать их на месте. Он немедленно отправился к Талейрану и был поражен

тем, что министр уже знал об указаниях, полученных посланником из Петербурга. «Это означало, что граф Морков связан и выдан на милость Талейрана», — с возмущением писал русский посол в Лондоне С. Р. Воронцов и констатировал: «Отвратительное предательство»²⁹.

Министр внешних сношений попытался внести изменения в подготовленные документы. Но Морков решительно воспротивился этому. 8 октября мирный договор и секретная конвенция, посвященная делам Европы, были подписаны, а 10 октября — ратифицированы. Секретные статьи представляли особую важность. Они предусматривали совместные действия двух держав в вопросе вознаграждения (путем секуляризации церковных владений) германских князей, лишившихся в соответствии с Люневильским договором своих земель на левом берегу Рейна. Стороны обязались не допускать существенных перемен в Германской империи, сохранять равновесие между Австрией и Пруссией, предоставить Баварии и Вюртембергу, находившимся под покровительством царя, компенсации за их территориальные потери.

Итальянские дела рассматривались в ряде статей секретной конвенции. Французское правительство обязалось сохранить неприкосновенность Неаполитанского королевства, а после решения судьбы Египта — признать нейтралитет неаполитанской территории и вывести оттуда свои войска. В результате настояний Талейрана статья, посвященная Сардинскому королевству, была сформулирована неопределенно. Она лишь обязывала стороны «заняться дружески и доброжелательно» интересами короля Сардинии. Обе державы признали независимость и конституцию республики Семи островов, откуда царь согласился вывести войска. Русская дипломатия обязалась также выступить в роли посредника во франко-турецких переговорах о мире и содействовать в Константинополе освобождению французских пленных. Одна из статей, явно направленная против Англии, предусматривала, что Россия и Франция будут действовать совместно во имя восстановления равновесия сил в различных частях света и обеспечения свободы мореплавания.

В Петербурге не испытывали удовлетворения от итогов переговоров. Оценивая действия Талейрана и Бонапарта, Александр I воскликнул: «Какие мошенники!». Морков в письмах своим друзьям возмущался малодушием российского правительства. С. Р. Воронцов, не стесняясь в выражениях, писал, что договор между Россией и Францией «полностью скомпрометировал самым скандальным образом славу императора и интересы России»³⁰.

И в Париже многие государственные и общественные

деятели рассматривали русско-французское сближение «как узы, наложенные на Францию».

Однако задача Талейрана состояла в том, чтобы как можно полнее использовать возможности для укрепления дипломатических позиций Франции в Европе, которые ей давало сотрудничество с Россией. Уже первые шаги Моркова в Париже показали, что министру внешних сношений и на этот раз едва ли удастся использовать русского посланника, по словам историка Н. М. Карамзина, «знаменитого в хитростях дипломатической науки», для дальнейшего сближения с царским двором. Поэтому по совету Талейрана первый консул в связи с коронацией Александра I решил послать в Петербург своего доверенного человека — маркиза Армана де Коленкура, через несколько лет ставшего французским послом в России. В инструкции, данной Талейраном Коленкуру, подчеркивалось стремление французского правительства к «доброй гармонии и дружественным отношениям» с Россией³¹.

17 ноября 1801 г. Коленкур приехал в Петербург. Царь говорил ему о вечной дружбе между Россией и Францией. Он благодарил Бонапарта за возвращение русских пленных, за доброжелательное отношение к Баварии, поддерживал развитие русско-французской торговли. К тому времени Турция уже освободила французских пленных. Русский гарнизон покинул остров Корфу. Изменилось и отношение императорского двора к графу Прованскому — Людовiku XVIII, хотя он и продолжал получать назначенную ему царем пенсию — 75 тысяч рублей в год.

Итак, небо над русско-французскими отношениями казалось безоблачным. Эту иллюзию поддерживали и в Петербурге, и в Париже. Тактика Талейрана состояла в том, чтобы, не нарушая основных условий соглашения между двумя странами, добиться выгодных для французской дипломатии результатов при перекройке карты Германии, сохранить влияние Франции на Апеннинах и удержать в ее руках стратегически важный район Пьемонта, закрепиться в турецких владениях, используя в этих целях торговые связи. Вокруг этих вопросов и развернулась острая дипломатическая борьба.

Первый консул и его министр подчеркивали, что они пойдут навстречу пожеланиям российского императора в вопросах территориальных возмещений его германским родственникам и друзьям. Так и было сделано. «Выразите французскому правительству мою особенную благодарность за усердное исполнение просьб маркграфа, баденского герцога Ольденбургского и других родственников мне немецких князей, в которых я принимаю участие», — писал в ноябре 1802 года А. И. Моркову Александр I. Его протее в ряде случаев получили от

изобретательного Талейрана, расплачивающегося за чужой счет, большие земельные приращения, чем они сами хотели. При этом французы, ничего не теряя, рассчитывали ослабить главного врага Франции на континенте — Австрию и в противовес ей укрепить позиции Пруссии, на сотрудничество с которой все еще надеялись в Париже. О франко-пруссских отношениях Талейран писал: «Нет ни ссоры, ни охлаждения»³².

Но русская дипломатия опасалась нарушения европейского равновесия. «У Австрии был слишком хороший защитник в лице г. Моркова, который «открывал рот лишь для того, чтобы превозносить австрийцев»³³, — замечал Талейран. Морков не скрывал, что он стремится сохранить за Австрией все ее влияние в Германии, и в связи с этим возражал против возмещений немецким князьям за счет австрийских провинций. Со своей стороны министр внешних сношений, который, по словам известного русского историка Александра Траческого, «превзошел себя в искусстве торгаша», подсчитывал сравнительную стоимость прусских и австрийских земель, подчеркивал преимущества, получаемые Австрией, и упорно толковал о потерях Пруссии. Неожиданно у Моркова обнаружился могучий союзник: сам российский император склонялся в пользу прусского короля. Однако недоверие к Пруссии имело слишком глубокие корни в сановном Петербурге. В конечном счете царь признал необходимым «остановить непомерные претензии» Пруссии, всегда преследующей «свои алчные цели»³⁴. Русская дипломатия была менее расположена к Берлину, чем к Вене.

Талейран энергично противостоял тенденции сотрудничества с Австрией, существовавшей при петербургском дворе. Он написал 6 июня 1802 г. письмо профранцузски настроенному вице-канцлеру А. Б. Куракину, главе коллегии иностранных дел, в котором подчеркнул, что «вознаграждения», полученные Пруссией и Баварией, имели своей целью создать «противовес увеличению и сосредоточению Австрийской державы в Германии». Опытный дипломат осторожно, но прозрачно предупреждал о том, «насколько опасна малейшая проволочка в такую минуту, когда все страсти возбуждены, все интриги пущены в ход»³⁵. Документ сочетает изящество стиля со знанием фактов, самоуверенность с вежливостью, жесткую настойчивость с напускной теплотой.

К августу 1802 года германские дела в значительной мере потеряли свою остроту. Уже не Германия, а Италия стала основным полем русско-французских противоречий. «Все перемены в Италии с Люневильского мира произведены Францией без участия нашего двора, хотя статья тайного договора давала нам право на это. Мало того, эти перемены

таковы, что только жестокая необходимость могла бы оправдать того, кто осытил бы их своим признанием»³⁶. Эти резкие слова принадлежат графу А. Р. Воронцову, личному другу Моркова, назначенному в сентябре 1802 года государственным канцлером.

К тому времени стало уже очевидным, что первый консул вопреки своим договорным обязательствам не собирается возвращать Пьемонт сардинскому королю. Этот вопрос и Александр I, и его дипломаты ставили Бонапарту и Талейрану упорно и многократно, по разным поводам и в различных обстоятельствах. Ответы были, как правило, уклончивыми и неопределенными. Дело в том, что северо-западный район Италии имел первостепенное военно-стратегическое, политическое и торговое значение для французов. Пьемонтский плацдарм был им необходим для противодействия Австрии. Вот почему Бонапарт и Талейран вели длительную и упорную дипломатическую игру, желая откупиться от русской дипломатии различными уступками, чтобы сохранить французские войска в Пьемонте.

Следует отдать должное неистощимой изобретательности первого консула и его министра. Едва успели просохнуть подписи под русско-французской секретной конвенцией, как Талейран 13 октября 1801 г. с циничной откровенностью дал понять Моркову, что «Пьемонт отдадут разве в том случае, если Англия откажется от приобретения о. Цейлона»³⁷. Сардинского короля из Рима выдворили, а в Париже даже не приняли для переговоров его представителя. Один французский проект сменял другой. Королю-изгнаннику предлагали денежное вознаграждение в 2 миллиона ливров ежегодно и поселение в Африке, «когда будет разрушено там могущество берберов», переезд на восток Европы или два города в герцогстве Тосканском. В случае отказа Карла-Эммануила IV от всех прав на Пьемонт и владений по обе стороны Альп он получил бы, по словам Талейрана, пожизненную пенсию 500 тысяч ливров³⁸.

Иными словами, все, что угодно, кроме Пьемонта. Свою позицию Бонапарт не считал нужным скрывать. Он заявил Моркову: «Я не отдам Пьемонта, покуда у австрийцев останется хоть пядь итальянской земли». Эти слова были сказаны в апреле 1802 года после подписания Амьенского мира, когда дипломатические позиции Франции окрепли, а агрессивность первого консула возросла. Но и русская дипломатия проделала большую эволюцию в сардинском вопросе. В период амьенских переговоров Коленкуру говорили в Петербурге, что сардинскому королю придется отказаться от Пьемонта, если он получит вознаграждение в Италии или в Германии.

После этого прошло всего несколько месяцев, и в 1802 году Бонапарт присоединил к Франции остров Эльбу (август), Пьемонт (сентябрь), Парму, Пьяченцу и Гвасталлу (октябрь), установил французский протекторат в Голландии и Швейцарии (ноябрь). Обстановка в Европе вновь круто изменилась. Дипломатические маневры уступили место вооруженному насилию. И в Петербурге изменили свою позицию. 5 января 1803 г. А. Р. Воронцов предложил Моркову формально потребовать выполнения французами условий тайной конвенции и настаивать на решительном ответе. Царь считал, что Пьемонт не должен «навек остаться в руках Франции»³⁹. И хотя Франция вывела свои войска из владений неаполитанского короля и папы (министр внешних сношений неустанно подчеркивал это), русско-французские отношения обострились.

Начиная с лета 1802 года на отношения России и Франции накладывал свой отпечаток и восточный вопрос. В Париже и в Петербурге с разных позиций подходили к судьбам Турции и к перспективам торговых связей с ней. Бонапарт твердил, что Порте «угрожает близкое разложение» и «остается только подобрать ее развалины»⁴⁰. Со своей стороны Талейран уделял большое внимание дипломатической деятельности в Константинополе и направил туда в качестве посла генерала Гийома Брюна, впоследствии наполеоновского маршала. Для Брюна это была своего рода политическая ссылка: человек с республиканскими взглядами, он не одобрял диктаторские замашки первого консула.

Немного времени прошло с тех пор, как Ф. В. Ростопчин предложил Павлу I разделить наследство Турции между Россией, Францией и Австрией. Теперь в Петербурге даже думать об этом боялись. «Из меры вышедшее могущество Франции» (слова Александра I) позволило бы этой стране занять командные позиции в турецких владениях в Европе, в Черном и Средиземном морях, нанеся ущерб Российской империи. «Я буду основывать свою политическую систему всегда на том, чтобы содействовать всеми зависящими от меня средствами сохранению государства (Турции. — Ю. Б.), слабость и дурное правление которого служат драгоценным залогом безопасности»⁴¹, — говорилось в царской инструкции Моркову от 9 июля 1801 г.

Итак, государственные деятели России неожиданно стали ревностными сторонниками сохранения целостности Османской империи. Несколько позже Александр выражал недовольство тем, что прелиминарный франко-турецкий мирный договор был подписан в феврале 1802 года без его посредничества. Это была не единственная причина для охлаждения в Петербурге. Дело в том, что Талейран, добившись в

Константинополе согласия на свободное плавание французских торговых судов по Черному морю, пошел дальше и потребовал аналогичных преимуществ для своих военных кораблей. «Как бы тут не решила Порта, его императорское величество ни в коем случае не согласится на такую уступку»⁴², — писал канцлер Воронцов Моркову.

С каждым днем подозрительность в Петербурге возрастала. В начале 1803 года от Моркова требовали «величайшего внимания» к французской политике в отношении Турции, подчеркивали, что царь «вовсе не расположен принимать участие во враждебных» этой стране планах и намерен сохранить с ней «доброе соседство». Посланнику поручалось внимательно наблюдать за подготовкой отъезда в Константинополь Брюна и его штаба — офицеров всех родов войск, в том числе и инженерных⁴³.

И в Лондоне опасались возросшей активности первого консула в Европе и в Азии. Мирная передышка явно подходила к концу. В начале 1803 года резко обострились англо-французские отношения. Талейран в своих письмах французскому посланнику в Петербурге генералу Эдувилю (тому самому, которого Баррас накануне 18 брюмера назвал Бонапарту в качестве возможного президента Французской республики) жаловался на англичан и настаивал на выполнении ими всех статей Амьенского договора. Яблоком раздора явилась и оккупированная английскими войсками Мальта. «Англия сняла маску и объявила мне, что она желает владеть Мальтой в течение семи лет», — писал первый консул царю. Он просил о русском вмешательстве с целью сохранения «морского мира» и решения англо-французского спора по поводу Мальты⁴⁴.

По рекомендации А. Р. Воронцова Александр I согласился выступить в роли посредника и взять Мальту на «хранение» в течение десяти лет. Однако предотвратить войну между Англией и Францией не удалось. Боевые действия возобновились 22 мая 1803 г. Англичане блокировали порты Франции, захватывали ее торговые корабли. В свою очередь, французские войска оккупировали принадлежавший Георгу III Ганновер.

Посредничество царя продолжалось, хотя надежд на его успех фактически уже не было. И в Лондоне, и в Париже снова взяли курс на решение спорных вопросов силой оружия. Однако обращение к России давало, по мнению Талейрана, Бонапарту «единственное преимущество»: доказывало его «любовь к миру и перекладывало на Англию всю вину за войну». Как замечал министр, посредничество, чтобы сыграть свою роль, «должно вначале получить формальное одобрение обеих держав и затем немедленно привести к переговорам». Без двух этих условий оно — «ничто».

Такую тактику и применила французская дипломатия, когда в июле 1803 года Александр I предложил свой проект соглашения о примирении воюющих сторон. Он предусматривал признание британским правительством так называемых «дочерних» французских республик, принятие Францией обязательств уважать нейтралитет и независимость итальянских и северо-германских государств, вознаграждение короля Сардинии за потерянный им Пьемонт. Ставился вопрос и о занятии Мальты русскими войсками.

И в Лондоне, и в Париже эти предложения отвергли. Талейран писал: «В проекте русского кабинета нет и следа прав, жалоб, интересов Франции». Министр рекомендовал Эдувилю «поймать русский кабинет на слове касательно отказа в третейском суде, отправляясь от этого отказа как от пункта, безповоротно установленного; наконец, уклониться от посредничества как от дела неверного по самому своему предмету, обманчивого по последствиям». Демонстрация французского миролюбия теперь стала ненужной. Идея исчерпала себя. Ее следовало отбросить. Это был один из примеров тактики лавирования, к которой неоднократно прибегал Талейран⁴⁵.

Итак, царская дипломатия потерпела фиаско. Началась очередная переориентация внешней политики России. В 1802 году товарищем министра иностранных дел был назначен князь Адам Чарторыйский, который в 1804 году сменил на посту министра А. Р. Воронцова. Чарторыйский взял курс на русско-английское сближение, в частности — в восточном вопросе. Русский посланник в Лондоне обратил внимание британского правительства на опасность для европейской Турции со стороны французов и заявил, что если они появятся в Греции или Албании, то встретят сопротивление со стороны России. Были приняты меры по обороне Ионических островов и укреплению крепости на Корфу.

Чарторыйский считал необходимым «с полным доверием сговориться с лондонским двором, чтобы обеспечить Европейскую Турцию от захватов со стороны французов». Но вместе с тем, призывая к осторожности и бдительности в отношении «коварного Альбиона», он писал: «Если в политику России должно входить поддержание Оттоманской империи в ее нынешнем состоянии, то столь же, и даже более важно для нас, в случае неизбежности ее падения, не позволять никакой другой державе утвердиться на ее развалинах». Иными словами, делить турецкие владения не только с французами, но и с англичанами российская дипломатия не собиралась⁴⁶.

И в Париже, учитывая русско-французское охлаждение, вновь

(в какой уже раз!) стали усиленно стремиться к сотрудничеству с Пруссией. Бонапарт в декабре 1802 года писал Талейрану, что «желает все более и более идти сообща с Пруссией при всех событиях и при всех возможных случаях»⁴⁷. Министр следовал этому указанию. По его словам, прусский король дал гарантии, что во время войны с Англией Франция не подвергнется нападению какой-либо континентальной державы, а французы со своей стороны должны воздержаться от любых действий, наносящих ущерб интересам Пруссии. «Время для союза настало»⁴⁸ — к такому выводу пришел Талейран в ноябре 1803 года. И хотя, скорее всего, он выдавал желаемое за действительное, франко-прусское сближение значительно продвинулось вперед.

Однако в официальном Париже не перестали интересоваться Россией. Наоборот. «В настоящую минуту русский кабинет бесспорно один из тех, намерения и мероприятия которых нам важно знать особенно хорошо; а мы знаем тут почти одну только явную сторону и вовсе не знаем стороны тайной», — писал Талейран Эдувилю именно в тот момент, когда стоял вопрос о заключении франко-прусского союза. Министр требовал от посланника, чтобы предметом его постоянных забот являлось изучение российской армии, численности и силы всех родов ее войск, их расположения. Эти вопросы должны были стоять на первом плане в сообщениях Эдувилю. Бонапарт тщательно изучал военный потенциал России⁴⁹.

Наряду с франко-русскими политическими разногласиями имели место личные трения, также накладывавшие свой отпечаток на сотрудничество двух стран.

На самом деле, как могло случиться, что официальный представитель императора в Париже в течение двух лет непрерывно конфликтовал с руководителем страны, в которой он был аккредитован? Можно ли это объяснить только личными качествами Моркова — его нравом, желчностью, невоспитанностью? Почему он оставался безнаказанным даже тогда, когда прямо вмешивался во внутренние французские дела, субсидируя и направляя антибонапартистские листки, и был пойман с поличным? Дело в том, что в сановном Петербурге с истинным наслаждением наблюдали за действиями екатерининского вельможи, осмелившегося бросать гневные и резкие слова в лицо «французским выскочкам». Языком Моркова императорская Россия сводила счеты с французской революцией, пока еще не понимая, что Бонапарт и Талейран являлись ее могильщиками. Даже в медовый месяц русско-французского сотрудничества Александр I только журил своего представителя, призывая его к «осторожности и благоразумию». Но с появлением первых признаков охлаждения в отношениях между

двумя странами царь одобрил поведение своего посланника, написав ему: «Пребываю вам всегда благосклонным». Со своей стороны А. Р. Воронцов сообщил Моркову, что «император, так же как и его министерство, имеют полное основание быть довольными вашим поведением в Париже»⁵⁰.

И граф Аркадий Иванович развернулся! На призывы к откровенности он отвечал колкостями, иногда и просто бранью, показывал первому консулу и его министру документы из Петербурга, предназначенные только для его личной информации, открыто поддерживал отношения с противниками консульского режима. Депеши посланника были полны отнюдь не дипломатических характеристик, которыми Морков награждал Бонапарта, склонного якобы к «полному помешательству». Доставалось от посланника и Талейрану за его «коварство, заносчивость и гордость», «лживость», способность на «мерзости и подлости».

В конце концов Бонапарт сообщил царю «о многократных неприятностях», которые доставил ему Морков. Талейран проявил больше изобретательности. Он писал, что все симпатии Моркова были «на стороне Англии. Если русский двор считает долгом держать в Лондоне г. Воронцова, который считается совсем англичанином, то ему следовало, по крайней мере, предписать своему посланнику в Париже выказываться немного французом».

История с Морковым закончилась так, как она и должна была закончиться. Бонапарт потребовал его отзыва. Сохраняя верность самому себе, посланник перед отъездом ушел с приема у первого консула, не дождавшись окончания. Он не нанес прощального визита Жозефине, и лишь после неоднократных настояний явился к Талейрану. Я, писал Морков, предупредил, «чтоб он не смел заставлять меня ждать ни минуты после времени, которое я назначил ему. Действительно, я был допущен к нему немедленно». Комментарии, как говорится, излишни!

В начале 1804 года Морков вернулся в Петербург. 17 мая Талейран предложил Эдуиллю по причине «болезни» покинуть столицу Российской империи. Несколько месяцев дипломатические отношения сохранялись на уровне поверенных в делах. Однако 17 сентября 1804 г. А. Чарторыйский направил паспорт французскому поверенному в делах в Петербурге и сообщил ему, что «с этой минуты прекращаются все сношения между двумя правительствами».

Разрыв дипломатических отношений между двумя державами был ускорен арестом и расстрелом последнего представителя семьи Конде — герцога Энгиенского в марте 1804 года.

ГЛАВА XV

КТО УБИЛ ГЕРЦОГА ЭНГИЕНСКОГО?

очью, с 14 на 15 марта 1804 г., маленький немецкий городок Эттенхейм, расположенный в нескольких километрах от берега Рейна на территории Бадена, спал спокойным мирным сном. Нейтральное баденское государство, вскоре по воле Наполеона ставшее великим княжеством, находилось в добрых отношениях со своим могущественным соседом. Казалось, ничто — ни ситуация в Европе, ни погода — не предвещало бурь и

потрясений. Но безмятежный сон местных бюргеров был на рассвете прерван.

Отрядом французских драгун и жандармов — примерно 200 человек, переправившихся утром через Рейн, командовал генерал Мишель Ординер. Свою службу он начал рядовым в войсках Конде еще в 1773 году. В период революции он стал лейтенантом, а позднее первый консул назначил его командиром конных гренадеров своей гвардии.

Атака велась по всем правилам. В половине шестого утра французы окружили небольшой дом. Находившиеся в нем люди были захвачены врасплох. Ординер арестовал Луи Антуана Анри де Бурбона Конде, герцога Энгийенского. Вместе с ним задержали еще 12 человек. В 9 часов отряд со своими пленниками отправился в обратный путь. Дерзкий набег, грубо нарушивший суверенитет иностранного государства, завершился для его организаторов успешно¹.

Что представлял собой человек, ставший героем этой авантюрной операции?

Герцог Энгийенский был последним представителем мужской линии рода Конде. Он родился в Шантийи, под Парижем, 2 августа 1772 г. В начале революции эмигрировал. Участвовал в войне против революционной Франции. Поселился в Граце, а потом в Эттенхейме, где жил в обществе княгини Шарлотты де Роан-Рошфор. Имущество герцога во Франции было конфисковано, и он располагал лишь 250 гинейми в месяц, выплачиваемыми английским правительством².

Молодой отпрыск королевского дома Бурбонов не являлся значительной политической фигурой и не играл сколько-

нибудь заметной роли в монархической эмиграции. Но он олицетворял низвергнутую династию. Именно это и стоило ему в конце концов жизни.

20 марта, через пять дней после похищения, герцога Энгиенского доставили в Париж, в Венсеннский замок, а уже вечером военная комиссия приговорила его к смертной казни за участие в антигосударственном заговоре. Каких-либо серьезных доказательств обвинение не содержало. Через несколько часов с неслыханной поспешностью герцог Энгиенский был расстрелян во рву замка, где и был похоронен.

Ответ на вопрос, что же произошло, состоял в том, что первый консул и его ближайшее окружение подготовили и осуществили крупную политическую провокацию. Она была тесно связана с главной задачей, стоявшей в то время перед Бонапартом, — провозглашением Империи.

Формально Первая республика во Франции еще продолжала существовать со всеми своими внешними атрибутами, но последнюю точку в ее жизнеописании следовало бы поставить уже в 1802 году.

«Похоронам» республики препятствовали многие факторы и среди них — международные. Амьенский мир оказался недолговечным. 12 мая 1803 г. дипломатические отношения между Англией и Францией были прерваны. Началась «странная война», как справедливо замечал А. З. Манфред, «льва и кита». «Франция не имела флота, чтобы поразить Англию на море. Британия не имела армии, чтобы одолеть Францию на суше. Один на один они оставались недосыгаемы друг для друга. Следовательно, борьба между двумя западными державами с неизбежностью становилась борьбой за континентальных союзников»³. Английская дипломатия действовала настойчиво и активно. Уже вырисовывались контуры третьей антифранцузской коалиции. Бонапарт бросил очередной вызов монархической Европе.

Первый консул нуждался в демонстрации силы и по ряду внутриполитических соображений. Оппозиция зрела в святой святых его режима — в армии. Недовольные сделали своим лидером генерала Жана Моро. Хотя Стендаль и писал о Моро, что «руководить каким бы то ни было движением он никогда не умел», тот все же вступил в опасный для Бонапарта контакт с Бернадоттом. Открыто выражали свое недовольство далеко идущими планами первого консула генералы Ланн, Брюн, Ожеро. Но вскоре им была предложена дипломатическая работа: Ланн выехал посланником в Лиссабон, Брюн — в Константинополь.

Наконец, имелись причины, непосредственно затрагивавшие безопасность самого первого консула. По словам Фуше, в

начале 1804 года воздух был «наполнен» кинжалами⁴. Парижане помнили об ужасном взрыве «адской машины» на улице Сен-Никез, в результате которого погибли 22 человека. Бонапарт случайно спасся от гибели. Его кучер не остановился перед мешавшей проезду тележкой со взрывным устройством, а пустил лошадей вскачь. Организатором покушения был Жорж Кадудаль — один из предводителей шуанов, бретонский крестьянин огромного роста и поистине медвежьей силы, фанатично преданный Бурбонам.

После разрыва англо-французских дипломатических отношений поток сообщений о готовящихся покушениях усилился. Бонапарт поручил их расследование государственному советнику Пьеру-Франсуа Реалю. Этот чиновник имел уже 20-летний опыт работы в судебных органах. Реаль являлся первым помощником прокурора Коммуны Пьера Шометта. Вторым помощником был Жак Эбер, редактор популярной газеты «Папаша Дюшен», казненный во времена якобинской диктатуры. Тогда арестовали и Реаля. Термидорианский переворот сохранил ему жизнь. Судебный чиновник решительно расстался со своими демократическими иллюзиями, 18 брюмера поддержал Бонапарта и был за это вознагражден, получив пост заместителя министра юстиции.

Неутомимый и преданный первому консулу Реаль сообщил своему повелителю потрясшие его новости. Кадудаль находится в Париже. В заговоре участвуют два знаменитых генерала республики — Жан Моро, герой Гогенлиндена, и Шарль Пишегрю, бывший командующий Рейнской армией. Моро захватили на его квартире. В Париже в доме 39 по улице Шабане арестовали спящего Пишегрю. Он не успел даже выхватить пистолет и кинжал, спрятанный в изголовье постели. Генерал оказал полицейским бешеное сопротивление. 9 марта схватили и Кадудалья.

В ходе допросов выяснилось, что заговорщики ждали «высокого гостя» — представителя дома Бурбонов. Фамилия его не была названа. Кто же это мог быть? Герцог Ангулемский — сын графа д'Артуа — находился в Польше. Ни Д'Артуа, ни принц Конде, ни герцог де Барри не покидали английскую территорию. Но первого марта Талейран сообщил, что в Эттенхейме, совсем рядом с французской территорией, живет герцог Энгийенский.

Реаль немедленно пошел по следу. По его поручению префект департамента Нижний Рейн направил жандармского унтер-офицера Ламота в Баден. Тот выяснил, что в Оффенбурге, в нескольких километрах от Страсбурга, собираются руководители армии Конде. А в Эттенхейме Ламоту назвали и человека, близкого к герцогу Энгийенскому — маркиза

Тюмери. Немецкое произношение искажило звучание имени, и француз записал: Дюмурье. Доклад вскоре попал на стол Бонапарта.

Первый консул был вне себя от гнева. Как! Бурбоны устраивают заговоры против него вместе с изменником Дюмурье. Бывший министр иностранных дел республики, победитель при Вальми, перешедший теперь на сторону врагов Франции, не гнушается жалкой ролью наемного убийцы!

Твердая и даже беспощадная линия в отношении Бурбонов сочетала противоречивые, но взаимосвязанные для первого консула аспекты: во-первых, она как бы продолжала революционную традицию и, во-вторых, прокладывала дорогу к империи. Но и трудности были значительными. Нельзя было не предвидеть жесткую реакцию европейских монархов, а во Франции не следовало недооценивать вынужденное молчание оппозиционных элементов. Нужно ли прибегать к самым крутым мерам? На этот вопрос Бонапарт пока еще не дал ответа.

Зато позиция Талейрана была совершенно определенной и глубоко враждебной герцогу Энгиенскому. Казалось, именно ему по долгу службы следовало проявлять особую осторожность в вопросе, непосредственно затрагивавшем внешнеполитические интересы Франции. И его позиция в отношении Бурбонов никогда не была однозначной. Бывший епископ не забывал о своем происхождении, о своих аристократических связях. Он старался не сжигать полностью мосты, ведущие в лагерь свергнутой монархии, если только в пожаре событий они не сгорят сами. В то же время письма Талейрана к будущему Людовику XVIII отнюдь не казались их автору такими произведениями эпистолярного жанра, интерес к которому широкой публики следовало бы поощрять.

Бонапарт нередко упрекал своего министра за терпимость к монархистам, за призывы к сдержанности, за просьбы о помиловании. Но в отношении герцога Энгиенского милосердия у Талейрана не было. Он жаждал крови молодого Конде. Почему?

Если для себя Талейран никогда не исключал возможности примирения с Бурбонами, то первого консула он неизменно и неумолимо толкал на путь беспощадной конфронтации с королевской семьей. Но вот соглашение Бонапарта с Бурбонами неизбежно означало бы не только полное отстранение Талейрана от власти, но, возможно, и гибель. Что угодно, но только не мир между прошлым и будущим французскими режимами! Вот почему он, говоря словами Барраса, хотел создать между Бурбонами и Наполеоном «кровавую реку»⁵.

Стендаль писал: «Талейран без устали твердил Наполеону, что спокойным за свою династию он сможет быть только тогда, когда уничтожит Бурбонов»⁶. Играя в деле герцога Энгийенского самую активную роль, министр внешних сношений старался, как и всегда в подобного рода случаях, оставаться в тени.

Бонапарт называл Талейрана в истории с юным Конде своим «злым гением». «Кто меня побуждал к наказанию этого человека, этого несчастного герцога Энгийенского? Кто мне раскрыл тайну его местонахождения?», — в гневе восклицал император, обращаясь к своему министру в январе 1809 года. Разумеется, нельзя возлагать всю ответственность за кровавую драму на одного Талейрана. Решения в конечном счете принимал Наполеон. Однако именно Талейран сообщил Бонапарту первые сведения о герцоге Энгийенском. 8 марта 1804 г. он писал своему шефу: должны предстать перед судом «авторы, актеры и соучастники недавно открытого заговора. Его участники—люди фрюктидора и вандейцы, которые им помогают. Ими руководит принц из дома Бурбонов. Цель состоит, несомненно, в том, чтобы убить вас. Вы имеете право на личную оборону»⁷.

Документ не дает оснований для нескольких толкований. Тем не менее делались попытки доказать, что это письмо было написано секретарем Талейрана—Перре, искусно подделывавшим почерк и подпись своего начальника. Но такая версия не выдерживает критики. Перре пришел на работу в министерство только в 1806 году.

Талейран никогда не забывал об этом письме. Он даже попытался сжечь написанные его рукой беспощадные строки. Но документ уже видели два свидетеля. «Я держал письмо в своих руках», — вспоминал Шатобриан. «Это письмо было полностью написано рукой Талейрана и подписано им»⁸, — признавал секретарь Наполеона Меневаль.

10 марта состоялось чрезвычайное заседание Государственного совета, на котором присутствовали Наполеон, второй и третий консулы—Камбасарес и Лебрен, министр юстиции—Ренье, Талейран и бывший министр полиции Фуше. Талейран изложил суть дела и настаивал на похищении герцога Энгийенского. Его поддерживал Фуше, опасавшийся мести Бурбонов. Только Камбасарес призывал к осторожности и умеренности.

По одной версии на этом заседании Бонапарт заявил: «Я сумею покарать заговорщиков, и голова виновного послужит мне оправданием». Тут же последовала взволнованная реплика Камбасареса: «Я осмелюсь думать, что, если бы такой персонаж оказался в вашей власти, суровость не дошла бы до такой степени». Бонапарт смерил взглядом второго консула

с ног до головы и твердо заявил: «Знайте, что я не хочу щадить тех, кто подсылает ко мне убийц»⁹.

Однако в деле молодого Конде Бонапарт выдвигал на первый план Талейрана. «Все, что было сделано против Бурбонов, подготовлено им. Это он уговорил меня арестовать герцога Энгиенского, о котором я и не думал», — говорил первый консул. По его словам, Талейран «был главным орудием, активной причиной смерти герцога Энгиенского»¹⁰.

Да, Талейран дал Бонапарту информацию о местонахождении молодого герцога. Он, несомненно, был автором идеи его похищения. Он отправил письмо от 8 марта. Он занимал враждебную Бурбонам позицию на заседании 10 марта. По словам Бонапарта, министр внешних сношений дважды приносил ему на подпись приказ об аресте Конде. «Когда я уже был убежден в срочности такой меры, я решил его подписать»¹¹, — говорил император, уже находясь на острове Святой Елены.

Все эти факты бесспорны. Талейран оказал большое влияние на позицию Бонапарта. Но жестокость первого консула диктовалась прежде всего его собственными политическими интересами.

Приняв решение, Бонапарт уже не терял времени. Он срочно отдал приказ о похищении Конде-Бурбона военному министру Бертье. Необходимые инструкции получил и генерал де Коленкур, который должен был доставить маркграфу Баденскому послание Талейрана, пытавшегося оправдать французское вторжение на территорию суверенного государства.

Но, несомненно, самым серьезным для Бонапарта шагом была его записка военному губернатору Парижа Иоахиму Мюрату, определившая судьбу герцога Энгиенского. Оригинал этого документа не обнаружен. Но копия его опубликована Агаром, доверенным человеком Мюрата — самым верным среди верных его людей. Текст записки гласил: «Дайте понять членам комиссии, что нужно закончить ночью, и прикажите, чтобы приговор, если он, в чем я не могу сомневаться, потребует смерти, был исполнен немедленно и осужденный погребен в одном из дворов форта»¹².

По поводу этого письма пролиты потоки чернил. Его достоверность неоднократно подвергалась сомнению. Историки требовали оригинала, а его не было. Документ чудовищного произвола пытались трактовать в благоприятном для Бонапарта смысле. Известный исследователь наполеоновской эпохи Андре Кастело считает, что, требуя «закончить ночью», Бонапарт якобы «думал больше о процессе, чем об исполнении приговора»¹³. Спор уже имеет более чем полуторавековую историю, но не закончен и в наши дни. Но разве не является самым

сильным и, по существу, неоспоримым аргументом тот факт, что реальные события развивались в абсолютном соответствии с письмом, опубликованным Агаром?

Инструкции Бонапарта Мюрату повез адъютант первого консула, прослуживший ему 18 лет — Анн-Жан-Мари-Рене Савари. Молодому генералу было в то время около 30 лет. Его считали одним из самых красивых мужчин в наполеоновской Франции — высокий рост, чистый лоб, голубые глаза. С Бонапартом его связывали и родственные связи: Жозефина женила его на своей кузине.

Бонапарт трезво оценивал способности и возможности своего верного слуги. Он писал Мюрату, что Савари бездарен, вместе с тем — это «человек энергии и усердия». Но зато Савари был предан Бонапарту до самозабвения. Один французский офицер сказал о Савари: «Если бы император предложил ему вас убить, он бы взял нежно вас за руку и сказал: я в отчаянии от того, что посылаю вас в другой мир, но такова воля императора»¹⁴.

Таким был человек, доставивший 20 марта 1804 г. в 18 часов военному губернатору Парижа письмо первого консула. Его содержания Савари, по его словам, не знал. В приемной губернатора посланец Наполеона увидел Талейрана, выходявшего от Мюрата. О чем говорили министр и губернатор, так и осталось тайной. Но вот что утверждает Савари: «Было необходимо, чтобы какой-то значительный человек выступил посредником между первым консулом и губернатором Парижа, чтобы вынудить последнего действовать быстро и убедить его в том, что, хотя первый консул и не хотел дать точный приказ, цель которого — исчезновение герцога Энгийенского, он был бы доволен, если бы это случилось»¹⁵.

По приказу Мюрата Савари около 19 часов прибыл в Венсен и взял на себя командование его гарнизоном. К 22—23 часам приехали члены военной комиссии — командиры отдельных частей парижского гарнизона, преданные Бонапарту. Председателем комиссии Мюрат назначил генерала Пьера-Огюстена Юлена, участника взятия Бастилии. В период реставрации он сидел год в тюрьме, но судьба уберегла его от гильотины.

Во время суда над герцогом Энгийенским, начавшимся в час ночи, Савари не покидал зал. Он стоял за креслом председателя, словно неумолимый рок. Подсудимый попросил о свидании с первым консулом. Один из членов комиссии поддержал его. Но Савари назвал эту просьбу «несвоевременной». Что же произошло дальше?

И вот, смертный приговор вынесен. Между тем формальные правовые требования оказались невыполненными. Члены комис-

сии не были даже достаточно компетентны, чтобы сослаться на соответствующие статьи закона. Приговор подписал секретарь суда. Иными словами, этот документ не имел законной силы. Однако Савари заявил членам военной комиссии: «Господа, ваше дело закончено, остальное касается меня»¹⁶.

Там, где следовало торопиться, слуги первого консула торопились. А если надо было «во время опоздать», то и это они делали успешно. И на всех этапах дела герцога Энгийенского неизменно появлялась прихрамывающая фигура князя Талейрана.

Разумеется, Бонапарт учитывал возможную реакцию общественного мнения, прежде всего европейского. Несомненно точка зрения, согласно которой для первого консула этические категории в политике не имели значения, ошибочна. Но он лишь делал вид, что заботился о соблюдении законности. И вечером 20 марта послал Реалю приказ выехать в Венсенн для допроса герцога. Однако в это время государственный советник якобы уже спал и просил его не будить. Пакет остался нераспечатанным до утра. Только утром Реаль выехал в Венсенн, но встретившийся ему по дороге Савари рассказал о том, что случилось минувшей ночью. Судя по всему, Талейран оказал давление и на Реаль — единственного человека, который мог придать приговору законную юридическую форму и тем самым отсрочить казнь герцога.

Но мог ли точный, как хорошие часы, Реаль не вскрыть немедленно конверт с посланием своего патрона? «Ловкий маневр Реалья с целью снять с себя ответственность? Или подлинная усталость. Или... Талейран, встревоженный тем, что герцога будут допрашивать по стеснительным для бывшего епископа вопросам, посоветовал Реалю исчезнуть на ночь?»¹⁷, — пишет французский ученый Жан Тюляр.

Более определенную позицию занимает Андре Кастело: «Реаль разыграл комедию. В действительности он еще накануне вечером нашел и прочитал приказ Наполеона, хотя он и утверждал обратное». Особенно важно признание самого государственного советника, сделанное им Савари значительно позже описываемых событий. «Вы хорошо знаете, что именно заставил меня сделать Талейран». Эти слова — прямое обвинение в адрес хозяина особняка Галифе. Добавим к ним и обличительную похвалу первого консула, откровенно признавшего, что «князь Талейран вел себя в этом случае как верный министр»¹⁸.

Итак, принципиальные решения по делу герцога Энгийенского принимал Бонапарт. Секретной стороной дела занимался Талейран, Савари явился непосредственным исполнителем их воли. Генерал-адъютант, впрочем, попытался оправдать

себя перед историей. В своих мемуарах Савари пишет, что после заседания военной комиссии к нему явился пехотный офицер и спросил, где разместить отряд для исполнения приговора. «Там, где вы не сможете кого-либо ранить», — ответил Савари¹⁹.

«Я клянусь, от имени всех моих коллег, что эта казнь не была разрешена нами: наш приговор предусматривал отправку сообщения военному министру, министру юстиции и командующему, губернатору Парижа. Только последний мог дать на законных основаниях приказ о казни; копии не были еще отправлены: их не могли закончить до известного времени». Эти слова принадлежат генералу Юлену. Он продолжал: «Мы не знаем, имел ли приказ тот, кто столь жестоко ускорил эту роковую казнь. Если он его не имел, он один несет ответственность; если он его имел, комиссия не причастна к этому приказу»²⁰.

Савари действовал быстро и решительно. Жестокость и бездумная твердость были теми чертами его характера, которые и ценил Бонапарт. Его адъютант не размышлял, когда он знал волю своего повелителя. И вряд ли прав Морис Шуман, член Французской академии наук, когда пишет, что Савари действовал на свой страх и риск: он проявил инициативу, сам интерпретировал желания и намерения первого консула. К тому же, замечает Шуман, генерала «обидели». Мюрат обошелся с ним как с простым посыльным. И вот представился случай «показать себя».

Но независимость отнюдь не была в характере генерала (хотя в решительности ему нельзя было отказать). В столь сложной ситуации, в которой находился Савари, и речи быть не могло о его самостоятельных решениях. Он знал волю Бонапарта. Он получил инструкции Мюрата. Ему была известна и позиция Реаля, и тайные ходы Талейрана. И, видимо, поэтому адъютант Бонапарта всю ответственность за происшедшее пытался возложить на министра внешних сношений. Савари утверждал: «Я размышлял тысячу раз об обстоятельствах этой катастрофы и все более и более убеждался в том, что министр внешних сношений был единственным человеком, который мог объяснить, как и почему комиссия осудила и привела в исполнение свой приговор до того, как Реаль смог выполнить доверенную ему миссию»²¹. Здесь что ни слово, то передержка. Не один Талейран знал тайные пружины механизма, осудившего и казнившего Конде-Бурбона. Они были известны и самому Савари, понимавшему, что главный режиссер трагического спектакля находился в Тюильрийском дворце.

Причастность Талейрана к гибели молодого герцога бес-

спорна. Он хорошо знал, что должно было произойти в Венсеннском замке. В тот вечер, когда военная комиссия начала свою работу, Талейран сидел за карточным столом в салоне герцогини Лаваль. В 2 часа ночи Шарль-Морис небрежно вынул из кармана жилета часы и сказал: «В этот момент последний из Конде перестал существовать». И игра в карты продолжалась. А на следующий день, увидев одного из своих ближайших сотрудников, Отерива, в состоянии душевного смятения, Талейран сказал: «Вы сошли с ума. Есть из-за чего делать столько шума. Заговорщик схвачен на границе, его привозят в Париж, расстреливают. Что же в этом экстраординарного?»²².

Могут сказать: обычный талейрановский цинизм. Но едва ли он превосходит Бонапарту, который вскоре после казни герцога Энгийенского выдал денежные награды Мюрату и Реалю (по 100 тысяч франков), Савари (12 тысяч), членам военной комиссии (по 10 тысяч франков каждому)²³. Все эти лица без исключения принимали участие в «деле герцога Энгийенского». Очевидно, первый консул считал, что его указания были выполнены безупречно.

Наполеон неоднократно возвращался к событиям марта 1804 года. Он пытался доказать, что его действия были вызваны государственной необходимостью. В завещании императора говорится: «Я приказал арестовать и судить герцога Энгийенского потому, что это отвечало безопасности, интересам и чести французского народа»²⁴.

Бонапарт не ограничился таким объяснением. Находясь на острове Святой Елены, он говорил, что в смерти Конде-Бурбона были виновны, во-первых, те люди, которые в Лондоне «заказывали» убийство первого консула; во-вторых, те, кто «представлял его в качестве руководителя заговора»; в-третьих, лица, «ведомые преступным усердием» и без приказа своего суверена исполнившие приговор военной комиссии²⁵.

Кто считал герцога руководителем заговора? Талейран. Он «был главным орудием и активной причиной смерти герцога Энгийенского», — говорил Наполеон Лас Казу. Он подтвердил, что у Талейрана имелось письмо герцога, в котором молодой человек заявил о своей готовности перейти на службу к Бонапарту. «Этот злодей Талейран отдал его (письмо. — Ю. Б.) через два дня после казни»²⁶, — сказал Наполеон.

Странно! Отчего же Конде на заседании военной комиссии утверждал, что он собирался вернуться во Францию «с оружием в руках», хотел перейти на службу к англичанам? А ведь речь шла о его голове. Подсудимый не мог этого не понимать. Почему герцог не вспомнил о своем письме на имя первого консула? Может быть, герцог Энгийенский рассчитывал

на личную встречу с Бонапартом, о которой он просил? Вопрос так и остается открытым.

«Преступное усердие» проявил прежде всего Савари. Но его никто не привлек к суду, никто не наказал. Первый консул осыпал своего любимца почестями, титулами, наградами. И тот хорошо знал, что он правильно понял своего хозяина.

Заметим, что обвинения в адрес Талейрана Савари выдвигал и после реставрации Бурбонов во Франции. Но Людовик XVIII не хотел верить бывшему министру полиции и, закрыв ему доступ в Тюильри, сказал Талейрану, что тот может «не опасаться неприятных встреч».

Как реагировала монархическая Европа на известие о смерти герцога Энгийенского? Маркграф Бадена Карл-Фридрих, владения которого подверглись иностранному вторжению, рад был прежде всего тому, что ему не пришлось самому выдать Конде под нажимом французов. Поведение маркграфа оценили в Париже, и он вскоре получил от Бонапарта титул великого герцога. Остальные германские государства хранили спокойствие. В Вене молчали. Испания не протестовала. Римский папа даже поздравил Наполеона с избавлением от угрозы смерти от руки заговорщиков.

Иной была позиция России. Дело герцога Энгийенского развешивалось на общем фоне ухудшения русско-французских отношений, и реакция в сановном Петербурге была бурной. 17 апреля 1804 г. на заседании Государственного совета товарищ министра иностранных дел А. Чарторыйский заявил, что нельзя сохранить отношения с «правительством, которое не признает ни узды, ни каких бы то ни было обязанностей и которое запятнано таким ужасным убийством, что на него можно смотреть лишь как на вертеп разбойников». Подобными выражениями были полны и другие русские дипломатические документы: «возмутительный акт злоупотребления силой» и «забвения всего, что есть наиболее святого»; «кровавое правительство» и т. д.²⁷

Александр I знал герцога Энгийенского лично и поддерживал с ним дружественные отношения. Его реакция была особенно резкой. При дворе в Петербурге был объявлен недельный траур. Русский поверенный в делах во Франции направил Талейрану ноту, в которой говорилось «об огорчении и изумлении» царя в связи с арестом и гибелью герцога, отмечалось нарушение суверенитета Бадена. Читая этот документ, министр внешних сношений говорил вполголоса, словно для самого себя: «Это не дело русского императора. Жаловаться — дело немецкого императора, сейма, баденского курфюрста. Но никто и не подумал»²⁸.

В ответ Талейран нанес удар по самому чувствительному

месту царя, поставив вопрос о виновниках гибели его отца. «Если бы в то время, когда Англия замышляла убийство Павла I, знали, что зачинщики заговора находятся в расстоянии одного лье от границы, неужели не постарались бы схватить их?»²⁹. За этим риторическим вопросом явно скрывался намек на участие сына в заговоре против отца. Александр I так никогда и не простил Бонапарту и Талейрану нанесенного ему в самое сердце удара.

Дело герцога Энгиенского явилось продуманной политической провокацией. Впервые Бонапарт открыто порвал с республиканской законностью. Выстрелы во рву Венсеннского замка на рассвете 21 марта возвестили эпоху нового правителя во Франции.

Прошло менее двух месяцев, и указом от 18 мая 1804 г. сенат провозгласил Наполеона Бонапарта императором французов.

ГЛАВА XVI

ВЕЛИКИЙ КАМЕРГЕР— ДРУГ АВСТРИИ

ноябрь 1804 года выдался в Западной Европе пасмурным и холодным. Но плохая погода не помешала жителям Флоренции, Пармы, Турина встречать папу Пия VII, который в сопровождении большой свиты (108 человек, среди них 7 кардиналов и 4 епископа) направлялся в Париж на коронацию Наполеона Бонапарта. Поездка была трудной и утомительной. Император французов не давал наместнику Святого Петра ни дня покоя,

настаивал, требовал, торопил. Не обошлось и без потерь. В дороге от воспаления легких скончался кардинал Борджиа.

Двор нового французского монарха и он сам находились под Парижем, во дворце Фонтенбло. Встреча с папой, по замыслу Наполеона, должна была поднять престиж рождавшейся династии.

25 ноября кортеж, следовавший из Ватикана, выехал на дорогу в Немюр. Неожиданно появилась группа наездников с собаками. Один из них, в охотничьем костюме, в сапогах

со шпорами, спешил к карете папы. Пий VII в белой сутане решил выйти навстречу Наполеону. На дороге лежал слой липкой грязи. Папа было заколебался, но затем быстро направился к карете императора, обе дверцы которой уже были открыты. Оба одновременно заняли свои места по соседству друг с другом. Цель тем самым оказалась достигнутой. Монарху не пришлось уступать первенство папе¹.

Но Пия VII ожидали новые испытания. Во дворце Фонтенбло его встречал Шарль-Морис Талейран. Встречал по долгу службы. За несколько месяцев до этого, 11 июля, он получил свой первый придворный титул — титул великого камергера. Обязанность? Находиться при особе императора и обеспечивать внутреннюю службу его апартаментов. Талейран теперь имел туда свободный доступ в своем официальном костюме: фрак из красного бархата, такого же цвета пальто на белой подкладке, вытканый золотом воротник, отвороты, обшлага; кружевной галстук, белый шарф, шпага. Вскоре великий камергер получил знак высшего отличия — орден Почетного легиона.

Но какое значение все эти чины и награды могли иметь для Пия VII? Встреча с епископом-расстригой, изменившим католической вере и женившимся вопреки ее догматам и формальному запрещению Святого престола, была ему крайне неприятна. Впрочем, она была неизбежной, и Пий VII не мог от нее уклониться. Переговоры с ним об участии в коронации Бонапарта вел тот же Талейран. Он долго и упорно убеждал главу католической церкви приехать на поклон к французскому императору.

Задача была не из легких. Ближайшие сотрудники Пия VII считали его поездку в Париж унижительной. Даже Карл Великий сам посетил Рим, чтобы пасть к ногам Льва III. Но у министра внешних сношений имелись более убедительные и реальные доводы. Он доказывал, что приезд папы в Париж отвечал интересам католической церкви. В одном из своих писем в Ватикан Талейран напомнил о том, что сделал для католицизма французский правитель. Во Франции открылись соборы, семинарии. Делами религии занималось специально созданное министерство. Государство выделило 20 миллионов франков для выплат неимущим.

Благоприятные для Святого престола перемены произошли и в Италии. Неаполитанцы ушли из Рима. К Ватикану вернулись его владения: Беневенте, Понте-Корво, Пезаро, форт Сен-Лео, родина Рафаэля — герцогство Урбино. Итальянский конкордат был подписан. Велись переговоры о германском конкордате. Иностранные церковные миссии восстановлены. Католики на Востоке получили защиту от преследований

турок. «Таковы благодеяния, которые совершил император во имя римской церкви. Какой монарх смог бы предложить столь значительные, столь многочисленные добрые дела на протяжении короткого промежутка времени в два или три года?»²

Талейран подчеркивал, что Наполеон и впредь намерен поддерживать Святой престол. А если папа не посчитается со всеми доводами разума, то это едва ли улучшит его ситуацию. У власти в Париже стоял человек, железная воля и беспощадная решимость которого были хорошо известны в Риме. Не следует давать императору французов еще одну возможность проявить свой характер.

Согласие Пия VII на «визит» во Францию явилось крупным успехом французской дипломатии. Папа поселился в Фонтенбло в павильоне Флери, где, по замыслу великого камергера, для него подготовили точную копию комнаты в Квиринале. Заботы о папе были не напрасными. За день до коронации Жозефина призналась папе, что она не находилась с Бонапартом в церковном браке. Пий VII, проявлявший твердость в вопросах католической ортодоксии, заявил, что он не примет участия в коронации, если положение не будет немедленно исправлено. Император был взбешен, но сдержал себя и отступил. Спектакль, намеченный на следующий день, уже просто невыносимо было откладывать. И вечером 1 декабря кардинал Феш, французский посланник в Ватикане, обвинял супругов в одном из помещений Тюильрийского дворца.

Холодным утром 2 декабря 1804 г. — ночью шел снег — Пий VII в карете, запряженной восьмеркой серых лошадей, прибыл в собор Парижской богородицы. Трон для него поставили у алтаря. Около двух часов глава римской церкви, неподвижный, с закрытыми глазами, дрожащий от ледяного озноба, ожидал прибытия императора. Он сидел в глубине кареты; рядом с ним — Жозефина, напротив — братья Луи и Жозеф. Мантию Наполеона, весившую 80 фунтов, поддерживали четверо придворных. Но он, казалось, не замечал ее веса. Знаменитая картина Луи Давида, прошедшего путь от члена Конвента до придворного художника, воссоздает церемонию коронации во всей бесконечной гамме ее ярких красок. Поблизости от алтаря находился Шарль-Морис Талейран, занявший место между Луи Бертье и Евгением Богарне, сыном Жозефины.

После коронации отношения между императором и министром стали особенно близкими. Наполеон и Талейран встречались почти ежедневно. Они подолгу разговаривали, обсуждая вопросы как внешней, так и внутренней политики. Для

этих бесед ведомство Талейрана в самые сжатые сроки готовило письменные доклады.

К началу 1805 года накопилось много дипломатических и военных проблем, нуждавшихся в рассмотрении и решении. В Булонском лагере шла активная подготовка ко вторжению на Британские острова. Командующий флотом вице-адмирал Пьер-Шарль Вильнев должен был освободить Брест, блокированный англичанами, объединить французские эскадры и войти в Ламанш. «Англия наша. Мы совершенно готовы»³, — писал Наполеону Вильнев 22 августа 1805 г.

Между тем международное положение Франции осложнилось. Складывалась третья и самая могущественная антифранцузская коалиция. Подписанный в Петербурге 11 апреля 1805 г. англо-русский союзный договор предусматривал объединение европейских государств, способных двинуть против Наполеона 500 тысяч солдат. Австрия присоединилась к Англии и России. К ним примкнули Швеция, Дания и королевство Обеих Сицилий, находившееся в союзных отношениях с Российской империей, Турция, правительство которой подписало с Россией союзный договор.

Наполеона страшила перспектива русско-английского сотрудничества. 26 мая 1805 г. он приказал Фуше опубликовать письма, якобы поступившие из Петербурга, в которых говорилось о хорошем отношении к французам в России и об «английской жадности, являющейся подлинной причиной продолжения войны». Мнимые «корреспонденты» утверждали, что проект создания антифранцузской коалиции провалился и «в любом случае Россия ни во что не вмешается».

Через три дня император вернулся к той же теме. Фактам вопреки он писал Фуше: «Договор Англии с Россией — ложь; это хитрость английского кабинета; его интриги полностью провалились». Даже в том случае, если это соглашение опубликуют газеты и Питт скажет о его существовании в парламенте, — даже эти факты⁴, по мнению Наполеона, следовало отрицать.

Дезинформация была одним из важных элементов подготовки захватов Бонапарта в Европе. Его советником являлся Талейран. Министр выступил в сенате с докладом о создании Итальянского королевства. Это была дипломатическая увертюра к очередному спектаклю, который состоялся в знаменитом мраморном Миланском соборе 26 мая 1805 г., — второй коронации Наполеона, на голову которого возложили железную корону ломбардских королей. «Бог мне ее дал, несчастье тому, кто ее коснется!». По старинной традиции эти слова прозвучали под сводами исторического собора.

На этот раз на коронации не было Пия VII, хотя от

Рима до Милана расстояние значительно меньшее, чем от Рима до Парижа. О приезде папы не могло быть и речи: ему пришлось бы признать не только Итальянское королевство с французским императором на престоле, но и недавнее присоединение к Франции Генуи и Лукки.

В Италии — успехи, в других районах Европы — неудачи. План вторжения французских войск в Англию оказался не-реальным. Корабли Вильнева не смогли вырваться из Кадикса и достигнуть Ламанша. Тем временем армии третьей коалиции двинулись к французским границам. Наполеон решил опередить их, не дать возможности русским и австрийским силам объединиться. 20 октября 1805 г. австрийцы, окруженные в Ульме, капитулировали. Французы вступили в Вену.

Казалось, победа Наполеона была полной. Но на следующий день после сражения при Ульме, 21 октября, у мыса Трафальгар, расположенного на северо-западе от Гибралтарского пролива, эскадра адмирала Нельсона разгромила объединенный франко-испанский флот. Международное значение этого события было огромным. Англия надолго стала неуязвимой для французского вторжения. Историческая битва стоила жизни обоим флотоводцам. Нельсон погиб, а Вильнев покончил жизнь самоубийством.

А Талейран в своих письмах по-прежнему льстил императору, писал о своей уверенности в его победах и, в сдержанных тонах сообщая о разгроме под Трафальгаром, замечал: «Гений и удача находились в Германии»⁵. В тот же самый день он откровенно, в совсем ином тоне, писал своему другу Отериву: «Какая ужасная новость из Кадикса!»⁶.

Именно Талейран способствовал провозглашению Бонапарта первым консулом, а затем и императором французов. Он же осуществлял и его захватнические планы. Однако теперь министр все чаще испытывал колебания и сомнения, все более опасался, что новые победы неизбежно будут порождать новые войны, а попытка создания «Западной империи», какой бы грандиозной она ни была, в конечном счете закончится полным крахом. Шарль-Морис знал историю и помнил о судьбах завоеваний Александра Македонского и Карла Великого. Он, дипломатическими средствами содействуя провозглашению Наполеона итальянским королем, отдавал себе отчет в том, что никогда европейские монархи не примирятся с объединением Франции и Италии под одной короной. По оценкам министра и его сотрудников из особняка Галифе, перспективы Наполеона не являлись безоблачными. Третья коалиция обладала огромными военными и материальными возможностями, и победа англичан под Трафальгаром отчетливо показала это.

Безграничные завоевательные планы Бонапарта уже давно

вызывали тревогу у Талейрана. Министр был далек от мыслей о святости принципов уважения суверенитета других народов и невмешательства в их внутренние дела. Он мыслил вне этих «идеологических» категорий, если только интересы французской внешней политики не требовали их использования. Иными словами, политический реализм, строго учитывающий перспективы развития международных событий, — вот что определяло взгляды Шарля-Мориса.

Еще на заре наполеоновской эры, в июне 1800 года, Талейран говорил крупному капиталисту Габриэлю Уврару, поставщику французской армии, что Бонапарту следовало бы пойти по пути создания федеральной европейской системы, дающей каждому монарху возможность и после завоевания его территории французами оставаться хозяином у себя дома. Речь шла о восстановлении власти короля Сардинии, великого герцога Тосканского и других правителей. Но первый консул хотел, «наоборот, объединить, присоединить; в таком случае он вступает на путь, который не имеет конца»⁷.

Талейран учитывал и особенности внутреннего положения Франции. Политический режим в стране не отличался стабильностью. На протяжении пяти лет основные государственные и общественные институты неоднократно менялись. Экономическая обстановка была тяжелой. Финансовые крахи следовали один за другим. Из банков вкладчики торопливо брали золото. А боевые действия крупного масштаба, которые французская армия развернула в Европе, требовали все новых и новых расходов.

По мнению академика Эмиля Дарда, со времени разрыва Амьенского мира Талейран «начал отдаляться от Наполеона»⁸. Эта точка зрения не противоречит фактам. Однако открытое беспокойство министр начал проявлять несколько позже. В августе 1804 года, например, он писал императору, что рост численности французских войск в Германии, не учитывающий особенности этой страны, представляло собой «угрозу». Представить взгляды Талейрана на задачи французской дипломатии в их единстве, целостности, взаимосвязях дает возможность записка, написанная им Наполеону в Страсбурге 17 октября 1805 г.

Автор этого важного дипломатического документа прежде всего учитывает особенности характера императора, его привычку к лести и поэтому говорит о военных победах, напоминает о великодушии, с которым Бонапарт всегда стремился «предложить мир своим врагам». «Я размышлял над будущим миром», — писал Талейран о главной идее своей записки.

В Европе существуют четыре великие державы во главе с Францией, «более сильной, чем каждая из трех остальных,

способной даже противостоять всем им вместе». К ним не относится Пруссия. Она является лишь «первой среди государств второго порядка». Франко-пруссский союз Талейран считал невозможным. Великий камергер являлся сторонником сближения с австрийским государством. Он писал: «Австрия, естественный враг русских, должна иметь своим естественным союзником Францию». Это главная, ведущая идея министра. По его мнению, Наполеону следовало заявить австрийскому двору: «Уже в настоящее время союз может быть заключен, я заложил все его основы».

План Талейрана предусматривал отказ Австрии от Венецианского государства, от Триеста и Тироля, от всех ее владений в Швабии, Линдау (город в Баварии), от острова Мейнау, откуда австрийцы могли угрожать Швейцарии. Со своей стороны Наполеон, по замыслу Талейрана, взял бы на себя обязательства разделить короны Франции и Италии, не увеличивать территорию итальянского государства, восстановить Венецианскую республику, присоединив к ней Триест. Но и это не все. Талейран предлагал передать австрийскому монарху земли вдоль Дуная, разрешить ему оккупировать Молдавию, Валахию и Бессарабию. Иными словами, во имя франко-австрийского союза бросить перчатку Турции и России! «Я вмешаюсь, чтобы Оттоманская Порта уступила вам (австрийцам. — Ю. Б.) эти провинции, а если русские нападут на вас, я буду вашим союзником». Такие заверения должен был дать император французов правительству Австрии. В этом случае удалось бы якобы решить проблему «самого длительного мира, на который разум может позволить себе надеяться»⁹.

Концепция не была новой. Она означала возврат к внешней политике Бурбонов, которые находились в союзе с Австрией на протяжении длительного периода времени — с 1756 по 1792 год и явно не отвечала духу времени, и прежде всего стремлению Бонапарта к сотрудничеству с Россией, в значительной мере определявшему его внешнеполитическую программу. Вместо этого Талейран предлагал укреплять Австрию против России, рассматривал австрийскую монархию в качестве «главного оплота Европы» против Российской империи. «Русские, зажатые в их пустынях, направят свою тревогу и свои усилия на юг Азии, где развитие событий столкнет их с англичанами, в настоящее время их союзниками»¹⁰.

Так писал хозяин особняка Галифе, замышляя дипломатическую изоляцию как России, так и Англии. С помощью франко-австрийского союза он рассчитывал полностью закрыть перед русским государством двери Западной Европы, отбросить «варваров» на бесконечные азиатские просторы, сохранить за

Францией все ее территориальные захваты. Легко и просто решался и вопрос о судьбах Турции: «Оттоманская Порта, пожертвовав своим идеальным суверенитетом, купила бы свою безопасность и надежду на долгое будущее»¹¹.

К своей записке министр приложил проекты двух документов — франко-австрийского договора о мире и дружбе и дополнительной конвенции о распределении территорий¹². Договор закреплял за Францией захваченные ею территории Европы, навечно разделял французскую и итальянскую короны, определял границы Австрии, восстанавливал независимую республику Венеции, обязывал императора французов получить согласие Турции на передачу под власть австрийской монархии Валахии, Молдавии, Бессарабии и части Болгарии. «По этому проекту приобретения Франции в Италии, еще не признанные и оспариваемые Австрией, признаются и одобряются ею. Сама Австрия отказывается от всего, что, по нашему мнению, ей не следует сохранять», — писал Талейран. «Право диктата» оставалось бы по-прежнему за Парижем. Это должно было понравиться Наполеону.

Предложения министра обсуждались с участием Наполеона на специальном совете, собранном в Мюнхене в конце октября 1805 года. Ход прений нам неизвестен. Но он был явно неблагоприятным для Шарля-Мориса, констатировавшего 27 октября: «Договор о союзе с Австрией, предусматривающий передачу ей Валахии и Молдавии, а также Бессарабии и Болгарии, был отвергнут, несмотря на десятки тысяч поводов в его пользу. Предпочтение отдается договору с Россией, после того как Австрия будет ослаблена»¹³. Талейран считал, что новые военные успехи подавили в Наполеоне «все, кроме желания идти на Вену, спешить навстречу новым удачам и издавать декреты, помеченные императорским Шенбрунским дворцом»¹⁴.

Разумеется, выигранные сражения всегда кружили голову талантливого полководца, иногда лишали его чувства реальности, слабевшего с каждым завоеванным городом. И тем не менее дело не только в головокружении от успехов: франко-австрийские противоречия были объективно непримиримыми. Завоевательные войны наполеоновской Франции, ее политика в Италии и в Германии подрывали сами основы существования Священной Римской империи германской нации. Наполеон отдавал себе в этом отчет. Его дипломатические приоритеты были иными, чем у Талейрана: на первом месте стояло русско-французское сотрудничество, и на втором — сближение с Пруссией. Записка от 17 октября впервые сделала очевидными и масштабы, и значение расхождений между императором и его министром по коренным внешнеполитиче-

ским вопросам. Шарль-Морис продолжал своеобразную двойную игру: он думал не так, как его император, но действовал в соответствии с его указаниями, делал все, чтобы ему угодить. Но взгляды министра постепенно становились известными. А не в привычках французского самодержца было мириться с инакомыслием своих подданных, тем более самых близких.

Талейран даже после поражения австрийских и русских войск 2 декабря 1805 г. у селения Аустерлиц (сейчас город Славков, поблизости от Брно) упорно стоял на позициях «друза Австрии». Через три дня после кровопролитной битвы он писал Наполеону, что теперь можно было или «разбить австрийскую монархию, или восстановить ее». Но в первом случае уже не удастся «собрать раскинутые обломки и заново создать единое государство. А его существование необходимо. Министр указывал на слабость австрийской монархии с ее многообразием языков, нравов, религий и предлагал победителю протянуть Австрии «великодушную руку». Только при таких условиях эта страна смогла бы стать оплотом против «варваров» (Россия не названа, но явно имеется в виду она. — Ю. Б.).

Смелый документ! Ведь глава дипломатического ведомства отвечал на письмо Наполеона, который писал после Аустерлица, что Австрия проиграла битву и условия мира «больше не могут быть теми же, что и раньше». Победитель требовал самого сурового наказания побежденных. А в ответ Талейран советовал Наполеону перечитать «Записку», написанную им 17 октября в Страсбурге, которую считал «лучшей и самой спасительной». Концепция министра предусматривала не разгром австрийского государства, а союз с ним.

После «битвы трех императоров» под Аустерлицем не могло быть и речи о франко-австрийском союзе. Но Талейран на переговорах с австрийцами о мирном договоре в Пресбурге (теперь Братислава) согласился на некоторые уступки. Размеры австрийской контрибуции были уменьшены. По его словам, он принял меры, чтобы не допустить «ложных толкований» отдельных статей, избежать «всяких двусмысленностей» (и неизменно — в пользу Австрии!). Клеменс Меттерних, вскоре назначенный австрийским послом в Париже, а затем ставший канцлером Австрии, был доволен действиями министра внешних сношений. Иного мнения придерживался Наполеон. Он заявил Талейрану: «Вы заключили в Пресбурге очень стеснительный для меня договор»¹⁵. Вполне естественно поэтому, что и награду — 60 тысяч флоринов и бриллианты — Шарль-Морис получил не из Парижа, а из Вены, от Франца II Габсбурга.

Пресбургский договор, однако, означал крушение диплома-

тической стратегии Талеярана, который вынужден был его подписать. Какая уж там снисходительность к разгромленным австрийцам! «Благоприятные нюансы» (слова Меттерниха), явившиеся результатом усилий французского министра, не меняли главного — австрийская монархия потерпела сокрушительный разгром. Она признала Итальянское королевство во главе с Наполеоном и передала ему Адриатическое побережье (кроме Триеста) — Венецию, Истрию, Далмацию. Она согласилась с французскими захватами в Италии (Пьемонт, Генуя, Парма, Пьяченца и др.). Австрия признала Баварию и Вюртемберг королевствами, а Баден — великим герцогством. Франция получила 40 миллионов флоринов контрибуции (благодаря Талеярану на 10 миллионов меньше, чем требовал Бонапарт).

Главный итог Пресбургского мира состоял в том, что Австрия оказалась вытесненной из Германии. Франц II отказался от титула германского императора. Разве возможен был теперь франко-австрийский союз? Мог ли Наполеон отказаться от плодов своих военных побед? «Никогда Франция не диктовала, никогда Австрия не подписывала ничего подобного. Примите, государь, мои поздравления»¹⁶. Эти слова написаны человеком, который делал прямо противоположное тому, во что верил и к чему призывал.

Не оправдался прогноз Талеярана и относительно франко-пруссского сотрудничества. Он писал в своей страсбургской записке от 17 октября 1805 г.: «В настоящее время союз с Пруссией невозможен»¹⁷. Через две недели, 3 ноября, Пруссия присоединилась к антифранцузской коалиции. 14 ноября прусский министр Христиан Гаутвиц выехал из Берлина, чтобы вручить ультиматум Наполеону; 180-тысячная прусская армия была готова к немедленным боевым действиям. Однако осторожный дипломат не торопился. В Вене он вначале вступил в переговоры с Талеяраном, сообщившим 1 декабря императору: «Сегодня я видел Гаутвица в течение многих часов. Я доволен». Прусский дипломат рассыпался в похвалах Наполеону. Он всеми силами хотел понравиться французам и целый день не снимал с сюртука орден Почетного легиона.

Когда в Вену пришла весть о битве под Аустерлицем, Гаутвиц бросился в Шенбруннский дворец к Наполеону с поздравлениями и с предложениями заключить договор, по которому прусский король готов был взять на себя обязательства не вмешиваться в дела Италии, признать владения Баварии Тироль, Аншпах. Со своей стороны император обещал передать Пруссии Ганновер, который она фактически оккупировала с октября 1805 года. От такой перспективы отказаться было невозможно. Гаутвиц поставил свою подпись под срочно подготовленным французской стороной документом.

Талейран писал Наполеону, что последствия договора будут громадными «главным образом для мира», так как французская империя станет обладательницей не только юга, но и севера Германии. Однако Бонапарт не был склонен доверять Пруссии. Уже через несколько недель после встречи с Гаугвицем он сообщал Талейрану, что не хочет значительного увеличения территории Пруссии, так как это сделало бы ее «более опасной» не только для России, но и для Франции¹⁸. Пройдет всего лишь полгода, и Пруссия вновь (в какой уж раз!) переметнется в лагерь противников императора французов, тем самым полностью доказав правоту его опасений.

Франко-пруссский договор подвел черту под бурным 1805 годом. Он был необычным и трудным для Шарля-Мориса, которому пришлось надолго покинуть Париж с его удобствами, развлечениями, салонами, друзьями, ночными бдениями, с картами (игральными, разумеется) в руках. Все это, казалось, ушло в прошлое за восемь месяцев блужданий по дорогам, отнюдь не похожим на современные автострადы. Лион, Милан, Страсбург, Мюнхен, Вена, Брюнн, Пресбург... Многочисленные города промелькнули перед глазами.

После долгих странствий в январе 1806 года Талейран вернулся в Париж. Столичная передышка оказалась довольно длительной — почти девять месяцев. Франция в это время находилась в состоянии войны с Англией и Россией. Но после Аустерлица наступило временное затишье. Затишье в боевых операциях, но не в дипломатии. И срочных дел у министра внешних сношений прибавилось. Он вел мирные переговоры, участвовал в создании Рейнской конфедерации. И даже знаменитая континентальная блокада была задумана и осуществлена не без его участия.

Как зло шутит иногда судьба над государственными деятелями! Она вынуждает их действовать вопреки их воле и разуму. Талейран являлся сторонником мира с Англией, но по приказу Наполеона выдвигал явно неприемлемые для англичан условия. Он по долгу службы искал сближения с Россией, а был горячим поборником союза с Австрией. Министр видел будущее Европы в союзе независимых государств, но положил связанную по рукам и ногам Германию к ногам императора французов. Мудрые головы в особняке Галифе и его хозяин понимали, что никому и никогда не удастся разорвать складывавшиеся веками хозяйственные и торговые связи между Британскими островами и европейским континентом. Но Талейран тем не менее нашел аргументы для оправдания континентальной блокады, хотя и являлся ее убежденным противником.

«Больше не будет германского императора! Три императора в Германии: Франции, Австрии и Пруссии». Эти слова написаны 27 октября 1805 г. в Мюнхене. Возможно, они и были правильными в то время. Но после Пресбургского мира ситуация на немецкой земле коренным образом изменилась. Австрийская монархия, потеряв 1100 квадратных миль территории и 2785 тысяч населения, оказалась вытесненной не только из Италии, но и в значительной мере из Германии. Прусского короля уже именовали в Европе вассалом Наполеона. В итоге не три императора, а один — император французов — диктовал свою волю германским князьям, менял границы их владений, обогащал и разорял феодальных владык, обеспечивая прежде всего военно-стратегические и экономические интересы Франции.

Задача министра внешних сношений состояла в том, чтобы придать планам Наполеона правовую форму, объединить немецкие государства под французским протекторатом, закрепить новую систему отношений в Европе международным соглашением. Саму идею полтора века назад — в качественно иных, разумеется, условиях — выдвинул кардинал Мазарини, пытавшийся сплотить вокруг Людовика XIV западногерманских князей.

План создания Рейнского союза и все связанные с ним дипломатические документы были подготовлены под руководством Талейрана. Ознакомившись с его проектом урегулирования германских дел, Наполеон одобрил его: «Не будет больше сейма в Регенсбурге, так как Регенсбург перейдет во владение Баварии; не будет Германской империи». Констатируя эти перемены, Наполеон предложил министру созвать конгресс полномочных представителей Баварии, Вюртемберга, Бадена, Клеве, Гессен — Дармштадта, других немецких княжеств, на котором бы они объединились в новый союз германских государств¹⁹.

Итак, какие же основные принципы положил Талейран в основу своего плана создания Рейнского союза? В Пресбурге была похоронена Священная Римская империя германской нации. Франц II стал именоваться императором Австрии и королем Венгрии и Чехии (Богемии, как тогда говорили). Его власти над Германией был положен конец. Ганновер по-прежнему оставался призом Наполеона. Он разжигал алчность прусского короля, но рассматривал при этом Ганновер как компенсацию англичанам в случае примирения с ними (дело, однако, кончилось тем, что Ганновер стал в 1810 г. составной частью французской империи). Возможности вмешательства Пруссии в общегерманские дела оказались практически сведенными к нулю. Опорой французов в Рейнском союзе стали

курфюрсты Баварии и Бюртемберга, провозглашенные королями, и курфюрст Бадена, получивший титул великого герцога.

Все они в качестве союзников Франции взяли на себя обязательства участвовать в войнах, которые она вела, мобилизуя 63 тысячи солдат. Как можно больше войск — так ориентировал император своего министра²⁰. Он писал Талейрану: «Территория (Рейнской. — Ю. Б.) конфедерации неприкосновенна; ни одно государство, каким бы оно ни было, не может вступить — вооруженное или безоружное — на эту территорию, не развязав войну с конфедерацией; ни один из членов конфедерации не может предоставить право прохода хотя бы одному вооруженному человеку или направить к конфедератам иностранные державы»²¹. Какая уж тут национальная независимость! Суровый режим военного завоевания, который на словах Талейран осуждал, а на деле сам неумоимо его в Европе насаждал.

Для ведения сложных дипломатических переговоров по германским делам Талейран имел своих людей, с которыми поддерживал тесные личные отношения. Среди них дядя и племянник Дальберги. Дядя — Карл Дальберг — являлся архиепископом в Регенсбурге. Принадлежавшая ему крупная земельная собственность — семейная и церковная — осталась нетронутой в результате усилий бывшего епископа Отена, занимавшегося индемнизацией в 1803 году. Дальберг тайно послал немецким дворам письмо с призывом к сопротивлению французским завоевателям, и в то же время безмерно льстил Бонапарту, сравнивая его с Карлом Великим, называя императором Запада. Наполеон не остался безучастным к столь откровенным выражениям преданности. Он встречался с дядей, пригласил и его, и племянника на свою коронацию в собор Парижской богородицы.

Особенно близок Талейран был к племяннику — Эммериху Дальбергу, посланнику Бадена в Париже. Баденский дипломат обладал такими качествами, как настойчивость, энергичность и, главное, необычайная хитрость. Он умел ладить с совершенно разными людьми. Дальберг поддерживал дружеские отношения с известным политическим агентом Людовика XVIII Витролем, вместе с тем считаясь сторонником Наполеона. Жан Орье в своей уже упоминавшейся книге называет Эммериха «наиболее официальным и самым организованным шпионом в Париже», якобы находившимся на службе у царя. Орье утверждает, что А. И. Морков через молодого Дальберга отправлял свою секретную корреспонденцию в Петербург, хотя не приводит никаких подтверждающих это документов.

К своим немецким друзьям министр внешних сношений относился самым внимательным образом. Карл стал принцем-

примасом Франкфурта-на-Майне, а Эммерих получил французское гражданство и пост государственного советника с жалованьем 200 тысяч франков. Со своей стороны Дальберги оказали Талейрану большую помощь в переговорах с немецкими князьями. Они снабдили его ценнейшей информацией о состояниях, родственных связях, интересах и возможностях каждого из титулованных германских посетителей особняка Галифе. Здесь же 12 июля 1806 г. представители 16 германских государств поставили свои подписи под договором с Францией, оформившим создание Рейнского союза. Через два года союз насчитывал уже 37 участников. Талейран утверждает в своих «Мемуарах», что «пытался спасти» мелкие немецкие государства, но удалось ему это «только в отношении очень немногих»²².

Добавим, что счастливчикам пришлось дорого заплатить своему благодетелю. Ко времени создания наполеоновской империи Талейран, по признанию его друга, финансиста Эрваса, уже обладал огромным состоянием. «Рейнское дело» открывало безграничные возможности для обогащения, становясь поистине «золотом Рейна». С каждым германским «гостем» Талейран встречался отдельно. И принцы, и князья, чувствуя себя на краю пропасти, платили. Платили широко, как правило, не торгуясь. Итог был астрономическим — в карман министра поступило 2 700 000 тысяч франков. И на этот раз операция прошла для ее героя безнаказанно. Правда, через несколько лет император потребует от своего бывшего министра, чтобы он вернул взятки на сумму 680 тысяч франков, полученные им от городов Гамбург, Бремен и Любек в 1806 году. В случае неуплаты Талейрану грозили суд и конфискация имущества²³.

Но время для сведения счетов еще не пришло. Пока, в период создания Рейнской конфедерации, императора и его министра связывали отношения доверия. Монаршие милости сыпались на Талейрана как из рога изобилия. Деньги шли к деньгам, титулы к титулам... 5 июня 1806 г. Наполеон подписал декрет, передававший во владение министра княжество Беневенто и объявлявший его князем и герцогом Беневентским. Это было сделано по-наполеоновски — грубо, с размахом, без соблюдения дипломатических норм. Княжество, находившееся в 50 километрах от Неаполя и насчитывавшее 40 тысяч жителей, принадлежало Святому престолу. Но папа узнал о том, что он лишен своей собственности только из сообщения официального издания «Монитор». Протест, поступивший из Рима, не произвел в Париже никакого впечатления, а в Беневенто вошли французские войска. Через месяц после подписания декрета Наполеон потребовал от Талейрана, чтобы

тот принял власть в своей вотчине и направил туда для ее осуществления своего представителя²⁴. Министр так и поступил, но его подданные так ни разу и не увидели данного им императором французов правителя!

К осени 1806 года стало, однако, очевидным, что французской дипломатии не удастся договориться о мире ни с Россией, ни с Англией. Прусский двор, напуганный созданием Рейнской конфедерации, вновь примкнул к антифранцузской коалиции и 1 октября направил в Париж ультиматум с требованием в десятидневный срок отвести войска Франции за Рейн. Наполеон ответил стремительным наступлением. 14 октября в двух сражениях — под Иеной и Ауэрштадтом — прусские войска потерпели поражение. 27 октября французская армия вступила в Берлин. Комендантом города был назначен генерал Юлен, участник расправы над герцогом Энгийенским.

Талейран последовал за императором и 7 октября прибыл в Майнц. Через два дня он написал письмо, в котором вновь вернулся к любимой теме — франко-австрийскому союзу. «Австрия сознает цену союза с Францией и желает его»; тем самым будут обеспечены австрийский нейтралитет в «нынешней войне» и гарантии того, что Австрия займет антирусскую и протурецкую позиции²⁵. Этот привычный для министра панегирик в адрес венского двора сопровождался обычной лестью Наполеону. «Победы Вашего величества превратили наше беспокойство в ликование; мы здесь радуемся вашему триумфу и вашей славе». Через несколько дней после отправки письма Шарль-Морис прибыл в Берлин.

В прусской столице Наполеон завершил подготовку знаменитого декрета, объявившего континентальную блокаду. Это была грандиозная попытка «завоевать море мощью земли»²⁶ — так оценил Наполеон свой план в письме брату, королю Голландии Жозефу. Ахиллесова пята этого плана состояла в том, что он подрывал экономику не только Англии, но и других европейских стран, в том числе Франции. Свои жизненные интересы независимые буржуазные государства Европы, складывавшиеся в то время, должны были под угрозой вооруженного насилия подчинить воле одного человека — императора французов. Вот почему континентальная блокада представляла собой здание, построенное на песке. Никакие силы на земле не могли задержать ее крушения.

В своих «Мемуарах» Талейран упоминает о «гигантской и гибельной континентальной системе». И вместе с тем за день до императорского декрета, 20 ноября, Талейран подписал доклад, основная аргументация которого полностью совпала с опубликованным на следующий день документом.

Однако Эмиль Дард утверждает, что этот доклад был написан не рукой Талейрана — «он противоречит всем его идеям и ни в коей мере не возлагает на него ответственность»²⁷. Дард не прав. Под этой запиской стоит подпись главы дипломатического ведомства. Даже если она подготовлена одним из сотрудников особняка Галифе, за ее содержание перед историей отвечает Талейран. Как и всегда, он поступился принципами ради своих интересов.

Талейран обвинял англичан в «несправедливых и жестоких» действиях морских каперов, в нарушении принципов международного права, запрещающих применение военных методов в отношении мирных безоружных граждан, их жилищ и собственности, товаров и мест их хранения, транспортных средств, невооруженных судов, гаваней, коммерческих центров. Англия, писал министр, прикрываясь понятием «право на блокаду», «попала все идеи справедливости и все человеческие чувства». Вывод Талейрана: Франция — «единственная держава, которая располагает для этого средствами», имеет право на оборону, так как «справедливость между нациями — это безусловная взаимность»²⁸.

«Британские острова объявляются в состоянии блокады» — эти слова декрета означали экономическую войну против Англии. Министр внешних сношений дал Наполеону все необходимые исторические и правовые аргументы для такого решения. Теперь дела в прусской столице были закончены, и Наполеон покинул ее 25 ноября. Талейран выехал из Берлина через несколько дней, сначала — в Познань, а затем — в Варшаву. Его «польское сидение» оказалось продолжительным — около шести месяцев, до мая 1807 года.

Путешествие было очень утомительным. Карета тонула в грязи. Ее неоднократно часами вытаскивали солдаты, открыто ругавшие войну, усталые от недоедания, холода и болезней, поминали недобрым словом даже дипломатов, которым нечего было делать в далекой и разоренной Польше. Но в ее столице министра встретили наилучшим образом. Он поселился, как недавно доказали польские историки, в доме Пепперов (а не в особняке Радзивиллов, как считали раньше) и сразу же установил связи с аристократическими семьями Понятовских, Валевских, Тышкевичей, Потоцких. Балы и приемы, званые обеды и ужины не помешали Талейрану решить ряд важных дипломатических вопросов. Среди них на первом месте стояли встречи с генералом Карлом Винцентом, лотарингцем по происхождению, после Пресбургского мира представлявшим Австрию в Париже.

Опять переговоры с разгромленными и потерявшими веру в себя австрийцами? В самом деле, совсем недавно импера-

тор отверг записку своего министра от 17 октября 1805 г., а теперь, выходит, возвращается к ее основным идеям?

И после Аустерлица, после создания Рейнской конфедерации Франция не вышла из состояния дипломатической изоляции. Добиться мира с Англией и Россией французской дипломатии не удалось. «Я не могу иметь реальный союз ни с одной из великих держав Европы; союз, который я имею с Пруссией, основан на страхе»²⁹, — написав эти строки Талейрану 12 сентября 1806 г., Наполеон не мог предвидеть, что через месяц французские войска померяются силой с прусской армией под Иеной и Ауэрштадтом.

Пруссия потерпела сокрушительное поражение, и дипломатическая обстановка в Европе изменилась. На следующий день после приезда Винцента в Варшаву, 9 января 1807 г., Наполеон его принял и заявил: «Мы закончим союзом»³⁰. Разумеется, более реалистичным он был со своим министром: «Австрия не объявит нам войну, она чувствует, что у нее сложное положение, она лавирует между нами и Россией, а нам большего и не нужно»³¹.

В такой обстановке Талейран чувствовал себя как рыба в воде, его идеи вновь обрели силу! Он предложил австрийскому дипломату подписать союзный договор при условии соблюдения целостности и независимости Турции. «Талейрана все больше и больше рассматривали в Вене как друга, почти как союзника против Наполеона»³², — замечает Эмиль Дард. Но тем не менее австрийский министр иностранных дел Иоган Стадион-Вартхаузен решил проявить осторожность. Он предложил посредничество Австрии на следующих условиях: урегулирование германских дел; неприкосновенность турецкой империи; сохранение раздела Польши; участие английских представителей в переговорах. Шарль-Морис продолжал настаивать на союзе. Он даже выбрал Прагу для будущего конгресса. Но Наполеон принял иное решение: он согласился с посредничеством Вены, явно рассчитывая выиграть время и в случае новых военных успехов реализовать свой план — вступить в союз с Россией.

27 мая французы взяли Данциг, 14 июня нанесли поражение русским войскам при Фридланде (ныне советский город Правдинск). Талейран из Данцига направил письмо Наполеону, в котором рассматривал победу под Фридландом «как предвестник, гарантию мира»³³. Об австро-французском союзе уже не могло быть и речи. Наполеон твердо взял курс на союз с Россией.

Итак, последняя и, казалось, такая реальная надежда друга Австрии на осуществление идей его «политического романа» (так Шарль-Морис именовал свою ноту от 17 октября)

рухнула. Расхождение между дипломатическими концепциями императора и его министра стали особенно очевидными. Это, несомненно, ускорило решение Талейрана об отставке. Но пока, находясь в Варшаве, в последние месяцы своего пребывания у власти он вынужден был заниматься далеким от дипломатии вопросом — снабжением французских войск. «То, что я вам поручаю, более важно, чем все переговоры о мире», «свершите чудеса», — писал Наполеон министру. И со свойственным ему высокомерием добавлял: «Разбить русских, если я буду иметь хлеб, — это детская забава»³⁴. В пылу бездумного самовосхваления император французов, видимо, забыл о своих собственных высказываниях по поводу силы русской армии и беспримерного мужества ее воинов.

Изо дня в день Талейран занимался покупкой и отправкой продуктов, вина, организацией транспорта. Он писал: «Я заботился об обмундировании войск, ведал их передвижениями, закупал продовольствие, посещал госпитали, присутствовал при перевозках раненых, раздавал награды и должен был даже помогать губернатору в составлении приказов по войскам. «Этот род занятий, чуждый моим привычкам, был бы для меня очень тягостен, если бы я не нашел в доме князя Понятовского и его сестры, супруги графа Винченца Тышкевича, всяческой помощи и поддержки»³⁵.

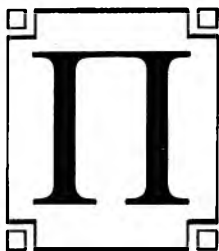
Но связи министра с польской аристократией отнюдь не являлись только деловыми. Он и в Варшаве являлся организатором балов и приемов. Приходилось ему исполнять и свои обязанности камергера, среди которых были и весьма деликатные. Именно он познакомил Наполеона с польской графиней Марией Валевской. В результате этой любовной связи появился на свет внебрачный сын Александр, ставший впоследствии министром Наполеона III.

...3 мая 1807 г. Талейран навсегда покинул Варшаву. Много воспоминаний сохранилось у него от пребывания в этом городе. Разных. Необычных. Даже неправдоподобных. Он вернул, например, польским магнатам полученную от них огромную сумму, так как понял, что Наполеон никогда не решится ссориться сразу с тремя императорами во имя независимости Польши. Талейран, добровольно возвращающий взятку? Трудно поверить. И тем не менее и такое с ним случилось.

А впереди было заключение русско-французского союза. Путь к нему был длительным и трудным. И начался он вскоре после разрыва дипломатических отношений между Францией и Россией.

ГЛАВА XVII

СНОВА РОССИЯ: ПЕРЕГОВОРЫ БЕЗ ВЗАИМНОСТИ

осле разрыва франко-русских дипломатических отношений в сентябре 1804 года статский советник Петр Яковлевич Убри, временный поверенный в делах в Париже, возвращался домой в весьма удрученном состоянии. По дороге в Майнце произошла его неофициальная встреча с генералом Арманом Коленкуром, возобновившим предложение министра внешних сношений о заключении нового договора между Россией

и Францией. Но стороны так и не пришли к взаимопониманию, и Убри продолжил свой путь. Состоявшийся обмен мнениями вызвал, однако, недовольство в Петербурге, и товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский упрекнул Убри, что тот отошел от «прямого разума инструкций», так как его слова могли дать французам «повод к заключению о нашей склонности или самом искательстве средств к сближению и возобновлению сношений наших с Францией»¹.

Между тем новые французские инициативы не заставили себя ждать. Через прусского посланника в Париже Люккезини («лживый и низкий», «жалкий», «его ремесло — интрига» — так отзывался об этом дипломате Бонапарт)² 10 ноября 1804 г. Талейран предложил заключить новый русско-французский договор на следующих условиях: французские войска уходят из Неаполя; сардинский король получает покинутые русскими Ионические острова и Мальту; Россия признает королевства Италии и Этрурии, присоединение Пьемонта к Франции и ее права на Парму и Пьяченцу. Однако Чарторыйский подтвердил верность русской дипломатии мирному договору и секретной конвенции 1801 года³.

Таким образом, идея сотрудничества с российским государством жила в официальном Париже даже в периоды, когда для нее, казалось, не существовало никакой почвы. Главным сторонником союза с Россией являлся император французов. Правда, в начале XIX века политическая обстановка в Европе менялась с удивительной быстротой. Применяясь к обстоятель-

ствам, Наполеон искал сближения то с Пруссией, то со своим главным противником на континенте — Австрией. И если Англия всегда оставалась для императорской Франции непримиримым врагом, с которым в лучшем случае можно было сосуществовать на условиях «вооруженного нейтралитета», то Россия столь же неизменно представляла собой желанного союзника, ценность которого, как это ни странно, возрастала с каждой победой французского оружия. Они вынуждали феодально-абсолютистскую Европу спланиваться, временно преодолевая разделявшие ее антагонизмы. В таких условиях поддержка Франции «евроазиатским гигантом» на Востоке приобретала для Наполеона решающее значение.

В Петербурге, однако, считали, что французские завоевания коренным образом изменили соотношение сил в Европе, приближая угрозу войны к русским границам. С этой точки зрения судьбы Германии непосредственно смыкались с проблемой безопасности России. Однако если по главным аспектам германских дел удавалось согласовывать позиции сторон (правда, с немалым трудом!), то отношения с «неизлечимо больной» Турцией являлись полем непримиримой конкуренции. «В настоящее время Россия и Франция сталкиваются только в Турции. Россия не потерпит там французского господства»⁴, — писал Чарторыйский царю.

Дипломатическая стратегия императора порождалась завоевательными войнами и обслуживала их. За победами следовали попытки реванша со стороны неудачников. «В глазах Бонапарта уступка какой-либо земли, присвоенной им и закрепленной формальным договором, была как бы отречением от короны; и для него решительно все равно, случится ли это от силы штыков или от его слабости»⁵. Это писал П. Я. Убри. В самом деле, стратегия агрессии и территориальных захватов создавала тот порочный замкнутый круг, выход из которого в конечном счете был один — крушение наполеоновской империи.

Какова же была дипломатическая тактика Бонапарта в этих сложных условиях? Одна из важных ее особенностей состояла в том, чтобы добиться мира прежде всего с Россией. Так было в 1801—1805 годах. К этой же цели он стремится, хотя и неудачно, в 1806 году. Русско-французский мир утверждается в 1807 году в Тильзите и во время свидания двух императоров в Эрфурте. Но порочная стратегия разбоя все же берет свое. Она приведет Наполеона на Березину, а затем к Лейпцигу и Ватерлоо.

Но вернемся к событиям, последовавшим за отъездом П. Я. Убри из Парижа. Предложения Коленкура и Талейрана о заключении русско-французского мирного договора в Петер-

бурге отвергнуты. Но через несколько месяцев, в апреле 1805 года, подписан союзный договор между Англией и Россией. И английское правительство предложило направить во Францию с «миссией мира» русского представителя. Царь согласился с кандидатурой графа Н. Н. Новосильцева, одного из людей своего ближайшего окружения, товарища министра юстиции, впоследствии председателя Государственного совета и Комитета министров. Человек жесткого, крутого нрава, Новосильцев за несколько месяцев до англо-русского соглашения вел в Лондоне переговоры с Питтом о создании новой антифранцузской коалиции, настойчиво отстаивая русские интересы. Личные качества министра и определили его выбор для сложных переговоров с Талейраном.

Сначала в Петербурге торопились. 11 июня 1805 г. Александр I потребовал от Новосильцева «отправляться немедленно» в Париж для обсуждения «основ замирения в согласии с Англией». Он должен был «настаивать на быстром очищении известных мест, занятых теперь французами», «договариваться с Бонапартом непосредственно», но не признавать его императорского титула до успешного завершения переговоров⁶. Посланец царя имел на руках проект соглашения о восстановлении мира между Францией и Англией на основе Люневильского, Амьенского, Парижского договоров и русско-французской секретной конвенции 1801 года. Проект предусматривал: немедленную эвакуацию французами Италии и Голландии; признание независимости Швейцарии, Ионических островов, Сардинского королевства и Пьемонта; передачу Мальты «под охрану» русских войск; территориальные изменения в Германии в пользу Австрии, Пруссии, Баварии, Бадена; возвращение Франции и Голландии занятых англичанами территорий; созыв европейского конгресса для решения других территориальных вопросов.

Русская дипломатия проявляла необычайную оперативность. В этот же день, 11 июня, Чарторыйский сообщил Талейрану, что Новосильцев «отправляется в Париж», и царь «на всякий случай» дал ему полномочия «установить и подписать условия замирения». Русский представитель находился в это время в Вене. Но 25 июня Новосильцев получил сообщение о том, что необходимость в переговорах с Бонапартом отпала⁷. Что же произошло?

Наполеон и не думал отказываться от политики захватов. В марте 1805 года он был провозглашен королем Италии, а в июне присоединил к Франции Геную и Лукку. Мирные переговоры могли лишь служить прикрытием для его очередных агрессивных действий. К тому же формирование антифранцузской коалиции успешно продвигалось вперед. Уже

стало очевидным, что к ней присоединится Австрия. Отчетливо вырисовывались контуры новой войны, новых кровавых схваток. В таких условиях о примирении уже не могло быть и речи.

Миссия Новосильцева являлась «скорее препятствием, чем средством к миру», считал Талейран. В циркулярном письме французским представителям за границей он подчеркивал, что между Францией и Россией имели место «косвенные и мимолетные сношения». Министр обвинял русское государство в стремлении к «постепенному захвату Персии и Турции», в отправке своих эскадр «по оттоманским морям». По словам Талейрана, «причуды России обманули ожидания» Наполеона⁸.

И опять дипломатия (в какой уже раз!) уступила место силе. Австрия потерпела поражение и ее представители подписали Пресбургский мир. По вине Александра I, действовавшего под влиянием своего окружения и вопреки мнению дальновидного и мудрого М. И. Кутузова, русская армия поделила с союзниками поражение под Аустерлицем. Россия оказалась в трудной военно-дипломатической ситуации. Началась очередная переоценка внешнеполитического курса империи. В новых условиях в начале 1806 года многие члены Государственного совета высказались за то, чтобы, сохранив союз с Англией и добрые отношения с Австрией, препятствуя франко-прусскому сговору, встать на путь русско-французского сближения. «Открыть прямые переговоры с Францией», — считал А. Чарторыйский. С ним соглашались министр внутренних дел В. П. Кочубей, министр просвещения П. В. Завадовский, товарищ морского министра В. Чичагов. По словам П. В. Строганова, одного из основателей Негласного комитета, надо было «послать немедленно к Бонапарте под каким-нибудь предлогом с нужными способностями человека»⁹.

И предлог нашелся. По поручению Талейрана французский торговый агент в Петербурге Лессепс сообщил Чарторыйскому в апреле 1806 года, что министр внешних сношений выступает «за прямые переговоры, без посредников», то есть без Англии, и стремится к сближению с Россией¹⁰. В официальном русском ответе указывалось, что царь «разделяет это желание» и поэтому «необходимо искренне объяснить насчет всего, что может касаться выгод обоих государств». Для «объяснений» в Париж 6 июля 1806 г. прибыл П. Я. Убри¹¹.

Русской дипломатии нужна была мирная передышка. Но это не единственная причина решения, принятого в Петербурге. После смерти Уильяма Питта в январе 1806 года дипломатическое ведомство возглавил лидер радикального крыла вигов Чарлз Фокс. Наполеон относился с большим уважением к этому государственному деятелю. На протяжении

всей своей политической карьеры новый британский министр стремился к союзу с Францией и США. Уже в феврале, вскоре после прихода к власти, он установил первые контакты с Парижем. Фокс сообщил Талейрану о существовании заговора, цель которого состояла в убийстве «главы французов». «Я с жадностью ухватился за этот предлог и, поблагодарив его от имени императора, выразил миролюбивые намерения»¹², — пишет в своих «Мемуарах» Шарль-Морис.

Талейран являлся активным сторонником мира с Англией. Но главная его цель состояла в том, чтобы подорвать русско-английский союз, ведя сепаратные дискуссии с представителем каждой из стран. Этот замысел разгадали и в Лондоне, и в Петербурге. Фокс ответил, что Россию — союзницу Англии — следует рассматривать как равную ей сторону в предстоящих мирных переговорах. Со своей стороны царское министерство иностранных дел еще 13 мая сообщило британскому послу в Петербурге Гоуэру, что в Париж выедет русский представитель для встреч с Талейраном и ему будет поручено согласовывать все свои действия с представителем Фокса¹³.

Осторожный и опытный дипломат, Убри действовал в соответствии с полученными им инструкциями. Он поддерживал тесную связь с лордом Ярмутом, доставленным по указанию Талейрана из Вердена, где он находился среди англичан, арестованных еще в 1803 году. Лорд являлся личным другом Фокса. Он находился в приятельских отношениях и с Монроном (многолетним доверенным лицом министра внешних сношений). Ярмута и Монрона объединяли такие крепкие и надежные узы, как неискоренимое влечение к спиртным напиткам и к азартным играм, приверженность к другим земным утехам. Обо всем этом Убри знал. Он писал Чарторыйскому, что Ярмут «питает решительную страсть к игре и не меньшую к пьянству» и «пьет с утра до вечера» с Монроном — «злым духом» Талейрана¹⁴. Надо думать, личность Ярмута не представляла тайны и для Фокса, и он направил в Париж в качестве чрезвычайного посла лорда Лаудердаля, который и взял на себя всю тяжесть переговоров.

Убри должен был «подготовить путь к формальным переговорам о всеобщем мире» или, по крайней мере, подписать перемирие на срок от одного года до десяти лет. Он получил твердые инструкции не соглашаться на вывод русских войск с Корфу, не одобрять франко-прусскую сделку относительно Ганновера, добиваться независимости Дании и Швеции, гарантий безопасности Турции от французских посягательств. Признание императорского титула Бонапарта в Петербурге считали возможным при соблюдении французами ряда условий: полная или частичная эвакуация Далмации

(побережье Адриатического моря с многочисленными островами); возвращение неаполитанскому королю его владений, в их числе и Сицилии; предоставление «надела» королю Сардинии, создание одного или нескольких буферных государств между Италией и Турцией. Убри мог не только дать согласие на полное восстановление русско-французских торговых отношений, но и подписать мирный договор, если бы его условия поставили надежную преграду на пути французских завоеваний на Балканах и во всем Восточном Средиземноморье, укрепляли русское влияние в этом районе. Однако он не должен был забывать о сохранении «дружеских и союзных отношений с главными державами Европы»¹⁵.

Итак, возможности для маневрирования у Убри были ограниченными. Он обладал известной свободой действий лишь в германских делах. В средиземноморских вопросах позиция царской дипломатии оставалась жесткой. Здесь у русского дипломата не было путей для компромиссов. Пользуясь этим, Талейран сразу же создал на переговорах напряженную обстановку. Суть его тактической линии состояла в том, что он торопил, настаивал, проявлял мнимую готовность к уступкам, неустанно подчеркивая, что возможное сегодня станет недостижимым завтра. Ведение переговоров он передал в руки генерала Анри Кларка, сохранив за собой позиции арбитра.

Всего три дня находился Убри в Париже, и за это время он трижды встречался с Талейраном. Тот уговаривал русского дипломата подписать договор в течение суток, создавал необычно доверительную обстановку. Но при этом позиция министра внешних сношений оставалась жесткой. Когда речь зашла об освобождении французами берегов Адриатики, он «возразил довольно холодно, что тут ничего нельзя изменить: нечего даже делать такое предложение». Такую же позицию Талейран занимал и в других вопросах. Он говорил, что «не должно вдаваться в химеры: никогда Франция не уступит Венеции и Истрии». А сам выдвигал заведомо нереальные проекты, предлагая, например, передать неаполитанскому королю «Семь островов, которые никому не принадлежат».

«По конкретным проблемам Германии князь Беневентский также не подал мне надежды», — сообщал Убри в Петербург. Талейран, например, никак не прореагировал и на заявление царского посланца «о крайнем усилении Пруссии, благодаря Франции», но в то же время говорил «о влиянии Австрии в немецкой империи, которое можно было уничтожить». Иными словами, французская дипломатия не намерена была пересматривать ни свое враждебное отношение к Австрии, ни свой курс на тесное сотрудничество с Пруссией¹⁶.

И в «турецком вопросе» министр прибег к своей обычной тактике «разделяй и властвуй». В беседе с Убри Талейран, упомянув жалобы турецких властей на частый проход русских военных судов через Дарданеллы, заявил: «Молдавия и Валахия — русские провинции». Глава французской дипломатии заботился не о восстановлении исторической справедливости, а о разжигании русско-турецкой вражды. Поэтому он и предложил передать Далмацию и Албанию неаполитанскому королю. «Надеюсь, вы напишете, что находите здесь мирное настроение, особенно с тех пор, как я уступил вам Далмацию и Албанию, которые, признаюсь вам, мы взяли лишь с целью немного взбесить вас».

Ведя переговоры с царским представителем, Талейран стремился также рассорить Россию и Англию, вбить клин между ними, посеять взаимное недоверие и в Лондоне, и в Петербурге. «Договариваясь с вами, не договариваюсь ли я с британским министерством?», — с мнимой подозрительностью вопрошал министр. Убри дал заверение, что в Лондоне не получают информацию о том, что в Париже говорится «только для русских». В случае необходимости французские дипломаты теперь немедленно информировали бы Фокса о том, что русские нарушают свой союзнический долг.

Наступление Талейрана не удалось. Убри не сдавался. Тогда Талейран 11 июля предложил подписать подготовленный им проект перемирия. Французский дипломат, словно колоду карт, перебирал все возможные варианты. Перемирие на 8—10 лет... Окончательный договор... Передача России «в собственность» Семи островов. Он даже сделал заявление о том, что скоро настанет время для союза России и Франции. Но русский представитель настаивал на требованиях, сформулированных в его директивах¹⁷.

Наконец, наступила развязка. К переговорам подключился Анри Кларк. Он дезавуировал министра, заявив, что тот превысил свои полномочия, так как Наполеон «никогда не откажется от Далмации». Переговоры с Кларком закончились только в половине пятого утра¹⁸.

Вновь вступил в игру Талейран. Дискуссия опять длилась день и ночь. «Меня все заставляли подписать», — сообщал Убри в Петербург. Он отказался поставить свою подпись под уже подготовленным документом. Вскоре состоялась новая встреча. История повторилась точно таким же образом. Дискуссия, казалось, становилась бесконечной. Министр неутомимо настаивал на немедленном заключении договора. Завтра будет поздно! И Убри уступил шантажу. Он одобрил «Русско-французский договор о мире и дружбе»¹⁹. «Я убедил его»²⁰, — не без оснований заметил Шарль-Морис в своих «Мемуарах».

Однако теперь надо было убедить Петербург ратифицировать подписанный в Париже документ. Но к этому времени обстановка изменилась. Четвертая антифранцузская коалиция набирала силу. В июле, именно в то время, когда Убри подвергался особенно ожесточенным атакам со стороны Талейрана и Кларка, Фридрих Вильгельм III и Александр I подписали секретные декларации, оформившие тайный русско-прусский военный союз. Одновременно англичане обещали Пруссии субсидии. Это был ответ на создание Рейнского союза, превратившего германские государства в вассалов Наполеона. Произошли изменения и в руководстве российской дипломатией. Чарторыйский, отрицательно относившийся к сотрудничеству Российской империи с прусской монархией, в июне 1806 года ушел в отставку. Его сменил генерал А. Я. Будберг, в течение семи лет занимавший пост царского посланника в Стокгольме, член Государственного совета, активный сторонник войны с Францией²¹.

К войне склонялся и царский Военный совет. 17 июля 1806 г. он одобрил план оборонительных и наступательных действий русской армии против Франции. Военные круги Петербурга считали, что соотношение вооруженных сил являлось благоприятным для России и Пруссии и давало им шансы на успех в новой схватке с Наполеоном. Договор с Францией потерял всякий смысл.

Отказ от ратификации этого документа не представлял труда. Царский дипломат нарушил данные ему директивы, согласившись, например, на французскую оккупацию Далмации. Государственный совет в своем заявлении отклонил договор и отметил, что П. Я. Убри подписал его «совершенно на свой страх, не только преступая пределы своих полномочий, но и действуя, очевидно, против буквы и духа своего поручения»²². Дипломата отправили в его имение.

Из Петербурга в Париж долго не поступало никаких сведений. Наполеон тревожился. 31 августа Талейран сообщил императору, что ему ничего не известно о судьбе договора²³. Одновременно министр настойчиво обращался с вопросами к оставшемуся в Париже надворному советнику Харламову: ратифицирован ли договор; назначен ли русский посланник; когда собирается он выехать к месту назначения. Министр в «большом беспокойстве», информировал Харламов Будберга²⁴.

14 августа 1806 г. Будберг сообщил Талейрану, что русско-французский договор не ратифицирован, так как в нем не соблюдены обязательные для России условия. И уже 7 сентября Талейран разослал французским представителям за рубежом циркуляр, в котором говорилось, что Франция «не боится войны»²⁵.

Провал договора, подписанного Убри, нанес смертельный удар и по англо-французским отношениям. Талейран писал Наполеону 31 августа 1806 г., что до ратификации «не следует надеяться на прогресс в переговорах»²⁶ (с Англией. — Ю. Б.). В их ходе уже раньше возникли большие трудности. Талейран согласился на передачу Англии Мальты и Ганновера — личного владения британского короля, в 1803 году оккупированного французами, а затем фактически переданного ими Пруссии. Еще более сложным был вопрос о Сицилии. Она являлась частью Неаполитанского королевства, которое Наполеон «вручил» своему брату Жозефу. Но английский флот занял остров, и под его защитой находился изгнанный из Неаполя король Фердинанд IV. В обмен на Сицилию Талейран предложил бывшему неаполитанскому владыке... бывшие ганзейские города²⁷. Это была продуманная провокация. В полном соответствии с талейрановской «моралью»!

Отказ Александра I ратифицировать договор неизбежно вел к прекращению англо-французских переговоров. Так оно и произошло. Развитие событий было ускорено неожиданной смертью Фокса 13 сентября 1806 г. Находясь на острове Святой Елены, Бонапарт утверждал, что если бы Фокс «продолжал жить, то дела приняли бы совсем иной оборот»²⁸. И хотя ход истории определяется более глубокими причинами, смерть Фокса действительно ускорила разрыв. 26 сентября Лаудердаль информировал Талейрана о прекращении переговоров, и 9 октября он покинул Париж. Опять над Европой нависла черная тень войны.

Во всех сложных перипетиях дипломатической борьбы в Европе в начале XIX века всегда присутствовал — явно или скрыто — вопрос о судьбах стран Востока, и прежде всего Индии, Турции и Персии. Бонапарт и в этой области проявил понимание колониальных интересов крупной французской буржуазии. Уже попытка завоевания Египта преследовала далеко идущие цели — вытеснение англичан из Индии, захват турецких владений, проникновение в Персию. Эта политика неизбежно требовала дипломатического обеспечения. Вот почему в деятельности Талейрана «восточный вопрос» занимал большое место.

В Париже внимательно следили за политикой Турции. Султан Селим поздравил Наполеона с подписанием Пресбургского мира, признал его императорский титул. Состоялся обмен посольствами. Турки укрепили свои гарнизоны в Измаиле и в других пограничных с Россией пунктах. Порта препятствовала свободному проходу русских военных и транспортных судов через Черноморские проливы, преследовала христианское население дунайских княжеств.

Французская дипломатия стояла на страже турецких интересов. В ноябре 1806 года в ноте Талейрана участникам антифранцузской коалиции подчеркивалось, что Франция не примирится с занятием русскими войсками Молдавии и Валахии, а «восстановление полной независимости Оттоманской Порты» является «одной из основных» ее целей²⁹.

В Константинополь был назначен посланником генерал Франсуа Себастиани. Император лично подготовил инструкцию для своего нового представителя в Турции. Это программный документ внешней политики наполеоновской империи на Востоке. Ее «постоянная цель» — тройственный союз Франции, Турции и Персии, «косвенно и скрытно направленный против России». Задача всех переговоров, в которых участвовала французская дипломатия, заключалась в закрытии Босфора для вооруженных и невооруженных русских кораблей, запрещение им прохода из Черного в Средиземное море. Но и этим Наполеон не ограничивался. Он требовал, чтобы ни один греческий корабль не плавал под русским флагом, настаивал на вооружении против России всех пограничных укрепленных пунктов, говорил о «подчинении» Грузии Порте, о восстановлении «абсолютного господства» Турции над Молдавией и Валахией. (Вскоре Талейран также легко и просто предложит эти провинции российскому императору.) «Я совершенно не хочу делить Константинопольскую империю; если бы даже захотели предложить мне три четверти ее — я бы и с этим не согласился. Я хочу укрепить и консолидировать эту великую империю и использовать ее такой, какая она есть для противодействия России». (Напомним, что эта инструкция была направлена Талейрану еще до начала переговоров Убри в Париже.)

А вот указания, которые Наполеон давал своему представителю в Константинополе. Он должен был «нравиться и вызывать доверие» у турок. Совсем иные советы получил Себастиани в отношении русских дипломатов. Ему следовало относиться к царской миссии «холодно и без особой обходительности, обращаться с ней скорее высокомерно, чем любезно». Наоборот, после заключения мира французскому представителю рекомендовалось «иметь хорошие отношения с Австрией, Пруссией, Англией»³⁰.

Укрепление позиций Франции в Средиземноморье и на подступах к Балканам привели к тому, что султан объявил войну Российской империи и Англии. Внимание Талейрана к турецким делам резко возросло, особенно весной 1807 года. Ведь Наполеон готов был послать 20 тысяч своих солдат и офицеров для обороны Константинополя, поставить туркам необходимое им вооружение и снаряжение. «Доверь мне твои

нужды; я достаточно могуществен и достаточно заинтересован в твоих успехах, как в силу дружбы, так и в силу политики, чтобы ни в чем тебе не отказать»³¹, — писал Наполеон 3 апреля 1807 г. султану Селиму. Но за этими словами стояло отнюдь не бескорыстие, а военно-политические расчеты. Император французов настаивал на активном участии турецких войск в боевых операциях, на Пруте и Дунае, на действиях флота Турции в Черном море, где он мог «нанести большой вред общему врагу»³².

В течение ряда лет французская дипломатия уделяла большое внимание и персидским делам. «Персия и Турция охотно вступят в союз с Францией — временный или вечный — против России», — писал Талейран 28 февраля 1807 г. из Варшавы Наполеону. Считая необходимым как можно скорее подписать союзный договор с Турцией, Наполеон рассчитывал заключить союз и с Персией³³.

Министр внешних сношений приступил к активным действиям. Его задача облегчалась тем, что турецкий и персидский послы специально приехали в Варшаву для встречи с Наполеоном. В результате переговоров с ними Талейран пришел к выводу, что шах выступал за «наступательный и оборонительный союз». Он хотел бы гарантий независимости своей страны и мечтал о завоевании Крыма. Турки готовы действовать против русских в Грузии и приветствовали бы вступление французских войск в Молдавию и Валахию, но при одном существенном условии — если те пройдут через польскую территорию. Талейран знал, что император предполагал послать в эти провинции 30-тысячную армию под командованием маршала Массены, которая объединилась бы в Далмации с 40 тысячами солдат генерала Мармона и 15 тысячами поляков. Министр не возражал против этого плана. Но вот защиту Константинополя французами он считал делом весьма хлопотным³⁴.

Посланником в Тегеран Наполеон назначил своего адъютанта генерала Гардана. Ему поручалось исходить из нескольких основных идей: «Рассматривать Персию как естественного союзника Франции в силу ее близости к России»; использовать эту страну, чтобы помешать всеми доступными средствами коммерческой деятельности британской компании в Индии, перекрыть дорогу английской почтовой связи. Генералу вменялось в обязанность изучить как военные, так и торговые ресурсы Персии.

Наполеон требовал от Талейрана активного участия дипломатического ведомства в военных операциях. Министру и Гардану поручалось выяснить, согласится ли шах принять 10 тысяч ружей со штыками, необходимых для формирования 5—6 пехотных полков, нужны ли ему полевые орудия с канонирами, которые можно направить на фрегатах. Посланнику следовало также выяснить положение в персидских портах, число кораблей,

которые могли в них укрыться, наличие воды и продовольствия. В Париже уже зрел план отправки в октябре 1807 года в Персию французской эскадры с 1500 моряками и офицерами для «крупнейшей диверсии против России»³⁵. 5 мая 1807 г. император сообщил шаху, что он приказал своему посланнику в Тегеране подписать с Персией союзный договор. «Его точное исполнение — это слава для твоей империи и чувство отчаяния для наших врагов», — писал Наполеон персидскому монарху.

Но усилия, которые затратила французская дипломатия для создания антирусского блока на Востоке, не дали ожидаемых результатов. Участие Турции и Персии в войне имело второстепенное значение. Наполеону не пришлось посылать свои военные корабли в персидские порты. Солдатам из Парижа и Нормандии не довелось отстаивать Константинополь и сражаться с русскими солдатами на Балканах.

Именно в то время, когда французская дипломатия усиленно натравливала Турцию и Персию на Россию, Наполеон продолжал вынашивать планы нового франко-русского сближения. «Я придерживаюсь мнения, что союз с Россией был бы очень выгодным, если бы он не являлся фантастической вещью». Это слова из письма императора Талейрану от 14 марта 1807 г. Через неделю он повторил свою мысль в новой форме: «Когда две такие державы, как Франция и Россия, хотят мира, лучшим средством для достижения этой цели являются прямые действия». В первой половине 1807 года Бонапарт несколько раз ставил вопрос о мирных переговорах, одновременно с Россией и Англией. Но напрасно. Неудачей закончился и зондаж, предпринятый французами: главнокомандующий русской армией Л. Л. Беннигсен заявил, что ему приказано воевать, а не вести переговоры.

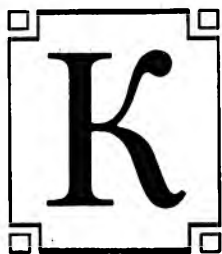
Однако 14 июня в сражении при Фридланде русские войска потерпели поражение и отступили за Неман.

В Петербурге наступило время стремительных и крутых решений. Пруссия была разгромлена, четвертая коалиция распалась. Тяжесть войны легла на одну Россию. Ей противостояли все силы Франции, мобилизовавшей ресурсы Германии, Италии и других оккупированных французами стран. Несомненно, русская армия могла продолжать войну. Но в этом не было необходимости. Наполеон тоже искал мира.

И вскоре маленький восточнопрусский городок Тильзит (ныне город Советск в Калининградской области) стал местом встречи двух императоров — России и Франции.

ГЛАВА XVIII

НАПОЛЕОН СЧАСТЛИВ В ТИЛЬЗИТЕ

Когда у находившегося на далеком острове Святой Елены Наполеона спросили, какое время своей жизни он считал самым счастливым, он произнес в ответ лишь одно слово: «Тильзит». «Тильзитский мир явился самым большим триумфом французской политики»¹, — писал Меттерних.

Небольшие провинциальные города Пруссии — Тильзит на реке Неман и Фридланд на реке Лава — разделяло всего несколько

десятков километров. Но словно две описанные Л. Н. Толстым эпохи стояли за ними: война и мир. Отгремел неслышанно тяжелый, кровопролитный бой. «Я хозяин всего Немана»², — гордо писал император, приглашая своего министра приехать в Кенигсберг. Прошло всего несколько дней, с тех пор как замолкли пушки и ружья, но по обе стороны Немана уже напряженно искали путей к миру. К французам направился русский парламентар майор Шеппинг, а в русскую ставку прибыл французский представитель Александр Эдмон Талейран-Перигор, племянник министра внешних сношений и адъютант маршала Бертье. Наполеон 20 июня сообщил Талейрану, что Л. Л. Беннингсен, главнокомандующий русской армией, передал маршалу Дюроку предложение царя о заключении мира в «самое ближайшее время». 21 июня Наполеон заявил, что он хотел бы вступить в союз с Россией.

И через несколько дней встреча двух императоров состоялась. «Я только что видел императора России посреди Немана, на плоту»³, — писал Наполеон Талейрану 25 июня. В тот день около 11 часов утра от противоположных берегов отчалили лодки и пристали к плоту. Наполеон стоял впереди сопровождавших его лиц в своей «исторической» позе — со скрещенными на груди руками, молча, не поворачиваясь. На нем был мундир старой гвардии и лента Почетного легиона. Царь приехал в преображенском мундире.

Русско-французские переговоры начались. Стендаль приводит слова Наполеона: «В продолжение тех двух недель,

что мы провели в Тильзите, мы едва ли не каждый день обедали вместе: мы рано вставали из-за стола, чтобы отделаться от прусского короля, который нам докучал. В девять часов император в штатском платье приходил ко мне пить чай. Мы не расставались до двух—трех часов утра, беседуя о самых различных предметах; обычно мы рассуждали о политике и философии»⁴.

Сближение двух императоров — «блестящий эпизод» (слова Талейрана. — Ю. Б.) в жизни Наполеона. Казалось, он находился в зените своей славы. Но с высшей точки подъема уже начинался спуск вниз, хотя впереди было еще немало и побед, и поражений.

Талейран приехал в Тильзит только 29 июня. Выполняя поручение императора, глава французской дипломатии отправил курьера в Константинополь, чтобы сообщить султану о подписании перемирия с русскими, опасаясь «западни» со стороны России, император советовал султану укреплять турецкую армию. Более того, если в течение месяца русская сторона не проявила бы в Тильзите доброй воли, Наполеон обещал Порте перейти Неман и соединиться с войсками великого визиря⁵.

Через несколько дней обстановка в Тильзите прояснилась. Русско-французские переговоры завершились, и Талейран получил от своего государя новые инструкции по турецкому вопросу. Он сообщил Себастиани, что Франция меняет свое отношение к Турции. «Прочная дружба существует между мной и Россией», и «я имею основания надеяться, что наш союз будет постоянным»⁶, — писал Наполеон.

Да, Наполеона переполняли радужные надежды. Переговоры в Тильзите прошли успешно. Вся практическую работу с французской стороны вел Талейран. Направляя 5 июля Наполеону текст союзного договора, он писал: «Я составил все статьи так, как ваше величество приказало мне сегодня утром»⁷. Подпись министра стояла под двумя русско-французскими договорами: о мире и дружбе (с секретным разделом) и о наступательном и оборонительном союзе. Оба они были помечены одной датой: 7 июля 1807 г.

Являясь убежденным сторонником сотрудничества с Австрией, министр подготовил союзный договор с Россией. Как и раньше, он считал, что политика новых территориальных захватов стала смертельно опасной для Франции, но одобрил передачу ей города Котора на Адриатическом море (в настоящее время — территория Югославии) и Ионических островов.

Князь Беневентский не являлся сторонником бездумной раздачи тронов родственникам императора. Он лишь разделял взгляды Наполеона, говорившего: «Моя семья — мне не по-

мощник; у моих родных безумное честолюбие, расточительные вкусы и никаких талантов»⁸. Тем не менее в Тильзите при участии министра внешних сношений Жером был признан королем вестфальским, а Жозеф — королем сицилийским (в дополнение к его титулу короля неаполитанского).

Известно, что Талейран всегда опасался конфликтов с Англией. И тем не менее подписанные им в Тильзите документы имели антианглийскую направленность. Россия и Франция обязались «действовать сообща как на суше, так и на море» (полное признание континентальной блокады!); они решили — в случае отказа британского правительства — заключить мир, призвать Данию, Швецию, Португалию и Австрию «закрыть их порты англичанам, отозвать их послов из Лондона и объявить Англии войну»⁹.

И наконец, французская дипломатия долго и упорно налаживала сотрудничество с Турцией. А в Тильзите Талейран собственной рукой подписал союзный договор, по которому обе стороны взяли на себя обязательство действовать сообща против турок, если в течение трех месяцев русско-турецкие мирные переговоры при французском посредничестве не будут успешно завершены.

Итак, разрыв между убеждениями и действиями министра внешних сношений являлся несомненным. Если бы у Талейрана существовало понятие принципов, то ему следовало немедленно покинуть Тильзит. Но Талейран не хотел и не мог открыто ссориться с Наполеоном. Для этого он был слишком осторожен, осмотрителен и эгоистичен. Министр до последнего момента оставался в Тильзите, хотя его пребывание в этом городе не принесло ему ни славы, ни денег. Одновременно Талейран вел переговоры с представителями прусского короля, для которого речь шла о жизни и смерти его государства. Пруссия была представлена Августом Гольцем, посланником в Петербурге, и Фридрихом Калькрейтом, стоявшим во главе прусских войск, оборонявших Данциг. Они рассчитывали договориться с Талейраном. «Единственный человек, который может быть нам полезен», — сообщал Гольц в Вену. Но он ошибался. Учитывая опыт Пресбурга, Наполеон поручил обсуждение вопроса о контрибуции более надежному, чем Талейран, человеку — маршалу Бертье.

В результате военных поражений у Пруссии осталась неоккупированной лишь узкая полоска ее территории на востоке страны, у Кенигсберга. И Наполеон предложил разделить прусское государство между Россией, Францией и Варшавским герцогством. Но Фридрих-Вильгельм III неожиданно нашел надежного союзника в лице царя. Александр I не испытывал особых симпатий к берлинскому двору. Да и не в чувствах

было дело. Исчезновение Пруссии с карты Европы привело бы к новому соотношению сил, еще более благоприятному для Франции и опасному для России. Дружбу с царем в это время Наполеон ценил превыше всего. Он уступил. К Пруссии вернулась значительная часть потерянных владений.

О какой уж там благодарности министру внешних сношений могла идти речь! Фридрих-Вильгельм потерял все земли как по левому берегу Эльбы, так и полученные им в результате разделов Польши. А через год Наполеон вынудил Пруссию присоединиться к континентальной блокаде, уплатить 41 миллион талеров контрибуции и взять обязательство содержать в течение 10 лет 42 тысячи французских солдат. Но за все это Талейран уже не нес никакой ответственности: 9 августа он покинул пост главы французской дипломатии.

Император был в зените своей славы, а его министр ушел в отставку. Что же произошло? Объяснения Наполеона весьма противоречивы: «Короли Баварии и Вюртемберга столько раз жаловались мне на его жадность, что я отобрал у него портфель»¹⁰. Эти слова сказаны императором уже в годы изгнания на острове Святой Елены: таким образом, причина отставки — вымогательство министра, которое якобы его повелитель не мог и не хотел терпеть. Но это неправда. Он знал и терпел. «Пока вы были во главе внешних сношений, я стремился закрывать глаза на многое»¹¹, — писал Наполеон Талейрану в августе 1810 года. Бесспорно, кипучая деятельность аристократа-взяточника была известна французской полиции, а следовательно, и императорскому двору. Но коррупция настолько глубоко проникла в плоть и кровь новой французской знати, что финансовые подвиги великого камергера сами по себе не могли служить основанием для его отставки.

Вместе с тем, пока Наполеон находился у власти, он утверждал, что Талейран покинул особняк Галифе по собственной инициативе. «Этот человек наилучшим образом знал Францию и Европу. Если бы он этого желал, он и сейчас оставался бы министром», — так говорил император Коленкуру. И он возвращался к той же теме: «Талейран поступил безрассудно, покинув министерство, так как он продолжал бы вести дела до сих пор, а теперь его ничтожество убивает его. В глубине души он жалеет, что он больше не министр, и интригует, чтобы заработать деньги»¹².

И еще один мотив выдвигал император: он приписывал Талейрану манию величия, желание стать государственным архиканцлером, ведущим лицом режима. Самолюбие и честолюбие, несомненно, были присущи бывшему главе диплома-

тического ведомства. Он болезненно воспринимал нотации, которые приходилось получать от Наполеона, хотя неизменно сохранял полнейшую внешнюю невозмутимость. 29 февраля 1806 г. император, например, упрекал своего министра за недостатки в его работе и сообщил, что отныне он будет сам читать донесения послов и переводы иностранных газет. Прошло всего две недели, и последовали новые замечания: «Я не могу понять вашу манеру вести дела»; «вы не даете себе труда читать документы и взвешивать слова». В августе Наполеон упрекнул Талейрана в том, что прусский посланник Джироламо Люккезини его «постоянно обманывал» и «вообще нет ничего более легкого, чем его обманывать». Нетрудно представить себе негодование человека, которого все считали образцом дипломатической проницательности (и он сам придерживался того же мнения!).

Бросается в глаза, что в своих объяснениях Наполеон ни единым словом не упоминает о тех расхождении в дипломатических концепциях, которые были у него с министром внешних сношений. Они, разумеется, не принимали формы открытых споров и конфликтов. Крутой нрав императора был хорошо известен. Но уже записка от 17 октября 1805 г. отчетливо раскрывала проавстрийскую ориентацию Талейрана, в то время как Наполеон являлся сторонником русско-французского союза. Имелись разногласия в оценках целей и методов французской политики в отношении Англии, Пруссии, участников Рейнской конфедерации, хотя Талейран выполнял указания своего шефа, давая аргументы для оправдания континентальной блокады, смиренно поставив свою подпись под документами, принятыми в Тильзите. «Все то время, что на меня было возложено руководство иностранными делами, я верно и ревностно служил Наполеону. В течение длительного периода он соглашался с теми взглядами, которые я считал свои долгом защищать перед ним. Они направлялись двумя соображениями: создание во Франции монархических учреждений, которые бы обеспечивали авторитет монарха, ставя ему надлежащие границы; осторожная политика в отношении Европы, которая заставила бы ее простить Франции ее счастье и славу. Нужно сказать, что к 1807 году Наполеон уже давно покинул тот путь, на котором я старался всеми силами удержать его»¹³.

Разумеется, «верно и ревностно» Талейран служил всегда только одному человеку — самому себе. Но тем не менее бесспорно, что он хотел «осторожной политики в отношении Европы» и уже со времен Амьенского мира опасался побед и территориальных захватов императора, которые неизбежно вели к новым битвам и новым перестановкам пограничных

столбов, тем самым отодвигая на задний план противоречия между европейскими монархиями и сплачивая их в составе все более мощных антифранцузских коалиций. Талейран твердо придерживался много раз проверенного на опыте истории урока: все попытки утвердить мировое господство той или иной державы всегда кончались крахом для властителей. Такая судьба ожидала и Наполеона. Его министр неоднократно высказывался против новых французских завоеваний. Так было в канун Аустерлица. Он призывал к умеренности в период переговоров в Прессбурге. Победа французов при Фридланде должна была стать, по мнению Шарля-Мориса, «предвестником» мира. Но все эти усилия оказались напрасными. Честолюбие императора французов, по словам Коленкура, все еще не было удовлетворено. Вопросы самосохранения и личной карьеры требовали от Талейрана решительных действий. «Он начал отделять свою судьбу от судьбы Наполеона, который, по его мнению, слишком зарвался; он начал думать о том, чтобы избавиться от ответственности, чтобы позаботиться о своем будущем, и с этой целью прилагал все старания отделить свой политический путь от пути, по которому упорно, неистово и без удержу шел император. В присутствии лиц своего круга, при иностранных министрах он порицал начатые или подготавливаемые предприятия и выражался с сожалением и строго о необузданном честолюбце, стремившемся в пропасть.

Как скрытно ни велась эта игра, она не ускользнула от Наполеона»¹⁴, — писал известный французский историк Альберт Вандаль.

...Корабль императорской Франции, украшенный победными знаменами, с шумными оркестрами на палубах, шел по спокойному морю, казалось, к новым победам. Ничто не предвещало ни грозных бурь, ни тем более окончательной катастрофы. Но кое-кто ее уже предвидел и покидал сияющее яркими красками судно. Среди них — Талейран. Его расставание с Наполеоном состоялось в самой достойной форме. 14 августа 1807 г. император в своем послании сенату объявил о назначении князя Беневентского великим вице-электором (в Священной Римской империи германской нации так именовались принцы или епископы, назначавшие императора). В сановной французской иерархии это был высокий пост — третий по счету — после архиканцлера (руководитель правовых учреждений и администрации) и архиказначея. Пост великого электора, созданный специально для Жозефа Бонапарта, стал вакантным после получения им неаполитанской короны. Назначение Талейрана вызвало много толков повсюду. Жозефу Фуше приписывали такую ироническую реплику: «Ему не

хватало только этого порока» (игра слов: «вис» по-французски означает и «вице», и порок).

К злобной иронии министра полиции Талейран привык давно. Она его мало беспокоила. Важным являлось то, что новое назначение принесло большой доход, не требующий дополнительных усилий: 330 тысяч франков в год. Должность великого камергера стоила казначейству 40 тысяч франков. От своих земельных владений бывший епископ Отена получал 120 тысяч франков. Орден Почетного легиона давал ему еще 5 тысяч. Итого 500 тысяч франков ежегодно — манна небесная, поступавшая из рук императора французов.

Официально Талейран отошел от дел. Но это вовсе не означало, что повелитель полностью отказался от услуг своего бывшего министра. Иностранные дипломаты в Париже продолжали поддерживать с ним тесные связи, и о своих беседах с ними он регулярно информировал Наполеона. «Я получил ваши письма относительно высказываний послов в Париже»¹⁵, — писал Талейрану император в апреле 1808 года. Его, например, возмущала антифранцузская позиция царского посла генерала П. А. Толстого. А сам Толстой, не зная о том, как использует князь Беневентский доверительные беседы с иностранцами, сообщал в Петербург о его новом «возвышении», которое считал «очень позитивным» фактом¹⁶.

Нужные Наполеону контакты с дипломатическим корпусом были не единственным занятием Талейрана. Он принял участие и в так называемом испанском деле. Оно после Тильзита приобрело важнейшее значение во французской внешней политике.

Со времени Базельского мирного договора 1795 года Испания, став союзницей Франции, снабжала ее деньгами, предоставляла в распоряжение французов свои корабли и 20 тысяч солдат. Но на испанском престоле сидели ненавистные Наполеону Бурбоны. После потери неаполитанского королевства это был их последний оплот в Европе. Но как избавиться от королевской семьи, стоявшей к тому же во главе дружественного государства? Даже привыкший к сомнительным и опасным авантюрам император французов долго находился в состоянии колебаний и нерешительности. В конечном счете он пришел к трагическому для себя и для своего режима выводу: Испания должна быть завоевана и подчинена французскому правлению. И уже в декабре 1807 года Наполеон предложил своему «мятежному» брату Люсьену (он категорически отказывался разойтись со своей второй женой, неудобной главе клана Бонапартов), в знак примирения, на выбор троны во Флоренции, Лиссабоне или Мадриде. Правда, для этого надо было лишить испанского трона Карла IV. Но

к такого рода безделицам уже давно привыкли в официальном Париже.

«Император много раз беседовал со мной относительно своего проекта захвата Испании. Я всеми своими силами боролся против этого проекта, раскрывая аморальность и опасность подобного предприятия»¹⁷, — пишет Талейран в своих «Мемуарах». Иную точку зрения высказывали приближенные императора: его секретарь Меневаль, Жозеф Фуше и Савари, канцлер Этьенн Паскье¹⁸. Сам Наполеон говорил: «Испанское дело? Талейран в течение двух лет меня терзал, чтобы я его осуществил! Он утверждал, что для этого мне нужно было только 20 тысяч человек. Не знаю, какое количество записок он мне представил, чтобы доказать это». «Он толкал к войне с Испанией»¹⁹, — говорил Бонапарт, уже находясь на острове Святой Елены. Где же истина?

В то время Талейран являлся решительным противником Бурбонов. Он еще не допускал возможности примирения с ними. Именно такую позицию министр занимал и в период ареста и казни герцога Энгиенского. О своих взглядах он неустанно твердил Наполеону. Талейран, например, выступал за оккупацию французами Каталонии до тех пор, пока не удастся заключить мир с англичанами, настаивал на «перемещении» испанских Бурбонов, как это произошло в Этрурии. «Никто не был более убежден, чем он, в том, что сотрудничество Испании и Португалии против Англии и даже частичная оккупация этих стран моими войсками являлась единственным средством для того, чтобы вынудить лондонское правительство к миру»²⁰. Эти слова были сказаны Наполеоном Коленкуру.

После своей отставки князь Беневентский недолго исполнял обязанности архиканцлера и визировал все подписанные представителями французского государства международные соглашения. Как раз в это время, 27 октября 1807 г., в Фонтенбло был заключен секретный договор, предусматривавший совместное завоевание Португалии армиями Франции и Испании. Талейран утверждал, что он ничего не знал об этом важном дипломатическом документе. А по словам императора, именно бывший министр внешних сношений лично вел переговоры с доверенным лицом Мануэля Годоя, испанского временщика, фактически в то время управлявшего страной. С Годоем — «князем мира» — Шарля-Мориса связывали тесные личные и деловые отношения, приносившие обоим немалые выгоды. Баррас утверждал, что эта дружба пополнила кассу Талейрана 18—19 миллионами франков.

В своих захватнических целях Наполеон решил использовать острый конфликт между королем Карлом IV и его сыном Фердинандом, принцем Астурийским. («Очень глупый, очень злой, злей-

ший враг Франции»²¹, — писал император о Фердинанде.) И вот вся семья — король, королева, их наследник и князь Годой, — удивительной сатирической силой изображенная Франсиско Гойей на знаменитой картине, по собственной воле приехала в Байонну для встречи с Наполеоном, взявшим на себя роль арбитра. Он прибыл в этот город раньше, чем представители испанской династии, и ожидал их приезда.

Официально Талейран не принимал никакого участия в подготовке байоннского свидания. Но Бонапарт сделал его соучастником подготовленного им заговора. Он держал экс-министра в курсе всех событий. «Король и королева (испанские. — Ю. Б.) будут здесь через два дня. Князь мира прибывает сегодня вечером. Этот несчастный человек заслуживает жалости». В том же письме от 25 апреля 1808 г. Наполеон приказывал Талейрану подготовить для газет статьи, изобличающие народные беды в Испании²². Через несколько дней он предложил Талейрану разъяснить дипломатическому корпусу в Париже, что Карл IV и его жена погибли бы, если бы испанский король не отрекся от престола. Разумеется, император не намерен был признавать Фердинанда новым правителем Испании. Письма Фердинанда перехватывались. В них много раз повторялись слова: «Эти проклятые французы»²³. 6 мая Наполеон сообщил экс-министру, что Карл IV «уступил ему все свои права на испанскую корону». Талейран должен был в беседах с иностранными дипломатами подчеркивать, что в Испании «честные люди» счастливы, получив «сильную защиту» (в лице французов, разумеется)²⁴. «Испанские дела идут хорошо и скоро будут полностью закончены» — к такому выводу пришел император. Жизнь показала, как далеки от реальности были его оценки.

Итак, отставной министр стал фактическим участником заговора, приведшего к отречению испанских Бурбонов от трона. Он не только был полностью в курсе событий, происходивших в Байонне, но и выполнял поручения Наполеона, распространял благоприятную для него информацию в Париже. Замок Валансе с согласия Талейрана в течение почти шести лет являлся местом заключения для принца Астурийского и сопровождавших его лиц.

Каким образом владелец Валансе стал тюремщиком? 9 мая 1808 г. Наполеон сообщил князю Беневентскому, что в этот день Фердинанд, его дядя и брат выехали из Байонны в его поместье. Он советовал принять их «без внешнего блеска, но прилично». Главное, испанских гостей надо было «развлекать и занимать». С этой целью следовало пригласить артистов. Приехала в далекий от Парижа дворец и мадам Талейран, игравшая на фортепиано. Ее сопровождало несколько женщин. Император писал, что если принц увлечется одной из них, то это «не создаст

никаких затруднений, так как появится лишь дополнительное средство для присмотра за ним». Наполеон поручил Талейрану остаться на 8—10 дней в Валансе и выяснить, что думают испанцы и как следует себя с ними вести. Разумеется, Фуше имел своих агентов в окрестностях замка, среди прислуги. 40 жандармов, по его приказу, заботились о том, чтобы «гостей» не украли или они сами не сбежали²⁵.

Принц Астурийский, ставший жертвой шантажа и насилия, оказался в заточении у человека, который перед лицом истории пытался представить себя в качестве поборника гуманизма и справедливости, невмешательства во внутренние дела Испании. Но это была заведомая ложь. Талейран беспрекословно и быстро выполнил приказания Наполеона.

Итак, проблему похищения и заточения членов испанской королевской семьи удалось решить сравнительно просто. Но это была отнюдь не самая сложная задача. Правда, Талейран в своем обычном придворном рвении пытался выдать желаемое за действительное. Он писал Наполеону 8 мая, через несколько дней после скандального шантажа в Байонне, потрясшего все королевские дворы в Европе: «Здесь все восхищаются развитием событий, развитием столь счастливым, что невозможно было надеяться на большее». Как далеки были эти слова от реальности!

Именно в мае 1808 года начались народные восстания в Мадриде, Картахене, Сарагосе, Мурсии, Астурии, Гренаде, Балахосе, Валенсии. 6 июня хунта Севильи от имени всей Испании объявила Франции войну. И вскоре французы потерпели ряд тяжелых поражений. В Кадиксе сдалась на милость победителей эскадра адмирала Росийи. Под Байленом в Андалузии капитулировали французские войска — 22 тысячи человек, находившиеся под командованием генерала Дюпона де Летана.

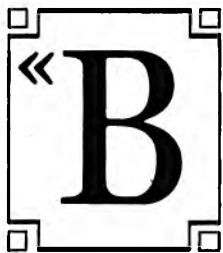
Разгром при Байлене нанес сокрушительный удар по мифу о непобедимости императорской армии. Освободительное движение в порабощенной Европе активизировалось. Восстала Португалия, на территории которой высадились английские войска. Корпус одного из друзей Бонапарта — Андоша Жюно, сражавшегося вместе с ним в Италии и Египте, капитулировал в августе в Синтре (к западу от Лиссабона).

Возможно, что в это время Бонапарт особенно нуждался в своих испытанных советниках. И именно в начале августа он пригласил Талейрана в Нант. Казалось, монаршая милость вновь вернулась к бывшему министру. Он остался доволен встречей с императором и беседами с ним. Талейран получил приглашение отправиться в Эрфурт.

События в Эрфурте решительно и навсегда изменили отношения между главой французского государства и первым дипломатом Франции.

ГЛАВА XIX

ТАЙНАЯ ВОЙНА ПРОТИВ ИМПЕРАТОРА

ы всегда австриец!» — «Отчасти, Ваше величество, но правильнее было бы сказать, что я никогда не бываю русским и всегда остаюсь французом»¹. Этот обмен репликами между Наполеоном и Талейраном состоялся в сентябре 1808 года, накануне встречи двух императоров в Эрфурте. В нескольких словах — целая дипломатическая программа. Да, бывший министр всю свою жизнь не испытывал приверженности к русско-француз-

скому сотрудничеству. А вот интересы Австрии он защищал столь преданно, не останавливаясь перед запрещенными средствами, что вызывал радость и даже восторг Клеменса Меттерниха, австрийского посла в Париже с августа 1806 года по май 1809 года.

Меттерних и Талейран являлись достойными друг друга союзниками, хотя их многое разделяло. Французский дипломат жил и действовал в обстановке, порожденной бурными 1789 и 1793 годами, режимами Директории и Империи. Оставаясь аристократом, он состоял на службе у новой могущественной силы — капитала, перед которым подобострастно и преданно склонял спину. Князь Беневентский создавал буржуазную дипломатию со всеми ее особенностями, новыми задачами, формами, методами, порожденными потребностями эпохи. А Меттерних служил абсолютистской австрийской монархии, следуя классическим рецептам дипломатии прошлого, и прежде всего опыту своего отца.

И вместе с тем у Талейрана и Меттерниха было много общих черт: признание святости привилегий господствующих классов; непомерное честолюбие и неутолимое стремление к роскоши; верность принципу «цель оправдывает средства»; умение использовать женщин в политической борьбе. Наполеон называл Меттерниха «самым большим лжецом века»².

На известном портрете Меттерниха к его узкому длинному лицу с крупным неправильной формы носом и небольшими губами словно приклеена приветливая улыбка. Глаза смотрят в сторону, вдаль, в будущее. Правая рука облокотилась на ручку кресла, левая — по твердой традиции тех времен — держит

сложенную вдвое государственную бумагу. Вся фигура дышит надменностью, неколебимой уверенностью в себе, чувством собственного превосходства. Таким прибыл австрийский князь в Париж.

Уже на следующий день после приезда Меттерниха, 5 августа 1806 г., состоялась его первая встреча с Талейраном, которая, по словам австрийского посла, прошла в обстановке «глубокой сердечности» и показала готовность французского дипломата к созданию «системы тесных отношений» между Францией и Австрией. Вскоре сотрудничество далеко вышло за рамки официальных контактов между министром и послом и стало дружеским, доверительным союзом. Это сближение приобрело новые формы после встречи в Тильзите и отставки Талейрана. Именно тогда для него стерлась грань между долгом и государственной изменой.

Меттерних видел перемены в настроениях парижского общества и считал, что во главе «партии мира», то есть большинства нации, осуждавшего императорскую политику захватов, но «инертного и негибкого, как потухший вулкан», стояли Талейран, Фуше, владельцы состояний, стремившиеся их сохранить, люди, не верившие в стабильность учреждений, построенных на развалинах, которые «беспокойный гений императора пополняет новыми руинами». Австриец внимательно следил за развитием внутривнутриполитических событий во Франции, полностью отдавая себе отчет в том, что они могут привести к ослаблению наполеоновского режима, к существенным переменам на европейской арене. «Эта партия существует с 1805 года. Война 1806 и 1807 годов укрепила ее возможности. Неудача кампании против Испании в 1808 году сделала популярными руководителей партии и их аргументы»³.

Однако в целом эти оценки преувеличены. Очень уж хотелось Меттерниху видеть антибонапартистов, способных хотя бы поднять голос против могущественного императора. Но его желания были далеки от действительности. Экс-министр присоединялся к заговорам, только если их победа была обеспечена или уже стала свершившимся фактом. И не иначе! Слишком ценил он свою голову. И Талейран повел против императора тайную войну, став другом, советчиком, осведомителем Меттерниха. Меттерних вначале с опаской присматривался к своему союзнику. «Такие люди, как Талейран, подобны режущим инструментам, с которыми опасно играть; но для больших ран нужны сильные лекарства, и человек, которому поручено их лечить, не должен бояться пользоваться инструментом, режущим наилучшим образом»⁴, — писал австрийский дипломат, сумевший взять в свои руки этого опасного человека.

По словам Меттерниха, за время его дипломатической миссии в Париже он не менее 20 раз беседовал с Талейраном и тот неизменно считал, что «интересы самой Франции требуют, чтобы державы, способные дать отпор Наполеону, объединились с целью поставить преграду его ненасытному честолюбию; дело Наполеона не является больше делом Франции; Европа, наконец, может быть спасена только благодаря самому тесному союзу Австрии и России»⁵. Бывший министр императора призывал к сплочению его врагов! Он обвинял властелина в порочности его стремлений. Кому же делались такие признания? Представителю державы, с которой французская армия неоднократно сражалась в прошлом и в близком будущем вновь вступит в бой. Любое законодательство всегда рассматривало подобное поведение должностного лица, пущь даже бывшего, как преступное.

Как же далеко заходил Шарль-Морис в своих откровенных признаниях Меттерниху! «Вы никогда не найдете никого более преданного вашему делу, чем я», — говорил он. И посол с с полным основанием сообщал Иоганну Стадиону, австрийскому министру иностранных дел, что Талейран сделал «своей профессией преданность австрийскому двору»⁶. Она вначале принимала формы советов, рекомендаций, информации о действиях Наполеона и его дипломатии. Так, в начале 1806 года князь Беневентский сообщил Меттерниху, что император вынашивает два проекта: раздела Турции (замысел реален!) и экспедиции в Восточную Индию (что-то вроде романа!). Но Австрии необходимо принять участие в обеих акциях. «В один и тот же день должны войти в Константинополь французы, австрийцы и русские». Посол доверял своему собеседнику. Он писал: «Мне показалось более чем вероятным, что данные, которые сообщил Талейран, полностью соответствуют взглядам императора»⁷. Разумеется, в Вене столь необычная информация из Парижа встречала самое серьезное и внимательное отношение, давала богатую пищу для размышлений и выводов.

Сложилась необычная ситуация: отставной министр подерживал постоянные контакты с официальными иностранными представителями, аккредитованными при императоре французов. Русский посол граф П. А. Толстой сообщал 27 декабря 1807 г. в Петербург, что он «много раз» вместе с Меттернихом консультировался с Талейраном, которого даже именовал «апостолом мира»⁸. «Апостол» в беседах с послами открыто, например, осуждал антианглийские высказывания Наполеона. При этом сам характер дипломатических связей был необычным. С одной стороны, встречались и обменивались мнениями русский и французский дипломаты, представлявшие государства,

связанные Тильзитскими соглашениями и стоявшие накануне встречи в Эрфурте, и, с другой — с ними поддерживал доверительные отношения австрийский князь, страна которого вскоре вновь вступила в войну с Францией и Россией.

Талейрана не останавливала и реальная возможность новой вспышки императорского гнева. Наполеон относился настороженно к тесным связям экс-министра с русским послом. «Этот Толстой пропитан всеми идеями Сен-Жерменского предместья и всеми дотильзитскими предубеждениями старого петербургского двора. У Франции он видит только честолюбие и в глубине души оплакивает перемену политической линии России, в особенности перемену по отношению к Англии. Быть может, он очень светский человек, но его глупость заставляет меня пожалеть о Моркове. С тем можно было разговаривать; он разбирался в делах. А этот дичится всего»⁹. Какая удивительная картина: Наполеон в беседе с Коленкур, добрым словом вспоминая А. И. Моркова, отзыва которого он сам же и потребовал. До этого трудности в русско-французских отношениях осложнялись действиями С. А. Колычева. И наконец, приехал во французскую столицу П. А. Толстой, не одобрявший союза с Францией.

Так, на протяжении многих лет из сановного Петербурга посылали в Париж официальных представителей, глубоко враждебных той стране, отношения с которой по долгу дипломатической службы им следовало укреплять. Объяснение может быть только одно. Где-то в душе и разуме царя и его ближайших сотрудников всегда жили ненависть к французской революции и леденящие кровь воспоминания о казненных народом Людовике XVI и Марии-Антуанетте, хотя якобинская диктатура уже стала достоянием истории и во Франции существовал монархический режим.

Генерал Петр Александрович Толстой, профессиональный военный, участник боевых действий русской армии против французов, действительно враждебно относился к тильзитской политике царя. Предложение поехать в Париж застало его в наследственном имении и привело чуть ли не в отчаяние. Графу пришлось выдержать семейную революцию. Жена на коленях умоляла его не ехать к «врагу рода человеческого». Но Александр I настаивал, подчеркивая, что при Наполеоне ему был нужен не дипломат, а «храбрый и преданный военный». Толстой, скрепя сердце, согласился. «Упрочение тильзитского соглашения вверено было неумелому и враждебному новой политической системе дипломату», — пишет Н. К. Шильдер, известный русский историк. И он замечает: «Меттерних не замедлил тотчас оценить русского посла по достоинству»¹⁰. Прозорливым оказался и Талейран, редко ошибавшийся в

оценке людей, с которыми он сталкивался. Так образовалось нечто вроде антибонапартистского альянса бывшего министра и двух влиятельных иностранных послов.

Древний город Эрфурт на реке Гера (теперь это территория ГДР) принадлежал Пруссии, но после ее военного разгрома стал военной добычей Наполеона. Эрфурт вовсе не был подготовлен к роли мировой столицы. Извилистые, плохо застроенные улицы не освещались по вечерам. Небольшие, узенькие дома с красивыми лепными фасадами совершенно не подходили для именитых особ. Население к тому же было напугано нашествием солдат маршала Шарля Никола Удино, а затем целой армии чиновников и рабочих. Но вскоре многое изменилось. В княжеском дворце заменили мебель, привезли статуи, картины, вазы, гобелены; новые обои зашпатель и переклеили. Засверкал позолотой придворный театр, до этого использовавшийся как сарай. Многие дома стали похожими на дворцы. Все квартиры были переполнены. Комнаты в 20 городских гостиницах занимали буквально с боем.

Еще бы! Поток королей, князей, принцев, высших государственных чиновников, маршалов и генералов, дипломатов хлынул в небольшой прусский городок, где готовилась встреча двух самых могущественных людей в Европе. Одному из них — Наполеону она была особенно необходима. Поражения французских войск в Испании подорвали его престиж, ослабили международные позиции Франции. В Вене воспряли духом и начали лихорадочно вооружаться. В таких условиях новая демонстрация прочности франко-русского союза приобрела для Наполеона особое значение. Во имя этой цели он не жалел ни времени, ни денег.

Но почему император пригласил в Эрфурт своего бывшего министра, о фронде которого он не мог не знать? Материалами для серьезных обвинений против Талейрана при дворе еще не располагали. О его встречах с иностранными дипломатами в Париже Наполеон знал и в известной мере их санкционировал. Тем самым князь Беневентский получил официальное прикрытие, которое ловко использовал для критики императорской политики. К тому же Талейран оставался великим камергером, и он великолепно справился со своими обязанностями. Замысел Наполеона был осуществлен. Эрфурт превратился в город бесконечных празднеств, зрелищ и балов. Могущество французского владыки получило еще одно зримое подтверждение.

Но главными для Наполеона являлись, разумеется, политические соображения. Он ценил опыт Талейрана, его умение

готовить и редактировать важнейшие документы, присущее ему искусство дипломатического маневрирования. К тому же экс-министр участвовал в тильзитской встрече, лично знал царя и его окружение, находился в дружественных отношениях с послом в Петербурге Коленкуром. С его перепиской Талейран ознакомился по поручению императора. Теперь он был в курсе всех дел и мог действовать в соответствии с обстановкой.

Важнейшее место на встрече в Эрфурте (27 сентября — 14 октября 1808 г.) занимал австрийский вопрос. Цель Наполеона состояла в том, чтобы запугать Австрию, добиться ее разоружения. Принципиально иной являлась позиция царя. Перед отъездом в ганзейский город он обещал своей матери Марии Федоровне «спасти Австрию»¹¹. И дискуссия по австрийской проблеме проходила в напряженной обстановке. Не получая уступок, Наполеон терял самообладание. Был момент, когда он бросил шляпу на пол и топтал ее в бешенстве ногами. Александр смотрел на него с улыбкой, молчал и затем спокойно сказал: «Вы резки, а я упрям: со мной гневом ничего не добьешься. Будем разговаривать или рассуждать. Иначе я уезжаю»¹². И он направился к дверям.

Царь не хотел разоружения Австрии и дал лишь устное обещание содействовать признанию австрийским двором «нового порядка вещей» в Испании. «Вся любезность, все предложения и все порывы Наполеона остались бесплодными; перед отбытием из Эрфурта император Александр написал австрийскому императору собственноручное письмо, в котором успокаивал его насчет опасений, внушенных ему эрфуртским свиданием. Это была последняя услуга, оказанная мною Европе еще при Наполеоне, а, по моему мнению, это была услуга и лично ему»¹³, — писал Талейран в своих «Мемуарах».

Услуга Европе? Услуга лично Наполеону? Что имел в виду экс-министр внешних сношений? Он направлялся в Эрфурт с твердым намерением поддержать Австрию против наполеоновских козней. Талейран рассчитывал прежде всего оказать влияние на царя, используя как свое личное знакомство с ним, так и содействие Коленкура, с которым поддерживал дружеские и доверительные отношения. А французского посла обхаживали в Петербурге. Он был постоянным участником придворных балов, церемоний, приемов, вечеров в интимном кругу. Коленкур давал военные советы царю. Он даже отказался принять агента французской разведки. Наполеон был взбешен и резко сказал своему представителю: «Вы в России, и оставайтесь в ней французом». Он даже утверждал, что Коленкур «скорее придворный императора Александра, чем посол Франции»¹⁴. Но менять своего представителя Наполеон

долго не хотел. От него поступала ценная информация, прежде всего военная.

Начиная с декабря 1807 года, когда Коленкур приступил к исполнению своих обязанностей в русской столице, Талейран постоянно с ним переписывался. По основным вопросам позиции двух дипломатов являлись близкими. Оба они считали, что император должен отказаться от завоеваний, вернуть страну к ее естественным границам. Однако политика не была единственной сферой, в которой единомышленники находили общий язык. Они объединились и в решении одного жизненно важного для Коленкура личного вопроса. Он долго и преданно любил Адриенну де Каниз, представительницу старой дворянской семьи из Нормандии, которую в 13 лет выдали замуж. Она отвечала взаимностью. Влюбленные мечтали создать свою семью. Но император, который в это время сам думал о разводе, не хотел, чтобы разведенная женщина находилась при его дворе. Это был далеко не первый случай самодержавного произвола. Однако по просьбе Талейрана Наполеон дважды принимал де Каниз. Появилась надежда на благополучное решение ее семейных дел. Коленкур был счастлив и благодарил Шарля-Мориса. Они как друзья встретились в Эрфурте.

Талейран говорил Меттерниху о «своем безграничном влиянии» на Коленкура. Видимо, в этих словах была доля истины. По крайней мере, посол способствовал сближению бывшего министра с П. А. Толстым и, главное, его встречам с царем. По словам Талейрана, Коленкур «внушил императору Александру доверие к себе и заставил его доверять и мне»¹⁵. В Эрфурте князь Беневентский виделся с царем почти ежедневно, после каждого спектакля, дома у княгини Турн-и-Таксис. Именно здесь он заявил (все историки ссылаются только на один источник — мемуары К. Меттерниха) российскому самодержцу: «Государь, зачем вы сюда приехали? Вы должны спасти Европу, и вы этого добьетесь, только давая отпор Наполеону». Его политику Талейран подверг критике, подчеркнув, что «Рейн, Альпы, Пиренеи — завоевания Франции, остальное — завоевания императора»¹⁶. Это была все та же мысль о естественных границах французского государства, исключаящих всякое, даже незначительное расширение его территории за счет других стран.

Можно ли говорить о государственной измене Талейрана? Да, несомненно. Являясь доверенным лицом Наполеона на свидании в Эрфурте, он призвал союзную державу к борьбе с Францией. Нетрудно представить себе удивление царя, услышавшего крамольные речи из уст одного из самых близких к Наполеону людей — Талейрана, восемь лет руководив-

шего дипломатической службой Франции, приехавшего в прусский городок с целью укрепления сотрудничества двух империй. Что-то неладное происходило во французском государстве! Явные трещины появились в его фундаменте. Напращивался только один вывод: царь должен занимать жесткие позиции и не уступать императору французов.

Согласно мнению, распространенному в исторической литературе, Талейран определил позиции Александра I и его окружения на переговорах с Наполеоном. Это несомненное преувеличение. Русская дипломатия и до откровений великого камергера не собиралась выдать Австрию на растерзание наполеоновским маршалам. Безопасность российского государства требовала сохранения и укрепления Австрии. Поведение Талейрана лишь укрепило царя в том мнении, которое у него сложилось раньше, до Эрфуртской встречи.

Австрийские интересы Талейран защищал с преданностью верного слуги Франца I. Он регулярно обсуждал свои действия с неофициальным представителем Австрии в Эрфурте генералом Карлом Винцентом. Речь шла прежде всего о проекте русско-французской конвенции, подготовленной Талейраном, в который Наполеон внес две принципиальные поправки. Одна из них давала французскому императору право быть судьей в вопросе объявления Россией войны Австрии, другая предусматривала размещение русского корпуса в районе австрийской границы. Князь Беневентский уговаривал царя устранить из текста «все, что касается Австрии». На этом же настаивал и Коленкур. В итоге поправки Наполеона не увидели света. «Докладывая» в Париже Меттерниху об итогах встречи в Эрфурте, Талейран говорил, что со времени битвы под Аустерлицем отношения России с Австрией никогда не были «более благоприятными», и в Петербурге Коленкур, «полностью преданный моей политической точке зрения (эк-министра. — Ю. Б.)», поддержит все демарши австрийского посла, имеющие своей целью восстановление тесных русско-австрийских отношений¹⁷. Поддерживая венский двор, Талейран провоцировал новую войну Австрии с Францией. Вскоре так и случилось.

В Эрфурте Наполеон принял решение о разводе с Жозефиной и поручил Талейрану переговорить с царем о возможности женитьбы на одной из русских великих княжен. «Сознаюсь, что новые узы между Францией и Россией казались мне опасными для Европы. По моему мнению, следовало достичь лишь признания идеи этого брачного союза, чтобы удовлетворить Наполеона, но в то же время внести такие оговорки, которые затруднили бы его осуществление. Все искусство, которое я считал нужным применить, оказалось с императором Александ-

ром излишним. Он понял меня с первого же слова и понял точно так, как я хотел»¹⁸, — писал Талейран.

Царь просил об отсрочке ответа. Затем вторая отсрочка — на десять дней. Речь шла о руке Анны, которой едва исполнилось 14 лет. Запросили мнение ее старшей сестры — великой княгини Екатерины Павловны. Она дала согласие, но считала возраст Анны большим препятствием. Затем в Петербурге начали ссылаться на императрицу-мать, не дававшую определенного ответа. И в заключение последовал вежливый, но окончательный отказ Александра¹⁹.

Талейран утверждал, что он оказался в опале у Наполеона в результате оппозиции его браку с русской великой княгиней. Чистейшая выдумка! Наполеон ничего не знал о двуличном поведении своего «доверенного лица» в Эрфурте. После этого прошло довольно много времени. В начале января 1810 года в беседе с императором Талейран энергично подталкивал его к австрийскому браку. 28 января на чрезвычайном совете в Тюильри Талейран энергично поддерживал инспирированного им официального докладчика, доказывая, что женитьба Наполеона на двоюродной внучке сложившей свою голову на гильотине Марии-Антуанетты оправдала бы Францию в глазах Европы и способствовала бы созданию франко-австрийского союза.

Царь оценил откровенные заявления великого камергера, которые могли стоить тому головы, если бы о них узнал Наполеон. Вместе со своим министром иностранных дел Н. П. Румянцевым Александр относил Талейрана к числу людей, пользующихся его полным доверием. С Румянцевым, приехавшим в Париж в октябре 1808 года для мирных переговоров с представителями английского правительства, у князя Беневентского установились дружественные связи. В Лондоне русскую инициативу не поддерживали. Однако Румянцев находился во французской столице более трех с половиной месяцев. Он сообщал царю, что «весьма доволен доверием», которое оказывал ему Талейран — единственное лицо в Париже, с которым он был тесно связан²⁰.

Разумеется, Россия и Франция являлись союзными державами. Но информация, которой обменивались два министра — бывший и действующий, — далеко выходила за рамки официальных дипломатических отношений и по существу была враждебной Наполеону. Под большим секретом Талейран ознакомил Румянцева с тревожными письмами генерала Жерара Дюрока из Испании и заметил, что Наполеону в этой стране еще предстоит «преодолеть огромные трудности». В мрачных тонах рисовала положение императора французов и его сестра — герцогиня Тосканская, рассказывавшая об антифранцузских выступлениях в Италии. Великий камергер показал русскому министру и полученную им от Фуше брошюру Педро Севальоса, враждебную Наполео-

ну²¹. Таким образом, окраска сведений, сообщенных Талейраном Румянцеву, не вызывала никаких сомнений: она была резко антибонапартистская.

Талейрана интересовали австрийские дела. И он хорошо знал, что именно они и являлись предметом бесед Румянцева с Наполеоном. Он обрушивался на австрийцев, требовал их разоружения, угрожающе заявлял: «Австрия хочет пощечины, я дам ей по обеим щекам»; «я поколочу Австрию палкой». Император «несколько раз давал понять, что должен склониться к войне с Австрией»²², — сообщал Румянцев Александру I. Нужно ли говорить о том, какой интерес представляла такая информация, полученная от Талейрана, для Меттерниха?

И не только для австрийского посла. Эти сведения, несомненно, становились известными как Талейрану, так и министру полиции Жозефу Фуше. «В настоящее время у них одинаковые цели и средства их достижения», — сообщал 4 декабря 1808 г. Меттерних в Вену. Он считал, что Талейрану нужно было «активное содействие» Фуше, а последнего привлекали политические концепции князя²³. Сближение двух государственных деятелей, на протяжении длительного времени даже не разговаривавших друг с другом, явилось настоящей сенсацией. Это было выражение серьезных антибонапартистских сдвигов в кругах крупной буржуазии и новой аристократии, напуганных авантюризмом «корсиканца», недостижимой мечтой которого являлось мировое господство.

Принято считать, что Талейран и Фуше стояли на двух крайних полюсах, представляли собой, по словам Дафа Купера, «замечательную противоположность»²⁴. Это — преувеличение, хотя различия, несомненно, были значительными. Шарль-Морис родился в семье наследственных дворян, Жозеф — в семье купцов и моряков. Первый стал епископом и при желании мог получить кардинальскую шапку, второй добился в конгрегации ораторианцев, занимавшейся католическим воспитанием во Франции, скромной должности монастырского учителя, преподавателя математики и физики. Талейран был представителем, изыскан, вежлив. Его многочисленные любовные истории, часто раздутые и преувеличенные молвой, снискали ему репутацию любимца прекрасного пола. Иным видели окружающие Фуше. Худой, почти бесплотный, с резкими чертами узкого, костлявого лица и холодными глазами, как правило, небрежно одетый, он производил неприятное, отталкивающее впечатление. Зато он обладал достоинствами верного мужа уродливой женщины и нежного отца. В годы революции бывший епископ Отенский занимался чистой политикой и делал деньги. Он не испачкал свои руки кровью. А вот бывший учитель-ораторианец сначала голосовал за казнь Людовика XVI, а затем безжалостно расстреливал из

пушек и посылал на гильотину восставших горожан Лиона, чтобы они, как говорили в те времена, «выкинули свои головы в корзины».

Различия между двумя людьми немалые! Но многое их сближало. Оба стали миллионерами и представителями новой, наполеоновской аристократии: один — князь Беневентский, другой — герцог Отрантский. Оба занимали важнейшие министерские посты и другие государственные должности, вошли в состав ближайшего окружения императора. И Талейран, и Фуше выше всего ценили деньги и реальную власть. Ради этого они овладели унижительным искусством безропотного приспособления к вкусам, взглядам и намерениям диктатора, равнодушного и безграничного терпения, научились молча сносить самые грубые оскорбления. Враги-друзья являлись выдающимися режиссерами и актерами политических спектаклей. Об одном из них Наполеон сказал: «Интрига была так же необходима Фуше, как пища: он интриговал всегда, везде, всеми способами и со всеми»²⁵. Разве эти слова не относятся полностью и к Талейрану?

20 декабря 1808 г. «весь Париж» толпился на большом приеме у Талейрана в особняке Матиньон на улице Варенн. Все, как обычно, шло по заранее установленному порядку. Вдруг он был неожиданно нарушен. Взгляды присутствующих с удивлением обратились к запоздалому гостю: это был Фуше. Хозяин дома торопливо бросился к нему, подхватил под руку («порок, опирающийся на преступление», — вспомним слова Шатобриана), и они долго прогуливались по салонам, оживленно беседуя. Талейран и Фуше помирились! Что-то серьезное готовится против императора — таково было всеобщее мнение. «Когда между кошкой и собакой вспыхивает такая внезапная дружба, значит она направлена против повара»²⁶, — заметил Стефан Цвейг.

Да, конечно, дружба соперников была «направлена против повара». Речь не шла о заговоре, государственном перевороте с его традиционным сценарием: тайными передвижениями солдат, ночными выстрелами, ссылками неугодных лиц в места отдаленные и нездоровые. Талейран и Фуше были слишком осторожными (до трусости) и эгоистичными (до самообожания) людьми. Родственной им душой обладал и Меттерних. Австрийский дипломат прекрасно понимал своих единомышленников и поэтому писал: «Они находятся в положении пассажиров, которые, видя рукоятку руля в руках сумасбродного кормчего, способного опрокинуть судно на рифы, отыскиваемые им без какой-либо необходимости, готовы тогда взять в свои руки бразды правления, когда угроза их собственному спасению будет большей, чем раньше, и в тот момент, наконец, когда первый удар по кораблю низвергнет самого рулевого»²⁷. Сказано метко и точно!

Правда, друзья ждали не «падения рулевого», а его возможной

гибели в Испании, куда Наполеон выехал 29 октября, через десять дней после возвращения из Эрфурта. Разве не гибли его маршалы и генералы на поле брани? Достаточно вспомнить имена Сулковского и Мюирона, Жубера и Дезе. В ходе народной войны императора могли подкараулить не только шальная пуля, но и нож испанского патриота. Следовало серьезно и своевременно задуматься о наследовании власти (иными словами, о собственной безопасности, о своей судьбе и своих доходах).

Искали ли Талейран и Фуше союзников? Казалось, возможности у них для этого имелись немалые. Кризис режима породил многочисленную фронду. Свое недовольство и тревогу в узком кругу выражали даже такие близкие к Наполеону люди, как друг его молодости бессменный морской министр Дени Декре, маршалы Жан Журдан и Жан Ланн. Но выбор пал на Иоахима Мюрата. Фуше поддерживал с ним дружественные связи. Талейран рассчитывал использовать слабости Мюрата и его жены Каролины, сестры Бонапарта: их непомерное тщеславие, ненасытную жажду власти и денег.

Задача Мюрата состояла в том, чтобы по первому сигналу выехать в Париж. Но письмо, отправленное ему Талейраном, попало в руки Евгения Богарне, вице-короля Италии, сына Жозефины. Его предупредил руководитель почтового ведомства Антуан Лавалетт, в прошлом один из адъютантов Наполеона, женатый на его племяннице (счастливый брак: в 1815 г., после «ста дней», она спасла жизнь своему супругу, приговоренному к смертной казни, — он сбежал из тюрьмы в ее одежде). В Мадрид поступили тревожные сведения и от архиканцлера Камбасареса, и даже от матери-императрицы²⁸.

К внутренним трудностям прибавились внешние. Король Баварии сообщил французам новые данные о вооружении Австрии, о мобилизации ландсвера. Австрийская империя быстрыми темпами готовилась к войне. В таких условиях Наполеон неожиданно решил вернуться в Париж.

16 января 1809 г. император выехал из Вальядолида и уже 23 января в 8 часов утра прибыл в Тюильри. Выстрел пушки у Дома инвалидов известил парижан о его приезде. Вскоре дворцовая жизнь, казалось, вошла в свою обычную колею, и ничто не предвещало бури. Но буря разразилась.

В субботу 28 января Наполеон созвал трех высших сановников Империи — Кабасареса, Лебрена, Талейрана и двух министров — Фуше и Декре. Вначале он говорил, что лица из его окружения должны быть выразителями его мыслей и намерений (измена имеет место уже в тот момент, когда они начинают в чем-либо сомневаться!), а затем обрушил поток грубых ругательств на Талейрана. «Вы вор, подлец, человек без веры, вы не верите в бога; вы всю свою жизнь не исполняли свой долг,

вы предали, обманули всех; для вас нет ничего святого, вы бы продали своего отца». Талейран стоял молча, неподвижно, облокотившись, щадя больную ногу. Мертвенная бледность покрыла его щеки. А император обвинял его в провоцировании войны в Испании, в трагической судьбе герцога Энгиенского. «Каковы ваши планы? Чего вы хотите? На что вы надеетесь? Осмейтесь же сказать это! Вы заслуживаете того, чтобы я вас сломал, как бокал! Я в состоянии это сделать, но я вас слишком презираю, чтобы утруждать себя», — гремел раздраженный голос Наполеона²⁹. Молча князь Беневентский медленно направился к выходу. Утверждали, что он тихо процедил сквозь зубы только одну фразу: «Как жаль, что столь великий человек так плохо воспитан». Ожидали ареста или ссылки Талейрана. Ничего подобного не произошло. По каким-то необъяснимым мотивам император щадил своего бывшего министра. Он лишил его лишь звания великого камергера. Но месть оскорбленного аристократа была неизмеримо более коварной и опасной.

Талейран стал платным австрийским агентом. Уже 29 января он посетил Меттерниха и заявил ему, что «считал своим долгом вступить в прямые отношения с Австрией». Бывший министр без обиняков поставил вопрос о шпионской зарплате. Австрийский посол немедленно обратился в Вену с просьбой направить ему 300—400 тысяч франков. «Какой бы крупной ни показалась эта сумма, она значительно меньше жертв, к которым привыкли, а результаты ее использования могут быть громадными», — писал Меттерних.

В Вене информация из Парижа произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Правда, здесь уже не раз — и широко — платили Талейрану. Но еще никогда его не видели в жалкой роли постоянного штатного шпиона. Это было что-то новое! На всякий случай, решили вначале заплатить только 100 тысяч франков, но в то же время сообщили, что послу дается карт-бланш и ему не следует останавливаться перед расходами, «если речь пойдет о реальных, существенных услугах, а не о пустопорожних обещаниях». Вскоре выяснилось, что услуги стоили денег, и больших.

1 февраля Талейран сообщил Меттерниху, что генерал Удино получил приказ выступить со своими войсками в направлении Аутсбурга и Ингольштадта. Он советовал австрийцам подготовиться к войне и, главное, «не терять времени», так как «всякая иллюзия была бы преступной». В марте из того же источника Меттерних получил последнюю по времени дислокацию французской армии, подробное описание состояния всех ее частей, другие, весьма точные военные данные, донесения Коленкура из Петербурга и Андреосси — из Вены. Одновременно работодатель и его платный агент договорились, что в случае франко-австрийской войны они используют для связи Франкфурт, где правил

князь-примас (высший политический и религиозный пост) Карл Дальберг³⁰.

На этот раз война с Австрией принесла много неожиданностей Наполеону. После ее начала, в апреле 1809 года, австрийцы одержали ряд побед, заняли Мюнхен и Регенсбург, в мае под Асперном и Эслингом нанесли поражение французской армии. Однако исход войны был решен в пользу Франции в июле в итоге знаменитой битвы под Ваграмом.

14 октября в Вене был подписан мирный договор, по которому Австрия теряла свои юго-западные и восточные провинции, выплачивала контрибуцию в 85 миллионов франков и сокращала свою армию до 150 тысяч человек. Договор распространялся и на Россию как на союзницу Франции.

Но отношения между союзниками оставляли желать лучшего. Они переживали очередной кризис. Царь и его окружение не хотели вести активные наступательные действия против австрийцев. Армия генерала С. Ф. Голицына неторопливо продвигалась по территории Галиции. Наполеона возмущала такая тактика, смысл которой он прекрасно понимал. Но Александр I считал, что раздражение в Париже лучше, чем «если бы мы слишком усердно помогали уничтожить Австрию»³¹. Усиление наполеоновской империи тревожило военного министра М. Б. Барклая-де-Толли и А. Н. Салтыкова, товарища министра иностранных дел. В среде дворянства, высших военных руководителей и чиновников, в других слоях русского общества нарастало недовольство союзом с Наполеоном.

Но существовало и другое течение, считавшее сохранение сотрудничества с Францией «пока еще выгодным и необходимым для спокойствия империи» (слова А. Б. Куракина, сменившего в ноябре 1808 г. П. А. Толстого на посту российского посла в Париже). Таких же взглядов придерживались министр иностранных дел Н. П. Румянцев, известный реформатор, доверенное лицо и советник Александра I, М. М. Сперанский, оказывавший большое влияние на внешнеполитические дела. Они сохраняли доверительные отношения с Талейраном. «Все, что Вы, князь, пишете мне о государе-императоре, очень хорошо. Мы часто в наших беседах говорим о вас. Он высоко ценит Ваши таланты и считает, что было бы весьма полезным использовать их»³², — говорилось в письме Румянцева от 14 июня 1809 г.

И «таланты» бывшего министра внешних сношений русские дипломаты использовали с немалой пользой для себя: по разным проблемам, в различное время. Особое внимание уделялось австрийским делам. Они очень интересовали обе стороны. «Князь Беневентский не думает, что низвержение

австрийской державы сообразуется с интересами самой Франции. Он считает нужным сохранить ее, позволить ей восстановить свои силы и престиж»³³, — сообщал А. Б. Куракин. Это мнение после битвы при Ваграме (письмо датировано 16 августа 1809 г.) разделял и Куракин, отражая настроения, существовавшие в Петербурге.

Талейран поддерживал связи не только с царским послом в Париже, но и с другими русскими представителями и в их числе с ротмистром (капитаном, вскоре ставшим полковником) А. И. Чернышевым, любимцем и доверенным лицом Александра. Это был молодой, энергичный, смелый и красивый офицер (в Париже дамы восхищались его «осиной талией» и «китайскими глазами»). Он исполнял роль посыльного у двух императоров и часто сновал между Парижем и Петербургом. Только на протяжении 1809 года Чернышев ездил к Наполеону четыре раза. Он проделал путь из Байонны и обратно, из конца в конец Европы, с фантастической для тех времен скоростью — за 34 дня. В битве при Ваграме царский гонец не отходил от Наполеона, осыпавшего его своими милостями³⁴.

Двери всех аристократических домов в Париже распахивались перед русским офицером. А это был ловкий и опытный разведчик. Он имел своих агентов в военном министерстве и с их помощью получал и направлял в Петербург подробные сведения о расположении войск Франции и ее союзников. «Искусный человек», как писал о Чернышеве Н. П. Румянцев, в течение ряда лет присылал ценнейшую информацию о французских вооружениях, считая новую войну между Россией и Францией неизбежной. Особенно активную деятельность полковник развернул в 1811 году. Французам удалось, однако, хотя и с большим трудом, раскрыть тайные связи русского разведчика в Париже³⁵. В феврале 1812 года он покинул Францию и принимал активное участие в войне с Наполеоном, а впоследствии стал князем, генерал-адъютантом и военным министром.

Но все эти метаморфозы произойдут с Чернышевым значительно позже. А в 1810 году к Талейрану с рекомендательным письмом от Коленкура прибыл молодой русский офицер. Его обласкали. Он часто бывал в доме у бывшего министра, обедал с ним и Бертье (принцем Невшательским), имевшим прямое отношение к военным делам. Обсуждались, разумеется, актуальные политические вопросы. Особое внимание в своих донесениях в Петербург Чернышев обращал на два главных совета, которые дал ему герцог Беневентский: сближение России с Австрией и прекращение войны с Турцией, начавшейся еще в конце 1806 года.

Свои взгляды Талейран подробно развивал в доверительных беседах с Карлом Васильевичем Нессельроде, приехавшим в Париж в качестве советника русского посольства в марте 1810 года (впоследствии он занимал посты министра иностранных дел и канцлера). Новый советник явился к Талейрану и заявил ему: «Я прибыл из Петербурга; официально я состою при князе Куракине, но я аккредитован при вас. Я состою в частной переписке с императором и привез вам письмо от него»³⁶. Так князь Беневентский стал советчиком и осведомителем царя через посредство К. В. Нессельроде и М. М. Сперанского. Этой связи придавалось в Петербурге большое значение и она держалась в столь строгой тайне, что даже посол А. Б. Куракин и министр Н. П. Румянцев не знали о ее существовании.

Вскоре после приезда в Париж Нессельроде направил в Петербург важный документ императорской канцелярии — записку о политике Франции в отношении России и просил использовать ее «с крайней осторожностью, так как, если бы Коленкур получил о ней малейшие сведения, два человека были бы расстреляны и этот драгоценнейший источник иссяк бы навсегда». Своим осведомителям Нессельроде щедро платил. Он просил дополнительно перевести ему 30—40 тысяч франков через банки Лафитта и Перего. Последний пользовался особым доверием во всем деловом Париже, так как его дочь была замужем за маршалом Огюстом Мармоном, герцогом Рагузским³⁷.

Талейран ознакомил русского дипломата с несколькими записками, подготовленными для Наполеона. Но это была мелкая, второстепенная деталь сотрудничества. Как писал Нессельроде, его цель состояла в том, чтобы «установить прямую переписку с императором Александром через посредство М. Сперанского, который пользовался тогда его полным доверием». Советник русского посольства в Париже был действительно «аккредитован» при князе Беневентском. Чем объяснялась такая необычайная, исключительная мера? С каждым месяцем все более реальной становилась угроза войны Франции против России. Царю и его окружению необходимо было выработать стратегическую и тактическую линию в сложной международной обстановке в Европе и в Азии. Опыт и знания Талейрана, его обширная информация (он получал сведения также и от Фуше), его отрицательное отношение к новым завоевательным планам Наполеона, доверительные связи с Александром — все эти обстоятельства придавали особое значение мнениям, оценкам, суждениям экс-министра внешних сношений. И его законспирировали самым тщательным образом. В переписке Нессельроде Талейран скрывался под клич-

ками «кузен Анри», «Та», «Анна Ивановна», «наш книготорговец», «юрист».

Что Талейран рекомендовал царю? Во-первых, «мир с Портой возможно быстрее и любой ценой». Он считал, что затяжная война с турками связывала русскую армию, подрывала финансы России и давала «реальные выгоды только Франции». «Кузен Анри» не останавливался перед крайними формулировками, видя в мире с Турцией «спасение» для русского государства³⁸.

Во-вторых, князь Беневентский сохранял свои австрийские симпатии. Он предлагал заключить австро-русский оборонительный союз на следующих условиях: отказ России от притязаний на Молдавию и Валахию, создание оборонительной линии, идущей от Балтийского моря по границам Пруссии, затем через Саксонию до Богемии и Австрии. Нарушение Наполеоном запретной зоны означало бы войну с Австрийской и Российской империями³⁹.

В-третьих, Талейран предлагал русской дипломатии решить ряд важных вопросов. Среди них: переговоры с Англией о сотрудничестве и субсидиях; «спасение» Пруссии; достижение «уверенности» в отношениях со Швецией; создание под эгидой России польского королевства, противостоящего Франции; отказ от обязательств Тильзита; восстановление торговли со всеми странами⁴⁰.

«Книготорговец» советовал «не показывать беспокойства», проявлять «твердость и смелость во всех объяснениях с Францией», воспользоваться мирной передышкой, чтобы «стать сильными». Талейран указывал на необходимость укрепления русских финансов и выражал свое удовлетворение тем, что в Петербурге разделяли его идеи в этой области⁴¹.

Особое место в донесениях Нессельроде занимал, разумеется, вопрос о перспективах русско-французских отношений. Он писал уже в сентябре 1810 года: «Возможность войны между Россией и Францией стала с некоторого времени темой всех бесед в Париже». «Кузен Анри» считал, что «буря не разразится, пока будет идти война в Испании», но вместе с тем, учитывая огромные военные и материальные возможности Наполеона, не исключал и возможности боевых действий на двух фронтах. На вопрос о сроках нападения французов на Россию «кузен» дал весьма близкий к истине ответ: апрель 1812 года⁴².

Итак, благородное служение правому делу защиты России от наполеоновской агрессии? И никакой корысти? Нет, Талейран был верен себе. В личном письме царю от 15 сентября 1810 г. он просил полтора миллиона франков в долг с туманным обещанием вернуть эту сумму, «как только обсто-

ательства изменятся». С точки зрения придворного этикета это был более чем бестактный шаг. В этом же беспрецедентном документе он просил о переводе денег банкиру Бетману, занимавшемуся русскими и австрийскими финансовыми операциями, и отправке соответствующего сообщения русскому генеральному консулу в Париже К. И. Лабенскому. Это уже было слишком! Низвести его императорское величество до уровня простого клерка. Бесцеремонному «кузену» ответили из Петербурга сухим и жестким отказом, а его письмо не сожгли, а бережно сохранили⁴³.

Одни двери закрылись, но предприимчивый дипломат попробовал войти в другие. Вскоре после своего неудачного обращения к царю Талейран предложил Нессельроде поставить в Петербурге вопрос о введении практики лицензий на торговлю с Англией, как это делал сам инициатор континентальной блокады — Наполеон. Заботясь о своих интересах, князь Беневентский хотел бы первый получить несколько таких лицензий без указания названий кораблей и имен их капитанов. Эта скромная операция не могла, конечно, полностью компенсировать полтора миллиона франков, в выплате которых отказал Талейрану Александр I.

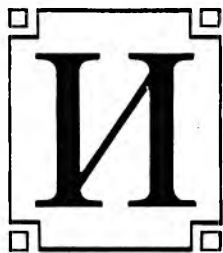
В Петербурге денег «кузену Анри» не дали, но к его советам внимательно прислушались. Возможно, их значение не следует переоценивать. Но тем не менее, несомненно, что действия русской дипломатии по многим важным вопросам совпали с предложениями Талейрана, о которых сообщил царю Нессельроде. Бухарестский мирный договор, положивший конец русско-турецкой войне, удалось подписать 28 мая 1812 г. в результате дипломатического искусства фельдмаршала М. И. Кутузова. Россия получила Бессарабию, но вернула Турции Молдавию и Валахию. С Австрией было заключено тайное устное соглашение, по которому она обязалась не вести активных военных операций против русской армии. Пруссия ограничивалась тем, что выдвинула к границам наблюдательный корпус. Швеция стала союзницей России. Были восстановлены русско-английские дипломатические отношения. «Моя дипломатия должна была бы сделать для меня половину кампании (военные действия против России. — Ю. Б.), а она почти не думала об этом»⁴⁴, — сетовал император французов.

Война с Россией закончилась сокрушительным поражением Наполеона. «Это начало конца». Такие слова приписывали Талейрану. Ход событий их полностью подтвердил.

ГЛАВА XX

НАКОНЕЦ-ТО:

ГЛАВА ПРАВИТЕЛЬСТВА!

так, бывший министр внешних сношений вел тайную войну против императора. Но он не забывал и о своих личных интересах. И как всегда, на первом плане находились денежные дела. А они были не в блестящем состоянии.

Казалось, Талейрану придется изменить обычный, давно сложившийся, но дорогостоящий образ жизни. На протяжении 1810 года финансовое положение князя

ухудшилось. Потерпел крах его банк — банк Симона в Брюсселе. Убытки экс-министра составили, по разным данным, от полутора до четырех миллионов франков. Содержание испанских принцев в Валансе стоило свыше 700 тысяч франков, а получил Талейран на эти цели из государственной казны только 150 тысяч. Вдобавок ко всем этим неприятностям министр финансов Мольен потребовал вернуть деньги — 680 тысяч франков, — полученные Талейраном от правителей Гамбурга, за сохранение независимого статуса города. Свое обязательство он не выполнил. В конце 1810 года Гамбург стал центром департамента Буш де Эльб.

Разумеется, Шарль-Морис максимально сгущал краски, создавая впечатление, что ему угрожает публичный скандал и банкротство. Доходы князя оставались значительными: жалование великого вице-электора — 333 тысячи франков, поступления от Беневента — 130 тысяч франков, пенсия Почетного легиона — 130 тысяч. Всего 593 тысячи франков. Неслыханное богатство для среднего француза наполеоновских времен, но порог «нищеты» для Талейрана.

Перед ним стоял вопрос: где взять деньги? Царь в ответ на обращение к нему ответил отказом. Талейран просил Наполеона купить его дом — особняк Матиньон (в наши дни — номер 57 по улице Варен), одно из самых красивых зданий в предместье Сен-Жермен, где он жил с апреля 1808 года. Рядом бывший министр занимал еще один дом — особняк Верак (сейчас номер 55), где по приказанию Наполеона четыре раза в неделю устраивал приемы, известные своим великолепием «всему Парижу»¹.

Необходимости в приобретении нового помещения у императорской администрации не было. Но шумный финансовый крах одного из первых сановников империи нанес бы удар по престижу не только режима, но и его верховного шефа. Наполеон отдавал себе в этом отчет. Он поручил архитектору Фонтену, смотрителю дворцов Лувра, Тюильри, Сен-Клу, осмотреть Матиньон и после этого в январе 1812 года купил его за 2180 тысяч франков². Увы, эта сумма значительно уменьшилась после вычета денег, возвращенных гамбургцам. Но, как и можно было предвидеть, бедность экс-министра оказалась скорее надуманной, чем реальной. Прошел год, и он купил у маркиза Эрваса великолепный особняк, построенный по плану знаменитого архитектора Габриеля, шедеврами которого являлись флигели Версальского дворца и Малый Трианон, а в Париже — Военная школа и площадь Людовика XV (в настоящее время площадь Конкорд). Особняк находился на улице Сен-Флорантен, 2 (напротив сада Тюильри).

Это был последний дом Талейрана в Париже — 17 комнат на верхнем этаже и 16 на втором. Он оставался верен своему особняку до последнего вздоха. Здесь он прожил четверть века и здесь же умер. Здесь в 1814 году на несколько недель останавливался Александр I. В 1938 году дом стал собственностью барона Ротшильда. А в наши дни по пяти ступенькам парадного хода каждый день поднимаются американские дипломаты: в здании размещено посольство США во Франции. Смена эпох, смена людей... Но замечательное творение Габриеля неизменно остается одной из архитектурных достопримечательностей Парижа.

В новом доме заботливо сохранялись старые, традиционные порядки. Спать бывший министр ложился поздно и просыпался поздно — около 10 часов. Легкий завтрак: яйца, фрукты, стакан воды, подкрашенной мадерой. К 11 часам из-за занавесок постели появлялось лицо его сиятельства. Этого момента уже ждали.

Три лакея помогали сесть в кресло хозяину дома, два других снимали с него халат, затем фланелевый жилет, потом — нижнее белье. Наступала очередь двух парикмахеров, искусно создававших ту копну плавающих волос, которую можно увидеть на портретах Талейрана. Комнату переполняли запахи пудры и одеколона. Сразу после этого приносили ванну с лечебной водой, и Талейран опускал в нее свою больную ногу. По неизменному сценарию следовала операция полоскания горла, занимавшая не менее четверти часа. Священнодействие подходило к концу. На почтенного князя натягивали две пары фланелевого белья, две пары чулок, рубашку, короткие штаны по моде и жилет. Под коленом

правой ноги закрепляли кожаное кольцо, поддерживавшее металлическую арматуру ботинка. В заключение туалета первый лакей, миссия которого состояла в том, чтобы не допустить нарушения целостности костюма, торжественно повязывал хозяину дома галстук. Опираясь на палку, Талейран направлялся в салон или в свой рабочий кабинет.

Многочисленная прислуга требовала больших расходов. Но оплата их услуг была далеко не единственной их статьей. Дом князя Беневентского славился своей кухней. Имя его повара Карема было известно не только в Париже, но и при европейских дворах. Его называли кондитером-архитектором. На столе дворца Матиньон возвышались торты, изображавшие развалины Афин или кварталы Венеции. Но Карем готовил не только сладкое, он был великим специалистом по приготовлению блюд французской национальной кухни.

Однажды Талейран пригласил на обед небольшое, но избранное общество. Из Страсбурга, вместо одного, привезли двух крупных рейнских лососей, стоивших баснословных денег. Подать на стол для восьми человек двух огромных лососей — такую примитивно грубую демонстрацию богатства мог позволить себе какой-нибудь нувориш, а не князь Беневентский. Как поступить? И был разыгран настоящий спектакль. Слуга, войдя в столовую с большим блюдом в руках, споткнулся и упал. Воцарилось молчание. «Принесите другого», — тихим голосом, невозмутимо приказал хозяин дома. И в то же мгновение появился второй слуга с новым лососем.

В большом доме Талейрана всегда ощущалось зримое и незримое присутствие женщин. Особы прекрасного пола в жизни Шарля-Мориса — и личной, и общественной — всегда играли важную роль. Современники называли не один десяток имен. Несомненно, бывший епископ, несмотря на свой физический недостаток, умел нравиться дочерям Евы. Как правило, он сохранял со своими бывшими возлюбленными дружеские и деловые отношения. Многие из них оставались для Талейрана политическими союзниками, поставщиками информации, постоянными корреспондентами. Но среди них особое место в течение 30 лет занимали две женщины, две герцогини Курляндские — мать и дочь.

Аршамбо, старший брат Шарля-Мориса, имел двух сыновей — Людовика и Эдмона. Людовик, офицер, после двухнедельной болезни скончался в Берлине 18 июня 1808 г. Горе Талейрана было искренним. Теперь в центре его забот оказался один Эдмон, адъютант маршала Людовика Бертье. Это был красивый и беззаботный вояка, которого мало волновали матримониальные вопросы. Но дядя придерживался

иного мнения. Он тщательно изучил список богатых и знатных европейских невест. И он нашел жену для своего племянника: младшую дочь герцогини Курляндской³.

Анна-Шарлотта была на 37 лет моложе своего супруга — герцога Пьера Курляндского, человека с крутым, неуживчивым, грубым нравом. Пьер являлся сыном Эрнста Иоганна Бирона, фаворита императрицы Анны Иоановны, сосланного с семьей в Сибирь после государственного переворота 1740 года. Герцог Курляндский не любил своих подданных и поэтому предпочитал жить не в своей столице — городе Митаве, а в принадлежавших ему в Богемии и Силезии замках. В 1795 году герцогство Курляндское вошло в состав Российской империи. Бывшие феодальные сеньоры стали подданными царя.

Занимаясь брачными делами племянника, Талейран во время свидания в Эрфурте обратился к Александру I с просьбой выступить в роли «свата». Царь согласился и 16 октября 1808 г. по дороге в Петербург в обществе Коленкура, князя Трубецкого и Эдмона Перигора отобедал в замке Лобикау у герцогини Курляндской. Вопрос о браке вскоре был решен. Свадьба Доротей (ей не было еще и 16 лет) состоялась во Франкфурте 22 апреля 1809 г. Молодые поселились в Париже у Талейрана. Герцогиня Курляндская также находилась с ними. В особняке Матиньон началась новая жизнь⁴.

Любовная связь с герцогиней-матерью продолжалась у Шарля-Мориса несколько лет. Он с большим уважением относился к прибалтийской аристократке, высоко ценил ее трезвый, реалистический ум, ее связи с монархическими дворами Европы. Талейран часто писал Анне-Шарлотте. Письма эти весьма интересны: в них есть и политика, и хроника событий, и попытки исповеди, и излияния чувств. Они в известной мере меняют «хрестоматийный» образ Талейрана, о котором сложилось устойчивое мнение как о человеке, абсолютно не способном ни к искренности, ни к привязанностям.

Тем временем Доротея Перигор, дочь герцогини, из очаровательной девушки превратилась в красивую женщину. Ее огромные глаза, издавна казавшиеся черными, вблизи были темно-голубыми, нежное лицо привлекало своей природной свежестью. Изящество, грациозность сочетались с тонким и острым умом. Она быстро разглядела легкомыслие и духовную пустоту своего мужа. Супруги отдалились друг от друга, хотя и имели троих детей. Разрыв превратился в пропасть после назначения в январе 1812 года Эдмона, 25-летнего полковника, командиром кавалерийского полка, расквартированного за тридевять земель от Парижа — в Северной Италии⁵.

Герцогиня-мать около полутора лет отсутствовала в Париже.

Ее дочь и Талейран оказались в особняке Матиньон вдвоем. Именно тогда и началось сближение между ними. Чувства окрепли. Отношения приобрели романтический характер в Вене, куда министр иностранных дел Людовика XVIII и его молодая спутница приехали в сентябре 1814 года. «Вена!.. Вся моя судьба в этом слове»⁶, — писала Доротея. Именно в австрийской столице она окончательно выбрала свою судьбу: Доротея осталась с Талейраном до последнего его вздоха.

Прибалтийские аристократки прочно и надолго вошли в жизнь Талейрана. Но он не перестал бывать в хорошо знакомых ему салонах Парижа, не порвал деловые связи со многими светскими дамами, нередко лучше осведомленными о государственных делах и дворцовых интригах, чем наполеоновские сановники. Талейран регулярно посещал салоны мадам Лаваль, Ремюза, Линь. У княгини Водемон он встречался с официальными лицами: префектом полиции Паскье, генеральным директором почт Лавалеттом, великим судьей Моле, доверенным лицом Людовика XVIII Витролем. Здесь можно было получить различные сведения, обменяться мнениями, прогнозировать события, стремительно развивавшиеся после поражения Наполеона в России.

Крах наполеоновской империи приближался. Завоевательная политика, опасности которой Талейран предвидел еще несколько лет назад, после Трафальгара и Аустерлица, привела к созданию мощной антифранцузской коалиции европейских держав. Ее победа казалась неотвратимой. В этих условиях антибонапартистские настроения экс-министра проявлялись нередко с несвойственной ему откровенностью. В ноябре 1812 года он заявил, например, что следовало уничтожить Бонапарта, не останавливаясь перед средствами. «Он разрушил равенство, и это хорошо; но нужно, чтобы у нас сохранилась свобода. Нам нужны законы, а с ним это невозможно. Пришло время его свергнуть»⁷.

Грозные речи не означали, что многоопытный дипломат отказался от службы императору. Время от времени он вспоминал о Талейране. В марте 1812 года он предложил ему отправиться в Варшаву «для руководства польскими делами» во время похода на Россию и для «наблюдения за Веной и Германией», но потребовал сохранения тайны. Бывший министр согласился на сравнительно скромный посольский пост, и тут же открыл кредит в австрийской столице на 60 тысяч франков, сославшись на отсутствие прямого денежного обмена между Парижем и Варшавой. Всезнающий и вездесущий Лавалетт сообщил императору новость, которая вызвала его недовольство.

Гнев Наполеона усилился в результате интриг мадам Маре

(герцогини Бассано). Она боялась, что миссия в Польше послужит для Талейрана трамплином, и он вернется в особняк Галифе, вытеснив оттуда ее супруга, над которым бывший министр постоянно смеялся: «Во всем мире я знаю только одного человека, более глупого, чем Маре». — «Кто же это, монсиньор?» — «Его превосходительство герцог Бассано». Такие шутки становились известными всему Парижу. И мадам Маре разболтала в салонах о миссии Шарля-Мориса в Варшаве. Талейран так и не получил назначения.

Но неприятности только начинались. Быть в опале у могущественного монарха — дело опасное. Вот-вот могли обнаружиться преступные связи князя с австрийским двором. Этого не произошло. Но полиция перехватила несколько писем, которые ставили под сомнение лояльность Талейрана. На этот раз Наполеон хотел отдать своего бывшего великого камергера под суд. Но вмешались влиятельные заступники: архиканцлер Камбасарес, министр полиции Савари, маршал Бертье. Судебное преследование не состоялось. Приказ о высылке отменяли дважды⁸. Император угрожал, но решительного удара почему-то не наносил.

...В результате трехдневной битвы под Лейпцигом в октябре 1813 года французские войска потерпели поражение и отступили за Рейн. Нужны были не только энергичные военные действия, но и неотложные и активные дипломатические усилия. К чьим же услугам обратился император французов? Разумеется, к Шарлю-Морису Талейрану. Правда, Наполеон пришел к этому решению не без колебаний. Но на предложение Камбасареса экс-министр ответил отказом. «В декабре 1813 года он (Наполеон. — Ю. Б.) просил меня снова принять портфель министра иностранных дел, что я решительно отклонил, так как мне было ясно, что нам никогда не удастся сговориться хотя бы о способе выпутаться из того лабиринта, в который его вовлекли его безумства»⁹.

Так объяснил Талейран свое поведение в «Мемуарах». Но истинную свою позицию он изложил Шарлю Ремюза: «Император хотел быть один, а это надежное средство против долголетия»; «он один, как он этого хотел, один в Европе; но это еще не все — один во Франции»; «его самая большая беда, против которой нет лекарства — это изоляция»¹⁰.

Мудрый князь притаился. Спрятался. Он ограничил свою корреспонденцию и подвергал ее беспощадной собственной цензуре, в то же время используя все доступные источники информации. По личному опыту Талейран хорошо знал, что легче всего потерять голову в такие критические моменты.

Союзники приближались к французской столице. Среди наполеоновских маршалов и генералов, как грибы под дож-

дем, росли пораженческие настроения. Военачальники, ставшие аристократами-царедворцами, думали о том, как бы подороже продать своего недавнего кумира, а заодно и его брата — генерального лейтенанта империи (наместника) Жозефа Бонапарта. Возник вопрос об отъезде императрицы Марии-Луизы с сыном из Парижа. В связи с этим Наполеон писал 8 февраля 1814 г. Жозефу о Талейране: «Я повторяю, не доверяйте этому человеку. Я поступал так в течение 16 лет. Я был даже расположен к нему. Но сейчас это бесспорно самый большой враг нашего дома, который вот уже некоторое время как покинуло счастье»¹¹.

Справедливо, но поздно! Князь Беневентский вступил в решительную борьбу с императорским режимом. Прежде всего он считал необходимым ускорить вступление в Париж союзнических армий. А руководители антифранцузской коалиции не были едиными в этом вопросе. Английское и австрийское правительства не торопились с захватом Парижа. «Продвигайтесь к Парижу умно, что означает — медленно», — с циничной прямоотой писал министр иностранных дел Меттерних фельд-маршалу Карлу Шварценбергу. В Вене и Лондоне опасались, что в итоге продвижения союзников к Парижу в Европе возрастет политический вес России, сыгравшей решающую роль в сражениях с наполеоновскими войсками.

Талейран попытался повлиять на развитие событий. Оставаясь в городе, он 6 марта направил в штаб-квартиру союзников, находившуюся в Труа, сторонника Бурбонов Витроля с запиской, написанной симпатическими чернилами. В ней говорилось: «Человек, которого я вам посылаю, заслуживает полного доверия; выслушайте его и узнайте меня. Пришло время стать более решительными. Вы идете на костылях, воспользуйтесь вашими ногами и желайте то, что вы можете»¹². Нессельроде внимательно прочел этот необычный документ. Он был написан рукой Дальберга, а не Талейрана: осторожный князь отказался раскрыть свой почерк. Но у русского канцлера не было и тени сомнений в том, кто послал Витроля. Он дал ему возможность встретиться с царем, английским министром иностранных дел Кастлри и Меттернихом. Они согласились с мнением Талейрана. Его записка, как писал Нессельроде, «решила вопрос о движении на Париж».

И первым отправился в столицу сам Нессельроде в сопровождении казака и австрийского офицера. В доме на улице Сен-Флорантен навстречу гостю бросился полупричесанный князь Беневентский, распыляя вокруг себя облако пудры. Пока они беседовали (это было 31 марта 1814 г.), Александр I и Фридрих-Вильгельм III во главе своих войск вступили в Париж.

В европейской политике в определении судеб Франции

первое слово было в то время, несомненно, за российским императором. И Талейран это прекрасно знал. Ему нужны были тесные контакты с царем. И он неожиданно получил такую возможность. Александр I хотел поселиться в Елисейском дворце. Но, по анонимным сведениям, дворец заминировали. Шарль-Морис немедленно предложил свой дом к услугам царя и его свиты. И предложение приняли; 12 дней российский император провел на улице Сен-Флорантен.

Царь занимал второй этаж особняка; третий стал филиалом русского министерства иностранных дел — здесь разместились Нессельроде и его сотрудники. В распоряжении Талейрана остались шесть комнат на антресолях. Во дворе на сене спали усталые казаки¹³. Можно представить себе чувства бывшего великого камергера, привыкшего к размеренности и порядку.

31 марта стало историческим днем в его жизни. В шесть часов утра к изумлению домочадцев он уже был одет и готов к действиям. Во второй половине дня начались переговоры. В них приняли участие император России и король Пруссии; князь Шварценберг; австрийский фельдмаршал князь Лихтенштейн; генерал Поццо ди Борго — корсиканец, ненавидевший Наполеона, дипломат на русской службе, посол в Париже с 1814 по 1832 год; Дальберг и Талейран. Обсуждали важнейшую проблему: кому править Францией?

В лагере союзников не было единодушия. Их интересы — захватнические и антифранцузские — сталкивались самым острым образом, Александр I враждебно относился к Бурбонам. В марте 1807 года он после посещения Людовика XVIII в Митаве назвал его «человеком самым посредственным и незначительным во всей Европе»¹⁴. В Петербурге возможными кандидатами на французский престол считали маршала Жана Бернадотта, а затем — Евгения Богарне. Царь готов был обсудить вопрос о регентстве или буржуазно-аристократической республике во Франции. Российский самодержец хотел казаться либералом и любил потолковать об уважении к воле французского народа.

Английские представители не скрывали своей ненависти к «корсиканскому чудовищу» и его семье. Они предлагали посадить на французский трон брата казненного короля — Людовика XVIII. Меттерних стоял на иной позиции. Его вполне устроило бы регентство императрицы Марии-Луизы. Но именно этого не хотели в Петербурге и Берлине, где опасались усиления влияния Австрии в Европе.

Европейские монархи делили наследство еще не сложившего оружия Наполеона. В сумятице раздоров и столкновения различных интересов мнение Талейрана сыграло свою

роль, хотя оно не могло быть решающим. Каковы же были его взгляды?

На начальном этапе империи министр внешних сношений считал, что с королевским домом Бурбонов покончено навсегда. Именно в то время он и принял активное участие в расправе над герцогом Энгиенским. Но политика захватнических войн и территориальных захватов, проводимая императором, все более настораживала и пугала Талейрана. Личные обиды питали ненависть к режиму и его лидеру. После Эрфуртского свидания и разгрома Австрии, в период нападения Франции и ее союзников на Россию Талейран и Фуше нередко задумывались о регентстве в случае гибели Наполеона. Более того, существует версия, согласно которой весной 1814 года бывший епископ Отена подумывал об убийстве Наполеона. Обратимся к фактам.

1 апреля Дальберг явился к префекту Парижа Паскье и заявил ему, что «отчаянные головы» собираются захватить на складе Военной школы несколько комплектов формы императорских гвардейцев, чтобы приблизиться к Наполеону и «освободить от него Францию». Потрясенный Паскье спросил, кто же замыслил убийство: якобинцы или шуаны. Ответ Дальберга: «У нас имеются все цвета».

«Отчаянная голова» — это граф Гери-Мобрей, ревностный роялист, сторонник Бурбонов. В день вступления союзных войск в Париж к хвосту его лошади был привязан орден Почетного легиона. Вместе со своими друзьями — отъявленными головорезами — граф безуспешно пытался сбросить на землю статую Наполеона на Вандомской площади. Мобрея судили за бандитизм. Материалы допросов сохранились в департаментском архиве. Преступник утверждал, что один из близких к Талейрану людей, его секретарь Ру-Лабори предлагал ему получить у князя Шварценберга в полное распоряжение сотню людей, чтобы убить императора. Мобрею якобы обещали на улице Сен-Флорантен герцогский титул и 200 тысяч ренты. Но Наполеон отрекся от престола и план не осуществился¹⁵.

Реальна ли вся эта история? Трудно сказать. Однако возможность смерти «корсиканца» и установления регентства одно время занимала мысли Талейрана. Но события пошли иным путем. В последние годы империи он склонялся к идее реставрации власти Бурбонов, хотя и писал в своих «Мемуарах», что они уже были «забыты и совершенно неизвестны новому поколению». Разумеется, достойный князь, как и всегда, исходил из самых высоких побуждений: только Бурбоны могли «достойным образом вернуть Франции выгодные для нее границы, обусловленные политикой и природой», «быстро и безопасно для Европы удалить иностранные армии, занимав-

шие французскую землю», «с Бурбонами Франция переставала быть исполинской, но становилась великой»¹⁶.

Талейран уже давно считал крушение империи Наполеона неотвратимым. Много лет Талейран вел тайную войну против своего благодетеля, осыпавшего его титулами, званиями, почестями и открывшего путь к власти и деньгам. Возврата назад не было. Опытный дипломат был прав. «Талейран не остался бы во Франции, если бы я победил». Это слова Наполеона. Он даже считал, что, вовремя расстреляв двух человек, Талейрана и Фуше, сохранил бы свой трон. Упущенная возможность не доступна, как известно, проверке. Но совершенно очевидно, что бывший епископ и бывший министр мог рассчитывать на сотрудничество только с Бурбонами, хотя и они имели достаточно оснований для недоверия к перебежчику.

Какую роль сыграл Шарль-Морис в ходе дискуссии 31 марта? Можно ли считать, что благодаря ему Бурбоны вернули потерянную ими, как казалось, навсегда власть во Франции? Это преувеличение. Сама идея реставрации висела в воздухе, имела влиятельных сторонников среди руководителей антибонапартистской коалиции. Но Талейран умело использовал принцип легитимизма, обосновывавший законность существования наследственных монархий. «Легитимность королевской власти или, лучше сказать, правительства представляет защитный оплот для народов, почему она и должна быть священна»¹⁷, — писал князь Беневентский. Такая формула не могла не понравиться монархам-победителям. Принцип легитимности королевской власти пришелся весьма кстати. Он сглаживал противоречия между европейскими державами, указывал выход из конфликтной ситуации. В итоге на свалке истории разыскали Бурбонов, немного очистили их от пыли и грязи и показали изумленным, не верящим своим глазам французам.

Итак, коренной вопрос — вопрос о власти получил свое решение. Теперь нужны были немедленные действия. И в этот же вечер, 31 марта, союзники за подписью Александра I приняли декларацию, объявив, что они больше не будут вести переговоров ни с Наполеоном Бонапартом, ни с одним из членов его семьи, сохраняют целостность прежней Франции в том виде, в каком она существовала при законных королях; признают и гарантируют конституцию, которую примет французская нация; считают необходимым создание сенатом временного правительства.

План Талейрана удался наилучшим образом. Теперь нельзя было терять ни одного дня. 1 апреля сенат назначил его главой временного правительства. Но реальность напоминала дорогую игрушку, которую дали на короткое время, а потом отобрали: пост премьер-министра Талейран занимал немногим

более двух недель. И тем не менее он достиг цели, к которой стремился. Разве не хотел он стать архиканцлером империи? Но Наполеон предпочел ему послушного и сверхлояльного Камбасареса. А теперь у Талейрана, у нового главы исполнительной власти, толпились знатные просители, многие из которых часами дожидались приема. Это была власть в ее новом, более широком и откровенном обличье, открывавшем широкие возможности для обогащения.

Людовик XVIII под влиянием своего ближайшего окружения не переоценивал услуги бывшего епископа. Но тот, несомненно, много сделал для реставрации Бурбонов. Решающее слово, однако, было за армией. 2 апреля обращение к ней освободило солдат от присяги Наполеону, человеку, «который не является даже французом». Под этими оскорбительными словами стояла подпись Талейрана, годами льстившего императору, клявшемуся ему в преданности и любви, с радостью принимавшего чины и звания, почести и деньги. Но благородство и честность в политике были чужды князю Беневентскому.

Призыв к армии явился исходным пунктом для обращения маршалов, генералов, офицеров и солдат в новую веру. Цель Талейрана состояла в том, чтобы измена Наполеону стала массовым явлением во французских войсках. Для этого нужны были необычные, выдающиеся прецеденты. И они появились. Корпус маршала Огюста Мармона, герцога Рагузского, насчитывавший 11 тысяч человек, находился в Эссоне, прикрывая Наполеона, не покидавшего Фонтенбло, со стороны Парижа. 30 марта Талейран встретился с Мармоном. Содержание беседы неизвестно. Но Эмиль Дард, например, утверждает, что тогда и была подготовлена измена маршала¹⁸. В ночь с 4 на 5 апреля часть его войск передислоцировалась из Эссона в Версаль. Фонтенбло лишилось своего щита. На следующий день Наполеон отрекся от престола. Он говорил маршалу Франсуа Лефевру: «Я гибну от предательства. Талейран такой же разбойник, как и Мармон: он предал религию, Людовика XVI, Учредительное собрание, Директорию: почему я его не расстрелял?»¹⁹.

Пройдет год, и у вернувшегося с острова Эльба императора вновь появится возможность свести счеты с его бывшим министром. Но судьба уже никогда больше не столкнет их друг с другом. А пока, в день отречения Наполеона, сенаторы единогласно провозгласили французское правление «монархическим и наследственным» и пригласили Людовика-Станислава-Ксавье Бурбона, брата последнего короля, занять трон Франции. Призыв, разумеется, был быстро услышан. 12 апреля в Париж вернулся граф д'Артуа, младший брат Людовика XVIII.

Он стал наместником королевства. Временное правительство вскоре прекратило свое существование, а его члены вошли в состав Временного государственного совета. Король прибыл в столицу 3 мая. Во вновь созданном кабинете Талейран занял пост министра иностранных дел. Он в третий раз вернулся в особняк Галифе. Кресло премьер-министра осталось пустым: борьба противоположных мнений и атаки против князя Беневентского достигли такой остроты, что Людовик XVIII не поддержал ни одну из враждующих сторон.

Однако Талейран успел воспользоваться своим кратким пребыванием на посту главы правительства в личных целях. Он знал, что в императорском архиве в Лувре имелось немало материалов, которые могли его скомпрометировать при новом режиме. Это прежде всего документы об отношениях с Ватиканом и папой, по делу герцога Энгиенского, о войне в Испании. Уже 4 апреля к архивисту государственного секретариата явился официальный представитель и потребовал доступа в хранилище. Ему попытались помешать, но безуспешно. Многие документы, обличавшие Талейрана, подверглись уничтожению. Он опять принял необходимые меры вовремя!

Но доверием у короля и его окружения министр не пользовался. Впрочем, такова судьба всех перебежчиков. Их ненавидят, им не доверяет одна сторона и презирает другая. И князь чувствовал себя относительно свободным только в сфере внешних дел. Участия в решении внутриполитических вопросов он не принимал. «Его влияние, за исключением собственного департамента, до настоящего времени равнялось нулю»²⁰, — писал Поццо ди Борго в Петербург 13 июня 1814 г. Эти слова близки к истине.

Дворяне-эмигранты, жаждавшие мести, считали Талейрана мягкотелым либералом. Отражая их взгляды, король запретил Маку-Клоду Беньо, начальнику полиции, являвшемуся одним из руководителей конституционной комиссии, информировать министра иностранных дел о ее работе. Приближенные Людовика XVIII считали князя Беневентского противником репрессий и «белого террора»²¹. Он действительно хотел избежать крутых мер, опасаясь, что они вызовут волну массового недовольства. Прожженный политик не ошибся. События вскоре подтвердили его правоту. За один год пребывания у власти Бурбоны, «ничего не забывшие и ничему не научившиеся», восстановили против себя не только народные массы, но и значительную часть буржуазии.

Итак, сфера внутренней политики оказалась практически закрытой для Талейрана, энергично занимавшегося международными делами. «Он абсолютный министр в своем ведомстве и любит дать это почувствовать публике»²². Не преувеличи-

вает ли Поццо ди Борго? Нет. Князь Беневентский действительно решал многие вопросы на свой страх и риск, с необычной для него быстротой, выслуживаясь перед европейскими монархами-победителями. Начинать ему пришлось с острейших проблем перемирия и мира.

Уже 19 апреля 1814 г. Талейран дал согласие Меттерниху на обсуждение проекта соглашения о перемирии. Это был жизненно важный для французского народа вопрос. Речь шла о новых границах страны, о судьбе завоеванных Наполеоном земель, об оккупации французской территории и контрибуции с побежденных. Переговоры были короткими: всего четыре дня. На этот раз глава французской дипломатии не проявил ни своей обычной мудрой медлительности, ни упорства. Он даже не попытался использовать противоречия между союзными державами, не искал обострения с одними и компромиссов с другими. Весь свой арсенал дипломатических средств и сложное искусство интриги он с успехом использует через несколько месяцев на конгрессе в Вене. Почему же в Париже он так спешил с соглашением? Царедворец подчинил себе дипломата. 24 апреля Людовик XVIII высадился в Кале и ко времени его возвращения в столицу Талейран хотел формальным актом положить конец войне. Это следовало делать как можно скорее: серьезной преградой могли явиться непримиримость и озлобленность королевских советников.

«Перемирие было не только необходимо, но оно представляло акт мудрой политики»²³, — писал Талейран в своих «Мемуарах». Необходимость? С этим можно согласиться. Мудрость? Сомнительная. Современники считали, что министр пошел на слишком большие уступки европейским монархам. Франция вернулась к границам, существовавшим на 1 января 1792 г. Она потеряла без каких-либо компенсаций не менее 15 департаментов — графство Ниццу, герцогство Савойю, весь левый берег Рейна. Французские войска должны были покинуть 54 крепости, оккупированные ими в Европе. Тяжелые условия! Самому Талейрану пришлось признать их «горестными» и «унизительными».

И тем не менее для побежденной страны это был, пожалуй, лучший из возможных исходов, достигнутый прежде всего благодаря русской дипломатии. Россия теперь не опасалась французской угрозы. В то же время в Петербурге хотели, чтобы Франция сохранила свой суверенитет и свою территориальную целостность, была в состоянии противостоять как Пруссии и Австрии на континенте, так и Англии на море. Талейран лишь поддерживал русские предложения о сохранении Франции в границах 1792 года с небольшими территориальными приращениями.

Перемирие в значительной мере определило условия мирного договора, подписанного через месяц, 30 мая. Страна вернулась к положению, существовавшему четверть века назад (с небольшим увеличением территории — до 150 кв. миль, и населения — 636 тысяч человек; это несколько коммун на границе с Бельгией, графство Монбельяр, часть Савойи с Аннесси и Шамбери, Авиньон, крепость Ландау). Франция получила и свои владения в Индии, но без права их укрепления, к ней вернулись и захваченные у нее колонии кроме Тобаго, Сан-Люси, возвращенной Испании части Сан-Доминго и ряда других территорий. Союзники не потребовали выплаты контрибуции и возврата вывезенных французами из европейских стран произведений искусства.

Военно-политическое положение Франции ухудшилось. Ее окружило кольцо враждебных государств. Северная граница оказалась открытой между Дюнкерком и Мецем. И тем не менее Талейран писал герцогине Курляндской: «Я доволен миром; это соглашение равного с равным. Мир одобрен всеми и по существу, и с точки зрения редакции». Оправдан ли такой оптимизм?

Обстановка для переговоров, несомненно, была сложной. Французская армия потерпела поражение. После «ста дней» условия 30 мая станут недостижимыми для французской стороны. Все это бесспорно. И тем не менее о равенстве не могло быть и речи. Победители диктовали свою волю. Использовал ли министр иностранных дел в полной мере свой опыт лавирования и компромиссов, сталкивания интересов в лагере союзных держав? Многие современники и исследователи дали отрицательный ответ на этот вопрос.

Итак, на восточных, северных и западных границах Франции воцарился мир. В конце июля Талейран и граф Пальмела, португальский посланник в Париже, подписали временное соглашение о восстановлении дипломатических и торговых отношений между двумя странами на основе полной взаимности. Эта договоренность была достигнута сравнительно быстро. Несравненно более трудными для князя Беневентского оказались франко-испанские переговоры.

Камнем преткновения являлось требование Талейрана об амнистии испанцев, находившихся на службе у Жозефа Бонапарта. Участник переговоров Фернан-Нуньес (посол Испании в Лондоне) решительно возражал против этого. Талейрану пришлось уступить. Франко-испанский мирный договор, подписанный в июле 1814 года, повторял условия Парижского мира, но имел две дополнительные статьи. Первая предусматривала взаимное возвращение конфискованной собственности, вторая — заключение торгового договора между Францией и

Испанией. В соответствии с секретной статьей французская дипломатия обязалась поддержать в Вене испанские претензии к Италии (касавшиеся Неаполитанского королевства, Пармы и нескольких других территорий)²⁴.

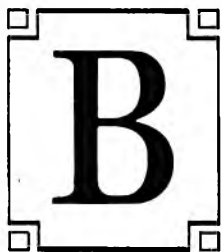
Особое внимание Талейран уделил взаимоотношениям с Россией. Послом в Петербург был назначен граф Жюст де Ноай, бывший камергер Наполеона, женатый на племяннице министра. Родство с князем Беневентским являлось одним из его главных — если не единственным — достоинств. Новый посол не имел дипломатического опыта. Инструкция, подписанная Талейраном и утвержденная Людовиком XVIII, должна была компенсировать этот недостаток. В ней обобщались основные итоги русско-французских отношений на протяжении нескольких десятилетий. Екатерина II, говорилось в документе, «боролась против французской революции только своими манифестами». Император Павел «примирился с новым руководителем Франции», ненадолго восстановив мир. Союз с Александром I позволил Наполеону завоевать Испанию и Португалию, расширить французские границы, осуществить другие завоевания в Европе. Так было в недавнем прошлом. Какие же задачи стояли теперь перед послом Бурбонов в Петербурге?

В Париже и не помышляли о новом союзе между Россией и Францией. Мысли Талейрана занимало сотрудничество с Лондоном и Веной. А де Ноаю он поручил выяснить, намерен ли русский двор заключить новый торговый договор и собрать с этой целью необходимые сведения; установить причины, по которым в России поддерживали «демократические идеи» в Швейцарии; дать ответ на вопрос, хочет ли император сохранить Мюрата и Бернадотта на их тронах, а если да, то почему; сообщить, каких взглядов придерживается Александр I в польском вопросе; постоянно информировать о взаимоотношениях царского правительства с его союзниками в период последней войны с Францией, с соседними странами, и прежде всего с Польшей, Швецией и Турцией. Послу вменялось в обязанность писать каждый день, «хотя бы только одно слово».

Это были контуры новой французской внешнеполитической программы, принявшей определенные и четкие формы на Венском конгрессе, на котором Франция впервые за четверть века оказалась в положении судимой, обвиняемой страны. Эту программу сформулировал и отстаивал тот же дипломат — Талейран, который служил Директории, Консульству и Империи. Теперь наступили другие времена. Министру иностранных дел Людовика XVIII пришлось выступить в совершенно новой для него роли официального представителя побежденной страны.

ГЛАВА XXI

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПОБЕЖДЕННОЙ СТРАНЫ

ена, красавица Вена... Много раз испытывала она горечь поражений, национального унижения во времена завоевательных войн Наполеона.

Но вот наступило лето 1814 года! Австрийская столица стала на время столицей монархической Европы. В Вене находились 2 императора, 4 короля, 2 наследных принца, 3 великие герцогини и 215 глав княжеских домов. На конгресс в этот город

приехали 450 дипломатов и официальных лиц и их многочисленный персонал. Казалось, они были заняты не столько переговорами, сколько празднествами, зрелищами. Венцы шутили: «Русский император любит, король Дании пьет, король Вюртемберга ест, король Пруссии думает, король Баварии говорит и император Австрии платит». В этой шутке была заключена горькая для австрийских налогоплательщиков истина: каждый день «танцующего конгресса» стоил государственному бюджету 220 тысяч флоринов.

Но танцы и музыка не могли скрыть истинных целей Венского конгресса. Речь шла об очередном переделе территорий в Европе, о новом передвижении пограничных столбов, о переходе миллионов людей от одного властителя к другому, о закреплении нового соотношения военных и политических сил, сложившегося на европейском континенте в результате поражения императорской Франции. Разумеется, все перемены в Европе явились результатом острейшей борьбы господствующих классов ведущих европейских государств, столкновения их различных, а во многих случаях и противоположных интересов.

Царская Россия стремилась получить герцогство Варшавское, усилить Пруссию как своего союзника, передав ей Саксонию. Английские государственные деятели опасались укрепления русского влияния в Европе, надеялись укрепить дружественные отношения с Пруссией и союзные — с Австрией. Австрийские руководители рассчитывали закреплиться в Италии, занять командные позиции среди германских государств, преградив

дорогу прусскому экспансионизму. Франция Людовика XVIII стремилась сохранить свои дореволюционные границы, восстановить международные позиции в Европе. Королевская дипломатия выступала против политики Александра I в «польском вопросе», стремилась помешать опасному усилению прусского королевства у французских границ, не допустить его гегемонии среди германских государств.

В Вене шла сложная, напряженная и острая политическая борьба. В ней принимали участие опытные государственные деятели и дипломаты. Первым русским уполномоченным являлся А. К. Разумовский, в течение шести лет, до Тильзитского мира, занимавший пост русского посла в Вене, а затем живший в этом городе в качестве частного лица. В переговорах участвовали К. В. Нессельроде — министр иностранных дел и Г. О. Штакельберг, — посланник царя в Австрии. Прусскую делегацию возглавлял канцлер Карл Август Гарденберг. Глухота вынуждала его постоянно обращаться к помощи Фридриха Вильгельма Гумбольдта, ученого и дипломата. Клеменс Меттерних, министр иностранных дел и фактический глава австрийского правительства, как всегда разыгрывал пресыщенного сноба, но был в центре политических интриг и дипломатических комбинаций. С русским императором у него сложились не самые лучшие отношения. Александр I считал, что Меттерних помешал ему стать главнокомандующим союзными армиями и добивался вступления союзных войск в Швейцарию, хотя русское правительство обязалось сохранить ее нейтралитет. «Начиная с этого времени, гармония так и не была восстановлена»¹, — писал Меттерних в своих «Мемуарах». Англия представлял Роберт Генри Стюарт Кастлри, в течение 20 лет являвшийся министром иностранных дел.

Французским представителем на конгрессе был Шарль-Морис Талейран. Его сопровождали Эммерих Дальберг («для распространения тайн, которые — если я этого захочу — должны быть известны всем»), Алексис де Ноай, убежденный монархист, бывший адъютант графа д'Артуа («лучше, чтобы за тобой наблюдал агент, которого ты сам выбрал»), Латур Дюпен (его задача — «подписывать паспорта»)². Эти иронические оценки не мешали князю Беневентскому активно использовать своих сотрудников.

На международном конгрессе положение дипломатов великой, но побежденной страны не могло быть легким. Поэтому особое значение для переговоров в Вене имела новая дипломатическая концепция, разработанная Талейраном и его ближайшими сотрудниками. В основе ее лежали идеи легитимизма, святые принципы международного права. История в очередной раз выкинула злую шутку: в роли непреклонного

борца за политическую стабильность, вечные традиции и нерушимый общественный порядок выступил человек, всю свою жизнь действовавший в соответствии с прямо противоположными устоями и нормами. Епископ Отенский, по долгу службы обязанный хранить верность религии и церкви, порвал с ними, более того — объявил им войну. Отпрыск древнего дворянского рода Перигоров переметнулся на сторону революции, перешел в лагерь врагов аристократии и дома Бурбонов. Министр внешних сношений республиканского правительства — Директории — принял активное участие в подготовке государственного переворота 18 брюмера. Великий камергер и великий вице-электор императора Наполеона явился одним из инициаторов реставрации королевской власти во Франции.

И тем не менее именно князь Беневентский без тени смущения утверждал, что «подлинная моральная сила заключена в добродетели. А первой добродетелью в отношениях одного народа с другим является справедливость». Справедливость? Красивое, гуманное слово. Но у Талейрана оно полностью выхолощено, наполнено предельно реакционным содержанием. Пусть реставрация осуществится по всей Европе, «пусть повсюду и навсегда дух революции прекратится, всякое законное право станет священным», — писал он. Это предельно откровенное выражение политической философии феодально-монархических режимов. Их и имел в виду Талейран, когда призывал, чтобы «каждая законная династия была или сохранена, или восстановлена, любое законное право — уважаемо»³. Где же оно, суверенное и законное право народов самим решать свою судьбу, о котором в свое время говорил и писал депутат Учредительного собрания Талейран?

Идеи легитимизма, несомненно, открывали широкие возможности перед дипломатией потерпевшей поражение Франции. Ее новые правители не могли даже думать о сохранении наполеоновских завоеваний. Главная цель состояла в том, чтобы удержаться в границах 1792 года, закрепленных Парижским мирным договором, унаследовать «законные» права французских королей. Легитимизм в этом случае являлся надежным орудием. В то же время главный принцип Людовика XVIII и главы его правительства создавал немалые трудности для держав-победительниц. С одной стороны, они были заинтересованы в освящении власти собственных монархов, с другой — стремились в максимальной мере использовать свою победу, захватить новые территории и богатства. Концепция легитимизма оправдывала изгнание наполеоновских «узурпаторов» и восстановление Бурбонов на итальянских, например, тронах, но сдерживала Россию в «польском вопросе», а Пруссию — в ее стремлении к захвату Саксонии. Она позволяла исполь-

зовать противоречия между союзниками по антинаполеоновской коалиции, вынуждала их потесниться, дать французскому королевству возможность занять свое место в системе международных отношений в Европе и даже выступать при решении ряда спорных межгосударственных вопросов в роли арбитра. «Франция предстала в Вене с пустыми руками. Она больше не могла ничего предложить и поэтому ничего и не требовала. Но эту слабость он (Талейран. — Ю. Б.) превратил в силу»⁴, — отмечал французский академик Поль Леон. Добавим только, что сила князя на Венском конгрессе состояла в том, что он выступил в роли блюстителя честности, порядочности, справедливости, политического целомудрия. Фантастическая ситуация! Ее не придумать даже опытному романисту.

Какая дипломатическая тактика вытекала из концепции легитимизма? Прежде всего, задача Талейрана состояла в том, чтобы добиться признания державами-победительницами равноправия Франции на всех этапах венских переговоров, от их начала и до конца. Это было крайне сложное дело. 22 сентября 1814 г. представители Англии, Австрии, России и Пруссии договорились о том, что, пока они не распределят земли в Польше, Германии и Италии, французская и испанская делегации не получают права голоса, не примут участия в коллективных заседаниях и будут вынуждены согласиться с предложенными им «четверкой» решениями. Эти расчеты, однако, не оправдались.

23 сентября в австрийскую столицу приехал Талейран. Ровно неделю он находился в своеобразном «карантине». Только 30 сентября французский и испанский представители впервые приняли участие в заседании министров иностранных дел четырех держав. Уже первый шаг Талейрана не предвещал покорности и смирения: он спокойно уселся между Меттернихом и Кастлри, как равный среди равных, и приступил к чтению коллективного документа «четверки». В каждом его параграфе повторялось слово «союзники». Отличный повод для нанесения первого удара! Союзники? Разве мир не подписан и война продолжается? Может быть, заседание проходит в Шомоне, а не в Вене? Против кого направлен союз четырех держав? Наполеон находится на Эльбе. Не думают же вести войну против Людовика XVIII! «Господа, будем откровенны: если еще имеются союзные державы, то я здесь лишний»⁵. Удар был нанесен точно.

Все, разумеется, понимали, что без участия Франции новая, посленаполеоновская система европейских международных отношений не могла существовать. Французское королевство являлось неперменным фактором мира и стабильности в Европе. Значение этих стратегических аргументов трудно пере-

оценить. Вместе с тем у сидящих рядом с министром французского короля государственных деятелей имелись свои расчеты, свои соображения, свое стремление опереться на поддержку Франции при решении национальных задач. Царь надеялся найти в лице Талейрана сторонника передачи России герцогства Варшавского. Он ошибся. Меттерних хотел бы опереться на министра Людовика XVIII при обсуждении итальянских дел. Но французская позиция оказалась жесткой. Кастлри, человек «слабый», по мнению Талейрана, боялся укрепления российского государства, метался между Пруссией и Австрией и дорожил складывавшимся англо-французским сотрудничеством. Только прусские представители, понимая, что Талейран ляжет костями, лишь бы не допустить передачи им Саксонии, не жалели усилий с целью оставить его за дверьми конгресса. Страсти кипели. Талейран считал, что переделы земельных владений неизбежно еще больше накалят обстановку. Он писал: «Я мог только надеяться на то, что между державами возникнут разногласия, когда дело дойдет до распределения обширных территорий, поступивших вследствие войны в их распоряжение»⁶. Расчет оказался правильным.

Сильные мира сего готовы были разорвать друг друга в клочья. Но при этом они поодиночке и сообща давили слабых, второстепенных королей, принцев, князей и герцогов, Талейран стал их «защитником». Он выступал от имени Испании, Португалии, Швеции, германских княжеств, настаивал на их непосредственном участии в работе конгресса, требовал его открытия в намеченные ранее сроки — 1 октября. В этот день в ноте, адресованной Кастлри, представитель Людовика XVIII поставил вопрос о создании комитета, в котором были бы представлены все восемь стран, подписавших Парижский договор. Измотав как следует нервы своих коллег, засыпав их протестами и предложениями, Талейран, наконец, согласился на отсрочку открытия конгресса до 1 ноября «в соответствии с принципами международного права»⁷. Это добавление — всего несколько слов — вызвало бурю в стакане воды. Но французскую поправку приняли. Это был несомненный успех Талейрана, укрепивший его позиции и открывший ему дорогу в комитет четырех, куда входили представители Англии, Австрии, России и Пруссии, — превратившийся тем самым с 12 января 1815 г. в комитет пяти. Он фактически и являлся руководящим центром конгресса. Кроме того, были созданы комитеты по германским и швейцарским делам, а также ряд комиссий: статистическая; дипломатического протокола; отмены работорговли; свободы навигации.

«Таким образом, в конце октября 1814 года я мог написать в Париж, что династия Бурбонов, вернувшаяся во Фран-

цию за пять месяцев до того, что Франция, лишь пять месяцев тому назад покоренная, уже восстановили свое прежнее положение в Европе и приобрели надлежащее влияние на важнейшие заседания конгресса»⁸. Талейран, несомненно, преувеличивает свои личные заслуги. Но примененная им тактика дала свои результаты. Франция не заняла «свое прежнее положение в Европе». Однако ее дипломатическая изоляция оказалась прорванной. Победители были вынуждены считаться с представителями побежденной страны как с равными и допустить их к решению общеевропейских проблем. Но и этого Талейрану было мало. Он энергично добивался осложнения отношений между Англией и Австрией, с одной стороны, Пруссией и Россией — с другой.

Пруссия претендовала на присоединение к ней всей Саксонии. Ее энергично поддерживал российский император, рассчитывавший за счет владений союзника Наполеона, саксонского короля, компенсировать Пруссии потерю польских земель и на этой основе создать прочный русско-пруссский союз. Александр I был уверен в успехе. «Я дал Саксонию Пруссии», «если саксонский король не отречется, он будет препровожден в Россию и там умрет». Он прямо заявил: «Пруссский король будет королем Пруссии и Саксонии, как я буду императором России и королем Польши»⁹.

Казалось, у правящих кругов в Петербурге имелись основания для того, чтобы на Венском конгрессе их программа была осуществлена. Русская армия сыграла решающую роль в разгроме наполеоновской империи. Она находилась на территории Европы. Против аннексии саксонского государства не возражали ни Кастлри, ни Меттерних. «Только Ваше величество выступило в защиту короля и королевства Саксонии»¹⁰, — с привычной угодливостью писал Талейран Людовику XVIII.

Укрепление прусского государства создавало угрозу безопасности Франции, коренным образом меняло соотношение сил в Германии. «Ничто в большей мере не отвечает намерению сделать Пруссию сильной, чем передача ей Саксонии», — замечал Талейран. Такая политика, по его мнению, противоречила не только идеям легитимизма, но и принципу европейского равновесия¹¹.

Глава французской делегации вел переговоры отдельно, с глазу на глаз, с царем и его сановниками, с Кастлри и с Меттернихом. Он при этом эффективно использовал противоречия между союзниками, определив пределы и своих уступок. Для Талейрана было очевидным, что сохранить целостность саксонского государства не удастся. Следовало лишь добиваться наименьших уступок с его стороны. Пруссия должна была вернуться к той численности населения, которую она имела

в 1805 году. Для подсчетов Кастлри предложил создать специальную статистическую комиссию. Прусские делегаты согласились с английским министром, не возражали против участия в этой работе французских дипломатов. Реакция Талейрана была быстрой и жесткой. Он заявил, что если прусское предложение будет принято, то делегация Людовика XVIII на следующий день покинет Вену. Это был ультиматум: французы ждали ответа до вечера. Претензии Пруссии поддержки не получили¹².

Состоялось несколько встреч князя Беневентского с царем. Французский дипломат считал возможным передать Пруссии 300—400 тысяч саксонцев, но сохранить Саксонию как государство с населением в 1,6 миллиона человек и со всеми ее землями на левом берегу Эльбы. Он не скрывал, что для французской дипломатии польский вопрос находился на «второй линии», а саксонский — «на первой». В Париже готовы были примириться с переходом польской территории к России, но решительно возражали против уничтожения самостоятельной Саксонии. Как всегда Талейран вел настоящий торг. Это поняли русские делегаты. Они предложили, чтобы Франция отказалась от защиты Саксонии, а взамен Россия поддержала бы ее в «неаполитанском деле» — восстановлении власти Бурбонов в Неаполе. Сделка не состоялась. Саксонский вопрос осложнялся и царь пошел на уступки. Он согласился на сохранение ядра Саксонии — половины страны — и не требовал уже полного поглощения ее Пруссией. «Его тон изменился, «все было спокойным и мягким»¹³, — так комментировал Талейран итоги своего третьего свидания с Александром I.

Дело было, разумеется, не в том, что искусный французский дипломат убедил российского императора и его сановников в добродетелях саксонского короля. Общая ситуация на конгрессе стала неблагоприятной для Пруссии. Изменилась позиция Австрии. Вначале Меттерних, по словам Талейрана, относился к судьбам королевства Фридриха-Августа I «легкомысленно и беспечно», хотя «с точки зрения равновесия вопрос о Саксонии более важен для Австрии, чем для какой-либо другой державы»¹⁴. Французский министр убеждал Меттерниха в том, что появление прусских войск на склонах Богемских гор создало бы серьезную угрозу для безопасности Австрии. В Германии возникла бы крупная агрессивная сила, противостоящая всем остальным немецким государствам. Талейран «нашел прямой путь для внушения императору Францу, помимо его министерства, той мысли, что он весьма заинтересован в сохранении Саксонии»¹⁵. В итоге Пруссия лишилась поддержки Австрии. Меттерних говорил Талейрану: «Я вам обещаю, что Пруссия не получит ни Люксембурга, ни Майнца;

мы не больше чем вы выступаем за чрезмерное расширение России. А что касается Саксонии, то мы сделаем все возможное для сохранения, по крайней мере, ее части»¹⁶.

И англичане изменили свою точку зрения. Вначале Кастлри «непоколебимо придерживался мнения, согласно которому Пруссия должна быть большой и могущественной». Эти свои слова Талейран не пояснил. А между тем в Лондоне сильное прусское королевство хотели бы противопоставить России. Но сделать это было тогда невозможно. Русско-прусские отношения переживали свой медовый месяц. К тому же ориентация английской дипломатии на сотрудничество с прусским двором отдаляла Австрию от Англии. В итоге Кастлри, по замечанию Талейрана, напоминал «путешественника, который потерял свою дорогу и не может ее найти». В конечном счете англичане вынуждены были «изменить систему» и «сблизиться с Францией», отказавшись от передачи Пруссии всей территории Саксонии¹⁷.

Таким образом саксонский вопрос стал «яблоком раздора» на конгрессе. Обстановка в Вене накалилась. Представители великих держав запугивали друг друга и бряцали оружием. На заседании «четверки» 30 декабря 1814 г. А. К. Разумовский представил проект конвенции по территориальным вопросам, по которому Российская империя присоединяла к себе герцогство Варшавское, Саксония полностью отходила к Пруссии, а Фридрих-Август I получал компенсацию на левом берегу Рейна. Дискуссия становилась все более острой. Гарденберг грозно заявил, что Пруссия «сама сумеет защитить свои права» и будет рассматривать отказ от передачи ей Саксонии как объявление войны¹⁸.

28 декабря 1814 г. Талейран сообщил Людовику XVIII, что в беседе с Кастлри он предложил Австрии, Англии, Франции подписать соглашение, признающее права саксонского короля. «Означает ли конвенция, что вы предлагаете союз?» — сразу же задал ему вопрос английский министр. «Конвенция может быть подписана и без союза, но она будет означать союз, если вы этого захотите»¹⁹, — ответил Талейран. Совершенно неожиданный поворот событий! Напряженная обстановка на конгрессе в конце концов привела не только к сотрудничеству, но и к формальному соглашению между победителями и побежденной страной.

Текст документа подготовил Кастлри, отредактировали Талейран и Меттерних. В ночь с 3 на 4 января 1815 г. англо-австро-французский союзный договор был подписан. («С окончанием дела следует торопиться, когда имеешь дело с людьми со слабым характером»²⁰, — заметил Талейран.) Договор предусматривал совместное выступление трех держав и их

взаимную помощь при нападении на одну из сторон, на Ганновер или на Нидерланды. В случае войны каждая из договаривающихся сторон обязалась выставить армию в 150 тысяч человек. К договору присоединились Бавария, Ганновер, Голландия, Сардиния, Гессен-Дармштадт. Он был строго секретным, и поэтому Кастлри, Талейран и Меттерних собственноручно каждый переписали по одному экземпляру текста. Возник новый, враждебный России и Пруссии союз европейских государств²¹.

Таким образом, Талейрану удалось использовать противоречия между ведущими европейскими державами. Франция вышла из международной изоляции. «Коалиция распущена и навсегда»²², — сообщал Талейран Людовику XVIII. Вскоре события показали ошибочность такого вывода. «Вечность» продлилась лишь три месяца. Кто мог предвидеть, что Наполеон покинет Эльбу и высадится на французской земле? 20 марта в Тюильри ему передадут второпях забытый королевскими сановниками экземпляр тройственного договора, который немедленно будет направлен царю. Александр I пригласил Меттерниха и спросил, известен ли ему этот документ. Может быть, впервые в жизни изворотливый австриец растерялся и не нашел слов для оправдания. «Пока мы оба живы, об этом предмете никогда не должно быть разговора между нами. Нам предстоит теперь другие дела. Наполеон возвратился. Наш союз должен быть теперь крепче, нежели когда-либо»²³. Сказав эти слова, царь бросил бумаги в камин.

Документ сгорел. Но в истории дипломатии он остался символом буржуазной дипломатической практики, обмана союзников, интриг и беспринципного политиканства. Таков будет приговор истории.

А пока в январе 1815 года союзный договор был немедленно ратифицирован Людовиком XVIII. Тем временем на конгрессе Кастлри и Меттерних неожиданно заявили, что они не намерены обсуждать саксонский вопрос без участия представителя Франции. С 12 января Талейран стал постоянным, пятым, участником конференции министров иностранных дел. В начале февраля после ожесточенной дипломатической борьбы соглашение было достигнуто. Саксонский король сохранил большую часть своих владений с городами Дрезденом и Лейпцигом. Остальная часть саксонской территории перешла к Пруссии. Она получила также Вестфалию, районы по левому берегу Рейна, некоторые северогерманские земли²⁴.

«Саксонское дело закончено»²⁵, — писал Талейран 1 февраля 1815 г. Он испытывал явное облегчение и неоднократно возвращался к этой теме, подчеркивая, что «Саксония спасена; сегодня Лейпциг является саксонским»²⁶. Между министром и

Людовиком XVIII не было расхождений в оценках. Король писал: «Я рассматриваю как чудо, что пользуясь столь слабой помощью, имевшей место в действительности, удалось спасти оставшиеся у него (Фридриха-Августа I. — Ю. Б.) владения».

На конгрессе судьбы Саксонии и Польши практически оказались взаимосвязанными. «Для нас важно, чтобы Россия получила возможно меньшую часть Польши, и Саксония была бы спасена»²⁷. Определяя таким образом свою задачу, Талейран вступал в борьбу с русскими представителями, хотя и понимал, что отпор царю дадут прежде всего Кастлри и Меттерних. Роль Талейрана была значительно менее заметной. Он считал противодействие царским планам в этом вопросе бесполезным и писал, что «нельзя было лишить Россию всего герцогства Варшавского, но, по крайней мере, половина его была возвращена прежним владельцам». Тактика французского дипломата предусматривала, во-первых, выдвижение чисто пропагандистского лозунга «восстановления всей Польши», отвечавшего лицемерной талейрановской концепции уважения принципов международного права; во-вторых, согласие с той формой государственного устройства, которую Александр I установит в герцогстве Варшавском; в-третьих, сведение польского вопроса к государственным границам, затрагивающим прежде всего интересы Австрии и Пруссии, а не Франции, место которой — «вторая линия держав». Свою позицию Талейран изложил царю²⁸.

В результате соглашения по вопросу о Польше Пруссия получила Познань, Бромберг и Торн, Австрия — Восточную Галицию. Краков с прилегающей к нему территорией стал вольным городом, находившимся под протекторатом трех держав.

Если при рассмотрении польских дел французская дипломатия оставалась в тени, то при решении судеб Неаполитанского королевства она выступила в роли активного поборника принципа легитимизма, последовательно и настойчиво требовала изгнания с трона Иоахима Мюрата и реставрации власти Фердинанда IV. На этой позиции Талейран стоял твердо с первого дня своего приезда в Вену. (Его усилия в борьбе за «святость принципов» обошлись неаполитанским Бурбонам в 6 миллионов франков.) Но большая политика не определялась только стремлением избавиться в Неаполе от ставленника Наполеона и восстановить там «легитимную» власть. Главная цель Талейрана состояла в том, чтобы ослабить австрийские позиции в Италии и сохранить каналы для проникновения в эту страну французского влияния. Но позиции других ведущих европейских держав были далеко не идентичными.

Царь враждебно относился к Мюрату. «Это негодяй, который

всех нас предал»²⁹, — заявил он. Иных взглядов придерживался Кастлри. На начальном этапе работы Венского конгресса, как только возникал вопрос о Мюрате, английский министр не высказывался ни за, ни против. «Казалось, он ходил по горячим угольям»³⁰, — заметил Меттерних. Кастлри предлагал не торопиться с решением неаполитанской проблемы, подождать итогов обсуждения германских дел. Но возможности для маневрирования у него сокращались по мере англо-французского сближения. Он даже обратился к Талейрану с просьбой разыскать во французских архивах материалы о связях Мюрата с Наполеоном в конце 1813 — начале 1814 года, подчеркнув, что такое «дипломатическое оружие» облегчило бы «продвижение вперед». Соответствующий запрос был направлен в Париж. Незадолго до своего отъезда из Вены в феврале 1815 года Кастлри определился: он вместе с новым английским представителем Веллингтоном говорил с царем об изгнании Мюрата из Неаполя³¹.

Наибольшие трудности возникли у Талейрана с австрийцами. Они неохотно обсуждали положение в Италии, которую надеялись опять превратить в свою вотчину. К тому же в соответствии с секретными статьями австро-неаполитанского договора от 11 января 1814 г. Австрия обязалась сохранить Мюрата на троне (взамен его военной помощи), добиться для него за счет Папской области новых земель с населением 400 тысяч. Австрийцы продали наполеоновскому маршалу 25 тысяч ружей.

Поэтому Меттерних затягивал обсуждение неаполитанского вопроса, предлагал заняться им после окончания Венского конгресса, ссылаясь на то, что Мюрат объединит вокруг себя все недовольные элементы Италии и создаст самостоятельное Итальянское королевство. «Мюрат помог мне: он находился в постоянном возбуждении, писал одно письмо за другим, делал заявления, отправлял свои войска в походы, приказывал им совершать контрмарши и давал мне тысячу случаев обнаружить его вероломство»³², — писал Талейран.

В марте 1815 года неаполитанские войска перешли в наступление в Папской области и заняли ее. Австрия объявила Мюрату войну и разбила его армию. 19 мая он покинул Неаполь. Власть Фердинанда IV была восстановлена. А судьба маршала оказалась трагической. Он укрылся на Корсике, а затем неожиданно высадился в Пиццо (Калабрия), где его схватили, судили и расстреляли 13 октября 1815 г.

В биографии Талейрана Венский конгресс, несомненно, занимает особое место. Это вершина его дипломатической деятельности. «Все главнейшие вопросы были разрешены так удовлетворительно для Франции, как только можно было

надеяться, и даже лучше, чем она могла рассчитывать»³³. (Князя Беневентского никогда не отличала скромность.) Вместе с тем он сумел использовать всю многокрасочную гамму средств и методов буржуазной дипломатии — беспринципные компромиссы, тайный сговор, политический шантаж, реальные и надуманные противоречия, игру на человеческих слабостях — для прорыва антифранцузского фронта четырех держав-победительниц, ликвидации внешнеполитической изоляции Франции. И все эти вполне земные дипломатические задачи решались Талейраном во имя высоких идей справедливости и права, во имя священных принципов законности и порядка, во имя мира и человеколюбия.

Конгресс еще был далек от завершения, когда Талейран решил организовать 21 января в Вене торжественную религиозную церемонию в память о Людовике XVI и Марии-Антуанетте. Возможно, бывший министр внешних сношений Директории забыл, что по поручению Барраса он уговаривал Бонапарта после его возвращения в Париж из итальянского похода, принять участие в национальном празднике (а не трауре!) по поводу той же даты. В 1797 году в смерти короля и королевы видели справедливое возмездие за их преступления перед народом, а в 1815 году аристократы Европы лили слезы, вспоминая «невинно убиенных».

Несколько недель готовили Талейран и его сотрудники пышный траурный спектакль, состоявшийся в самом большом соборе Вены. «Все было в этой церемонии: торжественность, соответствующая ее цели, выбор зрителей, скорбь, которую напоминаемое ей событие должно вечно вызывать»³⁴. Действительно, бывший епископ Отенский постарался, не пожалел австрийской казны, взявшей на себя все расходы. В центре собора возвышался огромный катафалк, по углам которого возвышались четыре статуи: скорбящая Франция, плачущая Европа, Религия с завещанием Людовика XVI в руках, Надежда, поднявшая глаза к небу. Хор в составе 250 человек, которым дирижировал Антонио Сальери, исполнил специально написанный для данного случая реквием. Присутствовал весь цвет феодально-монархической Европы во главе с русским и австрийским императорами. Вене нечасто приходилось видеть коронованную знать в траурной черной одежде, без позолоты и блеска. «Эта церемония была возвышенной, поучительной, величественной. Какой урок для королей, для всех людей!» — говорил Талейран вечером того же дня. Тот, кто не знал бурной биографии хозяина дома, мог бы подумать, что он был верным слугой Людовика XVI и его жены, а не министром Наполеона, вместе с ним подготовившим казнь герцога Энгиенского.

Жизнь в Вене шла своим чередом. Траур сменили балы и приемы. Переговоры все еще не привели к соглашению. А в воздухе пахло порохом. Прусский король грозил войной. По Европе маршировали войска. Но опасность для монархов пришла с неожиданной стороны: рано утром 7 марта 1815 г. Меттерних получил от австрийского консула в Генуе сообщение о том, что Наполеон покинул остров Эльбу. Во Франции население, солдаты, офицеры и маршалы переходили на сторону свергнутого императора. Ненависть к Бурбонам, к возглавляемой ими аристократической и клерикальной реакции уже охватила широкие народные массы и армию. События развивались со стремительной быстротой. 10 марта Наполеон еще находился в Лионе, а утром 20 числа он прибыл в Фонтенбло. В 9 часов вечера Наполеон водворился в Тюильри. Людовик XVIII и его двор поспешно бросились искать спасения за границей.

Многие из бывших сподвижников императора, например маршал Ней, сразу же перешли на сторону Бонапарта, рассчитывая на его победу. Возможен ли был такой шаг со стороны Талейрана, неоднократно перебежавшего из одного политического лагеря в другой, изменившего Бурбонам и церкви в пользу революции, променявшего революцию на портфель министра Директории, участвовавшего в свержении власти Директории и установлении Консульства, активно готовившего замену Консульства Империей? Наполеон во время своего второго изгнания утверждал, что в период «ста дней» он получил от Талейрана из Вены письмо с предложением услуг при том условии, что император «простит» неверного слугу и вернет ему «свою милость». По словам Наполеона, он отклонил это предложение³⁵.

Вряд ли, однако, могло быть так! На этот раз у князя Бенеventского не было выбора. Он уже слишком глубоко и прочно связал свою судьбу с Бурбонами. И самое главное — Талейран был убежден в том, что Бонапарт неизбежно потерпит поражение. Вооруженные силы европейских монархий были готовы к боевым действиям. Принятие коллективных решений облегчалось тем, что государственные деятели ведущих стран Европы все еще находились в Вене. У Наполеона имелась единственная возможность для победы — народная война против иностранных захватчиков и французской клерикально-аристократической реакции. Он понимал это и писал одному из своих маршалов, что следовало «вновь надеть сапоги 1793 года». Но бывший император французов, завоеватель, с легкостью раздававший своим родственникам европейские короны, создавший новую аристократию, не мог стать якобинцем, не перестав быть самим собой. «Никогда Бонапарт в большей мере не

доказывал, что он не изменился и всегда остается тем же человеком»³⁶, — писал Талейран 22 апреля 1815 г.

На острове Святой Елены Бонапарт лгал, рассказывая о письме, якобы полученном им от Талейрана. Он сам посылал нескольких парламентариев к своему экс-министру. Один из них, не раз уже упоминавшийся нами Монрон, несколько недель провел в Вене. «Вы прибыли слишком поздно. Решение Европы и мое принято. Оставайтесь с нами, и вы не ошибетесь, как император ошибся в выборе своего часа». Это была долговременная политическая линия опытного дипломата. Он откровенно сформулировал ее, отвечая 31 марта 1814 г. на вопрос Коленкура, может ли император рассчитывать на своего великого вице-электора: «Он погубил себя и погубил Францию. Сегодня его спасение не зависит ни от кого из нас»³⁷.

Именно Талейран явился автором декларации от 13 марта 1815 г., принятой представителями восьми держав в Вене и объявившей Наполеона как «врага и нарушителя покоя в мире» вне «гражданских и общественных отношений», вне «защиты законов». Европейские монархи заявили о своей готовности оказать Франции, по ее просьбе, «необходимую помощь для восстановления общественного спокойствия». События торопили. 17 марта Талейран сообщил Людовику XVIII о создании на конгрессе специальной военной комиссии, в состав которой вошли австрийский фельдмаршал Шварценберг, английский фельдмаршал Веллингтон, начальник главного штаба при царе генерал-адъютант Волконский, прусский генерал Кнезебек. Александр I присутствовал на ее заседаниях. Прошло еще несколько дней, и 25 марта возникла последняя, седьмая, антинаполеоновская коалиция в составе Англии, России, Пруссии и Австрии.

Эпопея императора французов вступила в свою последнюю стадию. А Талейран, как и всегда в критические моменты, находился далеко от опасности. В этом отношении он обладал редким, поистине сверхчеловеческим чутьем. В свое время с помощью Дантона он в последний момент спас свою голову от гильотины, уехав в Лондон. Затем вернулся из Соединенных Штатов на родину, когда опасности для его жизни уже не было. Ловкий дипломат отсиживался в Варшаве, когда Наполеон находился в действующей армии. Даже шпионаж в пользу Австрии остался безнаказанным. И теперь, в канун решающих сражений, князь Беневентский находился в мирной Вене. 9 июня он поставил свою подпись под заключительным актом Венского конгресса, явившегося, по словам К. Маркса, одной из самых чудовищных фикций международного права, когда-либо известных в летописи истории человечества³⁸.

Теперь все резервы для отсрочек были исчерпаны. Людовик

XVIII настаивал на приезде своего министра. Надо было отправляться в дальнюю и опасную дорогу. Но Шарль-Морис все-таки не торопился. 17 июня он приехал во Франкфурт. (За день до этого Наполеон нанес поражение англо-прусским войскам в сражении при Линьи и Катр-Бра.) Только 25 июня Талейран встретился с королем в Монсе. Оpozдал вовремя! 18 июня армия бывшего французского императора была разгромлена при Ватерлоо.

Талейран не разделял крайностей пьяных от угара победы эмигрантов-аристократов, и представил Людовику XVIII обширную записку, в которой подвел итоги Венского конгресса и выдвинул программу буржуазной конституционной монархии. «Повсюду требуют конституции», «все желают гарантий, желают их для государя, желают их и для подданных», — писал Талейран. Он имел в виду личную свободу, охраняемую законом, свободу печати, независимость судебного сословия, солидарную ответственность министров за исполнение своих обязанностей, забвение прошлого «без всяких изъятий».

Князь считал, что король и члены его семьи не должны были появляться в своей стране вместе с иностранными армиями. Он предлагал в момент вступления союзных войск во Францию в обращении Людовика XVIII к народу подчеркнуть, что государства Европы вели войну «ради собственной безопасности», рекомендовал «дать все гарантии, которые будут считаться необходимыми», особенно в вопросе о судьбе национальных имуществ³⁹.

Опытный политик. Талейран занимал реалистическую позицию. Как и всегда, он был бесконечно далек от интересов народа. Но надо было закрыть глаза и заткнуть уши, чтобы игнорировать грозное возмущение, нараставшее во французском обществе. Крестьяне боялись возвращения феодальных порядков. Широкие круги буржуазии опасались возврата старым владельцам распроданных в революционные годы национальных имуществ. Ультрамонархисты требовали нового перераспределения собственности, готовы были силой вырвать власть и деньги, командные должности в армии, глубоко оскорбленной подчеркнутым неуважением к ее жертвам и славе, к ее трехцветному знамени.

Взгляды клерикально-феодальной реакции в ее наиболее грубой форме выражал брат короля граф д'Артуа, необразованный и тупой солдафон, примитивный в политике, неужественный в военном деле, злобный и мстительный. Его настроения разделяла дочь Людовика XVI герцогиня Ангулемская. В отличие от отца и матери, 14-летняя девочка избежала гильотины. В 1795 году ее обменяли на находившихся в плену комиссаров Республики. Теперь она вернулась

из Лондона, переполненная ненавистью и жадой мщения. Вокруг членов королевской семьи группировались бывшие эмигранты, ожесточенные до предела. Они требовали отставки Талейрана.

Казалось, эти люди достигли цели. Во время встречи в Монсе, выслушав Талейрана, Людовик XVIII холодным и безразличным тоном сказал: «Князь, вы нас покидаете. Воды (имелся в виду Карлсбад — нынешние Карлови-Вари в Чехословакии. — Ю. Б.) будут вам полезными. Вы нам сообщите о себе»⁴⁰. Но король явно переоценивал свои возможности. В дело вмешались союзники. Они предпочитали иметь дело с известным человеком, способности и пороки которого были им хорошо известны. Веллингтон посоветовал королю вернуться к вопросу о князе Беневентском. Русский и австрийский императоры были того же мнения. 9 июля 1815 г. Талейран был назначен главой правительства и государственным секретарем по иностранным делам. Он занимал эти посты сравнительно недолго, два с половиной месяца, по 24 сентября.

По настоянию Талейрана королевская прокламация, обнародованная 28 июня в Камбре, была смягчена. Но тем не менее она предусматривала наказание лиц, совершивших «предательство и измену». Вечный министр полиции Жозеф Фуше быстро и угодливо составил проскрипционные списки. Из 57 человек 19 должны были немедленно предстать перед военными судами, а 38 — покинуть Париж и ожидать в специально отведенных для них местах под полицейским надзором решения законодательных органов.

Расправа была жестокой. Расстреляли не только молодого полковника Лабейдуаiera, полк которого в Гренобле перешел на сторону Бонапарта, но даже прославленного маршала Мишеля Нея. По всей стране прокатилась волна «белого террора». Погибли маршал Брюн, генералы Рамель и Лагард.

Талейран санкционировал изменения в Конституционной хартии, цель которых состояла в примирении интересов дворянства и крупной буржуазии. 1 августа 1815 г. он сообщил представителям четырех держав, что палата пэров будет формироваться по принципу наследования и наряду с палатой депутатов получит равное с королем право на внесение законопроектов. Глава кабинета направил союзникам и проекты ордонансов об организации королевской гвардии, пехотных, кавалерийских и артиллерийских частей. Царь предложил, например, чтобы гвардия Людовика XVIII находилась в ведении военного министерства, но все назначения осуществлялись с ведома и согласия короля.

Острейшим являлся вопрос о новом мирном договоре с

Францией. После «ста дней» от прежней снисходительности «четверки» не осталось и следа. Оккупанты жестко требовали уступки территорий, уплаты огромных денежных сумм, возвращения захваченных французами художественных ценностей. Талейран возражал против территориальных требований, основанных на праве завоевания, так как союзные державы вели войну против Наполеона, а не Людовика XVIII. Однако он сообщил, что король в принципе согласен уступить земли, не принадлежавшие старой Франции, выплатить контрибуцию, сохранив средства, «необходимые для внутреннего управления страной», допустить временную оккупацию Франции.

Тяжкие условия! Словно Франция поменялась местами с Австрией в период Пресбургского мира. Дав ответ четырем державам, глава правительства хотел продолжать дипломатическую борьбу до последней возможности. Такая перспектива ужаснула короля, и он принял просьбу Талейрана об отставке его кабинета. «Мы уходим без каких-либо приветствий. Никогда не было более сухого «Журналь офисьель»; нет ни одного слова о нас, как будто бы мы не существовали. Прощайте. Неблагодарность недостаточно прикрыта», — писал отставной премьер 25 сентября 1815 г.

Мавр сделал свое дело, мавр мог теперь уйти! Не только окружение короля требовало отставки Талейрана. Александр I не мог простить ему ни Венский конгресс, ни секретный союзный договор Англии, Австрии и Франции, направленный против России и Пруссии. Да к тому же у царя имелась и подходящая кандидатура на пост премьер-министра — герцог Арман Эмманюэль Ришелье — «свой» человек и вместе с тем французский аристократ. Он с 1803 года занимал пост губернатора Одессы, с 1805-го — генерал-губернатора Новороссии и пользовался репутацией умелого администратора. «Хороший выбор, конечно: француз, знающий Крым лучше Франции», — иронизировал Талейран.

Ришелье и подписал 20 ноября 1815 г. Парижский мирный договор. Франция сохранила границы 1790 года, но лишилась важных стратегических пунктов: Филиппвиля, Мариенбурга, Шимэ, Саарбрюкена, Саарлуи, Ландау и Парантрюи, княжества Бульонского. Ее территорию на срок от 3 до 5 лет оккупировала 150-тысячная иностранная армия, занявшая северо-восточную линию французских крепостей и содержавшаяся за счет побежденной страны. Французы обязались выплатить контрибуцию в размере 700 миллионов франков.

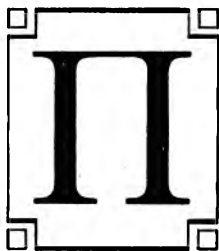
Взвешивая эти беспощадные условия, нельзя не подумать о том, что своевременный уход с политической сцены всегда имеет положительные стороны. Подпись Талейрана не стояла под унижительным для национального достоинства докумен-

том. Правда, пришлось расплачиваться отказом от высокой должности. Но она уже успела принести некоторый капитал. Всезнающий Баррас, прекрасно осведомленный о содержании не только своих, но и чужих карманов, утверждал, что на посту главы временного правительства князь Беневентский «заработал» 28 миллионов франков. Будем благоразумны: признаем половину этой фантастической суммы. И в этом случае игра стоила свеч!

С государственной службой пришлось расстаться на целых 15 лет. Лишь на закате своей жизни, в 1830 году, Талейран вернулся к активной государственной деятельности. Патриарх буржуазной дипломатии закончил свою карьеру на посту французского посла в том же городе, в котором в годы революции он ее начинал, — в Лондоне.

ГЛАВА XXII

ПОСЛЕДНЯЯ МИССИЯ

олучил ли отставной премьер-министр Людовика XVIII выходное пособие? Да, и немалое. Он остался пэром Франции и был назначен камергером короля. Эта должность приносила 100 тысяч франков в год, обязывая к участию в официальных церемониях. Они напоминали Талейрану о былом величии и иногда даже выводили его из состояния привычной невозмутимости. Такое случалось нечасто, но случалось. 18 ноября 1816 г.

на обеде у английского посла в Париже князь Беневентский публично оскорбил министра полиции Эли Деказа, других государственных деятелей. Председатель палаты депутатов Паскье попытался покинуть британское посольство, не желая иметь неприятностей. Но куда там! С неожиданной для него прытью Талейран преградил дорогу защитнику министерской солидарности, покидавшему поле боя. Скандал получил широкую огласку. Однако Ришелье, опасавшийся, что экс-министр поддержит либеральную оппозицию, уговорил Людовика XVIII отказаться от строгих мер. Талейрану лишь запретили появляться в Тюильри. Но опала продолжалась недолго. Запрет был снят через три месяца.

Однако активного участия в политической жизни бывший глава французской дипломатии уже не принимал. Несколько выступлений в палате пэров, одно из которых, явно преследуя рекламные цели, было посвящено свободе печати как необходимому условию существования представительного правительства — вот и весь его вклад в государственные дела. Зато свои личные интересы дельца от политики он энергично отстаивал, став героем нескольких скандальных историй, тайных и явных.

Начнем с истории тайной — продажи официальных дипломатических документов. Истоки ее относятся к весне 1814 года, когда Талейран, глава временного правительства, получил переписку Наполеона с министрами внешних сношений: 832 документа, из них 73 оригинала, подписанных императором. Сложную операцию взлома архивов, отбора и изъятия ценнейших материалов удалось провести в кратчайшие сроки. Времени у сотрудников князя Беневентского было в обрез. События развивались со стремительной быстротой. Да и личные интересы Талейрана не допускали промедления. Ему стало известно, что некий русский представитель пытался получить в особняке Галифе переписку Бонапарта (после его возвращения из Египта) с главой дипломатического ведомства.

Документы заполнили 12 объемистых пакетов. От них следовало избавиться как можно скорее: надежно спрятать или продать. Именно эта последняя возможность отвечала привычкам, традициям и корыстной натуре Шарля-Мориса. Кому же предложить ценный товар? Его отношения с царем после Венского конгресса стали более чем прохладными. Александр I не мог простить удар в спину, нанесенный России в Вене. Сделку следовало предложить прежде всего Австрии, а уж затем Англии или Пруссии. Начинать, несомненно, следовало с австрийского варианта. Так и было сделано.

12 января 1817 г. Талейран писал Меттерниху: «Будучи прежде всего французом, я затем ближе всего к тому, чтобы стать австрийцем». Столь откровенное признание (хотя и не новое!) служило прелюдией к предложению купить французскую дипломатическую корреспонденцию, за которую «Англия заплатила бы дорого», но ее место в Вене, тем более что товар — «драгоценный и нередко способный скомпрометировать». Продавец выдвинул и свои условия: 500 тысяч франков и, в случае необходимости, убежище в Австрии для него и его семьи¹.

Меттерних согласился с требованиями Талейрана. И документы попали в руки австрийцев. Многие из них (по вопросам женитьбы Наполеона на Марии-Луизе, австрийской позиции в период Отечественной войны русского народа против фран-

цузских захватчиков) компрометировали правящие круги Австрии в глазах монархической Европы. Однако в Вене ограничились тем, что сняли копии с французских оригиналов и затем вернули их в Париж. Получил ли предприимчивый князь свои деньги? Шатобриан считал, что на этот раз австрийцы обманули Талейрана. Материалами, которые бы подтвердили или опровергли такую точку зрения, мы не располагаем. Правда, на острове Святой Елены Наполеон говорил, что Талейран «делал деньги из всего»². Но ведь не бывает правил без исключений!

В любом случае Талейран использовал служебное положение в корыстных целях, организовал кражу секретных документов из дипломатического архива, продал их иностранному государству. Действия, наказуемые законом! И никакого — ни политического, ни правового, ни морального — значения не имеет тот факт, что похищена была переписка императора, отрекшегося от престола. Слова и дела Наполеона, связанные с ним документы уже стали достоянием национальной истории. Вместе с тем они еще не потеряли и своей актуальности. Не случайно изощренный в интригах Меттерних так торопился собственными глазами увидеть письма. Моральные ценности австрийского правителя не интересовали. Не волновали они и Талейрана. Ведь речь шла о малости: в его послужном списке прибавилось лишь одно должностное преступление.

Операция «Документы» более ста лет хранилась в тайне. Даже австрийское посольство в Париже не было о ней информировано. Только в 1933 году журнал «Ревю де Пари» опубликовал переписку Талейрана и Меттерниха, извлеченную из хранилищ Венского архива. На этот раз французскому дипломату повезло: при жизни он избежал огласки еще одной из своих грязных историй.

Но, увы, такие удачи были не частыми. И очередной публичный скандал разразился в 1823 году, когда Савари опубликовал брошюру «Отрывки из мемуаров герцога Ровиго по вопросу о катастрофе герцога Энгиенского»³. В своих воспоминаниях, ссылаясь на рассказ Камбасареса, Савари утверждал, что на заседании совета, созванном Наполеоном, министр внешних сношений предложил «похитить силой герцога Энгиенского и с ним покончить». Савари привел ряд подробностей. В тот день, когда молодого Конде привезли в Париж, Талейран вопреки установившемуся порядку посетил первого консула не вечером, а в полдень, побывал у губернатора Парижа Мюрата до того, как Савари доставил ему в запечатанном конверте приказ о немедленном привлечении Конде к военному суду⁴.

Шарль-Морис был смертельно напуган. Он забыл о своей любимой формуле: «Я старый зонтик, на который вот уже в течение сорока лет льет дождь. Что же значит одна лишняя капля?»⁵. На этот раз речь шла о грозе с молнией. Вот почему князь столь быстро выехал из Валансе в Париж.

Основные участники кровавых событий марта 1804 года сняли с себя ответственность за гибель Энгийенского-Конде. Задолго до Савари французский посол в Петербурге Коленкур доказывал свою невиновность царю. Впоследствии на смертном одре он заявил свидетелям: «Не лгут перед лицом смерти. Клянусь честью, что я не имею совершенно никакого отношения к аресту и смерти герцога Энгийенского».

Председатель военного трибунала, заседавшего в Венском замке, Юлен опубликовал свою объяснительную записку, в которой утверждал, что судьи не давали согласия на казнь осужденного, и это имел право сделать только губернатор Парижа⁶. Государственный советник Реаль — то ли по своей небрежности, то ли предумышленно — направился в Венсен, когда непоправимое уже свершилось. В итоге перед лицом Бурбонов и истории остались два главных обвиняемых: первый консул и его министр внешних сношений.

Словно на крыльях, прилетел Талейран в столицу и немедленно направил королю письмо, в котором просил предать Савари Верховному суду. Расчет был точным. Судебный процесс неизбежно оживил бы оппозиционные Бурбонам силы и вызвал неблагоприятные отклики за границей. Кому пришлось бы нападать и оправдываться? Человеку, который активно содействовал приходу к власти Людовика XVIII, возглавлял его правительство и ведомство иностранных дел, представлял Францию на Венском конгрессе. Это был бы сильный удар по престижу короля и его режима. Поэтому в официальном Париже решили не тревожить палату пэров и отыгаться на испытанном сподвижнике Наполеона Савари (любопытно, что именно этот верный слуга императора, всегда без размышлений выполнявший любые его приказы, осмелился пойти наперекор его воле и не арестовал Талейрана в 1814 г. Газеты опубликовали сообщения о том, что «король запретил герцогу Ровиго доступ в Тюильри».

А вот еще одна любопытная история. Собственно говоря, началась она еще в 1814 году, когда граф Мари-Арман де Гери-Мобрей обвинил Талейрана в том, что он через подставных лиц пытался организовать убийство Наполеона и ограбление королевы Вестфалии, отправившейся в путь с золотом и бриллиантами — на сумму более чем 5 миллионов франков. От первого поручения Мобрей якобы отказался, а зато второе — прибыльное — с успехом выполнил. Этот «убежденный

монархист» неожиданно вновь выплыл из небытия, отсидев пять лет в тюрьме.

20 января 1827 г. в церкви Сен-Дени в Париже оплакивали очередную годовщину смерти Людовика XVI. После окончания церемонии великий камергер Талейран между двумя рядами охраны проводил герцога и герцогиню Ангулемских, наследника престола и его супругу к карете. Застыв у ее дверей в своей обычной величественной позе, он ожидал, пока лошади тронутся с места. В это время молодой человек, растолкав солдат, бросился на Талейрана, сильно ударил его, сбил с ног и попытался топтать ногами. Нападавший действовал стремительно. Это был Мобрей.

На суде Мобрей продолжал утверждать, что за убийство Наполеона и членов его семьи Талейран обещал ему 200 тысяч франков ренты, титул герцога и высокий пост в армии. Несколько раз Мобрей обжаловал судебные решения. В итоге его приговорили к двум годам тюремного заключения и 200 франкам штрафа. После выхода на свободу неутомимый граф вновь возбудил уголовное дело против князя Беневентского, но и на этот раз проиграл процесс.

Скандалы, скандалы... Возможно, внимательный читатель скажет: обычное явление в биографии епископа-министра-дипломата. Да, скандальных историй у него было много. Но пришли новые, более тяжелые, необратимые беды. Из жизни ушли женщины, которые сыграли большую роль в личной и политической жизни Шарля-Мориса: мадам Ремюза, мадам Сталь. 20 августа 1821 г. скончалась герцогиня Курляндская. «Я не верю, чтобы когда-либо на земле была женщина, более достойная обожания»⁷, — писал о ней Талейран. Тяжело переживал Талейран смерть друзей — Шуазеля и Дальберга.

Личных тревог и несчастий было много. А государственные обязанности оставались по-прежнему лишь чисто внешними. Великий камергер присутствовал на официальных церемониях. В сентябре 1824 года он провожал в последний путь Людовика XVIII, а в мае 1825 года принимал в Реймском соборе участие в коронации Карла X (графа д'Артуа). Но и новое царствование не изменило положения князя Беневентского. Он по-прежнему оставался не у дел.

«По своим способностям Карл X являлся самым ничтожным из королей и он совершил наибольшее число возможных ошибок»⁸, — писал Талейран. Не желая идти на уступки буржуазным либералам, Карл X в августе 1829 года создал правительство во главе со своим любимцем — ультра из ультра — графом Полиньяком, в прошлом принимавшим активное участие в эмигрантском движении.

Полиньяк решил «навести порядок», осуществив реакцион-

ный государственный переворот. 25 июля 1830 г. Карл X подписал ордонансы, согласно которым палата депутатов распускалась, число депутатов сокращалось вдвое, право голоса получили только крупные землевладельцы, то есть лица дворянского происхождения, вводилась система предварительных разрешений на издание газет и журналов.

Чувства возмущения и гнева овладели парижанами. Начались столкновения с полицией. Они переросли в революцию, движущей силой которой являлись рабочие и мелкие ремесленники. К ним присоединились студенты, другие представители демократической интеллигенции. 29 июля восставшие с боем овладели Тюильрийским дворцом. Король отрекся от престола и бежал в Англию. Однако успехами народного движения поспешили воспользоваться лидеры буржуазной оппозиции.

Пробил последний «звездный час» Талейрана! Он активно действовал в пользу династии Орлеанов, тесно связанной с верхушкой крупной буржуазии. Герцог Орлеанский Луи-Филипп колебался. Но, следуя советам своей сестры Аделаиды, получившей рекомендации Шарля-Мориса, он из Нейи направился в Пале-Руаяль. 31 июля муниципальная комиссия, являвшаяся фактически временным правительством, назначила Луи-Филиппа правителем (генерал-лейтенантом) королевства. Предварительно он посоветовался с Талейраном, направив к нему в отель на улице Сен-Флорентен генерала Себастиани с письмом. Ответ старого дипломата был ясным и определенным: «Надо соглашаться!»

С балкона городской ратуши Лафайет представил герцога Орлеанского толпе. Через несколько дней, 7 августа, обе палаты — депутатов и пэров — пересмотрели конституционную хартию и назначили герцога Орлеанского королем французов — Луи-Филиппом I.

«Чемпион легитимизма в 1814 году Талейран в 1830 году стал орудием узурпации власти». Такая оценка Лакура-Гайе констатирует очередную смену кожи у князя-дипломата. Аналогичных политических метаморфоз на протяжении его долгой жизни имелось немало. И в данном случае риск казался вполне оправданным. К власти пришел человек, семью которого и его самого Шарль-Морис давно и хорошо знал.

Отец нового короля — Филипп-Эгалите, депутат Конвента, голосовал за казнь Людовика XVI. В 1793 году он сам был гильотинирован вместе с жирондистами. Его сын Луи-Филипп в составе революционной армии принимал участие в битве при Жаммапе. Затем находился в изгнании в Швейцарии, США и Неаполе.

«Король-гражданин» в начальный период своего царство-

вания стремился льстить национальному самолюбию и с этой целью, например, превратил наполеоновский культ в официальную доктрину. Это было одно из свидетельств окончательного перехода власти от дворянства к верхушке торгово-промышленной и финансовой буржуазии, к финансовой аристократии. В стране утвердился буржуазно-монархический режим.

Однако корона Луи-Филиппа нуждалась в международном признании. На пути решения этой задачи перед французской дипломатией возникли серьезные трудности — политические и моральные. Всего полтора десятилетия прошло со времени отречения Наполеона. А до этого Франция в течение более чем четверти века потрясала европейские троны. И вот опять новая революция и родившееся в ее результате новое царствование. Руководители Священного союза расценили события в Париже как очередную узурпацию власти. Особенно агрессивно был настроен Николай I. В августе 1830 года он даже заявил о разрыве дипломатических отношений с Францией, но оказался в изоляции и свое решение пересмотрел. Однако царь вступил в переговоры с Австрией и Пруссией об организации вооруженной интервенции с целью восстановления Карла X на престоле. Но ни Меттерних, ни прусский король Фридрих-Вильгельм III и слышать не хотели об опасной авантюре. Они установили отношения с Луи-Филиппом. Англия признала его режим. «Так Николай совершил первую из своих капитальных дипломатических ошибок»⁹, — отмечается в «Истории дипломатии».

Талейран и король пришли к выводу, что «новое правительство должно искать опору для своей внешней политики в Лондоне». Англо-французскому сотрудничеству в Париже придавали решающее значение. Поэтому и посла подбирали с европейской известностью. Король предложил этот пост Талейрану. И он, несмотря на свои 76 лет, согласился и уже 24 сентября 1830 года был в Дувре. Его ждал почетный караул. Крепость салютовала послу Луи-Филиппа пушечными выстрелами.

Талейран начинал свою карьеру дипломата в британской столице и закончил ее в этом же городе. Он говорил поэту Альфонсу Ламартину, находившемуся в Лондоне: «Видите, как я счастлив в моей старости. В 1792 году я пытался здесь примирить Мирабо и Питта и создать между либеральной Англией и революционной Францией союз, который явился бы основой баланса в мире. И вот, фортуна приберегла для меня в качестве последнего дела приезд в Лондон с той же миссией и защиту в этом городе тех же принципов, которые я здесь защищал тогда».

Две поездки Талейрана в Лондон разделяют 38 лет —

время средней человеческой жизни той эпохи. Но общность идей несомненна. В период революции бывший епископ Отенский выступал против системы внешнеполитических союзов. На этой позиции он стоял и при короле Луи-Филиппе. Талейран писал: «Франция не должна думать о заключении так называемых союзов; она должна иметь хорошие отношения со всеми, и лучшие — только с несколькими державами, то есть поддерживать с ними отношения дружбы, которые находят свое выражение, когда возникают политические события». Французам следует прежде всего сближаться с правительствами стран, обладающих «наиболее передовой цивилизацией». А в Европе Франция и Англия являются «самыми сильными и самыми цивилизованными». У них, подчеркивал Талейран, «общие принципы». Причины же для соперничества уменьшились в результате потери французами их колоний. В итоге он пришел к выводу, что Франции следует стремиться к общим с британским правительством действиям, привлекая к их сотрудничеству, если это удастся, Пруссию¹⁰. «Англия — единственная держава, с которой мы смогли бы действовать совместно», — писал Талейран.

Итак, ни единого слова — плохого или хорошего — об Австрии! А ведь в свое время Наполеон называл своего министра внешних сношений «австрийцем», даже не подозревая, как близок он был к истине. Июльская монархия вынуждена была отказаться от агрессивной политики Священного союза, руководимого Николаем I и Меттернихом. В связи с этим изменились и принципы, отстаиваемые Талейраном.

На Венском конгрессе министр Людовика XVIII выступил в роли решительного сторонника идей легитимизма. Они отвечали задачам дипломатии побежденной страны. Под этим флагом князь Беневентский отстаивал границы дореволюционной Франции, спасал саксонского и неаполитанского королей, выступал против Мюрата.

Новый французский посол в Лондоне стоял на других позициях. Теперь он представлял не «богом данного, законного монарха», а «узурпатора», «короля баррикад», заменившего на престоле брата Людовика XVI и опасавшегося вооруженной интервенции европейских держав. В таких условиях Талейран уже не вспоминал о легитимизме. Но зато он вспоминал, что в свое время был сторонником невмешательства во внутренние дела других народов. «Я ни на одно мгновение не переставал выдвигать на первый план принцип невмешательства»¹¹, — писал он в Париж министру иностранных дел. Посол подчеркивал, что этот принцип должен сочетаться с верностью договорам и незыблемостью границ¹².

Как всегда, в основе позиции князя Беневентского лежали

актуальные потребности французской дипломатии. Ее руководителей пугала агрессивная программа «Священного союза». Близких взглядов придерживались и официальные круги Англии, опасавшиеся усиления Австрии и особенно России на континенте. Однако ни в Лондоне, ни в Париже не исключали применения силы для решения европейских конфликтов. «Мы не хотим войны, но мы готовы к ней и мы ее не боимся»¹³. Так определил Талейран политику своей страны.

Какой тактики придерживался французский посол во время своего четырехлетнего пребывания в Лондоне? Во-первых, он сочетал методы кнута и пряника. Ориентируясь на сотрудничество с Англией, Талейран тем не менее призывал вести «строгое наблюдение» за ее коммуникациями с Францией и прекратить злоупотребления — не пропускать через Кале и Булонь англичан, не получивших въездных виз во французском посольстве в Лондоне¹⁴. Во-вторых, посол Луи-Филиппа, умело лавируя, стремился поддерживать деловые отношения с представителями Австрии, Пруссии и России в Лондоне. Он, например, одобрил поездку в Петербург герцога Мартемара, задача которого состояла в том, чтобы сгладить трудности во франко-русских отношениях. В российской столице тоже склонялись к этому. Первая беседа Николая I с посланцем «короля баррикад» продолжалась около четырех часов¹⁵. В-третьих, Талейран искал и находил пути для компромиссов, отвечавших интересам внешней политики июльской монархии. Подтверждением этого явилась его тактика на конференции представителей пяти держав — Англии, Франции, Австрии, Пруссии и России, продолжавшейся в Лондоне в течение 15 месяцев.

Разумеется, князь Беневентский не являлся обычным дипломатическим представителем. Он имел контакты непосредственно с Луи-Филиппом, переписывался с его сестрой Аделаидой. Посол в Лондоне настойчиво ставил вопрос о том, чтобы донесения из Гааги шли прямо к нему, а не через посредство министерства иностранных дел в Париже, во главе которого стоял до ноября 1830 года граф Луи Матье Моле. Отношения между двумя дипломатами были натянутыми. Моле настаивал на том, чтобы Талейран работал строго под его руководством, а не направлял в особняк Галифе второстепенную информацию, общаясь по важным вопросам непосредственно с Луи-Филиппом. Министр грозил отставкой. Король ее не принимал. Тогда Талейран взял на себя инициативу «умиротворения» и направил Моле написанное в дружественных тонах письмо, разрядившее обстановку¹⁶.

Всего несколько дней на посту министра иностранных дел находился маршал Никола Жозеф Мезон. С 17 ноября 1830 г.

его сменил маршал Франсуа Себастиани, с которым посла в Лондоне связывали старые дружеские отношения. О «дуэли» между двумя обремененными опытом и воспоминаниями дипломатами не могло быть и речи. Между ними царило полное взаимопонимание, которое помогло Талейрану решить главную проблему его последней дипломатической миссии: проблему судеб Голландии и Бельгии.

Венский конгресс присоединил Бельгию к владениям голландского короля и создал единое Королевство Нидерландов. Бельгийцы не примирились с попранием своих национальных прав и чувств и в ночь на 26 августа 1830 г. подняли в Брюсселе вооруженное восстание против иностранного господства. В сентябре оно охватило всю страну. Сражались рабочие и ремесленники, но руководство новыми органами власти — комитетами общественной безопасности — захватили представители буржуазии. 10 ноября Национальный конгресс провозгласил независимость Бельгии и высказался за установление в стране конституционной монархии.

Обстановка в Европе осложнилась. Сразу же выявились острые противоречия между ведущими державами. Франция была заинтересована в ликвидации объединенного голландско-бельгийского государства, угрожавшего ее безопасности на севере страны. Программой-максимум для Луи-Филиппа являлось присоединение Бельгии к французскому королевству. Одна из целей миссии Мартемара в Петербург и состояла в том, чтобы получить согласие царя на такое решение. В случае неудачи этого плана в Париже рассчитывали на раздел Бельгии и получение значительной части ее территории. В любом случае французские интересы требовали создания независимого бельгийского государства во главе, если это удастся, со ставленником Луи-Филиппа.

Английское правительство являлось не только решительным противником присоединения Бельгии к Франции в какой бы то ни было форме (наполеоновская эпопея не была забыта в Лондоне!), но и вообще не хотело усиления французского влияния в бельгийском обществе. Однако официальные круги Англии опасались вооруженного вмешательства Австрии и России в бельгийские дела. Голландский король обратился с просьбой о помощи к европейским державам. Но австрийцев целиком занимали народные волнения в Италии. А Николай I вел тяжелую борьбу с восстанием в Польше, начавшемся в ноябре 1830 года. В таких условиях ни в Вене, ни в Петербурге не решились применить испытанное средство Священного союза — вооруженную силу.

Так стало возможным решение голландско-бельгийского конфликта путем переговоров, за которое и выступал Талей-

ран. В отличие от Моле, он являлся сторонником проведения конференции пяти держав — Англии, Австрии, России, Пруссии и Франции не в Париже, а в Лондоне. Ее первое заседание и состоялось 4 ноября в английской столице. Был принят протокол о перемирии между голландцами и бельгийцами. Французский представитель настаивал на отводе войск враждующих сторон за пограничную линию, разделявшую до революции 1789 года Голландию и Бельгию¹⁷.

Но это была лишь исходная позиция для сложной и длительной дипломатической борьбы. Главная задача Талейрана состояла в том, чтобы максимально ослабить потенциального противника на севере Франции, упразднив единое голландское государство. «Моя любимая идея — отделение Бельгии»¹⁸, — писал князь Беневентский. Через полтора месяца после начала своей работы, 20 декабря 1830 г., Лондонская конференция признала бельгийскую независимость. «Это был огромный успех французской политики», — заметил Талейран.

Но в официальном Париже все еще не отказались от идеи раздела Бельгии. В конце ноября 1830 года граф Флао, которого считали сыном Талейрана, приехал в Лондон для тайного обсуждения с британскими государственными деятелями плана решения бельгийского вопроса, одобренного Себастиани. Министр предлагал оставить часть бельгийских земель Голландии, другую их часть передать Пруссии, а третью — самую значительную — вернуть Франции. За свое согласие Англия должна была получить Анжер и реку Шельду до Северного моря.

Талейран возражал против нового появления англичан на европейском континенте и усиления Пруссии на французских северных границах. Он утверждал, что предложения Себастиани и Флао не отвечали целям «разумной политики» и скорее напоминали интригу. Но позиция посла не имела и не могла иметь решающего значения. Главное состояло в том, что Англия, другие европейские державы боялись усиления Франции и не хотели его допустить. Лучше Бельгия независимая, чем французская! Таких взглядов придерживались европейские монархи и их сановники.

Вскоре миссия Флао потеряла свой смысл. 20 января 1831 г. Лондонская конференция приняла решение о вечном нейтралитете Бельгии, целостности и неприкосновенности ее территории, гарантируемых пятью державами — участницами переговоров. «Борьба была долгой и трудной», — писал Талейран Себастиани. Заседание длилось восемь с половиной часов. Французского посла поддерживал английский министр иностранных дел Генри Пальмерстон. Непримиримую позицию

занимал прусский посланник. Но и он после «длительного сопротивления» подписал протокол.

«Признанный нейтралитет» Бельгии, по мнению князя Беневентского, ставил ее в такое же положение, в каком оказалась Швейцария в 1815 году. И он предлагал создать федеральное бельгийское правительство, подобное швейцарскому. Как заметил Себастиани, эта «глубокая мысль» «поразила» Луи-Филиппа. Сам министр видел большие преимущества в предложениях Талейрана, но выражал сомнение в том, что они получают поддержку со стороны России, Австрии и Пруссии¹⁹. Так оно и получилось в действительности.

Однако международное признание бельгийского нейтралитета явилось успехом французской дипломатии. В Париже считали, что появился новый важный фактор безопасности Франции, хотя и имевший существенные изъяны. Ее границам на севере угрожали 13 крепостей, построенных на территории Бельгии. Талейран по собственной инициативе поставил вопрос о их разрушении перед голландским королем Леопольдом. Считая необходимым ускорить события, он писал: «Время против нас». Только в апреле 1831 года в своем письме Себастиани, посол в Лондоне, сообщил, что «принцип разрушения крепостей одобрен». Сохранились только старые крепости, как, например, Анжер. Но крепости в Монсе, Шарлеруа, Мариенбурге и др., построенные на границах прежнего голландского королевства, были к январю 1832 года разрушены. Союзники бросили на ветер 45 млн. франков.

Несмотря на решения Лондонской конференции, голландцы силой отстаивали свои интересы. Они отказывались эвакуировать Анжер. С привычными для него метаморфозами Талейран из пророков невмешательства превратился в активного поборника применения оружия. За идейным обоснованием дело у него, как всегда, не стало. «Невмешательство — это метафизическое и политическое слово, означающее почти то же самое, что и интервенция». И интервенция действительно не заставила себя ждать: в августе 1831 года французские войска (50 тысяч человек) вступили в Бельгию.

Пальмерстон разделял взгляды французского посла. Английская эскадра блокировала голландское побережье. Войска Франции подвергли Анжер осаде. Голландский король вынужден был 23 декабря 1832 г. передать город бельгийцам. Сложный и опасный для европейского мира голландско-бельгийский конфликт завершился. «Только со времени сдачи цитадели Анжера Бельгия действительно может исчислять свое существование в качестве независимого государства», — писал посол в Париж.

Однако голландско-бельгийский конфликт был решен прежде всего дипломатическими средствами. «Редко мне приходилось

вести переговоры по делу, столь трудному и потребовавшему стольких хлопот», — констатировал Талейран.

Но лично для него эти «хлопоты» были отнюдь не бесполезными. Переговоры продолжались 15 месяцев, и он использовал их для своего обогащения. Широкие возможности открыло Талейрану урегулирование пограничных и других спорных вопросов. Французский представитель относился с явным сочувствием к голландским претензиям и с известной прохладцей — к бельгийским требованиям. Ларчик открывался просто. Представитель Гааги в Лондоне знал, что бывший епископ «чувствителен к металлическим аргументам», и голландцы решили не скупиться. Талейран получил за выгодное для Голландии определение границ Люксембурга 15 тысяч фунтов стерлингов. Это было только вступление в игру! Предусматривалась дополнительная плата в 5 тысяч фунтов за отвечающее интересам правящих кругов Гааги решение других территориальных вопросов. Проголландская позиция престарелого посла при распределении долговых обязательств между новым бельгийским государством и Голландией обошлась ее казне еще в 15 тысяч фунтов стерлингов. Бельгийская королева Луиза, бывшая в курсе финансовых махинаций Талейрана, писала 14 сентября 1832 г. своей матери: «Если бы старик не получил денег от Голландии и следовал приказам и инструкциям своего милейшего отца (короля Луи-Филиппа. — Ю. Б.), то все было бы кончено год назад». Вполне вероятное предположение!

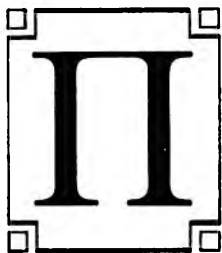
Ликвидация голландско-бельгийского конфликта, отвечавшая, несомненно, интересам «июльской монархии», явилась главным результатом миссии князя Беневентского в Лондоне. Он завершил свое пребывание в этом городе подписанием 22 апреля 1834 г. четырехстороннего союзного договора — с Англией, Испанией и Португалией. На этом документе лежала тень Священного союза: его главная цель состояла в защите законных королей — испанской и португальской — от незаконных претендентов на оба пиренейских престола. Вмешательство во внутренние дела других народов опять выдвинулось на первый план. Режим Луи-Филиппа уже набрал силу, укрепил свои международные позиции. Теперь он мог говорить в Европе иным языком.

Четырехсторонний договор был последним в жизни Талейрана дипломатическим документом, под которым он поставил свою подпись. Посол вернулся из Лондона в Париж 22 августа 1834 г., считая свою миссию успешно выполненной. Он писал сестре короля Аделаиде: «В течение четырех лет мы извлекли из Англии все, что она могла нам дать полезного».

13 ноября 1834 г. Талейран, считая свою политическую карьеру законченной, направил королю прошение об отставке.

Отставка была принята.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ПАТРИАРХ БУРЖУАЗНОЙ ДИПЛОМАТИИ

ришло время подведения итогов.

Разве стали иными — по сравнению с теми далекими от нас временами Барраса, Талейрана и Бонапарта — современные буржуазные государственные и общественные деятели? Изменились содержание их речей, их костюмы и прически. Они научились ловко и беззастенчиво пользоваться лозунгами демократии и защиты прав человека, мира и гуманности. Но основные классовые

задачи служения эксплуататорскому строю и его владыкам остались теми же, что и во времена князя Беневентского. Разумеется, масштабы и ставки политической борьбы на международной арене неслыханно изменились: сейчас западные государственные деятели ставят на карту само существование человечества и его цивилизации.

Общеизвестно, что всякая историческая аналогия имеет свои пределы, свои рамки. Нас отделяют от эпохи Талейрана почти двести лет. Это была эпоха бурной смены одной общественно-экономической формации другой. В те времена во Франции господствующими сделались буржуазные социально-экономические отношения. Политическую незрелость народных масс использовала в своих целях крупная буржуазия. Относительно быстро менялись формы государственного устройства Франции. Приспособиться к этим сложнейшим переменам обстоятельств и событий, оставаясь при этом длительное время на авансцене истории, сумели немногие. Назовем Талейрана, Сийеса, Фуше. Все они, хотя и по-разному, сочетали в себе качества ненасытных честолюбцев, беспощадных охотников за властью, деньгами и славой, прозорливых эгоистов, наделенных полнейшей моральной и мировоззренческой беспринципностью, абсолютной неразборчивостью в средствах и методах, используемых для достижения личных целей, готовых служить любому режиму, пока он крепко стоит на ногах.

Последние годы своей жизни Талейран посвятил тому, чтобы представить себя в наиболее благоприятном виде перед лицом грядущих поколений. Епископ-дипломат-царедворец подготовил многотомные мемуары — классический образец фальси-

фикации исторических фактов — с единственной целью оправдать свою деятельность. В октябре 1836 года Талейран написал завещание, в котором утверждал, что не мог ни в чем упрекнуть себя за «службу всем режимам», — начиная с Директории и кончая «июльской монархией».

Луи-Филиппу I и принес наш герой свою последнюю присягу, тринадцатую клятву в верности. Незадолго до смерти, «взвешивая мерой святилища» свои политические действия, он утверждал, что ни от одного из правительств, которым служил, не получил больше, чем дал им; не бросал ни один режим до того, как этот режим сам себя не покинул; никогда не противопоставлял интересы какой-либо партии, свои или своих ближних «подлинным интересам Франции», совпадающим с «подлинными интересами Европы».

Все в этих утверждениях спорно, все вызывает сомнения и возражения. Министр внешних сношений Директории не просто подал в отставку, а явился активным участником государственного переворота, приведшего к власти Бонапарта. Он не расстался с императором французов достойно, как это нередко делают бывшие политические союзники, а развернул против него энергичную борьбу на дипломатическом фронте, продавая государственные тайны. Что касается таких понятий, как «Франция» и «Европа», то они всегда служили бышему министру лишь для оправдания его действий.

Талейран много лет возглавлял французскую дипломатию. Как дипломат он и вошел в историю. Аристократ, он сохранял верность образу жизни, традициям и обычаям своего класса. Но служил он другому классу — буржуазии. Талейран явился одним из создателей профессиональной буржуазной дипломатии, буржуазной дипломатической школы, существующей и в наши дни, — в новых условиях, в иных формах, с другими задачами.

Суть взглядов Талейрана, лежавших в основе его действий, удивительно точно выразил один из героев Бальзака — Вотрен: «Принципов нет, а есть события; законов нет — есть обстоятельства; человек высокого полета сам применяется к событиям и обстоятельствам, чтобы руководить ими»¹. Устами своего героя Бальзак далее говорит о князе, который «презирает человечество так глубоко, что плюет ему в лицо столько клятв, сколько оно требует»².

Да, клятвы были его «профессией». Он клялся в верности Наполеону и закреплял дипломатическими средствами его территориальные захваты в Европе. Обстановка изменилась, и в силу вступили новые «принципы». Талейран в качестве министра Людовика XVIII стал ревностным защитником легитимизма. При Луи-Филиппе он — поборник невмешательства

во внутренние дела других стран и народов, хотя «в нужных случаях» являлся сторонником вооруженной интервенции. «Мое мнение? У меня одно мнение утром, другое — после полудня, а вечером я больше уже не имею никакого мнения». Это признание самого Талейрана! Оно звучит актуально для многих буржуазных политиков и дипломатов и в наши дни.

Имелась ли у князя Перигора своя внешнеполитическая концепция? Да, имелась. Говоря одним словом, ее можно назвать европейской. «Цивилизованный» Запад он неизменно противопоставлял «варварскому» Востоку, самым богом якобы предназначенному для угнетения и эксплуатации его европейцами. В Европе, считал он, необходимо сохранять равновесие политических и военных сил с помощью сотрудничества и союзов главных европейских держав. Основным партнером Франции Талейран считал Австрию, разделяя традиционные взгляды дореволюционных Бурбонов. На определенных этапах своей деятельности он являлся активным сторонником англо-французского союза. Неоднократно министр внешних сношений выступал и за сближение французской дипломатии с Пруссией. Возможности союза Франции с Россией для укрепления мира и безопасности на европейском континенте он нередко недооценивал.

Интересы нового класса, взявшего в свои руки политическую власть — буржуазии, были близки нашему герою. Он одним из первых в истории буржуазной дипломатии защищал колониальные и экономические, торговые и финансовые требования деловых кругов. Талейран всю свою жизнь поддерживал тесные личные отношения с банкирами, промышленниками и коммерсантами Франции и других европейских стран, а также Соединенных Штатов Америки. Эти связи приносили ему крупные и стабильные доходы.

«Дипломатия не является наукой о коварстве и двуличии». Благородные слова! Верил ли в них Талейран? Едва ли. Коварство и двуличие были его природой. Правда, эти качества нередко именовались и более деликатно — гибкость, ловкость, умение приспособиться к обстоятельствам, готовность идти на компромиссы. Он, несомненно, владел всеми видами оружия дипломатического арсенала, кроме искренности и честности.

Широко распространена точка зрения, согласно которой Талейран не обладал способностью принимать самостоятельные решения и являлся лишь простым исполнителем воли Барраса или Наполеона. Это и правда, и неправда в одно и то же время. Да, министр, как правило, не вступал в открытую полемику с изворотливой главой Директории и властным императором. Но в последние годы своего пре-

бывания в особняке Галифе он в нескольких записках выдвинул и обосновал целую дипломатическую программу.

Вершинами в биографии Талейрана-дипломата явились Венский конгресс и Лондонская конференция пяти держав. В обоих случаях он действовал фактически без систематического верховного надзора, на собственный страх и риск. Французский представитель самостоятельно принимал решения и претворял их в жизнь, считая, что «терпение должно быть одним из первых принципов в искусстве переговоров». Умение опереться на малые страны в борьбе против «крупных хищников», правильный выбор союзников, готовность пойти на частичные уступки во имя достижения основных целей — вот некоторые существенные элементы его дипломатической тактики.

Для дипломата и манера поведения — это важный и активно действующий элемент тактики. И князь Перигор придавал ему очень большое значение. Полное отсутствие экзальтации и эмоций. Хладнокровие и сдержанность. Умение слушать собеседника и вести беседу. Элегантность в одежде. Способность сохранять спокойствие при неудачах и поражениях. Жермена де Сталь сравнивала Талейрана с куклой, после каждого падения неизменно встающей на ноги.

Окружение Талейрана, его связи и знакомства играли важную роль в его политической биографии. Большое место в его жизни и деятельности занимали женщины. Аристократические салоны именитых дам представляли собой места постоянных встреч государственных и общественных деятелей, банкиров и промышленников, писателей и художников. Здесь обменивались парижскими и зарубежными новостями, создавали и разрушали партийные и личные политические союзы. Вот почему Шарль-Морис придавал большое значение своим отношениям с влиятельными дамами. Однажды Адольф Тьер, впоследствии глава правительства и президент Французской республики, спросил его: «Князь, Вы всегда говорите мне о женщинах, я бы предпочел говорить о политике». И услышал в ответ: «Но ведь женщины и есть политика».

Талейран в течение многих лет и при разных режимах возглавлял дипломатическую службу страны. Функции главы ведомства он толковал очень широко: «Нужно, чтобы министр иностранных дел был одарен своего рода инстинктом, который, быстро предупреждая его, мешал, до начала любой дискуссии, когда-либо скомпрометировать себя. Ему следует обладать способностью казаться открытым, оставаясь непроницаемым, быть сдержанным, но непринужденным, умелым даже в выборе своих развлечений; нужно, чтобы его беседа была простой, разнообразной, неожиданной, всегда естественной и иногда наивной. Одним словом, в течение двадцати четырех

часов он ни на одно мгновение не должен переставать ощущать себя министром иностранных дел»³.

Талейран внес свой вклад в решение таких важных вопросов деятельности буржуазной дипломатии, как взаимоотношения законодательной и исполнительной власти в принятии дипломатических решений, методы и формы подготовки и воспитания дипломатов, условия их продвижения по служебной лестнице. В соответствии с предложениями Талейрана сложилась структура министерства внешних сношений, сочетавшая территориально-региональный и проблемный принципы. Дипломатия начала заниматься новыми для нее вопросами: колониальными, экономическими, торговыми, консульскими, пропагандистскими. Связи с прессой постепенно становились систематическими и контролируруемыми.

Новшества, диктуемые потребностями буржуазного общества, тесно переплетались с пережитками феодальной дипломатии. Процветали взятки и подкуп. Покупали дипломатов, тайных агентов, посыльных, документы и шифры.

На недостижимой вершине пирамиды стяжателей и вымогателей, несомненно, стоял Шарль-Морис Талейран, в этой сфере не имеющий себе равных в многовековой истории дипломатии. По данным де Сталь и Барраса, он обладал одним из самых крупных состояний в Европе, исчислявшимся к 1815 году в астрономической сумме — 117 690 тысяч франков. Проверить эти данные невозможно. Косвенно о них можно судить по фантастическим расходам князя. С кого только он не взыскивал «золотой оброк»! Князь Беневентский, делавший деньги с помощью своих верных помощников — Монрона, Сент-Фуа, Дарбеля, Казенова, являлся поистине великим магистром ордена взяточников.

Деньги, деньги, деньги... Золотая река, открывшая путь к роскоши, дорогостоящим празднествам, поместьям и дворцам, бесценным произведениям искусства. Золото делало многое, но не спасало от духовной нищеты. «2 февраля 1837 г. Вот и прошли 83 года. Не знаю, удовлетворен ли я, когда перебираю в памяти то, чем наполнил ушедшие годы. Сколько бесполезных волнений! Бесплодных попыток! Неприятных осложнений, преувеличенных эмоций, истраченных сил, загубленных дарований, внушенных недоброжелательств, потерянного равновесия, разрушенных иллюзий, затраченных вкусов! И в итоге какой же результат? Моральная и физическая усталость, полный упадок духа и глубокое отвращение к прошлому»⁴, — писал на закате жизни Талейран.

Печальный итог долгой жизни. В тихом дворце Валансе, куда все реже и реже заезжали гости, вспоминались главным образом ошибки, промахи, неудачи прожитых лет. Опасное

участие в подготовке ареста и казни герцога Энгиенского. Активная роль в организации злосчастного похода французов в Египет. Подталкивание Наполеона к испанской авантюре. Об всех этих фактах, разумеется, Талейран не забыл. И он до последнего своего вздоха оставался убежденным европейцем — «австрийцем» или «англичанином» в зависимости от обстоятельств.

Задолго до смерти престарелый дипломат начал прощаться с прошлым. Он побывал на улице Гарансьер в доме, в котором родился. В церкви Сен-Сюльпис его крестили. Улица Феру напомнила о первом любовном приключении юноши-семинариста. На улице Арп он осмотрел старые здания колледжа Аркур, где провел свои школьные годы. Поблизости, в Сорбонне, Шарль-Морис занимался теологией. На улице Сен-Жак его лечили от оспы. Собор Парижской богородицы всколыхнул воспоминания о дяде — Талейране-Перигоре, с которым в период реставрации у племянника установились дружеские отношения.

Была возможность проститься и с законной супругой, бывшей мадам Гран, жившей на Лилльской улице, всего в нескольких минутах ходьбы. Ей минуло 73 года, и она тяжело болела. Всего только пройти по мосту через Сену! Но князь не сделал и одного шага. Казалось, он испытывал жестокое чувство облегчения. Ни одной слезы не упало из его глаз, когда он узнал о смерти своей жены 10 декабря 1835 г.

С Наполеоном его бывший министр под конец жизни решил примириться. За несколько лет до этого, узнав, что императора не стало, он бросил свою знаменитую фразу: «Это больше не событие, это — новость». Но теперь смерть стояла у его собственного порога. Не следовало шутить с историей, бросать вызов грядущим поколениям. И Талейран пишет о своем усопшем повелителе: «Его гений был поразителен. Ничто не могло сравниться с его энергией, воображением, разумом, трудоспособностью, творческими способностями. Он был также прозорлив». Талейран утверждал, что Бонапарт являлся «самым исключительным человеком из всех», которых он когда-либо видел⁵.

Панегирик на этом не закончился. Князь Беневентский величал Наполеона «благодетелем», признавал, что главным образом от него получил свое состояние. Он завещал своим наследникам, в случае необходимости, прийти на помощь всеми доступными им средствами каждому человеку, носящему имя Бонапарт и находящемуся в трудном положении. Уж и впрямь, не боялся ли грешный дипломат встречи с отрешившимся от престола императором французов в загробном царстве?

И с церковью Талейран примирился в последние часы

своей жизни. Дрожащей рукой он подписал заявление и письмо папе Григорию XVI, в которых сообщил о своем полном признании «доктрины и дисциплины церкви, ее решений и суждений Святого престола относительно церковных дел во Франции». Вскоре после подписания покаянных документов к умирающему приехали Луи-Филипп и его сестра Аделаида. Теперь все земные дела князя Беневентского — и духовные, и мирские — были приведены в полный порядок. Через несколько часов после королевского визита, 17 мая 1838 г., Шарль-Морис де Талейран-Перигор скончался. Он прожил 84 года 3 месяца и 15 дней. Редкое, особенно по тем временам, долголетие.

После траурной церемонии в Париже бальзамированное тело покойника, согласно его завещанию, перевезли в фамильный склеп в Валансе. Перед выездом из города возница спросил у распорядителя траурного кортежа, каким маршрутом ему следует ехать. «Через заставу ада!» — последовал ответ (так действительно назывался в то время выезд из города по улице Данфер-Рошро в направлении Орлеана).

Да, действительно, через ворота ада прошел после смерти Талейран — епископ Отена, депутат Учредительного собрания, министр внешних сношений Директории и Империи, великий камергер и великий вице-электор императора французов Наполеона I, обладатель высших степеней ордена Почетного легиона, член Французской академии наук, председатель временного правительства и первого правительства Людовика XVIII, сенатор и пэр, посол Луи-Филиппа в Лондоне. Поистине удивительная политическая карьера великого честолюбца, мечтавшего о бессмертии: «Я хочу, чтобы на протяжении веков продолжали спорить о том, кем я был, о чем думал и чего хотел».

Исполнила ли история его пожелание? Прошло почти полтора века со дня смерти Талейрана. О нем говорили, спорили и писали много. И один из главных итогов этих бесконечных дискуссий мы подведем собственными словами героя: «Общество разделено на два класса — стриженных и стриженных. Нужно всегда быть с первыми против вторых».

Что же, Шарль-Морис Талейран всю свою жизнь твердо и последовательно следовал этому принципу. Он всегда выступал в защиту «стриженных» — эксплуататоров, власть имущих, сменявших друг друга у руля государственного корабля, и неизменно против «стриженных» — народных масс, о которых он просто и не думал.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА I

- ¹ **Hillairet J.** Dictionnaire historique des rues de Paris, t. 1. P., 1963, p. 566.
- ² Цит. по **Castelot A.** Talleyrand ou le cynisme. P., 1980, p. 13.
- ³ Ibid., p. 11.
- ⁴ Ibid., p. 16.
- ⁵ Mémoires du prince de Talleyrand, t. 1. P., 1953. p. 59. (Далее: Mémoires de Talleyrand.)
- ⁶ Цит. по **Lacour-Gayet G.** Talleyrand, t. 1. P., 1928, p. 33.
- ⁷ Ibid., p. 55.
- ⁸ Цит. по **Orieux J.** Talleyrand ou le sphinx incompris. P., 1970, p. 92.
- ⁹ **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 1, p. 54.
- ¹⁰ **Orieux J.** Op. cit., p. 131, 132.
- ¹¹ **Талейран.** Мемуары. М., 1959, с. 112.
- ¹² De Lotteries par M. L'évêque d'Autun [s. a.; s.l.], p. 13, 20, 21, 24, 26, 46.
- ¹³ **Orieux J.** Op. cit., p. 111.
- ¹⁴ **Талейран.** Мемуары, с. 103.
- ¹⁵ **Orieux J.** Op. cit., p. 113.
- ¹⁶ Цит. по **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 1, p. 78.
- ¹⁷ **Orieux J.** Op. cit., p. 124, 125.
- ¹⁸ Ibid., p. 115.
- ¹⁹ Ibid., p. 117.
- ²⁰ Цит. по **Castelot A.** Op. cit., p. 36.
- ²¹ **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 1, p. 99, 100.

ГЛАВА II

- ¹ Talleyrand. Bibliothèque Nationale. P., 1965, p. 16.
- ² **Талейран.** Мемуары, с. 130.
- ³ **Тарле Е. В.** Талейран. М., 1948, с. 16.
- ⁴ См. **Masson F.** Le Département des affaires étrangères pendant la Révolution 1787 – 1804. P., 1877, p. 403 (Далее: Masson F. Département...).
- ⁵ См. **Soboul A.** Précis d'histoire de la Révolution française. P., 1962, p. 137, 138.
- ⁶ Цит. по **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 1, p. 121.
- ⁷ **Жорес Ж.** Социалистическая история Французской революции, т. I, ч. 2. М., 1977, с. 32–36.
- ⁸ **Soboul A.** Op. cit., p. 140.
- ⁹ **Castelot A.** Op. cit., p. 69.
- ¹⁰ См. **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 1, p. 108.
- ¹¹ **Жорес Ж.** Указ. соч., с. 162.
- ¹² **Orieux J.** Op. cit., p. 176.
- ¹³ См. **Soboul A.** Op. cit., p. 164–166.
- ¹⁴ **Жорес Ж.** Указ. соч., с. 411–416.
- ¹⁵ Цит. по **Orieux J.** Op. cit., p. 169.
- ¹⁶ **Жорес Ж.** Указ. соч., с. 437, 447.
- ¹⁷ Цит. по **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 1, p. 111.

ГЛАВА III

- ¹ См. *Correspondance de Mirabeau et de la Marck*, t. 1, p. 411–412.
- ² См. **Masson F.** *Département...*, p. 403.
- ³ Сборник императорского русского исторического общества, т. 42. СПб, 1888, с. 206 (далее: РИО, т. ...).
- ⁴ Там же, с. 229.
- ⁵ Архив внешней политики России. Фонд: сношения России с Францией. Опись 93/6, дело № 489, л. 93 (далее: АВПР, оп. ..., д. № ...).
- ⁶ Там же, л. 3101.
- ⁷ Литературное наследство, № 29–30. М., 1937, с. 449.
- ⁸ Там же, с. 448–450.
- ⁹ Там же, с. 458.
- ¹⁰ Там же, с. 456–458.
- ¹¹ См. АВПР, оп. 93/6, д. № 488, л. 128.
- ¹² Литературное наследство, № 29–30, с. 458.
- ¹³ См. АВПР, оп. 93/6, д. № 488, л. 130.
- ¹⁴ Там же, д. № 486, л. 2417–2419.
- ¹⁵ Там же, л. 2421, 2422.
- ¹⁶ Русский архив, кн. 10. СПб, 1878, с. 195.
- ¹⁷ *La Mission de Talleyrand à Londres en 1792*. P., 1889, p. XIV.
- ¹⁸ См. *Le Ministère de Talleyrand sous le Directoire*. P., 1891, p. XLIII–LVI (далее: MTD).
- ¹⁹ *Ibid.*, p. 33.
- ²⁰ АВПР. Фонд: сношения России с Англией, оп. 35/6, д. № 431, л. 19–20.
- ²¹ См. *La Mission de Talleyrand à Londres en 1792*, p. 40.
- ²² *Ibid.*, p. 41–70.
- ²³ *Ibid.*, p. 38, 49, 132.
- ²⁴ *Ibid.*, p. 55, 56.
- ²⁵ *Ibid.*, p. 104, 105.
- ²⁶ *Ibid.*, p. 58, 59, 68, 92, 106, 107.
- ²⁷ *Ibid.*, p. 59, 61, 62, 121.
- ²⁸ *Ibid.*, p. 456.
- ²⁹ *Ibid.*, p. 124–126.
- ³⁰ *Ibid.*, p. 135.
- ³¹ АВПР. Фонд: сношения России с Англией, оп. 35/6, д. № 431, л. 19, 20, 35, 56.
- ³² См. *La Mission de Talleyrand à Londres en 1792*, p. 169, 333.
- ³³ *Ibid.*, p. 233, 237, 240, 241.
- ³⁴ *Ibid.*, p. 251, 287.
- ³⁵ *Ibid.*, p. 317, 318.
- ³⁶ См. MTD, p. V – IX.
- ³⁷ См. **Orieux J.** *Op. cit.*, p. 195.
- ³⁸ **Талейран.** Мемуары, с. 133, 134.
- ³⁹ См. **Lacombe B.** *De la vie privée de Talleyrand*. P., 1910, p. 19–21, 23, 25.
- ⁴⁰ См. **Poniatowski M.** *Talleyrand aux États-Unis 1794 – 1796*. P., 1976, p. 61.
- ⁴¹ Цит. по **Lacombe B.** *de. Op. cit.*, p. 62.
- ⁴² Цит. по **Orieux J.** *Op. cit.*, p. 204.

ГЛАВА IV

- ¹ Цит. по **Печатнов В. О.** Гамильтон и Джефферсон. М., 1984, с. 210, 216.
- ² См. **Poniatowski M.** *Talleyrand aux États-Unis*, p. 105.
- ³ *Ibid.*, p. 526.
- ⁴ См. **Талейран,** Мемуары, с. 141.
- ⁵ Цит. по **Orieux J.** *Op. cit.*, p. 215.

- ⁶ Цит. по **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 1, p. 197.
- ⁷ **Poniatowski M.** Talleyrand aux États-Unis, p. 493 – 494.
- ⁸ **Талейран.** Мемуары, с. 145.
- ⁹ **Poniatowski M.** Talleyrand aux États-Unis, p. 228, 229.
- ¹⁰ Ibid., p. 226.
- ¹¹ Ibid., p. 509–525.
- ¹² Ibid., p. 113.
- ¹³ **Талейран.** Мемуары, с. 138–139.
- ¹⁴ Цит. по **Poniatowski M.** Talleyrand aux États-Unis, p. 334, 336.
- ¹⁵ См. **Orieux J.** Op. cit., p. 227.
- ¹⁶ **Манфред А. З.** Французская буржуазная революция XVIII в. 1789–1794. М., 1950, с. 166.
- ¹⁷ Цит. по **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 1, p. 203.
- ¹⁸ Цит. по **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire. P., 1982, p. 15.

ГЛАВА V

- ¹ См. **Orieux J.** Op. cit., p. 236.
- ² Ibid., p. 242.
- ³ См. **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 88, 89, 90, 93, 94.
- ⁴ Ibid., p. 75 – 77.
- ⁵ См. **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 1, p. 219 – 221.
- ⁶ См. **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 107, 108, 895.
- ⁷ См. **Soboul A.** Op. cit., p. 427, 428.
- ⁸ **Талейран.** Мемуары, с. 149.
- ⁹ **Orieux J.** Op. cit., p. 264.
- ¹⁰ См. **Hillairet J.** Op. cit., t. 1, p. 607.
- ¹¹ См. **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 194, 195.
- ¹² См. MTD, p. 439 – 451.
- ¹³ **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 200, 201.
- ¹⁴ Ibid., p. 202, 203.
- ¹⁵ **Талейран.** Мемуары, с. 148, 149.
- ¹⁶ **Masson F.** Département..., p. 411.
- ¹⁷ См. **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 182, 184.
- ¹⁸ Ibid., p. 175–177.
- ¹⁹ См. Mémoires de Barras, t. III. P., 1896, p. 256 – 263.
- ²⁰ **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 1, p. 236.
- ²¹ **Тарле Е. В.** Указ. соч., с. 62.

ГЛАВА VI

- ¹ MTD, p. 244.
- ² См. Mémoires de Barras, t. II. P., 1895, p. 253.
- ³ См. MTD, p. 245.
- ⁴ Материалы для жизнеописания графа Н. П. Панина (1770–1837), т. 2, СПб, 1890, с. 468 (далее: Материалы...).
- ⁵ Там же, с. 8, 9, 66.
- ⁶ Там же, с. 459.
- ⁷ Там же, с. 26, 27, 75.
- ⁸ Там же, с. 28–30.
- ⁹ Там же, с. 35, 36, 279, 364.
- ¹⁰ Там же, с. 61, 65, 66.
- ¹¹ MTD, p. 244, 245.
- ¹² Материалы..., т. 2, с. 86.
- ¹³ MTD, p. 245.

- ¹⁴ Материалы..., т. 2, с. 108, 109, 130, 132, 159.
- ¹⁵ Там же, с. 322, 323.
- ¹⁶ Там же, с. 229, 230, 319, 320.
- ¹⁷ Материалы..., чч. III–IV. СПб, 1890, с. 88.
- ¹⁸ MTD, p. 267.
- ¹⁹ Там же, с. 146, 147, 263.
- ²⁰ См. Материалы..., чч. III–IV, с. 4, 6, 15.
- ²¹ Материалы..., т. 2, с. 16–18; чч. III–IV, с. 415.
- ²² Материалы..., чч. III–IV, с. 13, 114, 175, 218.
- ²³ См. MTD, p. 246.
- ²⁴ См. MTD, p. 247, 249.
- ²⁵ Материалы..., чч. III–IV, с. 188.
- ²⁶ Там же, с. 523–525.

ГЛАВА VII

- ¹ См. Talleyrand et le Directoire, p. 595, 596.
- ² **Талейран**. Мемуары, с. 150.
- ³ См. MTD, p. 13.
- ⁴ Ibid., p. 9, 289, 290, 295, 296.
- ⁵ Ibid., p. 296 – 300.
- ⁶ См. **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 311.
- ⁷ См. MTD, p. 4 – 7; **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 313.
- ⁸ MTD, p. 15 – 16.
- ⁹ **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 316, 318.
- ¹⁰ Ibid., p. 323, 324.
- ¹¹ Ibid., p. 323.
- ¹² Ibid., p. 326.
- ¹³ MTD, p. 39, 41 – 43.
- ¹⁴ Ibid., p. 45; **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 329.
- ¹⁵ См. **Duroselle J-B** La France et les États-Unis des origines à nos jours. P., 1976, p. 24.
- ¹⁶ Ibid., p. 36, 44, 45.
- ¹⁷ Ibid., p. 45; **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 544.
- ¹⁸ Цит. по **Печатнов В. О.** Указ. соч., с. 248.
- ¹⁹ См. **Duroselle J-B.** Op. cit., p. 47.
- ²⁰ **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 554, 559, 561.
- ²¹ Ibid., p. 564, 567.
- ²² Ibid., p. 570, 573.
- ²³ См. **Печатнов В. О.** Указ. соч., с. 457, 261, 263.
- ²⁴ **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 576.
- ²⁵ Ibid., p. 574, 575.
- ²⁶ См. MTD, p. 302 – 310.

ГЛАВА VIII

- ¹ См. **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 340.
- ² См. MTD, p. 97 – 100.
- ³ Ibid., p. 112.
- ⁴ См. **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 355.
- ⁵ Ibid., p. 375.
- ⁶ MTD, p. 145.
- ⁷ См. **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 367, 368.
- ⁸ Ibid., p. 379.
- ⁹ Ibid., p. 372.
- ¹⁰ MTD, p. 167.

- ¹¹ Ibid., p. 182.
- ¹² Ibid., p. 175, 181, 182.
- ¹³ MTD, p. 170.
- ¹⁴ Ibid., p. 186.
- ¹⁵ Ibid., p. 190.
- ¹⁶ Ibid., p. 205.
- ¹⁷ Ibid., p. 188; **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 687.
- ¹⁸ См. MTD, p. 197.
- ¹⁹ Ibid., p. 210, 212, 214, 225.
- ²⁰ Ibid., p. 217; **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 692, 693.
- ²¹ См. **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 699 – 701.
- ²² Ibid., p. 702, 703; MTD, p. 351, 231.
- ²³ MTD, p. 397; **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 718.
- ²⁴ MTD, p. 372.
- ²⁵ Ibid., p. 364.
- ²⁶ Ibid., p. 352.
- ²⁷ Ibid., p. 363.
- ²⁸ Ibid., p. 362.

ГЛАВА IX

- ¹ **Манфред А. З.** Наполеон Бонапарт. М., 1972, с. 204.
- ² См. **Orieux J.** Op. cit., p. 248, 249.
- ³ См. MTD, p. 124, 155.
- ⁴ **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 436, 442.
- ⁵ См. **Jonquière G. de la.** L'expédition d'Egypte. 1798 – 1801, t. I. P., 1900, p. 153, 154, 168.
- ⁶ Ibid., p. 163, 165, 167, 168.
- ⁷ MTD, p. 124, 236.
- ⁸ Correspondance de Napoléon, t. 3 [s.l.; s.a.], p. 294 (далее: Correspondance...).
- ⁹ Correspondance..., t. 4, p. 1, 4.
- ¹⁰ См. **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 446 – 448.
- ¹¹ Ibid., p. 450.
- ¹² MTD, p. 338.
- ¹³ Ibid., p. 376.
- ¹⁴ Ibid., p. 339, 340.
- ¹⁵ Ibid., p. 376.
- ¹⁶ Ibid., p. 335, 377.
- ¹⁷ Ibid., p. 248.
- ¹⁸ Correspondance..., t. 4, p. 117.
- ¹⁹ **Тарле Е. В.** Указ. соч., с. 71.
- ²⁰ **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 497.
- ²¹ MTD, p. 426, 427.
- ²² **Charles-Roux F.** L'Angleterre et l'Expédition française en Egypte, Le Caire [s.a.], p. 92, 93.
- ²³ Материалы..., чч. III–IV, с. 188.
- ²⁴ См. **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 498.
- ²⁵ Ibid., p. 530, 531.
- ²⁶ Ibid., p. 534.
- ²⁷ MTD, p. 383, 384.
- ²⁸ См. **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 785.

ГЛАВА X

- ¹ Цит. по **Poniatowski M.** Talleyrand aux États-Unis, p. 406.
- ² **Тарле Е. В.** Указ. соч., с. 66, 67.

- ³ См. **Dard É.** Napoléon et Talleyrand. P., 1935, p. 2.
- ⁴ Ibid., p. 21.
- ⁵ Цит. по **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 248.
- ⁶ Ibid., p. 264, 266.
- ⁷ **Soboul A.** Op. cit., p. 430.
- ⁸ MTD, p. 138, 139.
- ⁹ Цит. по **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 257.
- ¹⁰ MTD, p. 136, 137.
- ¹¹ См. **Orieux J.** Op. cit., p. 286.
- ¹² См. **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 376, 378.
- ¹³ **Талейран.** Мемуары, с. 152.
- ¹⁴ См. **Hillairet J.** Op. cit., t. 2, p. 602.
- ¹⁵ См. **Castelot A.** Op. cit., p. 148.
- ¹⁶ См. **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 411, 412.
- ¹⁷ **Masson F.** Madame Bonaparte 1796 – 1804. P., 1927, p. 129.
- ¹⁸ См. **Castelot A.** Op. cit., p. 149; **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 423 – 426.
- ¹⁹ См. **Las Cases.** Mémorial de Sainte Hélène, t. 1. P., 1961, p. 752 – 754.
- ²⁰ См. **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 772, 728, 795; **Orieux J.**, Op. cit., p. 350.
- ²¹ Цит. по **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 798.
- ²² См. **Soboul A.** Op. cit., p. 459, 460.
- ²³ **Бальзак О.** Собр. соч. В 24-х т. Т. 16. М., 1960, с. 121, 122.
- ²⁴ См. **Hillairet J.** Op. cit., t. 2, p. 628.
- ²⁵ **Талейран.** Мемуары, с. 377.
- ²⁶ Correspondance., t. 30, p. 310.
- ²⁷ Цит. по **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 814.

ГЛАВА XI

- ¹ Lettres inédites de Talleyrand à Napoléon 1800 – 1809. P., 1889, p. 5, 6, 8, 99 (Далее: Lettres...).
- ² См. **Hillairet J.** Op. cit., t. 1, p. 89; **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 2. P., 1930, p. 70; **Orieux J.** Op. cit., p. 392.
- ³ См. **Raoul R. P.** Pages d'histoire sur Valençais et sa region. Issoudun, 1968, p. 331.
- ⁴ **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 2, p. 115 – 117.
- ⁵ См. **Raoul R. P.** Guide historique de Valençais. Chateauroux, 1977, p. 12, 14, 16.
- ⁶ Цит. по **Orieux J.** Op. cit., p. 377.
- ⁷ Цит. по **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 2, p. 145.
- ⁸ Цит. по **Dard É.** Op. cit., p. 52.
- ⁹ См. **Orieux G.** Op. cit., p. 375, 376; **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 2, p. 17 – 19.
- ¹⁰ **Талейран.** Мемуары, с. 164.
- ¹¹ **Las Cases.** Op. cit., t. 2. P., 1961, p. 180.
- ¹² См. **Thiry J.** Le Concordat et le Consulat à vie. P., 1956, p. 37, 40; **Melchior-Bonnet B.** Napoléon et le pape. P., 1958, p. 19.
- ¹³ См. **Thiry J.** Op. cit., p. 42, 43; **Melchior-Bonnet B.**, Op. cit., p. 20.
- ¹⁴ Цит. по **Thiry J.** Op. cit., p. 64.
- ¹⁵ См. Ibid., p. 52 – 54.
- ¹⁶ См. **Thiry J.** Op. cit., p. 58, 61, 65.
- ¹⁷ Цит. по **Thiry J.** Op. cit., p. 67.
- ¹⁸ См. **Las Cases.** Op. cit., t. 2, p. 181.
- ¹⁹ См. **Castelot A.** Op. cit., p. 201; **Orieux J.** Op. cit., p. 375.
- ²⁰ Цит. по **Castelot A.** Op. cit., p. 202.

²¹ См. **Orieux J.** Op. cit., p. 388.

²² Lettres, p. 12, 16.

ГЛАВА XII

¹ См. **Lacombe B. de.** Op. cit., p. 124, 125.

² Ibid., p. 112, 113.

³ Ibid., p. 116.

⁴ См. **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 223.

⁵ См. **Lacombe B. de.** Op. cit., p. 117, 118, 120.

⁶ См. **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 232, 233.

⁷ Ibid., p. 746, 747.

⁸ См. **Lacombe B. de.** Op. cit., p. 128 – 132; **Poniatowski M.** Talleyrand et le Directoire, p. 747 – 749.

⁹ См. **Las Cases.** Op. cit., t. 2, p. 506, 507.

¹⁰ См. **Lacombe B. de.** Op. cit., p. 200.

¹¹ Ibid., p. 139.

¹² Ibid., p. 140.

¹³ Цит. по Lettre de madame la duchesse de Talleyrand (ex-duchesse de Dino) à l'abbé Dupanloup, publiée par la duchesse de Radsivill. 1908, p. 13.

¹⁴ См. **Castelot A.** Op. cit., p. 209; **Orieux J.** Op. cit., p. 414.

¹⁵ См. **Lacombe B. de.** Op. cit., p. 142, 147.

¹⁶ Ibid., p. 149, 158, 160, 163.

¹⁷ Ibid., p. 169, 171.

¹⁸ Ibid., p. 172, 175, 179.

¹⁹ Ibid., p. 180, 181.

²⁰ Ibid., p. 183 – 185.

²¹ См. **Dard É.** Op. cit., p. 57.

²² **Orieux J.** Op. cit., p. 408.

ГЛАВА XIII

¹ **Талейран.** Мемуары, с. 164.

² Цит. по **Dard É.** Op. cit., p. 37.

³ См. **Masson F.** Département., Op. cit., p. 462.

⁴ Цит. по Revue des deux Mondes, 1 июля 1929.

⁵ Цит. по **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 2, p. 52.

⁶ См. **Castelot A.** Op. cit., p. 189; **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 2, p. 46.

⁷ См. **Pallain G.** La mission de Talleyrand à Londres en 1792. P., 1889, p. 151.

⁸ Цит. по **Castelot A.** Op. cit., p. 191.

⁹ Ibid., p. 237.

¹⁰ Цит. по **Dard É.** Op. cit., p. 54.

¹¹ См. **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 2, p. 36 – 40.

¹² **Masson F.** Département., p. 463.

¹³ Mémoires de Talleyrand, t. VI. P., 1955, p. 20.

¹⁴ См. Correspondance., t. 30, p. 415, 416.

¹⁵ **Манфред А. З.** Наполеон Бонапарт, с. 365, 366.

¹⁶ **Талейран.** Мемуары, с. 163.

¹⁷ **Thiry J.** Op. cit., p. 108.

¹⁸ Correspondance., t. 7, p. 255 – 257.

¹⁹ См. **Thiry J.** Op. cit., p. 115.

²⁰ Ibid., p. 116, 176, 177, 180, 181, 184.

²¹ Цит. по **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 2, p. 16.

²² Ibid., p. 71 – 78; **Orieux J.** Op. cit., p. 394, 397.

²³ См. **Orieux J.** Op. cit., p. 393.

- ²⁴ Цит. по **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 2, p. 77.
- ²⁵ **Orieux J.** Op. cit., p. 395.
- ²⁶ Ibid., p. 393.
- ²⁷ См. *Correspondance...*, t. 9, p. 5; t. 10, p. 295 – 297, 363.

ГЛАВА XIV

- ¹ См. РИО, т. 70, с. V.
- ² Там же, с. XI, XII.
- ³ Там же, с. XIV.
- ⁴ Там же, с. 1.
- ⁵ *Correspondance...*, t. 6, p. 326
- ⁶ См. РИО, т. 70, с. 2.
- ⁷ Там же, с. 10, 11.
- ⁸ Там же, с. 25.
- ⁹ Там же, с. 70, 97.
- ¹⁰ Там же, с. XXXII.
- ¹¹ Там же, с. 33, 37.
- ¹² Там же, с. 40.
- ¹³ Там же, с. XXVII.
- ¹⁴ *Correspondance...*, t. 6, p. 101.
- ¹⁵ РИО, т. 70, с. XXI.
- ¹⁶ Там же, с. 26.
- ¹⁷ Там же, с. XXI.
- ¹⁸ Там же, с. 11, 12.
- ¹⁹ См. РИО, т. 70, с. 93–95.
- ²⁰ Там же, с. 84.
- ²¹ Там же, с. 41, 43, 77, 248.
- ²² Там же, с. 151, 154, 186.
- ²³ Там же, с. 43, 83, 84.
- ²⁴ *Lettres inédites de Napoléon 1-er (An VIII – 1815)*, publiées par Léon Lecestre, t. 1. P., 1897, p. 27 (далее: Lecestre).
- ²⁵ РИО, т. 70, с. XXVII.
- ²⁶ Там же, с. 125, 126.
- ²⁷ Там же, с. 126, 128, 129.
- ²⁸ Там же, с. 133.
- ²⁹ Архив князя Воронцова. Кн. II. М., 1877, с. 346, 347.
- ³⁰ Там же, с. 34.
- ³¹ См. РИО, т. 70, с. 706, 707.
- ³² Там же, с. 550.
- ³³ Там же, с. 442, 443.
- ³⁴ Там же, с. XXXI, 218.
- ³⁵ РИО, т. 70, с. 428–430.
- ³⁶ Там же, с. 332.
- ³⁷ Там же, с. 269.
- ³⁸ Там же, с. 285, 491, 519, 581, 582.
- ³⁹ Там же, с. 612, 622.
- ⁴⁰ Там же, с. 70, 491, 484, 530.
- ⁴¹ Там же, с. 522, 381, 217.
- ⁴² Там же, с. 618.
- ⁴³ Там же, с. 619, 625.
- ⁴⁴ См. РИО, т. 77, СПб, 1891, с. 116, 55, 56.
- ⁴⁵ Там же, с. 322, 324.
- ⁴⁶ Там же, с. 486, 487, 494, 495, 497, 498.
- ⁴⁷ *Correspondance...*, t. 8, p. 155.
- ⁴⁸ *Lettres...*, p. 63, 64, 71.

- ⁴⁹ См. РИО, т. 77, с. 424, 425.
⁵⁰ РИО, т. 70, с. 378.
⁵¹ РИО, т. 77, с. 31, 362, 358, 359.

ГЛАВА XV

- ¹ См. **Schumann M.** Qui a tué le Duc d'Enghien. P., 1984, p. 31, 33.
² Ibid., p. 40.
³ **Манфред А. З.** Наполеон Бонапарт, с. 425.
⁴ См. **Castelot A.** Op. cit., p. 214.
⁵ Цит. по **Castelot A.** Op. cit., p. 217.
⁶ **Стендаль.** Собр. соч. В 15-ти т. Т. 11. М., 1959, с. 68.
⁷ Цит. по **Castelot A.** Op. cit., p. 215.
⁸ Ibid., p. 216.
⁹ Цит. по **Schumann M.** Op. cit., p. 24–25.
¹⁰ *Mémoires de Talleyrand*, t. 1, p. 34, 35.
¹¹ Цит. по **Schumann M.** Op. cit., p. 192.
¹² Ibid., p. 63.
¹³ **Castelot A.** Op. cit., p. 221.
¹⁴ **Schumann M.** Op. cit., p. 81 – 83, 89.
¹⁵ Ibid., p. 184.
¹⁶ Ibid., p. 42.
¹⁷ Ibid., p. 39.
¹⁸ Цит. по **Castelot A.** Op. cit., p. 222.
¹⁹ **Schumann M.** Op. cit., p. 100.
²⁰ Ibid., p. 203.
²¹ Ibid., p. 103, 104, 185.
²² *Mémoires de Talleyrand*, t. 1, p. 34.
²³ **Schumann M.** Op. cit., p. 110.
²⁴ *Correspondance...*, t. 32, p. 477.
²⁵ **Schumann M.** Op. cit., p. 59.
²⁶ Ibid., p. 67, 68; **Castelot A.** Op. cit., p. 223.
²⁷ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия первая, т. I. М., 1959, с. 692; т. 2, с. 15, 96 (далее: ВПР).
²⁸ РИО, т. 77, с. 593, 579, 585, 598.
²⁹ Там же, с. 608.

ГЛАВА XVI

- ¹ См. **Melchior-Bonnet B.** Op. cit., p. 61, 62.
² Цит. по **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 2, p. 149.
³ *Correspondance...*, t. 11, p. 115.
⁴ Ibid., t. 10, p. 552, 562.
⁵ *Lettres...*, p. 185.
⁶ Цит. по **Lacour-Gayet G.** Op. cit., 2, p. 165.
⁷ Цит. по **Castelot A.** Op. cit., p. 182.
⁸ **Dard E.** Op. cit., p. 67.
⁹ *Lettres...*, p. 157 – 164.
¹⁰ Ibid., p. 163.
¹¹ Ibid., p. 163.
¹² См. *Lettres...*, p. 165 – 174.
¹³ ВПР, т. 3. М., 1963, с. 660.
¹⁴ **Талейран.** Мемуары, с. 170.
¹⁵ Там же, с. 172.
¹⁶ Цит. по **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 2, p. 172.

- ¹⁷ Lettres., p. 159.
- ¹⁸ Correspondance., t. 11, p. 562.
- ¹⁹ Ibid., t. 12, p. 508, 509.
- ²⁰ Ibid., t. 13, p. 470.
- ²¹ Ibid., p. 71, 72.
- ²² **Талейран.** Мемуары, с. 173.
- ²³ См. Lecestre, t. 2, p. 139, 141.
- ²⁴ См. Correspondance., t. 12, p. 632, 633.
- ²⁵ См. Lettres., p. 265.
- ²⁶ Correspondance., t. 14, p. 28.
- ²⁷ Dard E. Op. cit., p. 145, 146.
- ²⁸ **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 2, p. 200 – 202.
- ²⁹ Lecestre, t. 1, p. 74.
- ³⁰ Цит. по Dard E. Op. cit., p. 148.
- ³¹ Correspondance., t. 15, p. 69.
- ³² Dard E. Op. cit., p. 149.
- ³³ Ibid., p. 152, 153.
- ³⁴ Correspondance., t. 14, p. 432.
- ³⁵ **Талейран.** Мемуары, с. 178.

ГЛАВА XVII

- ¹ ВПР, т. 3, с. 169.
- ² См. Correspondance., t. 13, p. 58, 577.
- ³ См. ВПР, т. 3, с. 671.
- ⁴ РИО, т. 82, с. 359.
- ⁵ Там же, с. 405.
- ⁶ Там же, с. 59–61.
- ⁷ Там же, с. 58, 59, 78, 653.
- ⁸ См. РИО, т. 82, с. 103–106.
- ⁹ Там же, с. 340, 235, 219, 232, 216.
- ¹⁰ См. ВПР, т. 3, с. 109, 123, 124.
- ¹¹ См. РИО, т. 82, с. 362, 363, 403.
- ¹² **Талейран.** Мемуары, с. 174.
- ¹³ ВПР, т. 3, с. 672.
- ¹⁴ См. РИО, т. 82, с. 426.
- ¹⁵ РИО, т. 82, с. 364; ВПР, т. 3, с. 136, 137, 672.
- ¹⁶ См. РИО, т. 82, с. 400, 408, 410, 411, 412, 416.
- ¹⁷ Там же, с. 420, 423, 425, 413.
- ¹⁸ Там же, с. 438, 443.
- ¹⁹ Там же, с. 443, 445, 446.
- ²⁰ **Талейран.** Мемуары, с. 174.
- ²¹ См. ВПР, т. 3, с. 767.
- ²² РИО, т. 82, с. 457, 458.
- ²³ См. Lettres., p. 251, 252.
- ²⁴ См. РИО, т. 82, с. 464.
- ²⁵ ВПР, т. 3, с. 701.
- ²⁶ Lettres., p. 251.
- ²⁷ См. ВПР, т. 3, с. 698.
- ²⁸ **Las Cases.** Op. cit., t. 2, p. 522.
- ²⁹ ВПР, т. 3, с. 720.
- ³⁰ Correspondance., t. XII, p. 549, 550.
- ³¹ Ibid., t. 15, p. 14, 15.
- ³² Ibid., p. 42, 31, 151.
- ³³ См. Lettres., p. 313, 315.
- ³⁴ Ibid., p. 332 – 334.
- ³⁵ Correspondance., t. 15, p. 59 – 61.

ГЛАВА XVIII

- ¹ Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, t. 2. P., 1880, p. 404 (далее: Mémoires de Metternich).
- ² Correspondance., t. 15, p. 352.
- ³ Ibid., p. 372.
- ⁴ Стендаль. Собр. соч. В 15-ти т. Т. XI, с. 63.
- ⁵ См. Correspondance., t. 15, p. 366.
- ⁶ Ibid., p. 404.
- ⁷ РИО, т. 89, с. 45.
- ⁸ Цит. по Арман де Коленкур. Мемуары. М., 1943, с. 57.
- ⁹ ВПР, т. 3, с. 645.
- ¹⁰ Цит. по Dard E. Op. cit., p. 158.
- ¹¹ Correspondance., t. 21, p. 79.
- ¹² Арман де Коленкур. Указ. соч., с. 73.
- ¹³ Талейран. Мемуары, с. 180.
- ¹⁴ Вандаль А. Наполеон и Александр, т. 1. СПб, 1910, с. 406, 407.
- ¹⁵ Correspondance., t. 17, p. 38.
- ¹⁶ См. РИО, т. 89, с. 168.
- ¹⁷ Mémoires de Talleyrand, t. 1, p. 185.
- ¹⁸ См. Roux G. Napoléon et le gûepier espagnole. P., 1970, p. 24.
- ¹⁹ Las Cases. Op. cit., t. 1, p. 498.
- ²⁰ Цит. по Dard E. Op. cit., p. 169.
- ²¹ Correspondance., t. 17, p. 50.
- ²² Ibid., p. 39.
- ²³ Ibid., p. 49, 50.
- ²⁴ Ibid., p. 66.
- ²⁵ См. Lecestre, t. 1, p. 192, 193.

ГЛАВА XIX

- ¹ Талейран. Мемуары, с. 193.
- ² Цит. по Bétouar A. Metternich et l'Europe. P., 1979, p. 35.
- ³ Mémoires de Metternich, t. 2, p. 235, 236.
- ⁴ Ibid., p. 237.
- ⁵ Ibid., p. 248, 249.
- ⁶ Ibid., p. 140, 160.
- ⁷ Ibid., p. 144, 145, 149.
- ⁸ РИО, т. 89. СПб, 1893, с. 299.
- ⁹ Цит. по Арман де Коленкур. Указ. соч., с. 17.
- ¹⁰ РИО, т. 89, с. LXXIII, 802.
- ¹¹ ВПРМ. 1965, т. 4, с. 646.
- ¹² Там же, с. 647.
- ¹³ Талейран. Мемуары, с. 181.
- ¹⁴ Цит. по Lettres et papiers du chancelier compte de Nesselrode (1760 – 1850), t. 3. P., 1904 – 1905, p. 285 (далее: Nesselrode).
- ¹⁵ Талейран. Мемуары, с. 181.
- ¹⁶ Mémoires de Metternich, t. 2, p. 248.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Талейран. Мемуары, с. 213.
- ¹⁹ См. ВПР, т. 5. М., 1967, с. 685.
- ²⁰ См. ВПР, т. 4, с. 375, 477.
- ²¹ Там же, с. 710, 652.
- ²² Там же, с. 466, 487.
- ²³ См. Mémoires de Metterniich, t. 2, p. 243, 244.
- ²⁴ Duff Cooper. Talleyrand. P., 1937, p. 99.
- ²⁵ Las Cases. Op. cit., t. 1, p. 500.

- ²⁶ Стефан Цвейг. Собр. соч. В 4-х т. Т. 3. М., 1984, с. 467.
- ²⁷ Mémoires de Metternich, t. 2, p. 262.
- ²⁸ См. Roux G. Op. cit., p. 121 – 123; Thiry J. La guerre d'Espagne. P., 1965, p. 319.
- ²⁹ Цит. по Dard É. Op. cit., p. 223.
- ³⁰ Ibid., p. 229, 232.
- ³¹ ВПР, т. 5. М., 1967, с. 667.
- ³² Там же, с. 72.
- ³³ Там же, с. 133.
- ³⁴ См. РИО, т. 122. СПб, с. 7, 11, 15.
- ³⁵ См. Mémoires du duc de Rovigo pour servir à l'histoire de l'empereur Napoléon, t. 5. P., 1828, p. 124 – 127, 208.
- ³⁶ Талейран. Мемуары, с. 182.
- ³⁷ См. Nesselrode, t. 3, p. 236.
- ³⁸ Ibid., p. 225, 255, 332, 322.
- ³⁹ Ibid., p. 255, 262, 263, 270, 319, 322.
- ⁴⁰ Ibid., p. 237, 322, 362, 338.
- ⁴¹ Ibid., p. 237, 262.
- ⁴² Ibid., p. 288, 269, 338.
- ⁴³ См. Dard É. Op. cit., p. 257 – 259.
- ⁴⁴ Цит. по Вандаль А. Наполеон и Александр, т. 3, с. 339.

ГЛАВА XX

- ¹ См. Hillairet J. Op. cit., t. 2, p. 597; Castelot A. Op. cit., p. 355.
- ² Mémoires du duc de Rovigo, t. 5, p. 120.
- ³ См. Bernardi F. de. Le dernier amour de Talleyrand. La duchesse de Dino 1793 – 1862. P., 1965, p. 15, 18.
- ⁴ См. Orioux J. Op. cit., p. 499, 507.
- ⁵ См. Bernardi F. de. Op. cit., p. 89.
- ⁶ Ibid., p. 105.
- ⁷ Цит. по Lacour-Gayet G. Op. cit., t. 2, p. 314, 315.
- ⁸ Ibid., p. 321, 322.
- ⁹ Талейран. Мемуары, с. 282.
- ¹⁰ Цит. по Lacour-Gayet G. Op. cit., Mélanges, t. 4. P., 1934, p. 114.
- ¹¹ Correspondance., t. 27, p. 132.
- ¹² Цит. по Lacour-Gayet G. t. 2, p. 349.
- ¹³ См. Castelot A. Op. cit., p. 459, 460.
- ¹⁴ РИО, т. 83а. СПб, 1892, с. 13.
- ¹⁵ См. Castelot A. Op. cit., p. 458, 459.
- ¹⁶ Талейран. Мемуары, с. 293.
- ¹⁷ Там же, с. 295.
- ¹⁸ См. Dard É. Op. cit., p. 347, 348.
- ¹⁹ Цит. по Castelot A. Op. cit., p. 472.
- ²⁰ РИО, т. 112. СПб, 1901, с. 20.
- ²¹ Там же, с. 3; Dupuis Ch. Le Ministère de Talleyrand en 1814, t. 2. P., 1920, p. 4.
- ²² РИО, т. 112, с. 89.
- ²³ Талейран. Мемуары, с. 320.
- ²⁴ См. Dupuis Ch. Op. cit., t. 2, p. 262, 263.

ГЛАВА XXI

- ¹ Mémoires de Metternich, t. 2, p. 476.
- ² См. Mémoires de Talleyrand, t. 3. P., 1954, p. 8.
- ³ Mémoires des Metternich, t. 2, p. 509 – 511.
- ⁴ Mémoires de Talleyrand, t. 3, p. 9.
- ⁵ Талейран. Мемуары, с. 307.
- ⁶ Там же, с. 305.

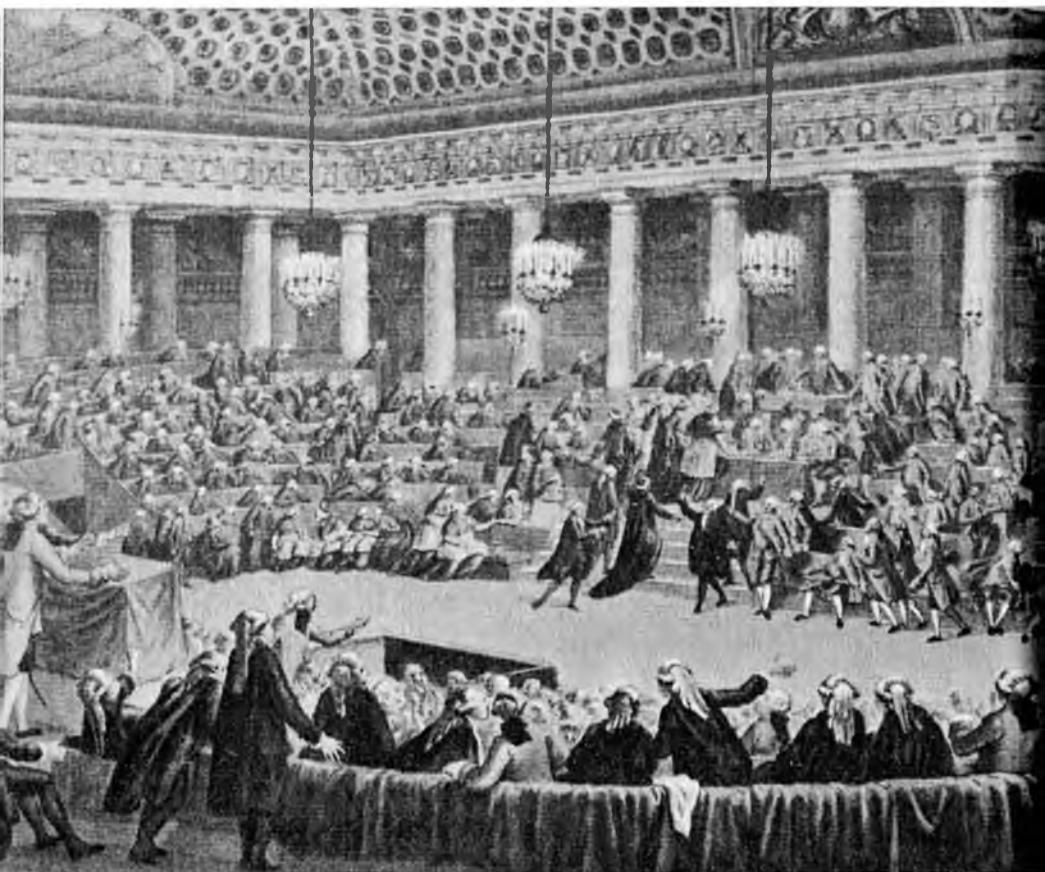
- 7 Correspondance inédite du prince de Talleyrand et du roi Louis XVIII pendant le Congrès de Vienne. P., 1881, p. 35 (Далее: Congrès de Vienne).
- 8 **Талейран.** Мемуары, с. 308.
- 9 Mémoires de Talleyrand, t. 3, p. 38.
- 10 Ibid., p. 173.
- 11 См. Congrès de Vienne, p. 64.
- 12 См. Mémoires de Talleyrand, t. 3, p. 127.
- 13 Ibid., p. 75, 79, 81, 82, 78, 118.
- 14 Ibid., p. 146; ВПР, т. 8. М., 1972, с. 731.
- 15 **Талейран.** Мемуары, с. 311.
- 16 Congrès de Vienne, p. 34.
- 17 Ibid., p. 451; Mémoires de Talleyrand, t. 3, p. 166, 124.
- 18 См. ВПР, т. 8, с. 633, 634.
- 19 Mémoires de Talleyrand, t. 3, p. 130.
- 20 Ibid., p. 139.
- 21 См. ВПР, т. 8, с. 634.
- 22 Mémoires de Talleyrand, t. 3, p. 138.
- 23 ВПР, т. 8, с. 636.
- 24 Там же, с. 646.
- 25 Mémoires de Talleyrand, t. 3, p. 177.
- 26 **Palewski G.** Le miroir de Talleyrand. P., 1976, p. 114.
- 27 Congrès de Vienne, p. 69.
- 28 Mémoires de Talleyrand, t. 3, p. 36, 37, 50, 78.
- 29 Ibid., p. 185.
- 30 Mémoires de Metternich, t. 2, p. 500, 501.
- 31 См. Mémoires de Talleyrand, t. 3, p. 182, 121.
- 32 **Талейран.** Мемуары, с. 315.
- 33 Там же, с. 328.
- 34 Mémoires de Talleyrand, t. 3, p. 137, 154, 155.
- 35 См. Correspondance., t. 32, p. 321.
- 36 **Palewski G.** Op. cit., p. 185.
- 37 Ibid., p. 191.
- 38 См. **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 12, изд. 2-е, с. 682.
- 39 См. **Талейран.** Мемуары, с. 334, 338.
- 40 **Palewski G.** Op. cit., p. 226.

ГЛАВА XXII

- 1 См. **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 3. P., 1932, p. 154.
- 2 **Dard E.** Op. cit., p. 379.
- 3 См. **Schumann M.** Op. cit., p. 157 – 195.
- 4 См. Mémoires du duc de Rovigo, t. 2, p. 53, 54, 56.
- 5 Цит. по **Orieux J.** Op. cit., p. 702.
- 6 См. **Schumann M.** Op. cit., p. 203.
- 7 Цит. по **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 4, p. 169.
- 8 Ibid., t. 3, p. 341.
- 9 История дипломатии, т. I. М., 1959, с. 547.
- 10 См. Ambassade de Talleyrand à Londres 1830 – 1834. Première partie. P., 1891, p. 98 – 100 (далее: Ambassade 1830 – 1834).
- 11 Ibid., p. 13.
- 12 Ibid., p. 118.
- 13 Ibid., p. 406.
- 14 Ibid., p. 274, 275.
- 15 Ibid., p. 250.
- 16 См. **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 3, p. 250, 251.
- 17 См. Ambassade 1830 – 1934, p. 49, 83.
- 18 Цит. по **Lacour-Gayet G.** Op. cit., t. 3, p. 275.
- 19 См. Ambassade de 1830 – 1834, p. 174–183, 297.

Талейран в возрасте 16 лет.

«Ночь чудес». (Принятие декретов Учредительного собрания об отмене привилегий дворянства и духовенства.)

Талейран. Рисунок Ж.-Л. Давида.

Оноре Мирабо.
Рисунок Моро де Жена.

Жорж Дантон.
Рисунок Ж.-Л. Давида.

Фрагмент рукописи Талейрана.

nouvelles de son pays, j'aurais son fils, n'est-ce pas? Mais, si
 on le veut, on le peut. Les motions que l'on a faites dans le
 but matériel, sont toutes dans un même but, on il y a
 à peu de chose, y a-t-il un cheval au milieu de la nuit, si j'en
 pourrais être sûr que l'on est capable cela fait grand-chose pour
 chose, que je ne surs de faire pour moi-même, car j'ai
 il a été un acte de guerre que j'ai vu sur moi-même, quand
 je suis resté des vœux là et qu'il me représentait et j'ai
 Dieu soit, ~~il est~~ monseigneur, j'ai vu, il est
 impossible de ne pas voir de notre position, cet est mon Dieu
 qui si pitoyable, et ce monseigneur, j'ai vu, il est
 ne pourrions pas nous en faire rien. Je suis sûr, le fait
 de supporter nous avons une marche très longue nous avons
 arrivés dans une maison on l'a vu et on a vu plus de
 à l'encre et même à l'encre, il y avait une grande
 provisions que j'ai vu, j'ai vu, j'ai vu, j'ai vu, j'ai vu
 dans une maison abominable. La famille elle-même nous dit
 doit composer deux vieillards deux femmes d'ailleurs, on n'a
 pas de deux, j'ai vu, j'ai vu, j'ai vu, j'ai vu, j'ai vu
 du monde, j'ai vu, j'ai vu, j'ai vu, j'ai vu, j'ai vu

Генерал Лафайетт на празднике федерации в Париже
14 июля 1790 г.

Народ на улице Парижа в дни французской революции.

События 9 термидора (27 июля) 1794 г.

«Нувориши».
(Представители
новой буржуазии
конца XVIII века.)

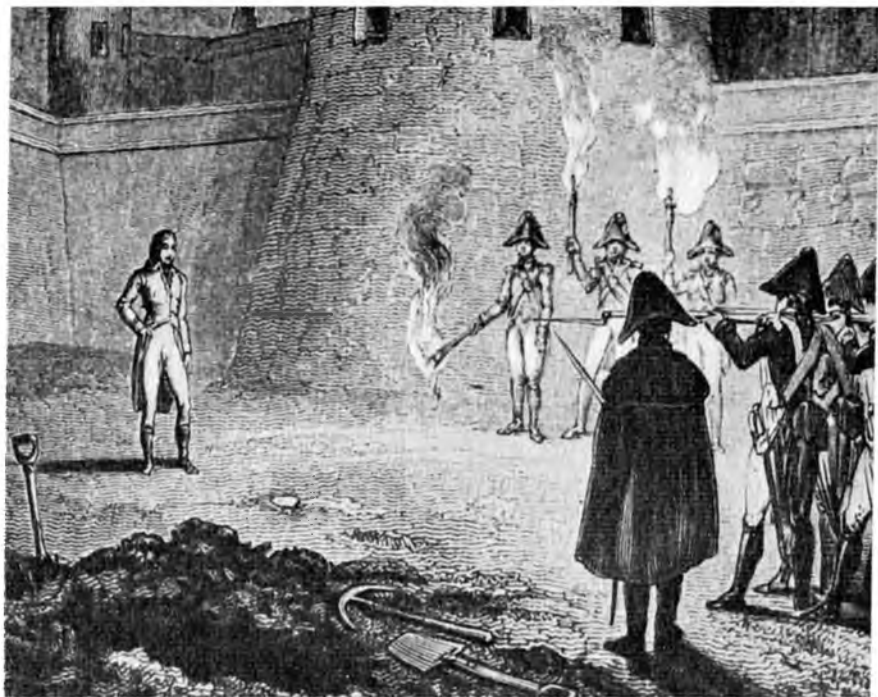
Бонапарт
во время битвы
на Аркольском мосту.
Портрет работы А. Гро.

Государственный
переворот 18 брюмера
(9 ноября) 1794 г.

Жозеф Фуше.
Портрет работы
К. М. Дюбюфа.

Казнь герцога Ангуйенского 21 марта 1846 г.

Катрин Гран, будущая
супруга Талейрана.

Жермена де Сталь.
Портрет работы Ф. Жерара.

Министерство внешних сношений (особняк Галифе).

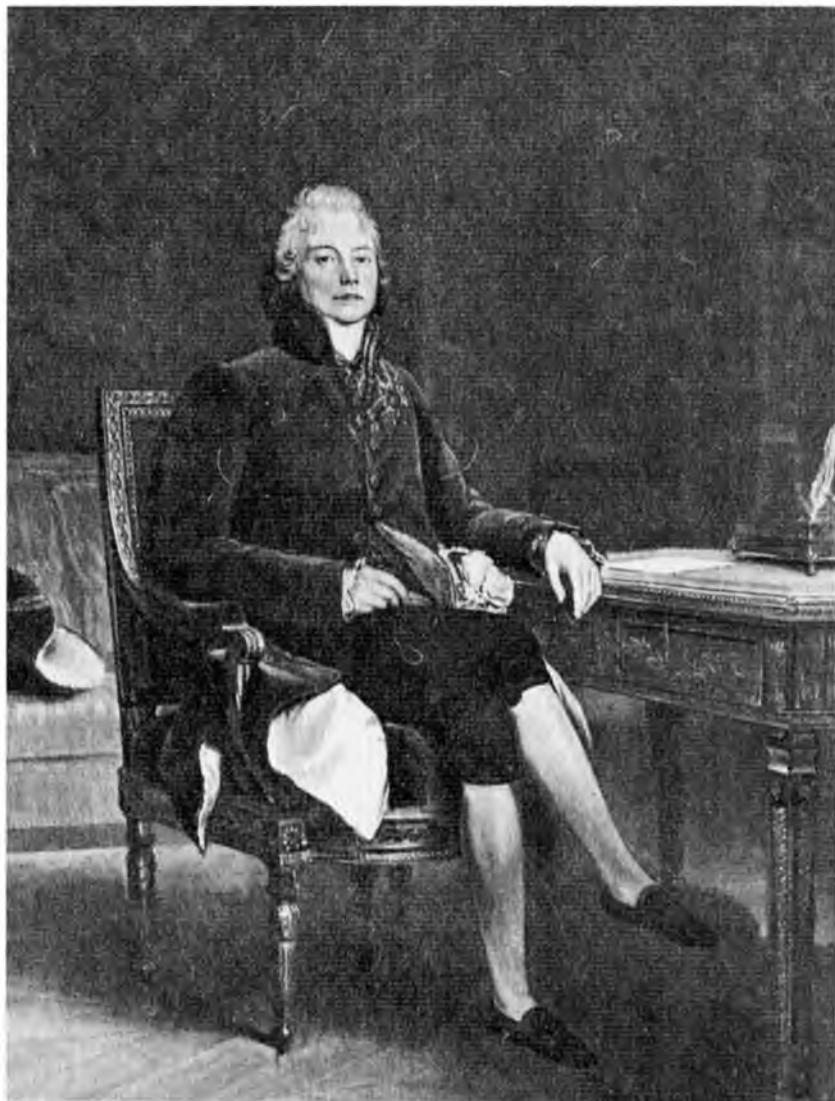
Замок Валансе.

Герцогиня Курляндская.

Герцогиня Дино.

Талейран. Портрет работы Ф. Жерара.

**Временное правительство во главе с Талейраном.
Карикатура 1814 года.**

Карл Дальберг.

Клеменс Меттерних.

Участники Венского конгресса 1814 года. Картина работы Изабе.

К. В. Нессельроде.

Франсуа-Рене Шатобриан.

«Талейран — человек о шести головах». Карикатура 1815 года. На надписях — здравицы в честь дворян, свободы, Конвента, первого консула, императора, Людовика XVIII, Карла X, Луи-Филиппа I.

Наполеон
на острове
Святой Елены.
Портрет работы
Джеймса Сента.

Дом Талейрана в Париже на улице Сен-Флорентен.
В этом доме Талейран скончался.

Талейран – посол Франции в Лондоне. 1834 год.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: ПО ДОРОГЕ В ВАЛАНСЕ	5
Глава I.	АББАТ ПОНЕВОЛЕ	10
Глава II.	ЕПИСКОП ОТЕНСКИЙ И РЕВОЛЮЦИЯ	22
Глава III.	НАЧАЛО КАРЬЕРЫ: МИССИЯ В ЛОНДОНЕ	32
Глава IV.	ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ В АМЕРИКЕ	49
Глава V.	КАК ТАЛЕЙРАН СТАЛ ГЛАВОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ДИПЛОМАТИИ	62
Глава VI.	НЕУДАВШИЕСЯ ПЕРЕГОВОРЫ С РОССИЕЙ	78
Глава VII.	«ДВОЙНАЯ ИГРА» МИНИСТРА ВНЕШНИХ СНОШЕНИЙ	87
Глава VIII.	КАМПО-ФОРМИО И РАШТАДТ МИНИСТР И ГЕНЕРАЛ	97
Глава IX.	КРАХ ЕГИПЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ	108
Глава X.	РАВНЕНИЕ НА БОНАПАРТА	117
Глава XI.	«ВЫ СОЗДАНЫ ДЛЯ ВЫСОТ»	134
Глава XII.	ЖЕНА ИЗ ИНДИИ	145
Глава XIII.	ДИПЛОМАТИЯ КУЛАКА	155
Глава XIV.	МИР С РОССИЕЙ	166
Глава XV.	КТО УБИЛ ГЕРЦОГА ЭНГИЕНСКОГО	185
Глава XVI.	ВЕЛИКИЙ КАМЕРГЕР – ДРУГ АВСТРИИ	196
Глава XVII.	СНОВА РОССИЯ: ПЕРЕГОВОРЫ БЕЗ ВЗАИМНОСТИ	214
Глава XVIII.	НАПОЛЕОН СЧАСТЛИВ В ТИЛЬЗИТЕ	226
Глава XIX.	ТАЙНАЯ ВОЙНА ПРОТИВ ИМПЕРАТОРА	236
Глава XX.	НАКОНЕЦ-ТО: ГЛАВА ПРАВИТЕЛЬСТВА!	254
Глава XXI.	ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПОБЕЖДЕННОЙ СТРАНЫ	269
Глава XXII.	ПОСЛЕДНЯЯ МИССИЯ	286
	ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ПАТРИАРХ БУРЖУАЗНОЙ ДИПЛОМАТИИ	299
	ПРИМЕЧАНИЯ	306

монография

Юрий Васильевич
БОРИСОВ

Шарль-Морис
ТАЛЕЙРАН

Редактор
Р. В. ЗОЛОТАРЕВ

Оформление художника
В. П. ГРИГОРЬЕВА

Художественный редактор
И. А. ЗАЙЦЕВА

Технический редактор
Т. С. ОРЕШКОВА

Корректор
Н. А. БОРИСОВА

ИБ № 1160

Сдано в набор 14.01.86. Подписано в печать 25.03.86. А 03706. Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Баскервиль». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + вкл. 1,0 на офсетной бумаге. Усл. кр.-отт. 21,50. Уч.-изд. л. 21,02. Тираж 101 000 экз. Заказ № 1008. Цена 1 р. 60 к. Изд. № 21-И/85.

Издательство «Международные отношения»
107053, Москва, Садовая-Спасская, 20

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97